

Адам & Ева

альманах гендерной истории

29

2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК · ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
АЛЬМАНАХ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Адам & Ева
Адам & Ева

GENDER HISTORY REVIEW

2021

Москва

№29

ББК 63.3

A 281

Главный редактор

А.Ю. СЕРЕГИНА

Ответственный редактор

А.В. СТОГОВА

АДАМ & ЕВА. Альманах гендерной истории.

Под ред. А.Ю. Серегинной. Отв. ред. А.В. Стогова – № 29. Москва: ИВИ РАН, 2021. – 404 с.

ADAM & EVE. Gender History Review.

Chief Editor: Anna Seregina. Editor: Anna Stogova – № 29. Moscow: IGH RAS, 2021. – 404 p.

Альманах «Адам & Ева» – первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ЭЛ № ФС 77-54410

ISSN 2307-8383

© Коллектив авторов, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

АННА СЕРЕГИНА

Редакторы

ЕКАТЕРИНА КИРИЛЛОВА

МАРИЯ НЕКЛЮДОВА

МАЙЯ ПЕТРОВА

АННА СТОГОВА

ОЛЬГА ТОГОЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЛОРИНА РЕПИНА

(Москва)

ИДА БЛУМ

(Норвегия)

МАРИНА ВИНОКУРОВА

(Москва)

КРИСТИНА ВОРОБЕК

(США)

НАТАЛИ ЗЕМОН ДЕВИС

(Канада)

ОЛЬГА ДЕМИДОВА

(С.-Петербург)

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ

(Москва)

ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

(Москва)

КАТРИОНА КЕЛЛИ

(Великобритания)

МАРИАННА ЛИЛЬЕСТРЕМ

(Финляндия)

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

(Москва)

МИШЕЛЬ ПЕРРО

(Франция)

ЭЛИЗАБЕТ ШОРЕ

(Германия)

СЕМЕН ЭКШТУТ

(Москва)

EDITORIAL BOARD

Chief editor

ANNA SEREGINA

Editors

EKATERINA KIRILLOVA

MARIA NEKLYUDOVA

MAYA PETROVA

ANNA STOGOVA

OLGA TOGOEVA

EDITORIAL COUNCIL

LORINA REPINA

(Moscow)

IDA BLOM

(Norway)

MARINA VINOKUROVA

(Moscow)

CHRISTINE WOROBEC

(USA)

NATALIE ZEMON DAVIS

(Canada)

OL'GA DEMIDOVA

(S.-Petersburg)

JURI ZARETSKIY

(Moscow)

GALINA ZVEREVA

(Moscow)

CATRIONA KELLY

(United Kingdom)

MARIANNE LILJESTROM

(Finland)

NATALIA PUSHKAREVA

(Moscow)

MICHELLE PERROT

(France)

ELISABETH CHEAURE

(Germany)

SEMEN EKSHUT

(Moscow)

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

- МОЙСА А.А.** «Утренняя звезда Виттенберга»: образ Катарины фон Бора в исторической памяти Германии XIX века 6
- ЦАРЕВА А.П.** «Свобода получить развод не приводит к счастью и добродетели»: отношение к разводу по акту парламента в Англии XVIII века 23

ГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- СЕРЕГИНА А.Ю.** Англичанки в Мадриде и Брюсселе XVII века: женский патронат и эмигранты-католики «за морем» 43
- ЕРУСАЛИМСКИЙ К.Ю.** Московитки, московки, москалихи: гендерная история русской эмиграции XVI–XVII вв. 88

ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

- СТОГОВА А.В.** Пипс читающий: страсть к чтению в мужском английском дневнике XVII века 188
- ТРЕТЬЯКОВА М.С.** «Женская ученость» в дискуссиях немецкоязычных авторов в конце XVIII в. 243

ПУБЛИКАЦИИ

- Жизнеописание леди Фолкленд (ввод. статья, пер. и комм. А.Ю. Серегиной) 265

SUMMARIES 393**ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ** 398

FAMILY HISTORY

- 6 **MOISA A.A.** “THE MORNING STAR OF WITTENBERG”: KATHARINA VON BORA’S IMAGE IN THE HISTORICAL MEMORY OF GERMANY IN THE 19TH CENTURY
- 23 **TSAREVA A.P.** ATTITUDE TO DIVORCE BY AN ACT OF PARLIAMENT IN THE EIGHTEENTH- CENTURY ENGLAND

GENDER ASPECT OF SOCIAL HISTORY

- 43 **SEREGINA A.YU.** ENGLISHWOMEN AT MADRID AND BRUSSELS IN THE 17TH CENTURY: WOMEN’S PATRONAGE AND ENGLISH CATHOLIC EXILES OVERSEAS
- 88 **ERUSALIMSKIY K.YU.** MOSKOVITKI, MOSKOVKI, MOSKALIKHI: GENDER HISTORY OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE 16TH–17TH CENTURIES

GENDER REPRESENTATIONS

- 188 **STOGOVA A.V.** PEPYS READING: PASSION FOR BOOKS IN AN ENGLISH MAN’S DIARY OF THE 17TH CENTURY
- 243 **TREYAKOVA M.S.** THE PHENOMENON OF “FEMALE ERUDITION” IN THE WORKS BY GERMAN-LANGUAGE AUTHORS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

PUBLICATIONS

- 265 LADY FALKLAND, HER LIFE (introduction, transl. and comm. by A.Yu. Seregina)

SUMMARIES

SUBMISSION INFORMATION

«УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА ВИТТЕНБЕРГА»: ОБРАЗ КАТАРИНЫ ФОН БОРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА

Ключевые слова: Германия, Катарина фон Бора, XIX век, Мартин Лютер, протестантизм, брак, биография, историческая память

Аннотация: В статье рассматривается специфика восприятия Катарины фон Бора, жены Мартина Лютера, немецкой интеллектуальной мыслью XIX в. Автор ставит перед собой задачу не только выявить причины обращения к данной фигуре в конкретный исторический период, но и определить ключевые различия в интерпретации её образа по сравнению с предыдущими столетиями. Для достижения данной цели в качестве основных источников исследуются биографические труды, посвящённые жене и супружеской жизни главы немецкой Реформации. Подобный жанр работ даёт наиболее полное представление о динамичности трансформации образа Катарины, во многом обусловленной социальными процессами, происходившими в Германии на протяжении всего XIX в.: начиная от развития частной жизни эпохи Бидермайера и заканчивая высокой индустриализацией и расцветом национальных настроений. Немаловажную роль при этом играет рост немецкого женского движения. Таким образом, в каждом периоде можно проследить конструирование «новой» Катарины фон Бора, а вместе с ней и нового идеала женской идентичности, нравственного примера для самоидентификации хранительницы семейного очага.

«Утренняя звезда Виттенберга», «гордость дома», «господин Кетэ» — Катарина фон Бора известна под многими прозвищами, большей части которых она обязана неистощимому остроумию её мужа, Мартина Лютера. Однако даже когда предводитель Реформации покинул свет, когда и сама Катарина последовала за ним, список её характеристик про-

должал неуклонно пополняться. За несколько столетий ей пришлось побывать и «обманутой монахиней», «мнимой женой», и «набожной спутницей», «жемчужиной среди женщин», и «робкой супругой», и «бойкой подружкой». Контраст между этими портретами сложно не заметить. Откуда же взялись эти противоречия?

Хотя интерес к личности Катаринины не угасает и в наши дни (о чём красноречиво свидетельствует обилие её биографий, приуроченных к 500-летию юбилею Реформации), на этот вопрос всё ещё не так просто ответить. Дело в том, что большинство исследователей, погружившись в источниковую базу XVI в., оставляют вне фокуса проблему конструирования и трансформации образа их героини (редким исключением можно назвать работу С. Крамер¹). В связи с этим, данная статья предлагает сконцентрироваться на метаморфозах прошлого во времени, чтобы выявить факторы, не дававшие Катарине статичной оценки, не позволявшие её сразу кануть в Лету.

Пожалуй, стоит начать с общего вопроса: что вообще побуждает людей вновь обращаться к определённому фрагменту истории, стряхивать пыль с потускневших монументов? Ведь, если следовать размышлениям Ф. Ницше — «всякая деятельность нуждается в забвении»²: человечество больше склонно забывать, нежели помнить. В таком случае, отчего мы продолжаем цепляться за былое?

Поиск ключа к этой загадке долгое время волновал теоретиков истории памяти. М. Хальбвакс в своей монографии «Социальные рамки памяти» полагает, что реконструкция элементов прошлого возникает тогда, когда оно не отдалено

---

1 **Крамер.** 2016.

2 **Ницше.** 2003: 9.

от «актуальных забот индивида» и его окружения³. Опираясь на его идеи, Я. Ассман в «Культурной памяти» заключает, что прошлое не существует отдельно и само по себе «является результатом культурного конструирования и изображения», вызванного «специфическими мотивами, ожиданиями, надеждами и целями» современности⁴. Таким образом, изучая реконструкции былых эпох, мы работаем в двухмерном пространстве: образ прошлого, конструируемый в исследовании, незаметно отсылает нас к «настоящему» самого автора, невольно выдавая его интересы и ценности.

Возможно ли тогда отделить одно от другого, просеять информацию, выделив коды эпистемы, в которой творил исследователь? Раскрыть её влияние на интерпретацию источников прошлого? Для того, чтобы это проверить, нам необходимо проанализировать такой тип исторического исследования, в котором субъект автора сможет проявиться наиболее ярко, в котором легко обнаружить вопросы, волнующие исследователя. Итак, мы ищем интервью с прошлым, диалог между двумя субъектами. Иными словами — биографию.

Чтобы тщательнее обосновать наш выбор, обратимся к основным характеристикам биографических работ. Т.А. Павлова отмечает, что «в биографии, как ни в каком ином жанре, автор выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя — и особенности, и требования, и сущность своего времени»⁵. Л.П. Репина также подчёркивает исследовательский потенциал биографии с точки зрения диахронии, позволяющий сосредоточиться на

---

3 Хальбвакс. 2007: 279.

4 Ассман. 2004: 71.

5 Павлова. 1995: 86.

«исторической перспективе и специфике восприятия предшественников из той точки на шкале времен, которая принимается за настоящее»⁶. Таким образом, поняв «специфику восприятия» автора, а вместе с ней и особенности его времени, мы поймём и то, почему выбранная историческая персона вновь стала актуальна в его эпохе.

Подобный биографический подход довольно продуктивен в гендерных исследованиях. Л.П. Репина отмечает, что «в биографиях ярко выступают пределы возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного исторического контекста с характерной комбинацией социальной и гендерной иерархий»⁷. Приняв это во внимание, мы постараемся не только выявить причины того, почему в XIX в. образ Катаринины фон Бора был вновь оживлён немецкой интеллектуальной мыслью. Мы также попробуем определить, какая Катарина понадобилась этой эпохе, и проследим трансформацию образа, интерпретация которого постепенно менялась вслед за настроениями времени.

Итак, сама по себе персона Катаринины фон Бора начала привлекать внимание исследователей ещё с конца XVII в. Однако стоит сразу отметить, что в первых публикациях, носивших исключительно теологический характер, она выступала не столько как самостоятельная фигура, сколько как заложница непримиримой полемики между католическими и протестантскими авторами. Протестанты считали своим долгом отстаивать честь Катаринины, очистить от клеветы её брак, который служил излюбленным объектом для нападок со стороны католиков. В глазах последних же женитьба Лю-

---

6 Репина. 2006: 105.

7 Репина. 2001: 346.

тера на монахине представлялась отличным поводом, чтобы бросить тень на всё его вероучение⁸.

Из самых крупных работ в защиту Катарини можно выделить диссертацию лютеранского пастора Иоганна Фридриха Майера⁹, впервые зафиксировавшую образ «добродетельной супруги» отца Реформации, и «Правдивую историю блаженной фрау Катарини фон Бора»¹⁰ теолога Кристиана Вальха, полемический характер которой прослеживался уже в полном названии: она была направлена против памфлета августинца Энгельхарда. Эти первые жизнеописания Катарини разделяют много общих черт: представляя собой реакцию на упрёки католиков в утаивании порочного брака Лютера, они имеют апологетический характер, полемика с оппонентами выступает на первый план, в то время как историческая личность героини играет третьестепенную роль. Она, скорее, представляет собой иллюстративный пример, нежели полноценный объект исследования.

Недостатки полемических работ не останутся без внимания и будут активно критиковаться в XIX в., когда образ Катарини приобретёт новые функции. Однако, прежде чем обратиться непосредственно к текстам, дабы уловить суть этой трансформации, мы постараемся дать краткую характеристику социокультурным переменам, происходившим в немецком обществе на протяжении этого столетия.

С затишьем Наполеоновских войн немецкие земли окунулись в эпоху Бидермайера. Для нас этот термин примечателен не столько как направление в искусстве и литературе, сколько как отражение настроений, господствовавших в

---

8 Kramer. 2016: 16.

9 Mayer. 1698.

10 Walch. 1751.

немецком социуме вплоть до Предмартовского периода (1840-1848 гг.), когда вновь активизировались либеральные силы. Уставшие от революционных и военных потрясений бюргеры, ощущавшие вдобавок давление государства, преследовавшего всякую оппозицию, решили отгородиться от политики и устремили свой взгляд в прошлое, вспоминая «старые добрые времена». На первый план вновь вышли традиционные, церковно-семейные ценности, которые представлялась оплотом стабильности в стремительно прогрессирующем мире¹¹.

Бюргерская культура, стремясь вытеснить мысли о женской эмансипации, подкреплённые французским примером ещё в конце революционного столетия¹², несла с собой строгие гендерные предписания. За мужчиной снова прочно закрепилась роль кормильца семьи, добытчика денег, представителя дома во внешней среде, в то время как женщина должна была сосредоточиться на семейном уюте и воспитании детей вдали от «холодной рациональности», вредной её «впечатлительной натуре»¹³. Стремление к «феминизации» женского пола подчёркивалось и сферами деятельности, предписываемым девушкам: их досугом могли быть музыка, салон, театр, лёгкая литература, но мысли о науке и работе вне дома стоило отбросить. Таким образом, в первой половине XIX в. семья выступала крепостью частной жизни с чётким распределением ролей.

Однако выстраивание подобной структуры требовало своих образцов для подражания. Немецкая наука впервые так близко столкнулась с интересом к приватной сфере. Чей

---

11 **Sterk.** 1988: 38-39.

12 **Hundt.** 2002: 13.

13 **Nipperdey.** 1983: 120.

же быт мог стать для общества простым и ярким примером? Кто мог послужить идеалом для конструирования идентичности домохозяек? В немецкой истории уже была достойная кандидатура — Катарина фон Бора.

В первой половине XIX в. можно выделить две крупные биографии, посвящённые ей. Первый научный труд под названием «История Катарины фон Бора: обработанная по источникам»¹⁴ выходит из-под пера теолога Вильгельма Бесте в Галле в 1843 г. Примечательно, что сам автор отмечает временной разрыв, отделяющий его работу от последнего жизнеописания спутницы Лютера. С момента первого издания «Правдивой истории» Кристиана Вальха прошло почти столетие. В связи с этим, Бесте подчёркивает, как сильно устарела полемика, сложившаяся вокруг фигуры Катарины. Распутыванию спора католических и протестантских авторов он предпочитает анализ источников, часть из которых публикует в приложении, систематизируя их по хронологическому принципу: среди них можно найти письмо к Л. Коппе с заголовком «Причина и ответ, почему свыше разрешено девам покидать монастыри», завещание Лютера и даже генеалогическое древо семьи реформатора.

Стоит отметить, что Бесте одним из первых поднимает проблему всех биографий Катарины фон Бора: даже в личном жизнеописании её образ постоянно теряется на фоне яркой (и богатой на источники) истории мужа. Чтобы создать «самостоятельную, независимую от жизни Лютера» биографию, автор решает осветить все стадии «протестантского пути» Катарины, таким образом, затронув не только брак и семейный быт, но и её жизнь до встречи с будущим супругом¹⁵.

---

14 Beste. 1843.

15 Beste. 1843: 8.

Даже отрекшись от полемики, автор, как и его предшественники, преследует всё ту же благородную цель — очистить имя жены Мартина Лютера от клеветы. Основную задачу своего труда Бесте также определяет как «заполнение пробелов в церковно-исторической литературе». Брак Лютера кажется ему важным объектом для изучения, так как он сам по себе является воплощением реформационных идей на практике и тем самым служит хорошим примером и для его современников¹⁶.

Почти следом, в 1845 г., в Лейпциге вышла работа пастора Фридриха Хоффмана под названием «Катарина фон Бора или Мартин Лютер как супруг и отец»¹⁷. Полное название конкретизировало характер жизнеописания: «доклад по истории бракосочетания священнослужителей и супружеской и домашней жизни великого Реформатора, составленный по источникам». И хотя автор, по собственным словам, пытался изложить историю Катарины «наиболее полно», основной фокус труда также сосредоточен не на её личности, а на размышлениях Лютера о браке и на его супружеской жизни.

Полемика прошлого века и тут накладывает свой отпечаток. Хоффман заявляет, что все истории Катарины, написанные Энгельхардом и прочими католическими авторами ради поругания Лютера, никак не могут считаться серьёзными исследованиями. Формат полемических и апологетических сочинений, с его точки зрения, не способен показать глубину затрагиваемой темы.

Дух эпохи проглядывает почти с первых слов, автор задается вопросом: что вообще может быть интересного в жизни «добродетельной домохозяйки»? «Жена принадле-

---

16 Beste. 1843: 5.

17 Hofmann. 1845.

жит тиши дома», поэтому неудивительно, что сведения о её жизни так немногочисленны. Однако, по мнению Хоффмана, не стоит обделять вниманием женщину, ставшую для Лютера «душевым бальзамом»¹⁸. Сопровождая свой труд ссылками на многочисленные источники (в основном личную корреспонденцию реформатора и его жены), автор стремится закрепить за Катариной образ «благоговейной монахини, верной супруги и нежной матери». Таким образом, он, как и Бесте, утверждает в выводе, что брак Лютера является «образцом подражания для всех протестантов».

Следующая биография Катарины была написана уже после революционных событий и провала Франкфуртского парламента. Но прежде, чем мы перейдём к ней, стоит отметить, что в протестах 1848/49 гг. в т.ч. активно принимало участие новое поколение представительниц женского движения. При этом, речь шла о самых разных женщинах: начиная от писательниц и актрис, привыкших к публичности, заканчивая акушерками и учительницами, впервые воззвавших к общественности. Салонная культура Бидермайера не помешала женщинам пробовать себя в печати, пусть и под мужскими псевдонимами, в надежде отстоять свои права на социальную жизнь вне домашних стен. Среди наиболее ярких примеров этой борьбы можно назвать деятельность писательницы Луизы Отто, вокруг которой сформировалось женское общество, издававшее собственную газету. В статье Отто «О положении и образовании женщин», написанной ещё в 1842 г., мы находим основные требования этого движения: право на полноценное образование (с допуском в университеты) и работу для женщин¹⁹.

---

18 Hofmann. 1845: 4.

19 Ростиславлева. 2005: 242-245.

Реакция на новую волну свободомыслия и эмансипации не заставила себя ждать. Маятник, насытившись мятежным духом, вновь качнулся. Постреволюционные немецкие земли снова обратились к традициям, многие из них вспомнили и протестантские ценности в контексте национальной истории. В это же время семья окончательно вписывается в основание немецкой идеологической конструкции государства²⁰, что также обуславливает появление следующих биографий.

Итак, биография под названием «Катарина Лютер, урождённая фон Бора»²¹, увидела свет в Дрездене в 1854 г. Её автор, теолог и биограф Лютера, Мориц Мойрер поставил перед собой задачу создать книгу для «широкой публики», популяризировать историю Катарины, о которой, по его словам, уже было написано достаточно много научной литературы (в примечаниях автор упоминает работы Майера, Вальха, Бесте и Хоффмана), но не было ещё ни одной биографии, которая базировалась бы на проверенных источниках и при этом по содержанию была бы доступна любому читателю.

Следуя своей цели, автор не только прилагает в приложении источники, публикуя переписку Лютера с женой, но и подробно рассматривает две проблемы, уже поднимавшиеся в работах его предшественников. Во-первых, развивая мысли Бесте и Хоффмана, Мойрер предлагает окончательно «разрубить путанный узел» споров с католиками: лучше попросту игнорировать фальсификации, нежели подменять биографию Катарины очередным «оправдательным сочинением»²².

---

20 Nipperdey. 1983: 129.

21 Meurer. 1854.

22 Meurer. 1854: 7.

Во-вторых, автор так же сокрушается малому количеству источников, которые вынуждают историков либо заполнять пробелы собственными размышлениями, либо переводить фокус биографии на самого Лютера. Однако при этом Мойрер подмечает довольно важную деталь: почти все сведения о Катарине, с которыми работают исследователи, получены «со слов» её мужа²³. Из этого вытекает, что даже в персональных биографиях образ Катаринины почти невозможно реконструировать отдельно от её великого супруга: Катарину Лютер мы знаем куда лучше, нежели Катарину фон Бора.

Мойрер находит необходимым подчеркнуть, что своим возникновением его труд обязан многочисленным просьбам «широкого читательского круга», желавшего узнать больше деталей о личной жизни Лютера. Таким образом, данная биография становится любопытным примером того, как социальные запросы корректировали формат презентации информации. Чтобы донести протестантские ценности до масс, появляется потребность «очеловечить» вождя Реформации, показав его не только как великого деятеля, но и как примерного семьянина: тут без Катаринины уже не обойтись.

Ещё сильнее эту идею разовьёт пастор и издатель Герман Отто Нитшман, выпустив в 1879 г. в Галле книгу «Катарина фон Бора, супруга Лютера»²⁴, которая за последующие полвека будет переведена на другие языки и переиздана 5 раз. На фоне стремительных темпов развития индустриализации и модернизации, а также расцвета женских организаций биография в формате новеллы, напоминающей о важности традиций и повествующей об идиллии частной жизни

---

23 Meurer. 1854: 8.

24 Nietschmann. 1879.

Лютера, довольно легко смогла завоевать любовь консервативно настроенного населения.

Нитшман позиционирует себя как прямого продолжателя своих предшественников, ссылаясь в предисловии на уже упомянутые работы Бесте, Хоффмана и Мойрера, с которыми рекомендует ознакомиться. Автор не скрывает, что основной его задачей является «изображение домашнего счастья великого человека». В связи с этим проблема скудных сведений о Катарине его не сильно обескураживает. Он отмечает:

Пишу ли я о Катарине или о Лютере? В этой книге я хочу изобразить быт Лютера, поэтому доктор Мартин как глава дома может взять на себя лидирующую роль²⁵.

Что касается портрета самой Катарины, то автор представляет её как «скромную, покорную жену», которая никогда не извлекала личной выгоды из величия своего мужа, оставаясь всегда позади, готовая ему услужить. Нитшман величает её спутницей «в самом подлинном смысле слова», «жемчужиной среди женщин». Таким образом, в его интерпретации Катарине фон Бора вновь достаются основные характеристики протестантского идеала.

Тенденция идеалистических изображений Катарины не прервётся и в биографии профессора Альбрехта Тома, приуроченной, по его замыслу, к 400-летию юбилею со дня рождения героини. Вышедшая в Берлине в 1900 г., «Катарина фон Бора: историческая биография»²⁶ вобрала в себя все ключевые аспекты, сложившегося в XIX в. образа. Итак, Катарина вновь выступает создательницей домашней «идиллии», в которой Лютер мог отдохнуть от своих «драматичных битв».

---

25 **Nietschmann.** 1879: 4.

26 **Thoma.** 1900.

Тем не менее, эпоха сменилась. Такие процессы, как рост женских ассоциаций, включение женщин в промышленное производство, развитие академического женского образования (хотя, если в Баварии этот процесс был запущен ещё в 1866 г., то в консервативной Пруссии допуск в университеты женщинам был открыт лишь 40 лет спустя)²⁷, уже не позволяли свести всю личность Катарины к безмолвной хозяйке очага. Требовался новый тип женской идентичности. Таким образом, Тома добавляет к портрету куда больше красок. Впервые речь заходит о чертах характера, о личности «бойкой и темпераментной» спутницы, о её предпринимательской хватке. Из всей многочисленной корреспонденции реформатора автор выделяет его письма к жене, считая их «самыми оригинальными», наполненными шутками, которая могла понимать и разделять лишь женщина очень «приятного характера»²⁸. Одна из подглав книги даже целиком посвящена чувству юмора Катарины, что не только оживляет её изображение, но и наглядно контрастирует с каноном «робкой» жены.

Конструируя образ супруги Лютера, Тома заново анализирует источники, упоминая их публикации в работах Бесте и Хоффмана. Ему удивительно, что после этих научных трудов «за последние полвека, в это выдающееся историческое время» не появилось ни одной биографии Катарины, даже в год её юбилея. По его мнению, Катарина заслуживает свой отдельный скромный «памятник»:

Если фрау Кэте ничто без доктора Мартина, то стоит спросить: кем бы был Лютер без своей Кэте?²⁹

---

27 **Hundt.** 2002: 306.

28 **Thoma.** 1900: 3.

29 **Thoma.** 1900: 4.

Без Катаринины жизнеописанию реформатора не хватало бы «столь привлекательных для нас, немцев, уютных отношений семейной жизни». Итак, семейное счастье Лютера позиционируется уже не просто как протестантский идеал. Нарратив Тома не случайно приобретает явный национальный характер: единая немецкая нация, пробудившаяся в период революции 1848-1849 гг. и окрепшая с созданием Германской империи, нуждалась в образцах для самоидентификации. Национальная идея же, в первую очередь, строилась на «героическом прошлом», «великих людях» и «истинной славе»³⁰. Таким образом, если Мартин Лютер и Реформация уже давно были вписаны в пантеон великих людей и событий, то Катарина фон Бора попадает в него лишь к концу века, проявляя себя уже в качестве национальной героини. Отныне за ней закрепляется статус «спутницы гордости нации», занимающей своё почётное место «в душе немецкого народа»³¹.

На этой патриотичной ноте мы завершаем обзор биографий Катаринины фон Бора, отразивших в себе не просто тоску по прошлому, но и попытку адаптировать традиционные модели в бурном XIX в. В отличие от XVIII в., исследователей этого столетия больше не занимали дебаты с католиками: важность брака Лютера, поддержка его верной супруги понимались уже как сами собой разумеющиеся аспекты, которые не нуждались в доказательстве. Вместо этого авторы обратились к источникам, значительно приумножив исследовательскую базу, что позволило детализировать конструируемый ими миф.

---

30 Ростиславлева. 2016: 337.

31 Thoma. 1900: 4.

Потребность в образе Катарины фон Бора была, в первую очередь, вызвана расширением пропасти между «мужским», рабочим, общественным миром и «женским», домашним, семейным, кругом. Углубление этого разрыва вызвало новые волны движения за эмансипацию женщин, угрожавшие консервативному порядку. Параллельно с этим в Германии активно разворачивался процесс нациообразования, в ходе которого образы великого прошлого вновь выдвинулись вперёд, формируя лицо нации. Все это напрямую повлияло на то, что достойный пример для женской самоидентификации, необходимость в котором значительно возросла к концу века, был найден именно в спутнице предводителя Реформации. Так из объекта полемики Катарина стала идеалом немецкой домохозяйки.

Однако и на этом её метаморфоза не закончилась: каждая новая биография, отвечая своему времени, придавала ей больше черт. «Благоговейная» протестантка, живущая «в тиши дома» в середине XIX в., к концу столетия превратилась в «темпераментную» немку с предпринимательской хваткой и хорошим чувством юмора. Изменилась не Катарина, изменилась специфика её восприятия, обусловленная трансформацией многочисленных факторов. Таким образом, на примере конструирования образа Катарины фон Бора мы смогли наблюдать многогранность истории, в которой настоящее неумолимо вмещивается в интерпретацию прошлого, желая создать лучшее будущее: и кто знает, какую Катарину породит следующая эпоха?

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Beste. 1843 — Beste W. Die Geschichte Catharina's von Bora: nach den Quellen bearbeitet. Halle: Richard Mühlmann, 1843.

Hofmann. 1845 — Hofmann F. G. Katharina von Bora oder Dr. Martin Luther als Gatte und Vater: ein Beitrag zur Geschichte der Priesterehe sowie des ehelichen und häuslichen Lebens des großen Reformators nach den Quellen bearbeitet. Leipzig: Julius Klinkhardt, 1845.

Mayer. 1698 — Mayer J.F. De Catharina Lutheri Conjuge, Dissertatio. Scripta ad Nobiliss. Juvenem Dn. Michaellem Richey, Hamburgensem. Leipzig: Thomas Fritsch, 1698.

Meurer. 1854 — Meurer M. Katharina Luther geborne von Bora. Dresden: Justus Naumann, 1854.

Nietschmann. 1879 — Nietschmann H.O. Katharina von Bora, Luthers Ehegemahl: ein Lebensbild. Halle, 1879.

Thoma. 1900 — Thoma A. Katharina von Bora: geschichtliches Lebensbild. Berlin, Georg Reimer, 1900.

Walch. 1751 — Walch C.W.F. Wahrhaftige Geschichte der seligen Frau Catharina von Bora, D. Martin Luthers Ehegattin, wieder Eusebii Engelhards Morgenstern zu Wittenberg. Halle: Johann Justinus Gebauer, 1751.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман. 2004 — Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ницше. 2003 — Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле / Пер. с нем. Минск: Харвест, 2003.

Павлова. 1995 — Павлова Т.А. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 86-92.

Репина. 2001 — Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социаль-

ной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 344-360.

Репина. 2006 — Репина. Л.П. Биографический подход к интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006. С. 101-108.

Ростиславлева. 2005 — Ростиславлева. Н.В. От салона к баррикаде. Женщины эпохи Гейне [рецензия] / Н.В. Ростиславлева; под ред. Ирины Хундт // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. №10. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 241-247.

Ростиславлева. 2016 — Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка //Диалог со временем. №54. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 336-349.

Хальбвакс. 2007 — Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Hundt. 2002 — Hundt I. Vom Salon zur Barrikade. Frauen der Heinezeit. Stuttgart: J.B. Metzler, 2002.

Kramer. 2016 — Kramer S. Katharina von Bora in den schriftlichen Zeugnissen ihrer Zeit. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2016.

Nipperdey. 1983 — Nipperdey T. Deutsche Geschichte: 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: C.H. Beck Verlag, 1983.

Sterk. 1988 — Sterk H. Biedermeier. Vormärz — eine Epoche der Gegensätze: zwischen schönem Schein und sozialer Wirklichkeit, zwischen Idylle und sich anbahnender Revolution, zwischen Freiheitsdurst und Zensur. Wien: Verlagsgesellschaft, 1988.

Kramer. 2016 — Kramer S. Katharina von Bora in den schriftlichen Zeugnissen ihrer Zeit. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2016.

А.П. Царева

«СВОБОДА ПОЛУЧИТЬ РАЗВОД НЕ ПРИВОДИТ К СЧАСТЬЮ И ДОБРОДЕТЕЛИ»:

ОТНОШЕНИЕ К РАЗВОДУ ПО АКТУ ПАРЛАМЕНТА В АНГЛИИ XVIII ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: развод, брак, Англия, XVIII век, парламент.

АННОТАЦИЯ: Англия в XVIII веке отличалась от других протестантских стран отсутствием широкого доступа к разводу, по большей части супруги оформляли раздельное проживание, расходились полуофициально или просто сбегали от своей второй половины. Развод по акту парламента с возможностью вступления в повторный брак не был широко востребован. Одним из факторов, способствовавших этому, было его ассоциирование с ущербом репутации и морали. В статье проанализированы причины подобного отношения современников, включавшие распространение информации о личной жизни; то, что единственным основанием для подобного типа развода являлась супружеская измена; опасение, что легкий доступ к процедуре подорвет общественную мораль. При этом в действительности урон репутации бывших супругов не всегда был непоправимым, а влияние разводов на общество в целом преувеличивалось, так как стоимость и длительность процесса существенно ограничивали их доступность.

Известный исследователь семейной жизни в Англии в Новое время Лоренс Стоун называл общество этого периода «не расходящимся и не разводящимся»¹, поскольку в Англии, в отличие от других протестантских стран, разорвать брачные отношения с правом повторно жениться или выйти замуж было весьма сложно, а имевшийся механизм оформле-

---

1 Stone. 1995: 2.

ния развода не получил широкого распространения. В своем фундаментальном исследовании по расторжению брака в этот период Стоун затрагивает законодательные, судебные, социальные, имущественные, моральные аспекты развода, основное внимание уделяя вопросам изменений в законодательстве и отношения судебных инстанций к делам о расторжении брака². В литературе рассматривали разводы через призму смены юрисдикции судебных инстанций³, в контексте моральных устоев высшего света⁴, социального состава участников⁵, их имущественного положения⁶, влияния гендерного фактора⁷. В данной статье мы рассмотрим факторы, способствовавшие негативному отношению англичан к процедуре парламентского развода и ее восприятию как наносящую ущерб репутации и морали. Л. Стоун частично затрагивает данный вопрос, когда пишет, что разведенные женщины сталкивались с одиночеством и социальным ostracismом; по его мнению, нельзя сделать однозначный вывод о том, смягчало ли вступление в брак после развода⁸. В данной статье на примере леди Дианы Болингброк (впоследствии Боклерк) мы покажем, что последствия расторжения брака для социального статуса не всегда были необратимо негативными.

Английский юрист общего права Уильям Блэкстон отмечал существование нескольких видов развода, первые два

---

2 См.: **Stone**. 1995. Он также рассматривает конкретные примеры в сборнике, посвященном отдельным случаям расторжения брака: **Stone**. 1993.

3 **Woodhouse**. 1959.

4 **Andrew**. 1997.

5 **James**. 2012

6 **Staves**. 1990.

7 **Rendall**. 1985.

8 **Stone**. 1995: 340, 342.

из которых существовали в Англии еще до Реформации и восходят к католической традиции. Развод *a vinculo matrimonii*, имел место в том случае, если причина для него существовала еще до свадьбы (например, один из супругов оказывался душевнобольным или уже состоял в браке). В данной ситуации брак считался недействительным с самого начала, а дети таких супругов объявлялись незаконнорожденными. Второй вид развода, *a mensa et thoro*, предполагал разделение постели и крова (*separation from bed and board*) мужа и жены, то есть их раздельное проживание⁹. При этом супруги формально не были разведены, то есть не могли законно вступить в новый брак. При разделении постели и крова муж был обязан назначить жене фиксированное содержание, в случае невыплаты которого принимал на себя ответственность за ее долги¹⁰. В словаре английского языка, выпущенном в 1756 году, в качестве синонима к разводу (*divorce*) как раз выступает разделение (*separation*)¹¹, что может вводить современного читателя в заблуждение, поскольку в юридической практике изучаемого периода использовался только первый термин, а второй официально был введен в оборот после принятия в 1857 году акта о браке (*Matrimonial Causes Act*)¹², закрепившего законную процедуру развода. Уильям Блэкстон упоминает еще одну возможность получить полный развод *a vinculo matrimonii*. Для этого нужно было доказать факт супружеской измены и получить частный акт парламента о разводе¹³. Данная процедура поз-

---

9 Blackstone. 1768: 440-441.

10 Staves. 1990: 186.

11 Dictionary of the English language. 1756: n.p.

12 Stone. 1995: 47.

13 Blackstone. 1768: 441.

воляла обеим сторонам на законных основаниях повторно выйти замуж или жениться.

Упомянутые выше официальные способы расторжения брака требовали значительных судебных издержек и были доступны не всем. Л. Стоун отмечает, что для необеспеченных слоев населения обычным делом было оставление супруга или супруги (*desertion*) без каких-либо юридических формальностей, в некоторых случаях законный статус в глазах окружающих пытались получить путем ритуальной продажи жены (*wife-sale*) на ярмарке за символическую плату, что, впрочем, не влияло на отношение суда к таким «разводам» как к не имеющим юридической силы. На практике многие представители низших классов считали себя свободными от обязательств, проведя описанные выше процедуры, и вступали во второй брак, что, однако, могло привести к обвинению в двоеженстве или двоемужестве, а первый супруг мог неожиданно заявить свои права на имущество или совместное проживание¹⁴.

Среди зажиточных супругов множество желающих растаться также предпочитали не доводить дело до суда. Муж и жена могли полуофициально разойтись после заключения соглашения о расставании (*separation deed*), составленного с привлечением юристов, в которое обычно включался пункт с обязательством супругов не предъявлять претензии в судебном порядке, что имело целью дать возможности для совместного проживания, если не брака, с третьим лицом. Суды, впрочем, не признавали законность расторжения брака по соглашению¹⁵.

14 Stone. 1995: 142-144. Тезис о широком распространении двоеженства как формы повторного брака был подвергнут сомнению в литературе, например: Turner. 2005: 18.

15 Stone. 1995: 153.

Можно предположить, что малообеспеченных англичан останавливали высокие издержки в ходе судебного процесса. Тем не менее лица, не обладавшие значительным состоянием, могли обратиться в парламент *in forma pauperis* и признать свое состояние составляющим менее 5 фунтов¹⁶, как, например, Уильям Чиппендэлл, носивший титул джентльмена и при этом работавший клерком у юриста¹⁷. При этом у исследователей нет серьезных оснований считать, что успех билля зависел от статуса подавшего его лица¹⁸. Таким образом, процедура парламентского развода была доступна как состоятельным людям (в большинстве случаев), так и тем, кто готов был формально признать себя бедняком.

Почему же люди не пользовались возможностью получить развод по акту парламента и законно вступить в повторный брак? Л. Стоун выделяет несколько мотивов: устойчивость семьи как экономической и социальной ячейки, патриархальная идеология, экономически подчиненное состояние жены и возможность потерять опеку над детьми, боязнь публичного обсуждения¹⁹. Пример традиционного взгляда на бракоразводный процесс можно найти в знаменитом «Новогоднем подарке для леди, или Совете дочери» (1688) маркиза Галифакса, который пишет:

...дело о разводе выглядит так непристойно, что лишь немногие соглашались получить свободу ценой утраты собственной скромности²⁰.

---

16 Woodhouse. 1959: 261.

17 James. 2012: 173.

18 James. 2012: 189.

19 Stone. 1993: 13-14.

20 Галифакс. 2001: 191.

Наставление обращено к дочери, которой ясно дают понять, что основная вина за развод ложится на плечи женщины, чью репутацию губит подобный шаг. Именно поэтому маркиз дает советы, как переносить жизнь с любым мужем: пьяницей, игроком, дураком и так далее. Таким образом, одно из существенных возражений против разводов было связано с возможным ущербом репутации, особенно репутации женщины.

Для мужчин развод также не был предпочтительным вариантом. Знаменитый лексикограф Сэмюэл Джонсон советует знакомому:

В неподходящий или несчастливый брак вступают каждый день множество людей, и вам следует стараться переносить это, как ваши товарищи по несчастью, с помощью развлечения в одно время и размышления в другое²¹.

Очевидно, Джонсон предпочел бы не доводить дело до развода.

Причин того, что юридически оформленный развод ассоциировался с причинением ущерба морали и репутации, было несколько. Во-первых, он должен был происходить по решению суда, что сопровождалось опросом свидетелей и выявлением интимных подробностей семейной жизни. Помимо лиц, непосредственно присутствовавших на слушании, доступ к этим сведениям мог получить самый широкий круг лиц. Возьмем в качестве примера дело о разводе леди Дианы Болингброк, которая вышла замуж за своего любовника Топхэма Боклерка после получения развода по акту парламента. Хорас Уолпол в переписке с другом в 1767 году закончил обсуждение последних событий следующим образом:

---

21 Johnson. 1952: 156.

Это все наши новости общественного и частного характера, кроме развода лорда и леди Болингброк, который уже дело решенное...²².

Несмотря на то, что Уолпол заявляет о том, что ему не интересно данное событие, как и его адресату, автор письма хорошо осведомлен о положении дел и дальнейших шагах сторон: после развода леди Болингброк должна с согласия своей семьи выйти замуж за господина Боклерка, которого Уолпол именует «героем этой пьесы»²³. Видимо, ему часто приходилось об этом слышать, так как в тоне Уолпола можно заметить усталость от постоянного повторения данной новости.

С течением времени охват аудитории становился все больше. Популярностью пользовались стенографические записи судебных заседаний, где во всех подробностях приводились свидетельства супружеской неверности, издавались целые сборники записей особо нашумевших дел²⁴. Для более изысканной публики между 1769 и 1792 годами в свет вышли 24 выпуска *Town and Country Magazine*²⁵, в которых смаковались подробности любовных похождения известных людей. Например, в 24-м выпуске была опубликована история измены молодой жены супругу, который был старше нее на 30 лет, с состоятельным любовником, который притворился слугой и был нанят в дом в качестве лакея. В статье не было напрямую названо семейство, о котором шла речь, действующие лица были указаны как «Мария», «сильный мужчина», и «пылкий любовник»²⁶. Тем не менее, есть основания предполагать, что современники понимали, о ком шла речь.

---

22 Walpole. 1904: 148.

23 Walpole. 1904: 148.

24 Stone. 1995: 250.

25 *Town and country magazine*. 1769–1792.

26 *Town and country magazine*. 1792: 37, 38.

Например, когда в 1793 году в *Von Ton Magazine* была опубликована анонимная статья «Распутная жена, или Леди на соломе», в которой описывалась история романа леди Клары-Луизы Миддлтон с конюхом, начались разбирательства в суде, после чего статья была изъята из второго издания, а редакторы обещали опубликовать подробности свидетельских показаний после окончания судебного процесса²⁷. Можно проследить истоки зарождения современной «желтой» журналистики в таких публикациях, попасть в которые, выставив на всеобщее обозрение свое «грязное белье», было крайне неприятно как самим супругам, так и их семьям.

Вторым фактором, способствовавшим негативному отношению, было то, что в Англии исследуемого периода причиной формального развода по акту парламента могла служить только супружеская неверность жены. При этом в других протестантских странах развод мог быть получен по одной их трех причин: неверность жены, исчезновение одного из супругов по собственной воле на несколько лет или чрезмерная жестокость, представляющая угрозу жизни²⁸. Таким образом в Англии после развода муж всегда выступал в неприятной роли рогоносца, а жена приобретала дурную славу доступной женщины. При подобном отношении репутации супруги наносился более существенный урон. Не случайно в предложениях по возможной реформе бракоразводного законодательства 1771, 1779 и 1800 годов можно встретить пункт о запрете брака с любовником для жены²⁹, поскольку именно в ее лице, по мысли законодателей, было необходимо наказать порок. Подобный подход брал начало еще в пе-

---

27 Stone. 1993: 223-224.

28 Stone. 1995: 301.

29 Andrew. 1997: 9, 11, 20.

риод Реформации и имел сторонников при обсуждении Акта о браке в 1857 году³⁰.

Когда упомянутая выше Диана Болингброк, исполнявшая обязанности леди опочивальни при королеве Шарлотте, заявила во время бракоразводного процесса, что собирается прибыть для выполнения своих обязанностей ко двору, Хорас Уолпол посчитал, что «это всего лишь бравада»³¹. Неизвестно, смогла ли в итоге леди Диана осуществить задуманное, но она оставила свою должность, которую занимала с 1762 года, в том же году, когда получила развод (1768)³², что наталкивает на мысль о связи между этими двумя событиями.

При обсуждении с Сэмюэлом Джонсоном новости о разводе Болингброков, которые были их знакомыми, Джеймс Босуэлл приводил множество аргументов в защиту жены: жестокое отношение мужа, отсутствие привязанности в браке и превращение его в пустую формальность. Босуэлл с похвалой отзывался о Топхэме Боклерке, с которым леди Диана вступила в связь, и который также был их общим знакомым. Несмотря на все это, в глубине души он чувствовал, что неверность замужней женщины не может быть оправдана:

Пожалуй, плененный очарованием леди, о которой шла речь, я пытался таким образом извинить то, чему не могло быть оправдания...³³.

Джонсон же высказался весьма лаконично:

Мой дорогой сэр, никогда не приучайте ваш разум смешивать добродетель и порок. Эта женщина — шлюха, вот и все³⁴.

---

30 **Woodhouse**. 1959: 264, 265.

31 **Walpole**. 1904: 138.

32 **Complete Peerage**. 1912: 208.

33 **Boswell**. 2008: 392.

34 **Boswell**. 2008: 392.

Как видно, несмотря на личное знакомство и замечательные качества леди Дианы, Босуэлл и Джонсон придерживались традиционного взгляда на роль супругов в разводе и принципиально осуждали ее поступок.

Можно было бы предположить, что после развода общение литераторов с леди Дианой прекратится, но этого не случилось. Одной из причин могли стать приятельские отношения с Топхэмом Боклерком, за которого она вышла замуж через два дня после принятия акта в парламенте³⁵; брак, впрочем, оказался несчастливим. Однако и о самой леди Диане в дальнейшем оба отзывались довольно тепло. Так, Сэмюэл Джонсон упоминал в письме Босуэллу о том, как она выхаживала больного мужа (Боклерка) с большим усердием, и называл ее «леди Ди»³⁶. Босуэлл, бывший большим поклонником лексикографа, как-то даже выиграл у нее спор, задав Джонсону вопрос по поводу его привычки забирать с собой апельсиновые корки³⁷. Вряд ли подобный спор мог быть возможен между людьми, не состоявшими в дружеских отношениях.

Другие знакомые также не отвернулись от леди Дианы. Когда ее второй муж умер в 1780 году, Эдмунд Бёрк заявил:

Я сам никогда не наслаждался так видом чужого счастья, как видом этой женщины, когда впервые увидел ее после смерти мужа³⁸.

Все собравшиеся, включая живописца Джошуа Рейнольдса, историка Эдварда Гиббона, епископа Сент-Эсэфа, сочувствовали вдове из-за жестокого обращения Топхэма Боклерка и выражали радость по поводу улучшения положения

35 **Dictionary of National Biography.** 1885: 35.

36 **Boswell.** 2008: 418.

37 **Boswell.** 2008: 439.

38 **Burney.** 2001: 183.

«леди Ди»: она получила в наследство дом и тысячу фунтов годового дохода. Даже писательница Фрэнсис (Фанни) Бёрни, известная своими высокими моральными стандартами, не высказалась негативно относительно леди Дианы. Она упоминает рассказанную Бёрком историю несчастливого брака четы Боклерков:

...страдания, которые он [муж — А.Ц.] причинил своей жене, его чрезвычайно плохое с ней обращение и *необходимое* облегчение, которое должна принести смерть такого человека³⁹.

Описание подробностей семейной жизни леди Дианы призвано было привлечь на ее сторону симпатии тех, кто подобно Бёрни не был знаком со всеми обстоятельствами ее второго замужества.

Статус разведенной женщины не помешал признанию художественных дарований леди Дианы. Хорас Уолпол использовал ее рисунки в качестве иллюстраций к своим произведениям, и даже отвел в своем поместье специальную комнату под ее работы; ее рисунки послужили основой также для иллюстраций к нескольким другим книгам, а в 1778 году она удостоилась чести написать портрет Джорджианы, герцогини Девонширской⁴⁰. Умения леди Дианы ценились при дворе, несмотря на потерю места леди опочивальни. Как-то раз король в беседе с Фрэнсис Бёрни упомянул, что герцог Мальборо был дальтоником.

Однако я не нахожу, — добавил Его Величество, — что этот изъян присущ всей их семье; ибо леди Ди Боклерк [в девичестве Спенсер — А.Ц.] рисует весьма хорошо⁴¹.

39 Burney. 2001: 183.

40 Dictionary of National Biography. 1885: 36.

41 Burney. 2001: 220.

Можно сделать вывод, что, несмотря на традиционно неодобрительное отношение к измене жены, которая являлась формальной причиной развода, ущерб, нанесенный репутации леди Дианы, отнюдь не оказался непоправимым. Она не подверглась остракизму, а продолжила вращаться в привычном кругу, и отношение к ней спустя некоторое время после бракоразводного процесса было вполне благожелательным.

Третьей причиной отношения к юридически оформленному разводу и получившим его лицам как к заслуживающим осуждения стало его ассоциирование с попранием моральных устоев в обществе в целом. Например, Эдвард Гиббон в «Истории заката и падения Римской империи» (1776–88) называл одной из причин упадка Рима его законы, дающие возможность получить развод по взаимному согласию сторон:

...этот свободный и совершенный эксперимент, который показывает, что свобода получить развод не приводит к счастью и добродетели⁴².

По мнению Гиббона, это приводило к утрате взаимного доверия, разжиганию споров и утрате целомудрия. Как видно из данного примера, историк полагал, что развод представлял угрозу для морального состояния общества, а в перспективе мог привести к нарушению порядка в обществе в целом.

После революционных событий во Франции отношение к разводу, узаконенному там в 1792 г., стало еще более настороженным. Джейн Уэст в 1799 г. опубликовала роман, в котором приписала «уничтожение тронов и алтарей не французскому оружию, но тем принципам [своевольное рас-

---

42 Gibbon. 1931: 413.

торжение (если не абсолютная недейственность) брачных уз и уничтожение родительской власти – А.Ц.], которые, устранив уверенность в домашнем очаге и принизив ценность личного пространства, проложили дорогу всеобщему заблуждению»⁴³. Некоторые англичане, как видно из этих строк, стали прямо связывать возможность получения развода и революцию, полагая, что от подрыва семейных устоев недалеко и до подрыва устоев государственных.

Все чаще слышались голоса людей, усматривавших в нарастающем количестве разводов причины изменений в общественной морали. Так, лорд Честерфилд в 1765 году замечал в письме:

Собираются разводиться с женами бывший камергер Финч, лорд Уорик и твой друг лорд Болингброк [речь идет о разводе леди Дианы с лордом Фредериком Болингброком – А.Ц.]. Ни один из этих трех разводов меня не удивляет, напротив, я поражаюсь тому, сколь многие продолжают еще жить вместе⁴⁴.

Честерфилд дает понять, что возросшее количество разводов уже не шокирует и не возмущает. Вероятно, он все же несколько преувеличивает степень толерантности к разводам, и фраза звучит скорее как попытка продемонстрировать модное пренебрежение устоявшимися правилами приличия.

Если оценивать количество парламентских разводов, современному читателю оно может показаться совершенно незначительным. В промежутке между 1700 и 1857 годами, по подсчетам исследователей, парламент издал всего 322 акта о разводе⁴⁵. С 1700 по 1749 год принималось от 2-х до 5-ти актов за десятилетие (всего 14). Далее идет существенное

---

43 Цит. по: Rendall. 1985: 71.

44 Честерфилд. 1978: 220.

45 Stone. 1995: 432-433.

увеличение количества разводов, в диапазоне от 11 до 43 в десятилетие до 1800 года (всего 117 актов)⁴⁶. Превышение показателей предыдущего периода более чем в 8 раз создавало у современников ощущение, что разводов стало пугающе много, хотя в абсолютных цифрах ситуация не выглядит столь плачевно. Например, в 1767 году в парламенте был принят один акт о разводе Джона Стотта, эсквайра, и его жены Джейн. В 1768 году, когда разводились лорд Болингброк и леди Диана, всего было принято три таких акта; оставшиеся два узаконили развод Чарлза Дэйли, эсквайра, с его женой Анной, и Томаса Брука, доктора физики, с его женой Харриет Нелфхоп⁴⁷. Тем не менее, принятие трех актов в год по сравнению с двумя в десятилетие было существенным увеличением и способствовало росту опасений о том, что чрезмерная доступность разводов подрывает моральные устои общества.

Например, Хорас Уолпол примерно в это же время в переписке отмечает, что разводы стали происходить настолько часто, что начали восприниматься некоторыми почти как новая социальная норма:

Огастас Хервей, считая это хорошим тоном, собирается подать на развод с Чадли. Он спросил лорда Болингброка, кто был его представителем в бракоразводном процессе, как если бы спросил о портном⁴⁸.

Речь идет о непростой ситуации с браком Элизабет Чадли и морского офицера (впоследствии адмирала) Огастаса Хервея, к тому времени ставшего графом Бристольским. В

46 Тенденция к увеличению количества разводов сохранится в первой половине XIX века, когда число актов парламента за 1801-1857 год достигнет 191, хотя темпы роста замедлятся по отношению к предыдущим 50-ти годам. См.: **Stone**. 1995: 432.

47 **Journals of the House of Commons**. 1803: 76, 608, 666.

48 **Walpole**. 1904: 221.

1769 году суд признал за Элизабет статус незамужней, после чего она быстро вышла замуж за герцога Кингстонского⁴⁹. Как можно видеть, отношение Хервея к бракоразводному процессу было более благожелательным, чем у Уолпола. Последнему казалось неприличным с легкостью поднимать эту тему в светских разговорах.

Влияние роста числа парламентских разводов на общественную мораль в реальности было гораздо скромнее, чем казалось современникам. Это было обусловлено их недоступностью абсолютному большинству населения в силу нескольких факторов: многоступенчатости процесса, длительности рассмотрения, высокой стоимости. Процедура развода в парламенте окончательно оформилась к началу XIX века. Предварительный этап состоял в том, что муж должен был сначала выиграть дело в церковном суде о разделении постели и крова, а также дело в суде общего права против любовника жены по обвинению в «преступном разговоре» (*criminal conversation*), либо представить объяснение, почему этого не произошло⁵⁰. До 1798 и 1809 годов эти требования не были оформлены официально, но мужья все равно предпочитали заручиться решениями судов в свою пользу, прежде чем инициировать билль в парламенте.

Рассмотрение дела непосредственно в парламенте также могло занимать некоторое время. Примером быстрого бракоразводного процесса может послужить дело о разводе лорда Болингброка и леди Дианы. Первое обсуждение билля в Палате общин состоялось 29 февраля 1768 года, до этого его приняли в палате Лордов. Второе слушание состоялось 4 марта, третье – 7 марта, наконец, 10 марта состоялось под-

49 **Dictionary of National Biography.** 1887: 300.

50 **Stone.** 1995: 323, 324.

писание акта о разводе королем Георгом III⁵¹. При этом предварительный этап с рассмотрением дела в церковном суде и суде общего права шел в октябре 1767 года, когда, по сообщению Х. Уолпола «она [леди Диана – А.Ц.] намерена признать все, что будет угодно моему лорду»⁵². Следует отметить, что дело о разводе лорда Болингброка проходило без протестов какой-либо из сторон.

В качестве примера бракоразводного процесса, который затягивался надолго, можно привести дело о разводе упомянутых выше супругов Миддлтон. В июне 1793 года Уильям Миддлтон подал иск в епископский суд Лондона для получения постановления о разделении постели и крова. Он привлек к даче показаний пятьдесят одного свидетеля обвинения, а его супруга Клара Луиза – пятьдесят девять свидетелей защиты, показания которых были получены и записаны в Лондоне, Йоркшире и Ирландии, а их копирование для представления в суд затянулось до осени 1794 года. В январе 1795 года Уильям Миддлтон также подал иск в суд Королевской скамьи о «преступном разговоре» его жены с любовником, которым оказался конюх Джон Роуз, запросив компенсацию в 10 тысяч фунтов. В феврале суд признал Роуза виновным и присудил ему выплатить Уильяму Миддлтону компенсацию в 500 фунтов, а также покрыть судебные издержки последнего на сумму 154 фунта. Параллельно продолжалось разбирательство в епископском суде, куда в январе 1795 года сторона мужа представила новые доказательства неверности жены. Клара-Луиза опротестовала их принятие в церковном апелляционном суде, которые принял заявление только в ноябре 1795 года, а вынес окончатель-

51 *Journals of the House of Commons*. 1803: 643, 656, 659, 666.

52 *Walpole*. 1904: 138.

ный вердикт (не в пользу Клары-Луизы) в мае 1796 года. Епископский суд Лондона принял новые доказательства к рассмотрению и решил дело в пользу мужа⁵³. Судебные разбирательства с подачей встречных исков и вызовом множества свидетелей заняли около шести лет, при этом до развода в парламенте дело не дошло.

Полная стоимость бракоразводного процесса была очень высока. Помимо официальных судебных издержек следовало учитывать оплату расходов свидетелей, найма детективов, подготовки показаний, взятки и подкуп. По расчетам Л. Стоуна, супруги Миддлтон потратили на разбирательства не менее 1000 фунтов⁵⁴. Формально предполагалось, что муж получает хотя бы частичную компенсацию по итогам рассмотрения дела о «преступном разговоре», когда любовника жены обязывали выплатить ему определенную сумму. Например, мужу леди Дианы виконту Болингброку было присуждено 500 фунтов, однако он ими не воспользовался⁵⁵, что отражало общую тенденцию периода. Мужья лишь формально требовали денежной компенсации, на деле во многих случаях их куда больше интересовало само решение суда в их пользу для инициирования последующей процедуры развода в парламенте.

Подводя итог, можно выделить несколько причин негативного отношения к юридически оформленным разводам по актам парламента, которые, как казались современникам, наносили урон репутации и морали. Таковыми были: распространение информации о личной жизни среди широкого круга лиц; привязка разводов по акту парламента к неверно-

---

53 Stone. 1993: 223-225, 230, 234, 235.

54 Stone. 1993: 235.

55 Stone. 1993: 154.

сти супруги; представление об опасности, связанной с легкостью получения развода, для состояния общества в целом. Между тем на примере развода леди Дианы Болингброк в 1768 г. можно видеть, что принципиальное осуждение ее поступка не привело к социальному остракизму; она продолжала вращаться в привычном кругу, ее имя произносилось без осуждения, а художественные работы высоко ценились. Во многом это было связано с тем, что она вступила в брак со своим любовником, а не осталась в статусе разведенной женщины. Отрицательное влияние разводов на мораль также преувеличивалось современниками, поскольку развод по акту парламента был доступен не всем в силу его стоимости, длительности процедуры и ее многоступенчатости. Рассмотрение частного случая леди Дианы позволяет сделать вывод о том, что последствия развода не всегда были столь негативными, как представлялось в теории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Галифакс Д. 2001 — Галифакс Д. Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери // Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001. С. 185 – 214.

Честерфилд Ф.Д. 1978 — Честерфилд Ф.Д. Письма к сыну. Максимумы. Характеры. М., 1978.

Blackstone W. 1768 — Blackstone W. Commentaries on the laws of England: in 3 vols. Oxford, 1768. Book the first.

Boswell J. 2008 — Boswell J. The Life of Samuel Johnson. London, 2008.

Burney F. 2001 — Burney F. Journals and Letters. London, 2001.

Dictionary of the English language. 1756 — A Dictionary of the English language: in which the words are deduced from their originals, explained in their different meanings, and authorized by the names of the writers in whose works they are found: in 2 vols. London, 1756. Vol. 1.

Gibbon E. 1931 — Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire: in 6 vols. New York, 1931. Vol 4.

Johnson S. 1952 — Johnson S. The Letters of Samuel Johnson: in 3 vols. Oxford, 1952. Vol. 1.

Journals of the House of Commons. 1803 — Journals of the House of Commons. Vol. 31, From November the 11th, 1766, In the Seventh Year of the Reign of King George the Third, to March the 10th, 1768, In the Eighth Year of the Reign of King George the Third. 1803.

Town and country magazine. 1769-1792 — The Town and country magazine, or, Universal repository of knowledge, instruction, and entertainment. London, 1769-1792. Hathi Trust Digital Library: <https://catalog.hathitrust.org/Record/000493943>

Walpole H. 1904 — Walpole H. The Letters of Horace Walpole, fourth earl of Orford, chronologically arranged and edited with notes and indices by Mrs. Paget Toynbee: in 16 vol. Oxford, 1904. Vol. VII: 1766-1771.

ЛИТЕРАТУРА

Andrew. 1997 — Andrew D. 'Adultery à-la-Mode': Privilege, the Law and Attitudes to Adultery 1770–1809 // History. Vol. 82, No. 265.

1997. P. 5-23. Wiley: <https://www.jstor.org/stable/24423572> (10.03.2021)

Complete Peerage of England. 1912 — The Complete Peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom Extant Extinct or Dormant by G.E.C. (George Edward Cokayne). In 13 vols. London, 1912. Vol. II.

Dictionary of National Biography. 1885 — Dictionary of National Biography: in 63 vols. // Edited by L. Stephen. N.Y., London, 1885. Vol. IV.

Dictionary of National Biography. 1887 — Dictionary of National Biography: in 63 vols. // Edited by L. Stephen. N.Y., London, 1887. Vol. X.

James D. 2012 — James D. Parliamentary Divorce, 1700–1857 // Parliamentary History. Vol. 31, pt. 2. 2012. P. 169–189. Wiley: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1750-0206.2012.00310.x> (10.03.2021)

Rendall J. 1985 — Rendall J. The Origins of Modern Feminism: Women in Britain, France and the United States, 1780 – 1860. Basingstoke, London, 1985.

Staves S. 1990 — Staves S. Married Women's Separate Property in England, 1660 – 1833. Cambridge, Massachusetts, L., 1990.

Stone L. 1995 — Stone L. Road to Divorce, England 1530-1987. Oxford, New York, 1995.

Stone L. 1993 — Stone L. Broken Lives: separation and divorce in England, 1666-1857. New York, 1993.

Turner D. 2005 — Turner D. Popular Marriage and the Law: Tales of Bigamy at the Eighteenth-Century Old Bailey // The London Journal. Vol. 30, pt. 1. 2005. P. 6-21. Taylor & Francis Online: <https://doi.org/10.1179/ldn.2005.30.1.6>

Woodhouse. 1959 — Woodhouse M. The Marriage and Divorce Bill of 1857 // The American Journal of Legal History. Vol. 3, No. 3. 1959. P. 260-275. Oxford University Press: <https://www.jstor.org/stable/843999> (10.03.2021)

А.Ю. Серегина

АНГЛИЧАНКИ В МАДРИДЕ И БРЮССЕЛЕ XVII ВЕКА: ЖЕНСКИЙ ПАТРОНАТ И ЭМИГРАНТЫ-КАТОЛИКИ «ЗА МОРЕМ»

Ключевые слова: женский патронат, системы коммуникаций, обмен новостями, корреспонденция, Джейн Дормер, английские католики, эмиграция.

Аннотация: В статье реконструируются сети коммуникаций Джейн Дормер, герцогини Ферия (1538–1612). Придворная дама Марии I и жена испанского гранда, она была влиятельной покровительницей английских католиков–эмигрантов, посредницей, благодаря которой они могли встроиться в новую для них систему Габсбургского патроната. Анализ политической деятельности герцогини Ферия (к которой автор относит обмен политической информацией и покровительство) в сопоставлении с другими влиятельными дамами-патронессами, в частности, с Энн Перси, графиней Нортумберленд позволяет выявить особенности женского патроната. В статье показано, что принадлежность к двору Марии I Тюдор, который был отчасти интегрирован в систему Габсбургских дворов позволяла бывшим придворным легче обрести покровителей в транснациональной клиентеле Габсбургов.

Сети патроната охватывали общество раннего Нового времени на всех уровнях, создавая основу для политических отношений внутри него¹. Исследования патроната последних десятилетий значительно расширили поле политической истории, заставив отказаться от господствовавшего долго время представления о политике исключительно как о публич-

---

1 По определению Линды Леви Пек патронат был основой политических отношений в Англии раннего Нового времени: **Пек**. 1981: 28.

ных институтах — например, королевского совета, парламента, судов, казначейства и др., включив в область политической истории личные отношения и неформальные отношения власти². И если традиционные модели патроната рассматривали в качестве его источников обладателей публичных должностей, то в последние десятилетия внимание уделяется внеинституциональному патронату, реализовывавшемуся через персональные связи³.

Отношения патроната представляют собой важный социальный механизм, позволявший интегрировать те группы, которые иначе могли бы остаться маргинальными, тем самым создавая в обществе напряженность и даже угрозу вооруженного конфликта. Интегрирующую функцию выполнял королевский двор, где отношения патроната составляли основу жизни и играли важную роль при замещении должностей и принятии политических решений — не в последнюю очередь потому, что сети патроната — это одновременно и каналы получения и распространения информации. В эти отношения включались мужчины и женщины. Последние выступали в роли патронов и посредников при назначении на церковные и светские должности, пожаловании земель, титулов и доходов, таким образом вторгаясь в области, которые обычно считались мужскими. Однако такие действия женщин не считались из ряда вон выходящим; напротив, вовлеченность женщин-аристократок в отношения па-

2 Применительно к истории Англии см., например: **Daybell**. 2004; **Gunn**. 1995; **Alford**. 2002; **Mears**. 2009.

3 О патронате в раннее Новое время см.: **Kettering**. 1986; **Peck**. 1990; **MacCaffrey**. 1991; **Kettering**. 1992; **Giry-DeLoison**. 1995; **Carroll**. 1998; **Walsby**. 2007; **Questier**. 2006; **Marshall**. 2009; **Cogan**. 2021.

троната была проявлением их нормальной социальной активности⁴.

«Мужской» патронат образовывал преимущественно, но не исключительно вертикальные связи служения и покровительства, а также охватывал друзей и «коллег», которых объединяли публичные политические функции — например, совместное участие в управлении графством, в парламентских сессиях, служба в армии короля / сеньора, или при дворе. Женские сети патроната отчасти перекрывали родовые клиентелы, однако они чаще были ориентированы горизонтально, формируя связи между линияжами за счет родственных и дружеских отношений, охватывавших два-три поколения (сестры, братья, кузены и кузины, родственники в браке, женщины, с которыми дамы вместе росли, а также те, кого они сами воспитывали, соседи и соседки и т.п.)⁵.

Сети патроната активно участвовали в обмене новостями, и здесь женщины наряду с мужчинами собирали информацию различного порядка, которая могла считаться политической, распространяли и потребляли ее — как авторы писем, посредники и читатели. Действовали они при этом на различных уровнях: местном, национальном и транснациональном⁶.

Исследователи 1980-90-х гг. рассматривали распространение политических новостей как исключительно мужской вид деятельности⁷ и считали, что женщины были погружены в домашний, частный мир и не выражали интереса к пуб-

---

4 Kettering. 1989; Harris. 1990; Eales. 1990; Harris. 1992; Larminie. 1995; Harris. 1997; Sánchez. 1999; Hufton. 2000; Payne. 2001; Munns. 2003; Payne. 2004.

5 Cogan. 2021: 26-27.

6 Daybell. 2006: 30.

7 Levy. 1982: 20-23; Cust. 1986: 62-63; Love. 1998: 12-38.

личной политике⁸. Однако переосмысление границ политической сферы и включение в нее не прямой власти, реализованной через персональные контакты, а также и отказ от резкого разграничения публичного и приватного применительно к истории раннего Нового времени привели к переоценке роли женщин в создании и поддержании сети коммуникаций, охватывавших всю страну и выходявших за ее пределы. Особенно важными были придворные дамы: их близость к монарху — особенно если монарх был женщиной — делало их незаменимыми посредниками между королем/королевой, влиятельными придворными и чиновниками и остальными дворянами. От них новости распространялись в графства (в виде писем и слухов) и за границу (в письмах и посольских депешах). Дамы передавали послания, которые невозможно или нежелательно было обнародовать, выступали посредниками в неофициальных переговорах и т.п.⁹

Английские католики второй половины XVI — начала XVII в. не занимали должностей при дворе из-за своей профессиональной принадлежности и порой вступали в конфликт с правительством. Если же этот конфликт выталкивал католиков за границу, там им необходимо было встроиться в другую систему патроната, прежде всего, габсбургскую, а позднее, ближе к середине XVII в., французскую. И для обеих они были чужаками. Включение в новую систему патроната требовало понимания того, как она устроена, чье покровительство особенно важно, как его добиться и т.п. Такими знаниями эмигранты, особенно сразу после приезда, не обладали, поэтому не могли конкурировать на равных с местными претендентами на награды и должности.

---

8 Atherton. 1998: 49-50.

9 Hufton. 2000: 1; Akkerman, Houben. 2013.

В статье рассматривается создание и функционирование сетей патроната, сформированных английской аристократкой, Джейн Дормер, герцогиней Ферия во второй половине XVI и начале XVII в. Политическая (в любом понимании термина) деятельность Джейн Дормер, и ее сеть контактов делала ее посредницей между английскими католиками и покровителями в Испании и Нидерландах¹⁰.

Джейн Дормер (1538-1612), герцогиня Ферия, принадлежала к семье, представители которой на протяжении нескольких поколений служили монархам из династии Тюдоров. Поскольку выстроенная Джейн сеть коммуникаций в значительной степени опиралась на родственные отношения, необходимо реконструировать ее семейные связи, обусловившие размах и разветвленность ее клиентелы. Придворная карьера Дормеров была тем более блестящей, что они не могли похвастаться древним происхождением. Хотя позднейший биограф герцогини Ферия и пытался сочинить Дормерам длинную родословную, восходящую ко временам Вильгельма Завоевателя¹¹, на самом деле прадед героини Джеффри Дормер (ум. 1503)¹² торговал шерстью в Кале и, разбогатев, приобрел поместье в Оксфордшире. Его сын Уи-

---

10 До сих пор не существует монографии, посвященной Джейн Дормер. Ее жизни в эмиграции посвящена глава в работе иезуита Альберта Луми об английских эмигрантах в Испании: **Loomie**. 1963: 94-128. Политическое влияние герцогини Ферия затронуто в исследовании Ханны Крумме: **Crummé**. 2013. См. также **Rodriguez-Salgado**. 2004. После смерти Джейн Дормер ее секретарь Генри Клиффорд составил биографию герцогини: **Clifford**. 1887. Первоначальный вариант этого текста был написан между 1615 и 1631 г., однако оставался незавершенным вплоть до 1643 г. О биографии Джейн Дормер см.: **Серегина**. 2016а; **Серегина**. 2019b. Русский перевод см.: **Клиффорд**. 2019; **Клиффорд**. 2020.

11 **Clifford** 1887: 8; **Клиффорд** 2019: 273.

12 Здесь и далее все биографические данные, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по биографической базе данных: **The History of Parliament**.

льям Дормер (ум. 1506) стал одним из многочисленных дворян, разводивших овец на местных холмах и женился на наследнице соседнего манора (Джейн Лонселин). Разводили овец и торговали шерстью и два его младших брата, Питер и Майкл Дормеры.

По-настоящему восхождение семьи началось только с сына Уильяма, сэра Роберта Дормера (1486-1552) — богатого землевладельца, мирового судьи, шерифа графства и его представителя в парламенте, а с 1535 г. также и придворного — хранителя королевских соколов. Своим возвышением сэр Роберт был обязан второму браку своего отца: его мачехой стала Агнес, незаконнорожденная дочь Ричарда Вудвилла, графа Риверса и сводная сестра королевы Елизаветы, жены Эдуарда IV. Агнес Дормер приходилась, таким образом, теткой королеве Елизавете Йоркской, жене первого Тюдора и матери Генриха VIII. Кроме того, Роберт Дормер активно переписывался с министром Генриха VIII Томасом Кромвелем и, возможно входил в его клиентелу.

Женой Дормера в 1512 г. стала Джейн Ньюдигейт (ум. 1571), принадлежавшая к дворянской семье, представители которой активно делали карьеру при первых Тюдорах. Правда, средством возвышения здесь стала не торговля, а занятия правом. Отец Джейн, Джон Ньюдигейт (ум. 1529) из Харфилда (графство Миддлсекс) учился в Линкольнс-Инне, а позднее стал одним из членов корпорации барристеров (*Serjeant-at-law*)¹³. Женился он на Амфиллис Невилл — дочери сэра Джона Невилла из Ростона (графства Норхэмптоншир).

Судебная карьера Ньюдигейта сделала возможным следующий шаг карьеры — придворные должности. Старший сын Уильям Ньюдигейт женился на Энн Даррелл, дочери сас-

---

13 Ives. 1983: 470.

секского дворянина и клерка королевской кухни. В 1525 г. тесть пристроил зятя на службу в ведомство королевских конюшен. Младший брат, Себастьян Ньюдигейт отличился еще больше, став джентльменом опочивальни короля Генриха VIII. Впрочем, его придворная карьера оказалась недолгой: в 1526 г., после смерти жены Себастьян отказался от должности и имущества и стал монахом картузианской обители в Лондоне. Впоследствии он не принял разрыва с Римом и был казнен в 1535 г. как изменник (за то, что продолжал считать папу главой церкви)¹⁴.

Сестра Джейн, Дороти Ньюдигейт вышла замуж в еще одну семью придворных. Ее муж, сэра Леонард Чемберлейн (1504-1561) был одним из дворян личной охраны короля (с 1532 г.), причем его отец служил Генриху VIII в этом качестве с самого начала царствования (с 1509 г.), а младший брат, сэра Ральф Чемберлейн, впоследствии станет одним из телохранителей Марии I. Родственники бабушки с отцовской стороны будут важную роль в жизни герцогини Ферия, так что стоит предположить, что семейный клан был сплоченным, а женщины семьи прилагали много усилий на поддержание контактов между родственниками.

Сын сэра Роберта Дормера и Джейн Ньюдигейт, сэра Уильям Дормер (1514-1575) унаследовал от отца его обширные поместья в Бекингэмшире и Оксфордшире, придворную должность хранителя королевских соколов, а также влиятельного покровителя — Томаса Кромвеля. Благодаря последнему Уильям Дормер заключил выгодный брак, породнившись с семьей Сидни, которая относилась к числу высокопоставленных и влиятельных придворных.

---

14 Bainbridge. 2004.

Как и в случае со многими другими тюдоровскими аристократами, восхождение семьи Сидни к центру политической власти пришлось на последние десятилетия XV в. после того, как кентский дворянин Николас Сидни женился на Энн Брендон. Ее отец верой и правдой служил Йоркам, а вот братья Томас и Уильям после смерти Эдуарда IV перешли на другую сторону. Они приняли участие в восстании герцога Бекингэма в 1483 г., а затем сражались против Ричарда III в составе армии первого Тюдора. Уильям Брендон был знаменосцем Генриха Тюдора и пал в битве при Босуорте (1485). Генрих VII воспитывал его сына, Чарльза Брендона (будущего герцога Саффолка) при своем дворе вместе с принцем Генрихом. А Томас Брендон стал лордом-камергером первого Тюдора. Таким образом, Сидни стали родственниками влиятельных придворных.

Сэр Уильям Сидни (1482-1552) благодаря своим связям сделал прекрасную карьеру. В юности он путешествовал по Испании, где выучил испанский язык, помимо обычного для придворных французского. Вернувшись в Англию, он стал одним из телохранителей Генриха VIII, затем джентльменом его опочивальни и наставником его сына, принца Эдуарда. Женился сэр Уильям на Энн Фицуильям (урожд. Пакенхэм), вдове Томаса Фицуильяма. Сводный брат ее первого мужа, Уильям Фицуильям, граф Саутхэмптон (1490-1542), был одним из друзей детства короля Генриха VIII и на протяжении всего царствования оставался близким ему человеком, занимавшая высокие посты казначея двора и лорда-хранителя малой печати. А графиня Саутхэмптон была дамой свиты Екатерины Арагонской.

Родственники матери обеспечили Джейн Дормер контактами и при елизаветинском дворе. Одна из сестер матери, Люси, вышла замуж за сэра Джеймса Харингтона. Три из их

дочерей (кузины Джейн) — Мейбл, леди Ноэл (или Ноуэлл), Сара, леди Хейстингс, и Теодозия Саттон, леди Дадли — были придворными дамами в последние годы царствования королевы Елизаветы. Другая тетка Джейн, Фрэнсис Сидни, стала женой графа Сассекса и с 1578 г. дамой королевской опочивальни. Такую же должность с самого начала царствования занимала и жена ее дяди, сэра Генри Сидни, придворного и королевского губернатора Ирландии — Мэри (урожд. Дадли), подруга королевы и сестра ее фаворита, графа Лестера. Придворными были и их дети — знаменитый поэт сэр Филипп Сидни, его брат Роберт (будущий граф Лестер) и Мэри Герберт, графиня Пемброк.

Таким образом, через родственников матери Джейн Дормер оказывалась связанной с людьми, входившими в ближний круг королевы Елизаветы. Все они были протестантами, тогда как родственники отца оставались верны католичеству. Прежде всего это относится к Дормерам и Ньюдигейтам. Благодаря второму браку отца семья обрела крепкие связи и с другими католическими кланами. Второй женой сэра Уильяма Дормера стала Дороти Кейтсби, происходившая из богатой, хоть и не титулованной семьи из Норхэмптоншира¹⁵. Сводные брат и сестра Джейн — Роберт и Мэри Дормеры в 1570 г. вступили в двойной брак с наследниками католика виконта Монтегю Энтони и Элизабет Браунами¹⁶. А младшая дочь Маргарет стала женой сэра Генри Констебла из Йоркшира. Таким образом, семейные связи Джейн Дормер давали ей широкий спектр контактов, охватывавших как придворные круги, так и католические линияжи и разные графства севера, юга и центра Англии.

---

15 Cogan 2021: 67-68.

16 Серегина. 2017: 49-50.

Джейн Дормер фактически выросла при дворе. Она училась вместе с принцем Эдуардом и была подругой его детских игр. Позднее ее приняли фрейлиной в свиту принцессы Марии, еще до 1553 г. Высоким назначением девушка могла быть обязана своему деду Сидни. Возможно также, что патронессой в данном случае выступила бабушка, леди Сидни, в первом браке Фицуильям. Она продолжала поддерживать отношения с семьей своего первого мужа, в том числе с семьей деверя, Уильяма Фицуильяма, графа Саутхэмптона. Жена последнего Мейбл (урожд. Клиффорд) в свое время служила при дворе королевы Екатерины Арагонской, а дамы свиты Екатерины и их родственницы позднее сформировали и свиту принцессы Марии. Графиня Саутхэмптон была крестной матерью Мейбл, одной из дочерей сэра Уильяма и леди Энн Сидни. После 1547 г.¹⁷ служить принцессе Марии отправилась Мейбл Сидни, ее сестра Элизабет и племянница Джейн¹⁸.

Девушка быстро стала одной из самых доверенных дам королевы Марии, которая, по сути, считала ее чем-то вроде приемной дочери. Джейн частно делила с королевой постель, что подразумевало высокую степень доверия: дамы, ночевавшие спальне королевы, охраняли ее тело (они были последней линией обороны в случае нападения) и репутацию, утешали после ночных кошмаров и ухаживали в болезни. Доверие королевы проявилось в виде высокой должности: после 1553 г. Джейн была хранительницей драгоценностей, и это было необычным назначением¹⁹. Обычно эту должность занимали не фрейлины (*maids of honour*), а дамы опо-

17 Правительство Эдуарда VI в 1547 г. позволило расширить свиту принцессы Марии.

18 Серегина. 2019b: 166.

19 Серегина. 2019b: 168.

чивальни (*ladies of bedchamber*), которые были старше и обычно уже замужними женщинами.

Несмотря на свою юность, Джейн Дормер благодаря доверию королевы обрела политический вес при дворе, и это превратило ее в завидную невесту. Здесь же Джейн познакомилась и со своим будущим мужем. Гомес Суарес де Фигероа и Кордоба (1523–1571), граф, а с 1567 г. герцог де Ферия, входил в состав ближнего круга короля Филиппа II и был капитаном его гвардии²⁰. Обручившись с согласия царственных супругов с Джейн Дормер (вероятно, в 1556 г. или в начале 1557 г.), граф Ферия вместе со своим господином отправился в Нидерланды, а затем — воевать против Франции; в 1557 г. он участвовал в сражении при Сент-Кантене и вернулся в Лондон лишь поздней осенью 1558 г. в качестве личного представителя Филиппа II. После смерти Марии I Филипп II предоставил графу Ферии полномочия испанского посла в Лондоне (декабрь 1558 г. — май 1559 гг.).

Брак Джейн Дормер и графа Ферии вписывается в уже сформировавшуюся на тот момент при дворах Габсбургов традицию заключать супружеские союзы между придворными из свит жениха и невесты. Такие браки помогали создавать династии придворных, включая их в сеть отношений патроната, преодолевавших национальные границы и связывавших дворы Вены, Мадрида и Брюсселя²¹. По всей видимости, предполагалось включение английской придворной аристократии в эту систему, и брак Джейн Дормер и Ферии должен был стать «первой ласточкой».

Ферия обвенчался с Джейн Дормер в Лондоне 28 декабря 1558 г. Мария Тюдор к тому моменту уже скончалась, а

---

20 Loades. 2004.

21 De Cruz Medina. 2013.

вместе с ней исчезло и особое положение Джейн при дворе: хотя Елизавета и была с ней хорошо знакома, особого благоволения к ней новая королева не выказывала. Родственники графа Ферии не желали этого брака, да и семья Джейн была против, не видя смысла в испанском альянсе²². Тем не менее, этот союз все же состоялся; движущей силой здесь почти наверняка был король Филипп, стремившийся сохранить связи с английским дворянством. Стоит отметить, что в середине XVI в. постоянные представители монарха при чужом дворе не обязательно приезжали с женами: они порой вступали в брак с местными женщинами, благодаря чему присоединялись к местным сетям патроната и политических коммуникаций²³. И хотя Джейн Дормер перестала быть придворной дамой, она по-прежнему оставалась частью разветвленного придворного клана (см. выше) и незаменимым источником информации для представителя короля Филиппа. Таким образом, утратив положение при дворе, она немедленно обрела статус жены посланника самого могущественного государя Европы.

Став женой графа Ферии, Джейн оказалась в самом центре политических контактов Габсбургов в Лондоне. Даже после отъезда ее мужа из Англии весной 1559 г.²⁴ она продолжала жить в резиденции испанского посла — Дарэм-Хаусе на Стренде, и именно она принимала в мае 1559 г. посла императора Фердинанда барона Брюнера²⁵.

Через Джейн осуществлялись и контакты испанцев с недовольными английскими аристократами. Еще перед своим

---

22 **Clifford.** 1887: 104.

23 **Allen.** 2019: 620.

24 Новым послом Испании в 1559–1564 гг. был Альваро де Квадра, епископ Аквильский (ум. 1564).

25 **Queen Elizabeth.** 1928: 73.

отъездом граф Ферия, разуверившийся в возможности иметь дело с Елизаветой, начал подыскивать ей замену. Двадцать четвертого марта 1559 г. он писал своему королю о разговоре, состоявшемся у него с леди Кэтрин Грей — правнучкой Генриха VII Тюдора и возможной наследницей престола, согласно условиям завещания Генриха VIII²⁶. Как особа королевской крови, Кэтрин служила в свите королевы Марии, а затем и Елизаветы²⁷. В разговоре с графом она пожаловалась на то, что новая королева не приблизила ее к себе и не включила в число дам опочивальни, сделав лишь фрейлиной, а также не объявила о ее наследственных правах²⁸. Наверняка при посредничестве графини Ферия состоялся и другой важный разговор: в декабре 1559 г. католик виконт Монтегю, муж подруги Джейн — Магдален Дейкр, с которой они вместе служили при дворе королевы Марии — обсуждал с послом Брюнером угрожающую перспективу франко-шотландского альянса, целью которого стало бы возведение на английский престол Марии Стюарт (тогда — королевы Шотландии и Франции). Целью Брюнера было получить поддержку аристократов-католиков своим планам династического брака Елизаветы и эрцгерцога Карла Штирийского²⁹.

Елизавета была не слишком довольна графиней Ферия, и это проявилось во время аудиенции, которую королева дала ей перед отъездом в Нидерланды, к мужу, 26 июля (или 24 июля, согласно другой датировке). Утром того дня графиня прибыла в Отфорд (Кент), где находился двор, в сопровождении сменившего ее мужа на посту посла Альваро де Квад-

---

26 Серегина. 2013:67-69.

27 Merton. 1992: 259.

28 CSP Simancas. 1892: 44-45. См. также Серегина. 2020b: 173.

29 Серегина. 2017: 103.

ры, епископа Авильского. Последовавшие события привели к небольшому дипломатическому скандалу.

Сохранились два рассказа о том, что произошло в тот день. Один из них представлен в биографии Джейн:

24 июля она отправилась попрощаться с королевой Елизаветой. Она ожидала в парадном покое, когда королева позовет ее, и долго оставалась на ногах, так что испанский посол начал сердиться, ведь она была уже на седьмом месяце беременности. Епископ громко заявил, что, учитывая, кто она такая, и ее беременность, ей не подобает стоять и ждать, и стал уговаривать ее сесть на стул королевы. Когда королева Елизавета узнала об этом, то немедленно вышла к ней³⁰.

Похожую сцену описывает и датированное 26 июля 1559 г. письмо государственного секретаря, сэра Уильяма Сесила, английскому послу в Брюсселе сэру Томасу Чалонеру³¹ с жалобой на поведение Альваро де Квадры, которую надлежало довести до сведения Филиппа II. Согласно письму, Джейн Дормер явилась на аудиенцию в сопровождении испанского посла, а также донна Хуана де Айалы³², которого Филипп II отправил в Лондон специально для того, чтобы сопроводить ее к мужу в Нидерланды. Беременной графине Ферия предложили удалиться в покои одной из дам королевской опочивальни (леди Мэри Сидни, жены ее дяди, или леди Маргарет Ховард³³), однако она отказалась, явно настаивая на публичной аудиенции, как то подобало статусу жены

30 Clifford. 1887: 109; Клиффорд. 2019: 346.

31 Сэр Томас Чалонер (1521–1565) — тюдоровский придворный и дипломат, представлявший своих монархов при дворах Габсбургов в Вене, Мадриде и Брюсселе. В 1559–1560 гг. — посол королевы Елизаветы в Брюсселе, в 1561–1565 гг. посол при испанском дворе:

32 Дон Хуан де Айала — испанский дипломат, один из королевских секретарей.

33 Маргарет Ховард (урожд. Гэмедж, ум. 1581), дама королевской опочивальни, жена лорда Уильяма Ховарда из Эффингэма.

посла. Королева заставила себя долго ждать, и это обстоятельство Альваро де Квадра счел неподобающим обхождением для испанской аристократки. Повысив голос, он настаивал на том, чтобы королева немедленно приняла его, а затем и вышла к Джейн, или же последняя отправится домой. В результате королева отказалась принять испанского посла, однако снизошла до того, чтобы повидать Джейн и Хуана де Айалу в своих личных покоях³⁴ — избежав тем самым публичной аудиенции.

Причины конфликта могут быть истолкованы по-разному. Исследовавшая биографию Дормер Ханна Крумме считает, что недовольство королевы вызвали якобы утерянные Джейн украшения королевы Марии, которых якобы недосчитались при передаче ее драгоценностей дамам Елизаветы — результат интриги дам из ее окружения, оклеветавших Джейн³⁵. Крумме считала действия дам продиктованными желанием устранить влиятельную придворную конкурентку. Возможна и другая интерпретация конфликта вокруг утерянных украшений: желание самой Елизаветы представить Джейн Дормер ненадежной свидетельницей, на слова которой нельзя полагаться. Необходимость подорвать доверие к Джейн Дормер могло быть связано с тем обстоятельством, что именно она, как доверенное лицо Марии I, 8 или 9 ноября 1558 г. отправилась к тогда еще принцессе Елизавете в Хэтфилд и от имени своей умирающей госпожи приняла обещание Елизаветы сохранить католическую веру и, по всей видимости, принять предложение Филиппа II. Давая обеща-

---

34 **Lettenhove.** 1882: 572-573.

35 **Crummé.** 2013: 58. Предметом разбирательства стали предметы относительно небольшой ценности — золотые (возможно, позолоченные) пуговицы королевы Марии.

ния, Елизавета вовсе не собиралась их выполнять, и в ее интересах было подорвать доверие к свидетельству Джейн³⁶.

Наконец, еще одним вариантом истолкования конфликта на аудиенции может быть несовпадение представлений о дипломатическом протоколе. В XVI в. дипломатическая сфера претерпела революцию: впервые появились постоянные представители того или иного правительства при иностранных дворах. В отличие от послов предшествующих эпох дипломаты XVI в. часто были мирянами и привозили с собой в чужеземные города жен, или же женились там. На протяжении столетия жены послов постепенно обретают отчетливый, хотя никогда не определявшийся официально статус. Постепенно формировалось и представление о том, что жены прибывающих и отбывающих послов должны получать аудиенции у монарха, о том, кто и как должен был этих дам принимать, какому церемониалу при этом следовать и т.п. Временем возникновения этих дипломатических практик считается как раз середина столетия, и в разных странах они развивались неравномерно³⁷. Вполне возможно предположить, что Джейн Дормер стала жертвой несовпадения представлений англичан и испанцев о том, какие почести нужно оказывать жене посла, которую к тому же Елизавета имела все основания считать своей подданной, а де Квадра — супругой представителя Филиппа II и испанской дворянкой.

Джейн Дормер получила этот двойной статус англичанки и испанской аристократки, да еще и жены посла, которая в силу положения мужа была своего рода представительницей Филиппа II. Таким образом, ее сети коммуникаций объединяли представителей ее английского клана, преимуще-

---

36 Серегина. 2020b.

37 Allen. 2019: 623-624.

ственно, но не исключительно католиков, английских дипломатов, с которыми она контактировала как англичанка, и жена испанского представителя, обменивавшаяся письмами с самыми высокопоставленными лицами Европы.

О последнем свидетельствует прием, оказанный ей по пути в Испанию³⁸. Так, за ней из Брюсселя отправили особого представителя короля Филиппа, Хуана де Айалу. В Дувр Джейн сопровождали английские аристократы, которых возглавляли граф Сассекс и ее дядя, сэр Генри Сидни, а также новый посол Филиппа II³⁹. Графиня отправлялась с большой свитой, в составе которой была и ее бабушка, леди Дормер, а также несколько дам из расформированной свиты Марии Тюдор⁴⁰.

В Кале Джейн встречал французский губернатор (в компании губернатора соседней Булони), после чего графиня Ферия направилась в Брюгге. В каждом городе на испанской территории — в Дюнкерке, Гравлине, Ньивпорте и Брюгге (где находился граф) — ее ждали торжественные встречи с речами, представлениями и артиллерийским салютом⁴¹. В Брюгге Джейн и ее супругу нанесли визит младший брат герцога Альбы, дон Бернардино де Толедо, великий приор Ордена Св. Иоанна в Кастилии, и дон Луис Мендес де Аро, дворянин королевской опочивальни⁴².

После Брюгге графиня проследовала через Гент в Антверпен и Льеж. В этих городах ее также ждал пышный прием⁴³. Джейн Дормер планировала остановиться в Льеже и дожидаться родов (она была уже на восьмом месяце беремен-

---

38 Серегина. 2021: 227-230.

39 Clifford. 1887: 109.

40 Clifford. 1887: 110.

41 Clifford. 1887: 110-111.

42 Clifford. 1887: 111.

43 Clifford. 1887: 112.

ности). Однако правительница Нидерландов Маргарита Пармская⁴⁴ настояла на приезде графини к ней в Мехельн и разместила в доме, уступленном для нее архиепископом⁴⁵. Там 28 сентября 1559г. у Джейн родился сын, которого назвали Лоренсо. Его рождение стало придворным праздником, отмечавшимся балами, представлениями и турнирами⁴⁶. Крестными родителями мальчика стали кардинал Гранвелла и епископ города Турне⁴⁷, а также сама Маргарита Пармская и Анна де Лален, графиня Хогстратен⁴⁸.

После празднеств семья Ферия разместилась в Лувене; часть английской свиты осталась здесь, в доме бабушки, леди Джейн Дормер⁴⁹. Остальная часть свиты весной 1560 г. отправилась с Джейн и ее супругом в Испанию. Клиффорд посвятил целую главу этому путешествию, подробно описывая, как отбывающую пару провожали празднествами в Брюсселе, затем встречали на французской границе и торжественно препроводили в Сен-Дени, а оттуда в Париж, где супругов разместил в своем доме дядя королевы, герцог де Гиз. Из Парижа граф Ферия с супругой отправились в Амбуаз. Там

44 Маргарита Пармская (1522–1586), незаконнорожденная дочь императора Карла V, жена Оттавио Фарнезе, герцога Пармского. В 1555–1567 гг. управляла Нидерландами от имени Филиппа II Испанского.

45 Архиепископскую кафедру занимал тогда знаменитый кардинал Гранвелла (Антуан Перно де Гранвель, 1517–1586), один из ведущих политиков, служивших династии Габсбургов.

46 Clifford. 1887: 112–113.

47 Шарль де Крои (1505–1564), епископ Турне в 1524–1564 гг.

48 Анна фон Ренненберг, дочь графа Вильгельма фон Ренненберга, вдова Филиппа де Лалена (ок. 1510–1555), графа Хогстратена, штатхальдера Гельдернского. Младенца к купели несла старшая дочь графини (Маргарита де Лален (ум. 1598), с 1559 г. жена графа Филиппа де Линя), а младшая (Барбара де Лален, с 1564 г. супруга графа Максимилиана фон Фолькенбурга) поддерживала концы мантии, в которую его завернули. Clifford. 1887: 114.

49 Clifford. 1887: 115.

они были приняты Франциском II и Марией Стюарт, а также и королевой-матерью, Екатериной де Медичи. Клиффорд уделил немало внимания знакам внимания, оказанным графине Марией Стюарт, и упомянул также, что с момента отъезда и до смерти Марии дамы состояли в переписке⁵⁰.

Наконец, в июне 1560 г. супруги добрались до Испании. 9 августа 1560 г. графиня Ферия прибыла в Толедо во главе торжественной процессии и была принята королем⁵¹, а затем и королевой — Елизаветой Валуа, которой она передала новости о ее французских родственниках. Клиффорд отметил также, что самой графине нанесли визиты представители португальского короля и испанские аристократы⁵².

Торжественная встреча графини Ферия отражал высокий статус супруги представителя испанского монарха. Но оказавшись в Испании, Джейн необходимо было встраиваться в новую для себя систему патроната и разобраться в системе придворных группировок. Мадридский двор второй половины XVI в. раздирали внутренние конфликты: столкновения между придворными партиями «альбистов» (сторонников герцога Альбы) и «эболистов» (партии принца и принцессы Эболи). Этот конфликт давно привлекал внимание историков; сейчас исследователи склонны определять данное политическое столкновение как острое соперничество двух аристократических клиентел (домов Толедо и Мендоса соответственно), на которое накладывалось и противостояние политических идеологий. Партию «альбистов» (или «кастильцев», как она именовалась в конце правления Филиппа II) отличало внимание к интересам Кастилии и кастильской знати и их priori-

---

50 Clifford. 1887: 115-119.

51 Clifford. 1887: 121.

52 Clifford. 1887: 121-122.

тету в рамках испанской империи, тогда как «эболисты», к числу которых, помимо клиентов многочисленного семейства Мендосы, тяготели многие аристократы не-кастильского происхождения, были склонны поддерживать идеи религиозной реформы, приходившие на Пиренейский полуостров извне (прежде всего, из Италии и Фландрии), оказывали покровительство монашеским орденам (например, иезуитам, кармелитам и др.) и имели друзей в Риме, за что и заслужили наименование «папской партии»⁵³.

Политическая жизнь испанского двора в первой трети XVII в. была не менее бурной. Придворной группировке, возглавляемой фаворитом короля Филиппа III герцогом Лермой, противостояли придворные и аристократы, тесно связанные с женщинами королевской династии. В центре этой группы находились императрица Мария (1528–1603), сестра Филиппа II (и мать его третьей жены Анны), которая, овдовев, вернулась на родину и провела последние 20 лет жизни в обители босоногих кармелиток в Мадриде. Вместе с ней в Испанию прибыла ее младшая дочь Маргарита (1567–1633), принявшая постриг в той же обители. Наконец, к этой же партии принадлежала королева Маргарита Австрийская (1584–1611), жена Филиппа III. Дамы королевской крови пользовались большим политическим влиянием, и именно к этой придворной партии тяготели послы из Вены и Рима, а также представители ордена иезуитов.

Граф Ферия относился к числу политических противников герцога Альбы, что связывало его семью с партией «эболистов», а сам Руй Гомес де Сильва, принц Эболи, был его па-

---

53 Обзор историографии и современного состояния исследований, посвященных придворным группировкам в Мадриде второй половины XVI — начала XVII в. см. в: Millán. 2017. См. также Sánchez. 1999: 36–60.

троном уже в конце 1550-х гг.⁵⁴ Как и другие представители этой придворной группировки, Ферия выступал за агрессивный политический курс в отношении Англии, против чего возражал герцог Альба. В результате после 1561 г. Ферия уехал в родовое поместье в Сафре (Эстремадура), где его супруга знакомилась со своими новыми родственниками и приспособлялась к обычаям новой родины. На это у графини ушло несколько лет, которые она провела в Сафре, периодически приезжая в столицу. В 1567 г., с началом волнений в Нидерландах, положение ее супруга изменилось. Король назначил его членом Совета войны, даровал ему титул герцога и звание испанского гранда, а также пожаловал его семье в наследство маркизат Вильяльба. В 1571 г. герцога Ферию назначили губернатором Нидерландов, вместо впавшего в немилость герцога Альбы. Однако собиравшийся в путь герцог внезапно заболел и умер в Эскориале, оставив Джейн молодой вдовой, матью несовершеннолетнего наследника титула с расстроеными долгами имением⁵⁵.

В годы вдовства герцогиня Ферия укрепила альянс с кланом Мендоса (семья Аны Мендосы де ла Серды, принцессы Эболи), устроив брак сына, Лоренсо Суареса де Фигероа, II герцога Ферии (1559–1607) с Исабел де Мендосой (ум.1593), дочерью герцога Инфантадо (главы всего разветвленного клана Мендоса)⁵⁶. Впоследствии герцог Ферия, принадлежавший к «папистской партии», был послом испанской короны в Риме и Франции при Филиппе II, а при его преемнике — вице-королем Каталонии и Сицилии. При этом вдовству-

---

54 **Boyden.** 1995: 195 (n.22).

55 **Valencia Rodríguez.** 2010: 221-222, 227.

56 Иниго Лопес де Мендоса, V герцог Инфантадо (1536–1601), как и I герцог Ферия, сопровождал Филиппа II в Англию, и его дружба с Джейн Дормер восходит к середине 1550-х гг.

ющая герцогиня Ферия поддерживала дружеские связи с секретарем Филиппа II Хуаном де Идиакесом, тяготевшим, скорее, к «кастильцам»⁵⁷. После смерти сына Джейн устроила брак внука, Гомеса Суареса де Фигероа, III герцога Ферии (1587–1634), с Франсиской де Кардона, дочь герцога Сессы — союзника герцога Лермы, фаворита молодого короля Испании Филиппа III. Таким образом, семья Ферия на протяжении трех поколений оставалась близкой самым влиятельным людям испанского двора⁵⁸. Покровительство герцогини поэтому было англичан незаменимым. Кроме того, она была и важным источником информации. Этим обстоятельством пользовались английские послы в Испании. Один из них, Томас Чалонер, в 1561–1565 гг. поддерживал дружеские контакты с тогда еще графиней Ферия. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма, которыми они обменивались⁵⁹.

В его письмах к ней обсуждались политические вопросы — например, ход переговоров между Англией и Францией о статусе Кале и Гавра в 1563 г. и другие политические новости из Англии и Франции⁶⁰. Затрагивались и другие темы: Чалонер сообщал Джейн новости о ее оставшихся в Англии родственниках, получая в свою очередь информацию от своего агента Роберта Моффата. Так, в письме от 13 сентября 1563 г. во время вспышки чумы в Лондоне Моффат сообщал Чалонеру новости о здоровье членов семьи Дормер: сестра графини [леди Энн Хангерфорд] и ее отец, сэра Уильям Дормер здоровы, но писавший не имел сведений о мачехе, леди

57 Хуан де Идиакес-и-Оласабаль (1540-1614), секретарь и советник Филиппа II, глава Совета орденов.

58 **Wiltout**. 1987: 45–56; **Valencia Rodríguez**. 2010: 221-227, 230-236.

59 **CSP Foreign**. 1869: 8, 15, 19, 26, 27, 227, 310, 520; **CSP Foreign**. 1870: 92, 243, 249, 470. См. также **Sowerby**. 2016: 312-313.

60 **CSP Foreign**. 1869: 227.

Дороти⁶¹. После отзыва Чалонера на родину Джейн продолжала получать известия о родственниках по дипломатическим каналам, но теперь этим занимались испанские послы. В 1566 г. испанский посол Гусман де Силва даже нанес визит ее отцу, сэру Уильяму Дормеру, в его поместье Эйнтроп (Оксфордшир)⁶². А 29 мая 1575 г. уже другой посол, Антонио де Гуарас сообщал королевскому секретарю Габриэлю де Сайасу о том, что в ответ на письмо герцогини Ферия отправил ей известие о смерти ее отца⁶³.

Английский посол в начале 1560-х гг. затрагивал и глубоко личные темы, в частности, беременность герцогини и состояние ее здоровья⁶⁴. Посол также регулярно наносил герцогине визиты в Мадриде и в поместье Ферия Сафра, и часто отправлял ей подарки. Так, например, письма его агентов в Севилье сообщают об отправке ей двух голов сыра⁶⁵, а также бочки копченой селедки⁶⁶.

Преемник Чалонера, Джон Мэн — клирик-протестант, не сумел наладить отношений с герцогиней и писал о ней в Лондон неодобрительные письма. В декабре 1567 г. он общал Уильяму Сесилу:

она сомневалась, что Господь дарует королевству [Англии — А.С.] процветание, ведь они все [англичане] еретики и живут хуже, чем турки и евреи⁶⁷.

По всей видимости, слухи об этом дошли до герцогини в Испании от ее английских родственников, и, что совсем не-

---

61 Дороти Дормер благополучно пережила эпидемию 1563 г.

62 *CSP Simancas*. 1892: 574.

63 *CSP Simancas*. 1894: 493.

64 *CSP Foreign*. 1869: 520.

65 *CSP Foreign*. 1869: 119.

66 *CSP Foreign*. 1867: 119, 314.

67 *CSP Foreign*. 1871: 382.

удивительно, миссия Мэна закончилась неудачей — его выдворили из Испании в 1568 г.

Другие послы Англии были как минимум нейтральны по отношению к герцогине, а после окончания войны с Испанией (1585–1604) английские послы вернулись к практике предшественников и использовали семью Ферия как посредников при испанском дворе. Они сами и их домочадцы наносили частые дружественные визиты герцогине. В биографии герцогини, составленной ее секретарем, упоминаются визиты Джона Дигби⁶⁸. Жена последнего, леди Беатрис Дигби (урожд. Уолкотт) посещала герцогиню Ферия во время ее последней болезни⁶⁹.

Основой политического влияния графа Ферия и его жены в Испании был доступ к информации из Англии, от друзей и родственников, превращавших членов семьи, и прежде всего, саму Джейн в экспертов по Англии. В первое десятилетие своей испанской жизни Джейн получала письма напрямую из Англии. Ее друзья и родственники отправляли письма в Испанию со слугами или младшими родственниками. Иногда эти письма отсылались с дипломатической почтой. 1 сентября 1565 г. Чалонер сообщил своему агенту Уильяму Фейру, что получил пакет с письмами для графини Ферия от ее тетки (в письме ошибочно названа кузиной) Дороти Чемберлен⁷⁰. Сын последней, Джордж Чемберлен, привозил письма Джейн в Англию в 1560 г.⁷¹, так же, как и другой ее родственник, Джордж Фицуильям в 1571 г.⁷²

68 Clifford. 1887: 192.

69 Clifford. 1887: 192-193.

70 CSP Foreign. 1870: 442.

71 CSP Domestic. 1856: 163.

72 CSP Simancas. 1894: 317.

В переписке в качестве посредниц участвовали дамы свиты герцогини Ферия. Им отправляли послания, которые предназначались герцогине. Например, Томас Чалонер порой адресовал свои послания для Джейн даме ее свиты Дамасин Стардлинг⁷³. А важная политическая корреспонденция — переписка с агентом Марии Стюарт Томасом Морганом — шла через руки Дороти Эссекс, дамы свиты герцогини⁷⁴.

В 1591 г. один из агентов докладывал лорду-казначей Уильяму Сесилу, как именно распространяются новости в условиях войны: от английских родственников информация направлялась через французские порты в Нидерланды, к сестре герцогини — Энн, леди Хангерфорд, которая, расставшись с мужем, жила в Лувене. Оттуда письма доставлялись в Испанию, а содержащаяся в них политическая информация при посредстве сына Джейн, молодого герцога Ферия, достигали ушей Филиппа II⁷⁵.

Непрерывный обмен информацией превращал Джейн Дормер во влиятельного политического игрока, обладавшего своим представлением о том, как должны развиваться отношения Англии, Испании и английских католиков. Она вела переписку с Марией Стюарт с 1560 г. почти до конца жизни шотландской королевы⁷⁶. В 1562 г. вместе с Маргарет Дуглас, графиней Леннокс Джейн участвовала в тайных переговорах о династическом браке Марии Стюарт и Генри Дарнли (который объединил бы две ветви шотландского дома и укрепил их наследственные права на оба британских престола)⁷⁷. Герцогиня здесь явно выступала в роли посредницы между шот-

---

73 **CSP Foreign.** 1869: 249.

74 **CSP Domestic.** 1856: 427.

75 **CSP Domestic.** 1867: 70.

76 **CSP Simancas.** 1892: 408-409; **CSP Simancas.** 1896: 568.

77 **CSP Foreign.** 1867: 84; **CSP Simancas.** 1892: 119.

ландками и испанским двором. Когда об этих планах узнала королева Елизавета, она немедленно отправила графиню Леннокс в Тауэр. Несмотря на это, династический брак между Марией Стюарт и Генри Дарнли был заключен в 1565 г.

Посредническая роль герцогини Ферии чуть было не превратилась в публичную должность. После смерти ее мужа, который так и не доехал до Брюсселя после своего назначения на пост губернатора Нидерландов, группа английских эмигрантов обратилась к королю Испании и в Рим с просьбой назначить правительницей его вдову, леди Джейн. Эту просьбу поддержала и Мария Стюарт. Назначить на публичную должность женщину, не принадлежавшей к династии Габсбургов, оказалось невозможным, но план отнюдь не был забыт: английские эмигранты (с согласия леди Джейн) обращались к нему еще дважды, в 1593 и 1596 гг. и каждый раз эти планы обсуждались на самом высоком уровне в Мадриде, Риме и Брюсселе⁷⁸.

Каждый раз слухи о назначении Джейн Дормер правительницей Нидерландов, или даже отправке ее к брюссельскому двору (в не вполне ясном качестве) были тесно связаны с планами военных действий против Англии: в 1593 г. предполагалось, что герцогиня сможет убедить своего родственника Роберта Сидни сдать удерживаемые им в Нидерландах крепости испанцам, а в 1596 г. планировалась отправка новой Армады. В этих проектах получила отражение позиция леди Джейн в отношении Англии, которую она разделяла с покойным мужем; в ее окружении присутствовали эмигранты — сторонники решения «английского вопроса» военным путем, и благодаря связям герцогини Ферия, в частности, дружбе с королевским секретарем Хуаном де

---

78 Loomie. 1963: 101, 115-119, 121-123.

Идиакесом они получили доступ к королю Филиппу. Среди них были иезуит Роберт Парсонс, сэр Фрэнсис Инглфилд и сэр Томас Фицгерберт⁷⁹. Кроме того, герцогиня явно стремилась укрепить положение своей семьи: в 1592 г. ходили слухи о том, что она пыталась не только стать представительницей испанского короля Брюсселе, но и добиться не назначения своего сына командующим армией в Нидерландах (после смерти герцога Фарнезе)⁸⁰. Таким образом, семья Ферия получила бы почти неограниченный контроль в делах, касающихся Англии.

В 1603 г., со сменой династии в Англии возник план отправить уже немолодую герцогиню домой в качестве дамы свиты королевы Анны, супруги Якова I. План преследовал сразу несколько целей: во-первых, он должен был сопровождаться назначением ее сына Лоренсо, герцога Ферии, послом в Англию. Это, по крайней мере, в глазах герцогини и ее окружения, сделало бы семью Ферия незаменимой для испанского правительства во всех английских делах. Во-вторых, для английского двора присутствие герцогини Ферия в женской свите облегчило бы контакты с Римом: в отличие от Елизаветы I, отношения Якова I с папским престолом не были враждебными, но официальные дипломатические контакты протестантского государя с понтификом были невозможны. Однако королева Анна Датская была католичкой и, соответственно, могла представлять своего супруга в контактах с Римом, внешне выступая только от своего лица⁸¹. Герцогиня Ферия была хорошо известна в Риме, в том числе и благодаря тому, что послами там служили ее сын и

---

79 Loomie. 1963: 107-108.

80 CSP Domestic. 1867: 267-268.

81 Fry. 2013.

внук, и сама получала письма от понтификов⁸². Она вполне могла участвовать в непубличных дипломатических переговорах, что было тем более важно благодаря ее связям среди английской католической диаспоры и католиков внутри страны. Назначение, в конце концов, не состоялось, однако тот факт, что оно рассматривалось всерьез, является свидетельством политического влияния герцогини Ферия.

Это влияние и сеть контактов, охватывавших Англию, Нидерланды, Испанию, а также Рим и юг Италии делали герцогиню Ферия важным покровителем для католиков-эмигрантов и их собратьев на родине. Каким образом выстраивалась ее английская клиентела? Она состояла, прежде всего, из слуг, мужчин и женщин. Герцогиня Ферия отбыла из Англии с большой свитой. В ее составе было несколько бывших дам двора королевы Марии I, а также родственниц английских придворных, в том числе ее собственных: Маргарет Харингтон (кузина герцогини, в Испании стала женой Бенито де Сиснероса, дворянина из свиты герцога Ферия), Дамасин Страдлиг (двоюродная сестра фрейлины Джейн Эренделл, ум. 1567), Энн Пикеринг (ум. 1576, сестра елизаветинского придворного, сэра Уильяма Пикеринга; вышла замуж за Роже де ла Ривьера), Сьюзен Кларенсье (Уайт, ум. ок. 1566; близкая подруга королевы Марии I). Единственная из уехавших с Джейн, Кэтрин Пастон (1547-1615) вернулась домой в середине 1570-х гг. и в 1576 г. стала фрейлиной королевы Елизаветы I⁸³.

В составе свиты герцогини были родственники и слуги еще английских времен. Среди них были Джордж Фицуильям

82 Crummé. 2013: 70-71.

83 Родственники Дамасин также эмигрировали: ее сестра Люси Страдлиг стала монахиней в Лувене, а брат Дэвид оказался на испанской службе и умер в 1578 г. в Брюсселе. Серегина. 2019b: 182-183.

и Джордж Чемберлен, а также некий мистер Батлер, служивший ей еще в 1558 г., когда она покинула Англию: в 1602 г. он пытался пристроить в ее свиту своего сына⁸⁴. Они же, используя уже собственные дружеские и родственные связи, являлись посредниками в распространении информации, передавали письма, участвовали в политических интригах. Покровительство герцогини Ферия обеспечивало англичанам не только положение в ее доме, но и другие должности, иногда за пределами Испании. Так, англичан Босгрейва и Уайта герцогиня до 1594 г. устроила в свиту итальянского сеньора Мазары, явно при посредничестве сына, который в 1591–1592 гг. был послом Филиппа II в Риме⁸⁵. Секретари (английский и латинский) и капелланы дам становились важными лицами внутри эмигрантского сообщества, в руках которых оказывалась ценная политическая информация. Для переписки с секретарем герцогини Ферия агент Марии Стюарт в Париже Томас Морган даже завел отдельный шифр⁸⁶.

Покровительство английских дам способствовало карьере английских клириков. Герцогиня Ферия и ее сестра Энн Хангерфорд поддерживали кандидатуру Оуэна Льюиса, епископа Россанского⁸⁷, в качестве нового кардинала (неофициального главы английских католиков за границей) после смерти Уильяма Аллена⁸⁸ в 1594 г., и фактически наложили вето на про-

---

84 **CSP Domestic.** 1870: 197.

85 **CSP Domestic.** 1867: 489.

86 **CSP Simancas.** 1899: 568.

87 Оуэн Льюис (1532-1595), валлийский католик-эмигрант, миссионер и богослов, в 1588-1594 гг. епископа Кассанский.

88 Уильям Аллен (1532-1594), английский богослов, преподаватель Оксфорда, основатель Английских коллегий в Дуэ и Риме, кардинал в 1585-1594 гг.; неофициальный глава английского католического клира.

движение иезуита Роберта Парсонса⁸⁹. В письме Оуэну Льюису от 10/20 мая 1595 г. Энн Хангерфорд похвалялась:

доктор Уортингтон показал мне подписанное некоторыми англичанами и адресованное папе письмо, в поддержку назначения Парсонса кардиналом. Я ему так ответила, что он больше не требовал от меня согласия.⁹⁰

Имела герцогиня и свою партию среди английского духовенства в Нидерландах. Именно английские миссионеры и другие клирики и адресовали королю Филиппу II письмо с просьбой назначить ее правительницей Нидерландов⁹¹.

Наконец, герцогиня Ферия была посредницей между английскими католиками, остававшимися в Англии, и испанскими властями в Испании и Нидерландах. Поскольку она уехала задолго до войны с Испанией, и ее публично не обвиняли в участии в заговорах против королевы Елизаветы, обращение к ней было менее рискованным, хотя и не вполне нейтральным жестом. Так, через Джорджа Хамбертона⁹², виконт Монтегю поддерживал контакты с герцогом Альбой в 1569 г., т.е., во время Северного восстания, предполагая, что ему, как и другим дворянам-католикам, придется уехать за границу⁹³. И хотя виконт, не участвовавший в восстании, не пострадал после его подавления, брат его жены Фрэнсис Дейкр оказался в числе тех мятежников, которым удалось бежать. В Испании ему оказывала покровительство герцогиня

89 Роберт Парсонс (1546-1610), английский иезуит и миссионер; в 1594-1610 гг. глава Английской Миссии ордена иезуитов.

90 **CSP Domestic**. 1869: 41

91 **Loomie**. 1963: 108

92 Так в письме испанского посла Филиппу II; возможно, речь идет о Джордже Чемберлене.

93 **CSP Simancas**. 1894: 219.

Ферия⁹⁴. Оказала она гостеприимство и племяннику виконта, Уильяму Брауну, когда тот в 1578 г. приехал в Испанию⁹⁵.

Родственницы Монтегю продолжали переписываться с Джейн в годы войны (именно дамы, что позволяло использовать фикцию — представление о том, что в женской переписке обсуждались исключительно семейные дела)⁹⁶. Переписывались с ней и другие — ее родственники Сидни⁹⁷, хотя регулярная переписка с началом войны прекратилась.

Наконец, Джейн Дормер покровительствовала не только мужчинам-эмигрантам, но и женщинам. Когда герцогиня Ферия покинула Англию в 1559 г., в ее свите выехали сестры лондонской общины бригеттинок, разрешения на выезд которых добился ее муж⁹⁸. Поначалу монахини остались в Нидерландах, где им пришлось кочевать по стране, спасаясь от армий протестантов. Герцогиня Ферия через свою сестру помогала им финансами и покровительством, а однажды даже потребовала от своего родственника — поэта Филиппа Сидни, находившегося с английской армией в Нидерландах (т.е., уже после начала войны с Испанией) защитить от протестантских мародеров сестер монастыря, патронами которого были еще их общие с Сидни предки, что Сидни и сделал. Наконец, в 1594 г. благодаря герцогине община перебралась в Лиссабон, где и осела⁹⁹. Помогала Джейн Дормер и другим английским монахиням, которые в начале XVII в. основывали в Нидерландах новые монастыри. Им необходима была финансовая помощь, которую оказывала герцогиня: например, она купила дом, где

---

94 Серегина. 2017: 161.

95 Серегина. 2017: 121.

96 Серегина. 2016b.

97 CSP Simancas. 1892: 96.

98 Clifford. 1887: 107-108.

99 Walker. 2010: 160-162.

поселилась первая английская община кларисс в Гравлине¹⁰⁰. И она же была посредницей между англичанками и правительницей Нидерландов, инфантой Изабеллой.

Сопоставление клиентелы герцогини Ферия с клиентелой другой покровительницы английских эмигрантов-католиков, графиней Нортумберленд, позволяет выявить общие черты женского патроната. Энн Сомерсет, дочь графа Вустера, в замужестве Перси, графиня Нортумберленд (1536-1596) была представительницей семьи еще более знатной, чем Дормеры¹⁰¹. Она принадлежала к кругу тюдоровской придворной аристократии, возвышенной ради примирения враждующих сторон после Войн Роз. Отец, Генри Сомерсет, второй граф Вустер, происходил от внебрачного сына герцога Сомерсета — родственника Генриха VII Тюдора по женской линии — а его род восходил к Ланкастерам. Мать Энн, Элизабет Браун, принадлежала придворной элите, а по материнской линии — к влиятельному роду йоркистов¹⁰². Придворными и друзьями детства Генриха VIII были ее братья — Уильям Фицуильям, граф Саутхэмптон, казначей двора, и сэр Энтони Браун, лорд-камергер¹⁰³, а сама Элизабет была придворной дамой Анны Болейн. Последнее обстоятельство сыграло важную роль в семейной истории и предопределило придворную карьеру потомков Элизабет Браун во второй половине XVI в. Семья графини относилась к числу сторонников Екатерины Арагонской, а сэр Энтони Браун был ак-

---

100 **Серегина**. 2021: 246.

101 Об Энн Перси как покровительнице английских эмигрантов см.: **Gibbons**. 2010; **Gibbons**. 2014.

102 Мать Элизабет, Люси Невилл, была внучкой маркиза Монтегю — младшего брака графа Уорика, «Делателя королей» и до старости сохраняла приверженность династии Йорков. **Серегина**. 2017: 43.

103 **Серегина**. 2017: 60-65.

тивным участником придворной интриги, жертвой которой пала Анна Болейн. Графиня Вустер была в числе дам, которые дали показания против своей госпожи и в конечном счете привели ту на эшафот в 1536 г.¹⁰⁴ Елизавета I, придя к власти, не склонна была привечать тех, кого винила в смерти матери, поэтому Энн Сомерсет быстро лишилась места фрейлины, которое получила в правление Марии I (при дворе последней девушка служила вместе с Джейн Дормер)¹⁰⁵.

В 1565 г. Энн стала женой Томаса Перси, графа Нортумберленда Перси были самой влиятельной семьей севера Англии, но их отношения с Тюдорами были отягощены конфликтами. Отец графа, сэр Томас Перси, принял участие в восстании 1536 г. — «Благодатном паломничестве» — и был за это казнен. Хотя земли и титул были возвращены его сыну, семья находился под подозрением. Ни Перси, ни Сомерсетсы в начале царствования Елизаветы не имела прямых контактов со двором (прежде всего, через женщин свиты), и, возможно, в этом состоит одна из причин конфликта северной аристократии с королевой¹⁰⁶, который привел к развязыванию самого опасного внутреннего конфликта ее правления.

Восстание 1568–1569 гг. на севере Англии, которое называют восстанием графов, по титулам предводителей, Томаса Перси, графа Нортумберленда и Чарльза Невилла, графа Уэстморленда, по справедливости можно было бы назвать восстанием графинь, т.к. инициаторами восстания были жены — Джейн Невилл (Ховард), графиня Уэстморленд, и Энн Перси. Правительство Елизаветы отнеслось к ним обеим очень серьезно, как они того и заслуживали.

---

104 Серегина. 2017: 67-68.

105 Серегина. 2019b: 168.

106 Серегина. 2018.

Джейн Невилл после подавления восстания сдалась королеве, рассчитывая на то, что ее троюродная сестра сохранит ей жизнь, и провела остаток дней (до 1593 г.) под домашним арестом. Энн Перси вслед за мужем бежала в Шотландию (1570). Томас Перси был в Шотландии захвачен графом Мортон¹⁰⁷, продан английскому правительству за 2000 фунтов и казнен в 1572 г. Энн Перси и Уэстморленд получили поддержку лордов-католиков. Лорд Ситон, ранее — бывший распорядитель двора Марии Стюарт¹⁰⁸ — вывез английских беглецов из Шотландии, невзирая на попытки английского посла затребовать их выдачи¹⁰⁹.

Энн Перси оказалась за границей как изменница, на родине объявленная вне закона, без средств к существованию, без мужа. Ей пришлось на собственном опыте испытать трудности эмигрантской жизни, особенно в первый год. Затем лорд Ситон представил ее герцогу Альбе. В 1571 г. была устроена торжественная встреча беглой графини с правителем Нидерландов, в ходе которой дама произносила речь, а герцог отвечал¹¹⁰. При посредничестве Альбы Энн Перси, Уэстморленд и другие знатные английские эмигранты полу-

107 Джеймс Дуглас, 4-й граф Мортон (1561-1581), в 1572-1578 гг. регент Шотландии во время несовершеннолетия Якова VI.

108 Джордж, 7-й барон Ситон (1531-1586) — распорядитель двора Марии Стюарт, прево Эдинбурга. После свержения Марии был одним из ее активных сторонников. В 1570 г. получил от регента Мортон разрешения удалиться в изгнание и уехал вместе с английскими мятежниками, ускользнувшими от английского правосудия после Северного восстания 1568-1569 гг., в числе которых была графиня Нортумберленд. В 1581 г. вернулся в Шотландию после свержения Мортон и в 1583-1585 гг. был послом Якова VI в Париже.

109 **CSP Foreign**. 1874: 335. Английское правительство требовало от Филиппа II выдачи графини Нортумберленд вплоть до начала англо-испанской войны в 1585 г., так что Энн Перси пришлось несколько раз временно переехать в Льеж, являвшийся имперским леном.

110 **CSP Foreign**. 1876: 87.

чили пенсии от испанского короля, по 200 флоринов ежемесячно. Эта выплата — по высшему разряду отражала высокий статус беглянки, но все же была слишком большой для вдовы, которой подобало скромно жить с небольшой свитой. Документ подчеркивал, что деньги предназначались не только для жизни самой графини, но и для содержания ее людей¹¹¹. Таким образом, Филипп II признал Энн Перси как главу большой клиентелы.

В состав этой клиентелы входили родственники и слуги Перси. К их числу, например, относился бывший секретарь казенного графа Хенингс¹¹². В свите Энн Перси в Нидерландах капелланами были Николас Сандерс и Уильям Аллен — впоследствии не без ее помощи оба станут кардиналами в 1580х гг.¹¹³. Подобно герцогине Ферия Энн Перси была противницей назначения иезуита Роберта Парсонса новым кардиналом, а среди эмигрантов Лувена сформировалась поддерживаемая ею партия, конфликтовавшая со сторонниками графа Уэстморленда — командующего полком английских эмигрантов на испанской службе¹¹⁴.

Контакты с объявленной вне закона Энн Перси были гораздо более опасными, т.к. делали переписывавшегося с ней изменником. Именно поэтому ее собственные родственники публично дистанцировались от нее. Так поступил брат, граф Вустер, отправленный в 1572 г. послом к французскому двору, когда в Париж прибыл человек с письмом от нее: он отказался принять посланца и привезенное им письмо¹¹⁵. Действие разворачивалось на глазах второго посла, сэра Фрэн-

---

111 Gibbons. 2014: 45.

112 CSP Foreign. 1876: 623.

113 Gibbons. 2014: 48.

114 Gibbons. 2014: 47-48.

115 CSP Foreign. 1876: 299.

сиса Уолсингэма¹¹⁶ и вполне могло быть постановкой. Энн Перси чаще фигурировала в качестве адресата писем англичан-эмигрантов, т.е., тех, кому уже нечего было терять, что, конечно, не исключает тайной переписки с английскими родственниками через посредников или посредниц.

Энн Перси способствовала созданию английских женских монастырей «за морем», хотя и не дожила до их появления: во-первых, именно ее дочь, Мэри Перси, основала первую новую английскую общину (в 1598 г. в Брюсселе), а во-вторых, Мэри унаследовала от матери необходимые связи для этого — среди нидерландского католического духовенства, и не только. Еще в 1570-х гг. Энн Перси контактировала с семьей Гизов — как сторонница освобождения из английского плена их родственницы Марии Стюарт и как покровительница английских женщин, отправлявшихся в заграничные монастыри. Одним из мест назначения, благодаря посредничеству Энн Перси, стало бенедиктинское аббатство Сен-Пьер ле дам в Реймсе, аббатисой которого была Рене Лотарингская — тетка Марии Стюарт и герцога Гиза. Именно оттуда в Брюссель в 1598 г. прибыла Джоан Беркли — первая аббатиса английской обители¹¹⁷.

Предварительная и неполная реконструкция сетей коммуникаций и патроната герцогини Ферия, в сопоставлении с коммуникативными сетями графини Нортумберленд позволяют охарактеризовать особенности женского патроната. Женщины скорее становились посредницами в сетях патроната, т.е., теми, кто мог найти покровителя, необходимого, чтобы пристроить эмигранта на службу, в монастырь или

116 Фрэнсис Уолсингэм (1532-1590) принадлежал к протестантскому окружению Елизаветы, в 1570–1573 гг. английский посол во Франции, после 1573 г. — государственный секретарь и глава секретной службы.

117 Серегина. 2021: 251.

приход, или же обеспечить ему/ей королевскую пенсию. Система женского патроната здесь оказывалась двухуровневой: женщины-эмигрантки обращались за покровительством к другим женщинам, уже включенным в местную систему патроната по рождению или через брак (как герцогиня Ферия), становясь, таким образом, патронами второй очереди.

Особенности габсбургского придворного церемониала — осложненный доступ к женщинам королевской семьи для придворных-мужчин — и политические обстоятельства XVI в., а именно, большое число женщин из семейства Габсбургов, участвовавших в управлении государством как влиятельные патроны (например, жена Филиппа III Маргарита Австрийская) или правительницы (Маргарита Пармская, инфанта Изабелла) делала женщин-патронесс особенно важными для эмигрантов. И это обусловило ту важную политическую роль, которую обе англичанки играли на европейской сцене во второй половине XVI в. При этом их коммуникативные сети никогда не были исключительно женскими. В выстроенных дамами сетях патроната мужчины (родственники герцогини Ферия, ее слуги и члены линияжа, а также и клирики) играли важную роль. Обе дамы были вдовами с малолетними детьми и им приходилось активно действовать в публичном пространстве от имени малолетних наследников, обращаясь к властям и петициями, а в суды с исками. Благодаря этому они встраивались в мужские системы патроната, становясь посредницами для английских эмигрантов.

Еще одной важной особенностью сетей патроната обеих английских дам, явно облегчивших их включение в систему габсбургского патроната, была их принадлежность к двору Марии I Тюдор в юности. Двор первой английской королевы должен был стать частью цепи габсбургских и союзных им дворов Европы, и он действительно был таким в 1553–

1558 гг. Ранняя смерть Марии не позволила английскому двору полностью интегрироваться в эту систему, однако именно контакты и даже брачные связи, возникшие в этот короткий период, позволили католикам-эмигрантам позднее стать частью общеевропейской системы габсбургского патроната.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

CSP Foreign. 1867 — Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, Volume 5, 1562 / Ed. by J. Stevenson. London, 1867.

CSP Foreign. 1869 — Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, Volume 6, 1563 / Ed. by J. Stevenson. London, 1869.

CSP Foreign. 1870 — Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, Volume 7, 1564–1565 / Ed. by J. Stevenson. London, 1870.

CSP Foreign. 1871 — Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, Volume 8, 1566–1568 / Ed. by A. J. Crosby. London, 1871.

CSP Foreign. 1874 — Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, Volume 9, 1569–1571 / Ed. by A. J. Crosby. London, 1874.

CSP Foreign. 1876 — Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, Volume 10, 1572–1574 / Ed. by J. Stevenson. London, 1876.

CSP Domestic. 1856 — Calendar of State Papers Domestic: Edward VI, Mary and Elizabeth, 1547–1580 / Ed. by R. Lemon. London, 1856.

CSP Domestic. 1867 — Calendar of State Papers Domestic: Elizabeth, 1591–1594 / Ed. by M. A. Everett Green. London, 1867.

CSP Domestic. 1869 — Calendar of State Papers Domestic: Elizabeth, 1595–1597 / Ed. by M. A. Everett Green. London, 1867.

CSP Domestic. 1870 — Calendar of State Papers Domestic: Elizabeth, 1601–1603 With Addenda 1547–1565 / Ed. by M. A. Everett Green. London, 1870.

CSP Simancas. 1892 — Calendar of State Papers, Spain (Simancas), Volume 1, 1558–1567 / Ed. by M. A. S. Hume. London, 1892.

CSP Simancas. 1894 — Calendar of State Papers, Spain (Simancas), Volume 2, 1568–1579 / Ed. by M. A. S. Hume. London, 1894.

CSP Simancas. 1896 — Calendar of State Papers, Spain (Simancas), Volume 3, 1580–1586 / Ed. by M. A. S. Hume. London, 1896.

CSP Simancas. 1899 — Calendar of State Papers, Spain (Simancas), Volume 4, 1587–1603 / Ed. by M. A. S. Hume. London, 1899.

***

Клиффорд. 2019 — Клиффорд Г. Жизнеописание леди Джейн Дормер, герцогини Ферия // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 27. 2019. С. 271–349.

Клиффорд. 2020 — Клиффорд Г. Жизнеописание леди Джейн Дормер, герцогини Ферия // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 28. 2020. С. 280–350.

Clifford. 1887 — Clifford H. The Life of Jane Dormer, Duchess of Feria. London, 1887.

Queen Elizabeth. 1928 — Queen Elizabeth and Some Foreigners: Being a Series of Hitherto Unpublished Letters from the Archives of the Hapsburg Family / Ed. by V. von Klarwill. Transl. by T. H. Nash. London, 1928.

ЛИТЕРАТУРА

Серегина. 2013 — Серегина А.Ю. Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Парсонс Р. Рассуждение о наследовании английского престола [1594] / Пер. с англ., вступ. статья и комм. А.Ю. Серегинной. М., 2013.

Серегина. 2016а — Серегина А.Ю. Английская аристократка на политической сцене: «Биография» леди Джейн Дормер // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вы. 77 (3–4). 2016. С. 354–367.

Серегина. 2016б — Серегина А.Ю. Много шума из ничего: переписка с эмигрантами и политические конфликты в Англии конца XVI в. // Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре / Под ред. А.В. Стоговой, А.Ю. Серегинной. М., 2016. С. 52–71.

Серегина. 2017 — Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М. – СПб., 2017.

Серегина. 2018 — Серегина А. Ю. Доверие королевы и верность аристократов-католиков: обмен новогодними дарами при дворе Елизаветы I Английской // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. Вып. 9 (73). 2018. <https://history.jes.su/s207987840002398-6-1/> (дата обращения: 07.12.2021).

Серегина. 2019а — Серегина А.Ю. Женщина в мире политики XVI в.: Жизнеописание леди Джейн Дормер, герцогини Ферия // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 27. 2019. С. 261–270.

Серегина. 2019b — Серегина А.Ю. Королевская опочивальня: придворные дамы Марии I Тюдор и политический мир XVI в. // Казус–2019. М., 2019. С.161–184.

Серегина. 2020а — Серегина А.Ю. Благочестие и политика патроната: Джейн Дормер при испанском дворе // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 28. 2020. С. 255–279.

Серегина. 2020b — Серегина А.Ю. Кража золотых пуговиц, или придворные дамы Марии I и Елизаветы I в политических конфликтах середины XVI в. // Казус – 2020. М., 2020. С. 171–186.

Серегина. 2021 — Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI – XVII вв. М. – СПб., 2021.

Akkerman, Houben. 2013 — Akkerman N. Houben B. Introduction // The Politics of Female Households. Ladies-in-Waiting across Early Modern Europe / Ed. by N. Akkerman, B. Houben. Leiden, 2013. P. 1–27.

Alford. 2002 — Alford S. Kingship and Politics in the Reign of Edward VI. Cambridge, 2002.

Allen. 2019 — Allen G. The Rise of the Ambadress: English Ambassadorial Wives and Early Modern Diplomatic Culture // The Historical Journal. Vol. 62. 2019. P. 617–638.

Atherton. 1998 — Atherton I. The Itch Grown a Disease: Manuscript Transmission of News in the Seventeenth Century // Prose Studies. Vol. 21. 1998. P. 39–65.

Bainbridge. 2004 — Bainbridge V.R. Newdigate, Sebastian // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/68241> (дата обращения: 07.12.2021).

Boyden. 1995 — Boyden J.M. The Courtier and the King: Ruy Gómez de Silva, Philip II, and the Court of Spain. Berkeley – Los Angeles – London, 1995.

Carroll. 1998 — Carroll S. Noble Power during the French Wars of Religion: The Guise Affinity and the Catholic Cause in Normandy. Cambridge, 1998.

Cogan. 2021 — Cogan S.M. Catholic Social Networks in Early Modern England: Kinship, Gender, and Coexistence. Amsterdam, 2021.

Crummé. 2013 — Crummé H.L. Jane Dormer's Recipe for Politics: A Refuge Household in Spain for Mary Tudor's Ladies-in-Waiting // The Politics of Female Households: Ladies-in-Waiting Across early Modern Europe / Ed. by N. Akkerman, B. Houben. Leiden, 2013. P. 51-71

Cust. 1986 — Cust R. News and Politics in Early Seventeenth-Century England // Past & Present, Vol.112. 1986. P. 60-90.

Daybell. 2004 — Women and Politics in Early Modern England, 1450-1700 // Ed. by J. Daybell. London, 2004.

Daybell. 2006 — Daybell J. Women Letter-Writers in Tudor England. Oxford, 2006.

De Cruz Medina. 2013 — De Cruz Medina V. "In Service to My Lady, the Empress, As I Have Done Every Other Day of My Life": Margarita f Cardona, Baroness of Dietrichstein and Lady-in-Waiting of Maria of Austria // The Politics of Female Households: Ladies-in-Waiting Across early Modern Europe / Ed. by N. Akkerman, B. Houben. Leiden, 2013. P. 99-119.

Eales. 1990 — Eales J. Puritans and Roundheads: The Harleys of Brampton Bryan and the Outbreak of the English Civil War. Cambridge, 1990.

Fry. 2013 — Fry C. Perceptions of Influence: Catholic Diplomacy of Queen Anne and Her Ladies, 1601-1604 // The Politics of Female Households: Ladies-in-Waiting Across early Modern Europe / Ed. by N. Akkerman, B. Houben. Leiden, 2013. P. 267-285.

Gibbons. 2010 — Gibbons K. "An Unquiet Estate Abroad": The Religious Exile of Catholic Noblewomen and Gentlewomen under Elizabeth I // Women on the Move: Refugees, Migration and Exile / Ed. by F. Reid and K. Holden. Newcastle upon Tyne, 2010. P. 43-58.

Gibbons. 2014 — Gibbons K. Religious and Family Identity in Exile: Anne Percy, Countess of Northumberland in the Low Countries // Exile and religious identity, 1500-1800 / Ed. by J. Sponholz, G. K. Waite. London, 2014. P. 39-50.

Giry-Deloison. 1995 — Patronages et Clientelismes 1550-1750 (France, Angleterre, Espagne, Italie) // Dir. de C. Giry-Deloison, R. Mettam. Lille, 1995.

Gunn. 1995 — Gunn S. Structures of Politics in Early Tudor England // Transactions of the Royals Historical Society. Vol. 5. Cambridge, 1995, P. 59–90.

Harris. 1990 — Harris B. Women and Politics in Early Tudor England // The Historical Journal. Vol. 33. 1990. P. 259–281.

Harris. 1992 — Harris B. English Aristocratic Women, 1450–1550: Marriage and Family, Property and Careers. Oxford, 1992.

Harris. 1997 — Harris B. The View from My Lady's Chamber: New Perspectives on the Early Tudor Monarchy // Huntington Library Quarterly. Vol. 60. 1997. P. 215–247

History of Parliament — The History of Parliament. British Political, Social and Local History. [Members | History of Parliament Online](#). (дата обращения: 07.12.2021).

Hufton. 2000 — Hufton O. Reflections on the Role of Women in the Early Modern Court // The Court Historian. Vol. 5. 2000. P.1–13.

Ives. 1983 — Ives E.W. The Common Lawyers of Pre-Reformation England. Cambridge, 1983

Kettering. 1986 — Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. Oxford, 1986.

Kettering. 1989 — Kettering S. The Patronage Power of Early Modern French Noblewomen // The Historical Journal. Vol. 32. 1989. P. 817–841.

Kettering. 1992 — Kettering S. Patronage in Early Modern France // French Historical Studies. Vol. 17. 1992. P. 839–862.

Larminie. 1995 — Larminie V. Wealth, Kinship and Culture: The Seventeenth-Century Newdigates of Arbury and their World. London, 1995.

Lettenhove. 1882 — Lettenhove K. de. Relations politiques des Pays-Bas et de l'Angleterre, sous le règne de Philippe II. T. I. Bruxelles, 1882.

Levy. 1982 — Levy F.J. How Information Spread among the Gentry, 1550–1640 // Journal of British Studies. Vol. 21. 1982. P. 11–34.

Levy. 1998 — Levy F.J. The Decorum of News // Prose Studies. Vol. 21. 1998. P. 12–38.

Loades. 2004 — Loades D. Suarez de Figueroa, Gomez // Oxford Dictionary of National Biography online [2004]:

<https://doi.org/10.1093/ref:odnb/70578> (дата обращения: 07.12.2021).

Loomie. 1963 — Loomie A., S.J. Spanish Elizabethans. The English Exiles at the Court of Philip II. New York, 1963. P. 94–128.

Love. 1993 — Love H. Scribal Publication in the Seventeenth-Century England. Oxford, 1993.

MacCaffrey. 1991 — MacCaffrey W. Patronage and Politics under the Tudors // The Mental World of the Jacobean Court. Cambridge, 1991.

Marshall. 2009 — Catholic Gentry in English Society: The Throckmortons of Coughton from Reformation to Emancipation / Ed. by P. Marshall and G. Scott. Farnham, 2009.

Mears. 2009 — Mears N. Queenship and Political Discourse in the Elizabethan Realms. Cambridge, 2009

Merton. 1992 — Merton C.I. Women who served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber, 1553–1603. PhD Thesis. University of Cambridge, 1992. P. 259. <https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/251525> (дата обращения: 07.12.2021).

Millán. 2017 — Millán J.M. Factions and Political Groups at Philip II's Court: Albists vs Ebolists // A Europe of Courts, a Europe of Factions: Political Groups at Early Modern Centres of Power (1550-1700) / Ed. by R. Gonzalez Cuerva, A. Koller. Leiden, 2017. P. 109-128.

Munns. 2003 — Gender, Power and Privilege in Early Modern Europe / Ed. by J. Munns, P. Richards. London, 2003.

Payne. 2001 — Payne H. Aristocratic Women and the Jacobean Court, 1603–1625. PhD Thesis. Royal Holloway. University of London, 2001.

Payne. 2004 — Payne H. Aristocratic women, power, patronage and family networks at the Jacobean court, 1603–1625 // Women and Politics in Early Modern England, 1450–1700 / Ed. by J. Daybell. Aldershot, 2004. P. 164–180.

Peck. 1981 — Peck L. L. Court Patronage and Government Policy: The Jacobean Dilemma // Patronage in the Renaissance / Ed. by Guy Fitch Lytle and Stephen Orgel, Princeton, 1981. P. 27–46.

Peck. 1990 — Peck L.L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. London, 1990.

Questier. 2006 — Questier M.C. Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage, and Religion, c.1550–1640. Cambridge, 2006.

Rodriguez-Salgado. 2004 — Rodriguez-Salgado M.J. Dormer, Jane // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/7836> (дата обращения: 07.12.2021).

Sánchez. 1999 — Sánchez M.S. The Empress, The Queen and the Nun. Women and Power at the Court of Philip III of Spain. Baltimore, 1999.

Sowerby. 2016 — Sowerby T.A. Elizabethan Diplomatic Networks and the Spread of News // News Networks in Early Modern Europe / Ed. by J. Raymond, N. Moxham. Leiden, 2016. P. 305–327.

Valencia Rodríguez. 2010 — Valencia Rodríguez J. M. El poder señorial en la edad moderna: La Casa de Feria (Siglos XVI y XVII). T. I. Badajoz, 2010.

Walker. 2010 — Walker C. Continuity and Isolation: The Bridgettines of Syon in the Sixteenth Century // Syon Abbey and Its Books: Reading, Writing and Religion, C.1400–1700 / Ed. by E.A. Jones, A. Walsam. Woodbridge, 2010. P. 155–176.

Walsby. 2007 — Walsby M. The Counts of Laval: Culture, Patronage and Religion in Fifteenth- and Sixteenth-Century France. Aldershot, 2007.

Wiltrout. 1987 — Wiltrout A.E. A Patron and a Playwright in Renaissance Spain: The House of Feria and Diego Sánchez de Badajoz. London., 1987.

К.Ю. Ерусалимский

МОСКОВИТКИ, МОСКОВКИ, МОСКАЛИХИ: ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ XVI-XVII ВВ.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российское государство, Речь Посполитая, москвитки в эмиграции, гендерная история российской эмиграции.

АННОТАЦИЯ: Побег или свободный выезд российских женщин Раннего нового времени на постоянное проживание за границу (прежде всего — в Корону Польскую и Великое княжество Литовское) изучен в статье на широком круге источников XVI — начала XVIII в. Среди «выталкивающих» факторов рассмотрены побег вместе с мужем и семьей, вывоз в плен, насильственные «умыкания» и побеги из приграничных территорий Российского государства. «Стимулирующих» факторов было мало, и они почти не отражены в известных ныне источниках. Женщины из служилого класса интегрировались как вместе с мужьями и сыновьями, так и в случае их смерти, и траектории интеграции свидетельствуют о частичных сходствах в правовых традициях российского и польско-литовского обществ. Отдельное внимание уделено проблемам сексуального и семейного насилия, которое вызывало побеги женщин из России, иски москвиток и их представителей в Речи Посполитой. Высказано предположение, что объективация женщин из России в эмиграции подпитывала этнические представления, но не вызывала к жизни стереотипов и фантазмов, характерных для эпохи Просвещения.

-
- * Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 20-18-00432). Выражаю благодарность коллегам, высказавшим ценные замечания к более ранним версиям данной работы. Прежде всего — А.Ю. Серегиной (Москва), Анастасии Скепьян (Минск), А.В. Стоговой (Москва), а также Наталье Слиж (Гродно) и М.В. Ивановой (Санкт-Петербург). Приведенные в основном тексте имена российских эмигранток в Речи Посполитой (Короне Польской и Великом княжестве Литовском) середины XVI — начала XVII в. снабжены ссылками на источники в именном реестре в конце данной работы.

Гендерная история российской эмиграции Нового времени затруднена по тем же причинам, которые способствовали вытеснению отщепенцев из социальной памяти в самом Российском государстве (Московском царстве и его владениях) и которыми ограничены наши возможности обнаружить следы в равной мере мужчин и женщин, взрослых и детей, уехавших на постоянное проживание из Российского государства в Корону Польскую и Великое княжество Литовское¹. Однако женщины устранены из нее еще и в силу особой половой дискриминации, подвергающей дополнительному забвению именно женщин-эмигранток, теряющихся за фигурами мужчин, которые получали земельные наделы, выплаты за службу или за выезд, регистрировались в военных походах и на дипломатических переговорах². Как отмечает исследовательница «мира русской женщины», опирающаяся главным образом на источники из московских государственных архивов, жития святых, церковно-правовые памятники и так называемые записки иностранцев, нам мало известны многие социальные практики во взаимоотношениях женщин с мужчинами, даже если светские и канонические нормы их называют и квалифицируют. Например, мы не знаем, действительно ли традиционная московская семья, будто бы в отличие от европейской, была «большой» (т.е. в большей мере, чем там, опиралась на родовые объединения и

- 1 Далее речь пойдет главным образом об эмиграции и эмигрантках из России в Великое княжество Литовское и Корону Польскую. Другие трансграничные миграции будут упоминаться лишь для сравнения с этим основным для нашей работы направлением.
- 2 О правовом статусе женщин XI-XVII вв. на Руси и в Российском государстве аналитический обзор источников принадлежит А. Эку и Дж. Уайкхарту. Впрочем, оба названных исследователя не рассматривают проблему женских миграций в русском праве и игнорируют различия между правовыми традициями России и русских земель под властью других государств. См.: **Eck**. 1934; **Weickhardt**. 1996.

кланы, в меньшей мере поддавалась контролю рождаемости и т.д.). Существовало ли и связанное — также сугубо предположительно — с традиционным демографическим поведением смирение перед смертью детей. Были ли замужние женщины и вдовы (все или только аристократки) — жертвами «теремного» затворничества. Все подобные построения на поверку опираются на догадки, общие соображения и ряд неясных свидетельств. В нашем распоряжении крайне мало источников, характеризующих отношение эмигранток к девственности, их репродуктивные практики, натальное поведение, вопросы распределения обязанностей в доме и воспитания детей, лечение и гигиену, сексуальные нормы и девиации, и мало данных — особенно в сравнении с поведением местных женщин как в России, так и в Речи Посполитой — о колдовстве³.

Прежде всего, следовало бы задаться вопросом: какие социальные паттерны раскрываются в доступных нам источниках о женщинах-эмигрантках из России? Бросается в глаза, что многих социальных ипостасей они лишены, как если бы они были молчаливым дополнением к своим мужьям или детям. Такого разнообразия сведений, как в судебной документации и в процессах о «слове и деле» в России, в Речи Посполитой мы не обнаружим. Главными источниками по этой проблеме служат маскулинные по балансу участия мужчин и женщин в заявлениях и пожалованиях акты Литовской Метрики, местных шляхетских и городских судов, а также московские источники, фиксирующие переход и репатриацию женщин, конечно, из местной перспективы. Эта особенность исторического фундамента наших знаний привела к тому, что в исследовательскую оптику по истории миграций до последнего времени попадали

3 См. дискуссию: **Бошковска**. 2014: 120-123, 147-148, 154-162, 342-350, 395-423. См. также: **Райан**. 2006: 591-625; **Кивельсон**. 2020: 33-75, 146-215.

преимущественно одни мужчины⁴. Данные о европейских московитках распадаются на сообщения о свободных женщинах (княжнах и княгинях, женах дьяков, детей боярских и шляхтянках московского происхождения, горожанках, крестьянках и т.д.) и о зависимых (челяди, служанках, работницах и т.д.). Однако о многих выходящих из Российского государства мы узнаем в «серой зоне», где сам их социальный статус не определен или подвижен. При этом, как мы увидим, не оправдана и ошибочна прямая и не подкреплённая данными экстраполяция тех поведенческих установок и норм, которые московитки приобретали в России, на их заграничный опыт.

Например, источники не донесли до нас попыток адаптации российских правовых традиций к эмигрантской жизни. Судебники 1497 г. (ст. 60) и 1550 г. (ст. 92) признавали за дочерьми право наследования в случае вымирания мужских потомков. Знатные женщины в России эпохи Соборного Уложения начали испытывать ограничения на наследование недвижимости мужа, но все еще пользовались довольно широкими возможностями в области обычного права получения приданого, хозяйствования на землях мужа, распоряжения своими, отдельными от мужней собственности, землями и наследования долями земельной собственности в случае вымирания ближайших мужских ветвей рода⁵. Неясно, как этот опыт влиял на

4 Auerbach. 1987; Кром. 1993; Собчук. 1994; Grala. 1999; Казакоў. 2010; Ерусалимскі. 2012; Селарт. 2012.

5 Обзоры см.: Levy. 1983; Goehrke. 1986; Kleimola. 1992; Kollmann. 2004; Маррезе. 2009: 35-38, 71-75, 206-208. Уже в диссертации Клэр Клаус, защищенной в Базеле в 1959 г., прозвучал тезис о том, что женщины со времен Русской Правды допускались до наследования недвижимости (в случае вымирания мужских наследников), распоряжались приданным (или его оговоренными долями) как своей собственностью и пользовались широкими правами, которые, несмотря на рост образованности и политического участия женщин, претерпели ограничения в XVI — начале XVIII в., а «теремное» затворничество в рядах знати — даже с XIV в. и на всем

жизнь этих женщин при побеге за пределы России и получении недвижимости в Речи Посполитой, Ливонии, Швеции, в казаческих сообществах и где-то дальше в Европе и Азии. Или пример из жизни незнатных эмигранток. Судя по тому, насколько высоко ценились у аристократок и шляхтянок Речи Посполитой московские швей, это было искусство, которое нередко осваивалось в России, но из того, что оно было востребовано в эмиграции, не следует, что оно имело такое же исключительное значение для девушек в России. При этом можно предположить, что московитки в первом поколении реже осваивали некоторые роли, например, поварих или прачек. Впрочем, все эти предположения следуют только *ex silentio* на фоне сохранившихся упоминаний других социальных функций.

Исследование гендерных ментальностей в самой России XVI-XVII вв. показывает скорее несклонность женщин к далеким путешествиям, миграциям и вообще отлучению из дома и от своего хозяйства⁶. Церковноправовые памятники, жития и

протяжении до Петровских реформ (хотя в XVII в., по мнению К. Клаус, оно заметно ослабло) (Claus. 1959. Благодарю Искру Шварц (Венский университет) за доступ к данной работе). Тезис об упадке прав женщины и вытеснении женщин из публичной жизни в России XVI-XVII вв. был выдвинут в докторской диссертации Сьюзан Макналли, защищенной в Государственном университете Нью-Йорка в Бингемтоне в 1976 г. и вызвавшей бурную дискуссию еще на рубеже 1970-1980-х гг. (McNally. 1976). Это тезис отзывается еще в критических ремарках по поводу сходных концепций в исследованиях Н.Л. Пушкаревой и Нады Бошковой. В вопросе о противостоянии российских женщин мужскому насилию Марианна Муравьева разделяет скорее промежуточную точку зрения, обнаруживая в источниках XVII-XVIII вв. рост самосознания женщин и расширение государственных и правовых возможностей для борьбы за права против бытового и сексуального насилия (об этом см. ниже).

6. Ряд исследователей высказывали концепцию вторичности детской и женской миграции по отношению к мужской, но говорили при этом главным образом о структурных миграционных потоках, прежде всего, экономических. Социологи отмечали меньшую тягу у замужних женщин не только к эмиграции, но и к репатриации, тогда как миграции незамужних женщин и женщин из бедных регионов в большей мере подчинены ба-

инструктивные памятники (например, «Домострой») не отражают интереса не только к женской эмиграции, но и к любым выходам за пределы обжитого мира. Блуждание жены вдали от дома и от мужа воспринималось как недопустимое, даже если признавалась вина мужа или домочадцев. Это следовало из поддерживаемого церковью образа жены как «полоняничного тела» сначала родителей, а затем мужа (ср. в западноевропейском христианстве образ мужа как «суверена женщины»)7. В XVII в. нередко именно женщины препятствовали уходу из дома и за границу своих родных мужчин и челяди, что видно из того, как в многочисленных свидетельствах того времени воспринималась угроза развода, когда муж надолго оказывается вне дома, или из того, как житийная Ульяния Осорына лишь в крайней нужде распускает своих рабов («да не изнурятся гладом»), или из боязни матерей, что сыновья собираются от них «прочь отъехать» (так в переписке Евдокии Прокофьевны Урусовой с сыном, Василием Петровичем Урусовым), наконец, из отраженной в челобитных нешуточной беды — когда жена не знает, от кого ее ребенок, «а принесла мать ево из Немец в брюхе» (т.е. зачала в Немецкой слободе). Затворнический и немобильный образ жизни знатных женщин в России доказывается также теми культурными сдвигами, которые происходили в Петровскую эпоху8. Ни в России, ни, впрочем, и в Речи Посполи-

---

лансу «стилей жизни». См.: **Fuchs**. 1990; **Pedraza**. 1991: 306, 310, 315; **Smith**. 2010: 170-174.

7 Этот образ так или иначе поддерживался и в западном христианстве эпохи Средневековья, хотя его восприятие было довольно далеко от церковных идеалов и варьировало по социальным классам и контекстам. См.: **Веккьо**. 2009; **Л'Эрмит-Леклерк**. 2009; **Опитц**. 2009.

8 **Пушкарева**. 1997: 11-147. Ряд примеров в основном тексте заимствован нами из данного исследования (см.: **Пушкарева**. 1997: 44, 54, 80, 86, 128). Далее в книге также показаны те перемены, которые коснулись образа женщины в России XVIII-XIX вв. Один из выводов можно опровергнуть «от противного» на предшествующую эпоху, учитывая также обосно-

той или в других государствах по соседству с Московским царством не возникло текстов, аналогичных трактатам «О равенстве полов» Пулена де Ла Барра (1673 г.) или «Серьезное предложение всем леди» Мэри Эстелл (1694 г.), в которых как раз прозвучал призыв открыть для женщин вместе с карьерой возможность покинуть дом и монастырь для получения образования⁹. В России все это время и вплоть до начала XVIII в. был запрещен (и лишь обсуждался к открытию при Борисе Годунове, Лжедмитрии I и в Тушинском лагере) выезд за пределы государства для получения образования — даже для мальчиков, юношей и мужчин¹⁰.

Мобильности женщины препятствовали и церковно-канонические традиции, укоренившиеся в России. Подозрительное поведение, контакты с чужаками и миграции могли стать причиной конфликта в семье. Среди поводов к разводу Прохирон (в составе Кормчей сербской редакции и вплоть до печатной Кормчей) называет такие, как столование жены и ее мытье в бане с чужими мужьями, злой умысел мужа на царя, пятилетнее отсутствие супруга или супруги без вести или пропажа мужа-воина или купца на войне (долгое отсутствие могло означать как неведомую гибель, так и эмиграцию). Исчезновения на войне и многолетнего отсутствия не было в подобном

ванное Н.А. Пушкаревой отставание представительниц низших классов в России от высших: «Женщины привилегированных сословий в России XVIII — начала XIX в. становились читающими, говорящими на иностранных языках, умеющих красиво двигаться, танцевать, деликатно и остроумно поддерживать беседу» (Пушкарева. 1997: 248).

9 Сонне. 2008: 119-120, 134-135. Рус. пер. трактата Франсуа Пулена де Ла Барр см.: Пулен де Ла Барр. 2008.

10 Примеры подобных выездов «для науки» среди мужчин в России XVI-XVII вв. — также уникальны, вызывают подозрения у властей и воспринимаются как высокий риск самими мужчинами-студентами. См., например: Платонов. 1925; Кошелева. 1997; Ерусалимский. 2018: 144-187.

ряду ни в Эклоге, ни в Уставе Ярослава и его переработках¹¹. Известный в Северной и Северо-Восточной Руси, по меньшей мере, с начала XV в. сборник «Зинар» (Псевдозонар) запрещал женам покидать своих мужей и брать нового мужа «в иной стране» и жить с ним — под страхом отлучения от церкви на девять лет. Подобная санкция касалась и мужа, если только он не взял такую женщину в жены неведением¹². Церковные поучения для мирян неодобрительно отзывались о бродящих по миру, даже если это паломники: «сдѣ им велю правду дѣяти, Бога бояться и жити, имѣя добрая дѣла», а не «ясти чужая хлѣбы в порозности» и не лгать о том, как живут «на инѣх странѣх»¹³. В той или иной мере на российских женщинах отразились и представления о порочности, в которых «хождение по миру» отождествлялось с поведением, отличающим бродячих монахинь, преступниц, нелегальных беженок, брошенок, сплетниц, бесноватых, колдуний и шлюх.

Далекie миграции святых жен вносили коррективы в этот негативный образ. Как раз в XV-XVII вв. распространение в российских землях получило житие Евфросинии Полоцкой, отправившейся на склоне лет в Святую землю. Почитаемые родители Сергия Радонежского Кирилл и Мария также мигрировали — покинули присоединенный к Москве Ростов и переехали жить в удельный Радонеж. Популярное житие Петра и Февронии рассказывало, как крестьянка Феврония приехала из рязанской деревни Ласково в Муром, чтобы вылечить тамошнего князя. Роспись Золотой Царицыной палаты Московского Кремля в конце XVI в., по предположению Изольды Тире, представляла предысторию царицы Ирины Годуновой в образах святых

11 **Белякова.** 2011: 113-115.

12 **Белякова.** 2011: 115-116. См. также: **Псевдозонар.** 2018: LXIV (f. 77-77v).

13 **Смирнов.** 1914: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: (Тексты и заметки): 77.

покровительниц российской власти. Среди них были в сцене Обретения Креста мать императора Константина Флавия святая Елена и в сцене крещения в Константинополе — княгиня Ольга (крещеная в память святой Елены, а в 1547 г. в Москве причисленная к равноапостольным). Княгиня-путешественница, согласно популярному на Руси и в Российском государстве летописному сказанию, отправилась в гости к престарелому императору Иоанну I Цимисхию (в византийских источниках так описан известный визит Ольги к императору Константину VII Багрянородному), как некогда царица Савская к Соломону. По мотивам Жития Ольги особой редакции (составленной, предположительно, наставником Ивана Грозного попом Сильвестром) в росписи Царицыной палаты¹⁴ княгиня уже в беседе с византийским царем, как и он, носила царский венец и пурпурные сапоги несмотря на то, что женой его быть отказалась, а согласилась лишь на крещение¹⁵. При этом в Житии Ольга, оплакивая своего мужа Игоря, произносит речь, в которой оправдывает месть «госодоубийцам» и всем «помышляющим злое на самодержавных», «врагом, ненавидящим над ними царския власти»¹⁶. Конечно, ни местные, ни общехристианские святые жены не поддержали бы ни государственной измены, ни побега за границу от своего государя, ни смены подданства, кроме тех случаев, когда государь совершал явное церковное преступление. А таковых за московскими законными правителями XVI-XVII вв. жития не знают.

Эмиграция женщин из России вызвала множество драматичных случаев, уже упоминавшихся в исследованиях. Главным образом в нашем распоряжении примеры, в которых мос-

14 Гриценко. 1979; Усачев. 2009: 451-459; Сиренов. 2010: 71-81; Курукин. 2015: 89-99.

15 Thyrét. 2001: 81-94.

16 Сиренов. 2010: 76-77.

ковские титулованные особы выходили замуж за границу¹⁷. Эти примеры мало отражают гендерный баланс в эмиграции, поскольку династические браки, строго говоря, эмиграции не предполагали: вместе с представительницей династии перемещалась и доля суверенитета, а сама эта представительница надеялась на атрибуты власти. Дочь великого князя Василия I Дмитриевича Анастасия, выйдя замуж за князя копыльского и слущкого Александра (Олелько) Владимировича, сохраняла в собственности земли в Малом Ярославце, которыми продолжала владеть и распоряжаться, уехав в Великое княжество Литовское в 1417 г.¹⁸ Дочь великого князя Ивана III Васильевича княжна Елена Ивановна, выйдя замуж за великого князя литовского Александра Казимировича в 1495 г., стала великой княгиней литовской, а затем и некоронованной королевой польской. Четвероюродной кузиной Елены была княжна Софья (Зофья) Верейская, дочь эмигранта князя Василия Михайловича Верейского и выехавшей вместе с мужем к королю Казимиру IV царевны Марии Андреевны (из Палеологов). Софья вышла в 1505 г. замуж за Альбрехта (Ольбрахта) Мартиновича Гаштольда, в 1506 г. получила подтверждение на имения своей умершей матери в Великом княжестве Литовском, с 1522 по 1538 гг. была, таким образом, женой канцлера Великого княжества Литовского, а после его смерти прожила до августа 1549 г. (ее имения перешли к королю Сигизмунду II Августу, и за ней после смерти ее сына была закреплена лишь часть имений пожизненно)¹⁹. Дальняя родственница великой княгини Елены и Софьи Верейской, Мария Владимировна Старицкая была в 1573 г. выдана замуж за герцога Магнуса, в Москве по-

---

17 Claus. 1959: 70-73.

18 Eck. 1934: 51; Claus. 1959: 14-15.

19 Wolff. 1895: 549-550.

лучившего титул короля Ливонии, а после смерти герцога вернулась в Россию²⁰.

Княжна Мария Семеновна Ростовская в 1552 г. вышла замуж за молдавского деспота Иоанна Лютого. Мария и ее сын Петр остались по каким-то причинам в Москве и позднее погибли, по словам Ивана IV, в московскую чуму (около 1566-1569 гг.). Вскоре после этого, в 1574 г. царь предлагал Иоанну Лютому жениться на дочери кн. Федора Ивановича Мстиславского. На тот момент молдавский господарь был уже женат на Марии, дочери боярина Лупе Хуру, но пытался выпросить свою московскую семью, княгиню и сына, по предположению М.А. Чобану, чтобы направить их как заложников к султану в Стамбул²¹. Можно отметить тенденцию к сохранению контроля за невестами из титулованных московских фамилий, даже когда они выдавались замуж за иностранных правителей. Похожим образом развивались отношения Москвы и с великой княгиней литовской Еленой, и с герцогиней Марией, королевой Ливонии, лишь с 1577 г. освободившейся от опеки и слежки царя и вместе со своим мужем принявшей сторону короля Стефана Батория в войне с Иваном Грозным.

От титулованных женщин остались и некоторые — нередко малодостоверные — следы их взглядов и эмоций. Сохранилась переписка Елены Ивановны и фрагменты архива Гаштольдов, включая хозяйственные документы и письма Софьи Васильевны Гаштольд. Со слов Джерома Горсея известно, как мотивировала «Елена, вдова короля Магнуса» свое нежелание возвращаться. Она боялась заточения в «адовом монастыре» (т.е. в монастырской тюрьме), уготованном для опасных

20 Кучкин. 2013: 39-42, 51-52, 55-57.

21 Чобану. 2021: 91-96. Цитирую по неопубликованной машинописной версии данной работы. Благодарю коллегу за доступ к этому труду.

претендентов на престол. Это мешало Марии принять решение и вернуться на родину («лучше смерть», говорила она в 1585 г. Горсею, а при расставании с ним разрыдалась). Но оставаться в Риге она тоже не собиралась, сравнивая свое положение наследницы московского престола в глазах Панов рады Великого княжества Литовского с положением «египетской богини» (вероятно, подразумевалась Клеопатра в глазах Гая Юлия Цезаря или позднее Октавиана Цезаря)²². За обеими наследницами московского престола, Еленой Ивановной и Марией (Еленой) Владимировной после смерти их мужей сохранялось формальное право вернуться на родину, хотя осуществление этого права в обоих случаях было крайне затруднено и попытки репатриации в обоих случаях больше напоминали побег. И лишь в случае Марии, вдовы герцога Магнуса, побег был удачным.

Меньше в нашем распоряжении источников «личного происхождения» от простых беженок и выходцев из Российского государства. Первые письма и высказывания эмигранток из детей боярских и представительниц низших сословий известны лишь от XVII в. Швейцарский историк Нада Бошковска рассмотрела письмо Марьи Ефимовны из рижской челяди графа Якоба Делагарди в Москву к своей матери Авдотье, написанное в 1628 г. Дочь осталась за границей после Смуты — ее отец погиб, а мать побывала в плену, а затем вернулась на родину и жила в Москве. Судя по намеченной в письме почтовой цепочке от русского купца к холопам Григория Стрешнева и Дмитрию Гордееву в Москве, а от него к Авдотье, доверенные лица могли неоднократно и разным отправителям носить письма, что и убеждало адресантку в возможности подобной посылки. Однако показательно подразумеваемое Марьей отношение к ней со стороны матери: вернувшись на родину, мать должна была за-

---

22 Горсей. 1990: 95-96.

быть своих детей (Марью и брата, причем сама Марья уже к тому времени замужем), оставленных за границей:

Хотя бы мы и не дети твои были, и ты бы нас не забыла, своим писмом нас навестила, хотя малым писмецом на время... Бью челом, милая мать, пиши ко мнѣ с первым ъздаком, как с кем мочно, чтоб мнѣ узнати любовь твою и материно сердце²³.

Это отношение, с одной стороны, говорит о страхе перед обвинениями в измене, и организованное забвение (*damnatio memoriae*), т.е. вытеснение из официальной памяти такого рода отразилось в родословных книгах, синодиках, посольских книгах, придворной и военно-учетной документации, даже на миниатюрах, изображающих лже-царей и врагов христианства. С другой — о том, что возвращение домой из плена не было безусловной целью для современников. Подобные решения отмечал еще Лукаш Дзялынский, когда говорил, что многие пленные, получив право вернуться к царю Ивану IV в 1580 г., предпочитали оставлять своих детей прямо у своих врагов-шляхтичей²⁴.

При пересылке через границу письмо попало 6 октября 1628 г. в Разряд, где было проведено следствие, а сама Авдотья оказалась под подозрением в заграничных контактах и отговаривалась, что никаких писем не получала. Впрочем, хотя Авдотья и не отвечала, но письма могла получать (нельзя исключать и того, что отвечала, но нужно было сказать, что не отвечала — как раз на случай перехвата «ходока»-курьера властями). Н. Бошковска справедливо отмечает: «Поскольку оно было из-за рубежа, тот, при ком оно было, легко мог попасть под подозрение в измене»²⁵. К этому следует добавить, что замужняя

23 РГАДА. РП. Пр. ст. № 27. Л. 526-531. Цит. по: Бошковска. 2014: 142.

24 Ерусалимский. 2020.

25 Бошковска. 2014: 142-143, цит. на с. 142.

эмигрантка, по всей видимости, неудачно выбрала посредника в лице холопа Стрешнева, ближнего родича царицы Евдокии Лукьяновны, а в самой Москве стремилась уберечь мать от обвинений, найдя там близкого к семье человека — Д. Гордеева²⁶. Исследовательница отмечает также частичное снятие в формуляре послания привычных в московском обществе того времени «уставных и ничего не говорящих выражений»²⁷. Язык же послания не отражает европейских влияний, как если бы сама Марья (вряд ли у нее был для этих целей писарь) была выучена в московской языковой стихии.

Экстренный выезд или побег из своей страны — конечно, потрясение, выбивающееся из круговорота повседневной жизни. Однако такие решения нередко принимались в обстоятельствах войны, в пограничных и контактных зонах, во время бунтов, повстанческих движений и опустошающих мирные территории войн. Готовность женщины бежать из страны видна и в настроениях иноземок, которым не удавалось найти свое счастье в России. Подобный пример анализирует Н. Бошковска на основе разрядной документации из Москвы. Крещеная еврейка из Речи Посполитой Маланьца в 1637 г. выходит замуж за сына боярского из Рыльска Ивана Клементьева. К 1645 г. их поместье запустело, и вся семья с детьми приходит в Москву. Челобитчицей выступает жена — она рассказывает, что многим поступилась в своем отечестве, чтобы осесть в державе Михаила Романова, и теперь просит помочь ей в борьбе с искушением (по предположению исследовательницы — вернуться к своим родичам в Речь Посполитую). Результат был весьма внуши-

---

26 Пересылка частных писем в России XVI-XVII вв., как правило, происходила вне почтово-ямской службы, так что данный казус — не исключение: **Новохатко**. 2018: 185-242.

27 **Бошковска**. 2014: 143.

тельный: семья получила от царя 10 руб. и освобождение от податей с поместья на 10 лет²⁸.

Побег мужчины из России нередко означал расставание с семьей. И это расставание знакомо было как любому воину княжеского достоинства, так и сыну боярскому, расстающемуся с семьей перед походом, возможно, навсегда. А.М. Курбский напоминал царю о своих «дальноконных градах», где он долгое время был разлучен с женой. На это царь напомнил ему, что побег был еще более дальним и еще дальше загонит «изменника», когда царь завоюет владения короля, к тому же в походе князь завел себе полевую жену. Именно на это отвечали слова Курбского о том, что царь и сам не хранил телесную чистоту и женился пять или шесть раз, и слова (повторенные Стефаном Баторием) о том, что за царем в походах следует целый обоз девственниц, которых тот неустанно растлеивает. В польско-литовском делопроизводстве утрата семьи служилым человеком при переходе на сторону короля фиксировалась специально. Вряд ли это гарантировало свободу от венчанного брака в России и возможность нового семейного союза, однако следовало бы рассматривать указание на оставленную семью в России в качестве начального момента для отсчета канонического срока (5 лет) исчезновения супруга на войне, ограничивающего право на вступление в новый брак. О Курбском ходили легенды, будто бы он прощался с женой в Юрьеве перед побегом, а позднее пытался ее себе вернуть. Впрочем, это лишь предположения. Канонический срок перед женитьбой на Марии Козинской (из князей Гольшанских) он выдержал, учитывая, что венчался он с вдовой лишь осенью 1570 г.²⁹ На практике срок

28 РГАДА. РП. Пр. ст. № 158. Цит. по: **Бошковска**. 2014: 326-327.

29 По нашему предположению, незадолго до 11 ноября 1570 г. См.: **Ерусалимский**. 2018: 883.

ожидания пропавших без вести супругов зависел от возможности установить момент последнего упоминания о пропавшем. И даже это не спасало в ситуации, когда муж решал по каким-то причинам вернуться: в 1691 г. исчезнувший за 20 лет до того второй муж Дуньки из Подольского уезда, которая ждала мужа семь лет после его исчезновения, а на то время была уже много лет как в третий раз замужем, потребовал, чтобы ему вернули жену, и епископский суд поддержал его иск. Новый муж и односельчане взялись за оружие, чтобы не допустить исполнения приговора³⁰.

В то же время в российских следственных делах XVII в. встречается инвектива: мужчина (как правило, обвиняемый в изнасиловании и обмане) призывает женщину или девушку вступить с ним в телесную связь, после чего обещает бежать за пределы государства — например, в Крым (из Боровского уезда), и там жениться³¹. Хотя есть примеры того, как, согласно свидетельствам ответчиков-мужчин, это сами потерпевшие девушки и женщины их призывали совершить побег («побѣжим де со мною от отца моево»)³². Сходство между внебрачным сексуальным насилием и государственной изменой маркировалось при этом общим понятием — воровство

---

30 **Muravyeva.** 2016: 353-354.

31 **Бошковска.** 2014: 149 (Боровский уезд, 1689 г.).

32 **Бошковска.** 2014: 201 (Брянский уезд, 1642 г.). Эта история касается и миграционной политики, поскольку истица Елизавета Леонтьевна Глебова обвиняет женатого на тот момент сына боярского Дмитрия Небольсина, что он лжет, будто она его сманивала бежать: это он ее подговорил уходить «на дуброву» и вместе с ней переправлялся через пограничную реку Десну, где встречался с неким Соколинским. Любовный сюжет в словах истицы приобретал шпионские очертания, что могло, конечно, сильно повлиять на санкцию против обвиняемого.

(«опять хотел с нею воровать»)³³. В данном случае трудно отличить процессуальный прием истицы от реальных планов ответчика. В XVIII в. подобные пограничные дела продолжались, и их анализ требует также большой осторожности в интерпретации. Яркий пример — иск матери князя Михаила Михайловича Друцкого-Соколинского в 1726 г. на суд смоленского епископа о том, что ее сын при помощи вооруженных слуг захватил и увез в Великое княжество Литовское дочь смоленского помещика Анну Петровну Азанчеву (Азанчевскую), где женился на ней по католическому обряду. В России брак был признан недействительным, но Анна решила свою судьбу сама: она осталась с мужем в Речи Посполитой³⁴.

Под влиянием приграничных сообществ в России в силу как раз в XVII в. проявляются новые тенденции частной жизни, среди которых «умыкание жен» с применением сексуального насилия, побег и выезд за границу. Из этих случаев, по подсчетам Марианны Муравьевой, на насильственный вывоз русских девушек и женщин за границу иностранцами приходится всего около четверти, остальные — преступления, совершенные подданными царя, при этом количество известных случаев «умыкания» в XVIII в. выросло на треть по сравнению с предыдущим столетием, хотя в относительных показателях в 1760-1800 гг. сократилось примерно в 2,5 раза по сравнению с XVII в. Уже Соборное Уложение 1649 г. (гл. XXII, ст. 16) грозит смертью как за насильственный увоз хозяйки дома, так и за пособничество этому злодеянию, хотя закон и дополняется пояснениями

33 **Бошковска**. 2014: 149-150. Показательно, что и мать незаконнорожденного ребенка («выблядка») называлась воровкой («ворухой»). См.: **Бошковска**. 2014: 154.

34 **Muravyeva**. 2016: 356, 358-359. Имя князя и другие генеалогические детали см.: **Шпиленко**. 2009: 18. Первым браком кн. М.М. Друцкий Соколинский был женат на Анастасии Васильевне Потемкиной (до 1717 г.).

в Воинском уставе 1716 г. (ст. 168)³⁵. Полицейское государство, а также церковное и светское право усиливало борьбу против сексуального насилия и насильственных вывозов, однако в эмиграции женщины нередко отправлялись и по совсем иным причинам, и прежде всего, вместе с мужьями и родителями.

Оказавшись за границей, женщина из служилого класса нередко сталкивалась с тем же кругом проблем, что и в России: она вместе с мужем должна была найти место в социальной структуре нового отечества, позаботиться о получении и содержании «поместий», денежных и натуральных выплат. Следовало обзавестись знакомствами и хотя бы минимальной поддержкой местной шляхты, духовенства, горожан, селян, зависимых людей и челяди. Детей выдавали замуж и женили, опираясь на местное законодательство, а в случае смерти или долгого отсутствия мужа, а также в случае развода — нужно было наладить жизнь в экстремальных условиях, вдумываясь в особенности местной правовой системы³⁶.

Жены детей боярских, выехавшие вместе со своими мужьями в эмиграцию, пользуются теми правами, которыми наделяют их акты пожалования и принятые в новом отечестве распорядительные документы. Жена эмигранта середины 1560-х гг. Федора Федоровича Бедрынского Василиса Григорьевна — совладелица, а затем к июлю 1572 г. наследница (возможно, части) его жмудского имения, которым по приказу короля наделяет ее жмудский державца. Не имея к тому времени природных сыновей, 30 лет спустя она передает имение усыновленному ею Федору Богдановичу Бунаку, объясняя это необходимостью отбиваться от противников — вероятно, от соседей по имению («не могучы про неспособность в розных кривьѣдах

35 Muravyeva. 2016: 338-372, здесь с. 343-346.

36 Sarcevičienė. 2011; Слїж. 2015; Bogucka. 2016.

от розных людей обороны мети»)»³⁷. Однако проходит около пяти лет, и все стремительно меняется в жизни Василисы. Она выходит замуж за местного шляхтича Степана Яновича, и это угрожает ее приемному сыну потерей имения. Вместе со своим сыном, на сей раз пасынком Василисы, Степан занимает часть имения ее сына. Тогда Федор обращается в суд с требованием вернуть ему имение, переданное на законных основаниях. Стороны пытаются заключить полюбовное соглашение. На личной встрече, затем подробно описанной в актовой книге Жмудского земского суда, Степан заявляет, что имение не принадлежало ни предкам Федора, ни до недавнего времени ему самому. Федор готов к такому ходу событий. Он сын москвитя, но всю жизнь прожил в Великом княжестве Литовском и знает его законы, готов на суде показать, что «застенок», куда вошел сын Степана, принадлежал Василисе и вместе с ее имением ему законно передан. Разошлись, так и не примирившись. Окончания дела мы не знаем, но ясно, что обе стороны ссылались на волю Василисы Григорьевны, а сама она, видимо, предвидела конфликтные последствия ее нового брака.

В отличие от четы Бедрынских, перебежчики времен Псковского похода Стефана Батория Лука Бибикив и его жена Ефросинья Федоровна сумели в эмиграции взрастить сына Владимира, и к маю 1598 г., когда Бибикив умер, его олитское имение перешло к вдове и сыну, причем надел вдовы был огражден от выплат, а имение несовершеннолетнего сына подпадало, как шляхетское имение, под все повинности согласно ревизиям. Упитские москвиты Андрей Борисов и его жена Катерина Балашковна (Балажковна) владеют имением и судятся вместе. В 1585 г. они совместно обвиняют мозырского

37 РГАДА. ЛМ-83. Л. 91 об.-92 (16 мая 1596 г.); VUB. КЗЖм-1601. Л. 61 (27 июня 1601 г.).

секретаря королевского хорунжего Яна Ловейка в оскорблении их обоих «неучтивыми словами» и посягательстве на их жизнь.

Похожим образом сложилась судьба эмигрантов 1579 г., Голохвастовых (Олофастов) и Жуковых (Жуков, или Жуковичей), оставивших мужское потомство в Великом княжестве Литовском. Женой Григория Жукова была Марья Андреевна, вероятно, приехавшая за мужем из России, в то же время жена Ивана Голохвастова Петрухна Павловичевна была, надо полагать, местная шляхтянка. В начале 1580 г. Голохвастов получил средства «на хлеборемье» со Слонимского староства — его жена в акте пожалования никак не упомянута³⁸. Впрочем, тогда же получили поддержку на обустройство и другие дети боярские в эмиграции — Борис Османов, Иван Юрьевич Ододуров, кн. Богдан Федорович Желиховский (Селиховский) и сдавшие на милость короля полоцкие воеводы. О выплатах Ододурову было подробнее, чем в других случаях сказано, что его средства «на страву и на выховане» получены им пожизненно («аж до жывота его»)³⁹. Ни жены, ни какое-либо их право в связи с этими пожалованиями Стефана Батория не упоминаются. Голохвастовы и Жуковы были совладельцами села Пликанцы в волости Перелайской. Когда Григорий в начале 1586 г. был убит, его вдова и Голохвастов обвинили в этом четырех местных подданных. На королевском суде в Гродно вдове удалось добиться обвинительного приговора и постановления о выдаче ей двух убийц головой (остальные были переквалифицированы в свидетели). В случае если бы выдача виновных, которая должна была состояться на Гродненском уряде, по каким-то причинам не была осуществлена, вдове гарантировалась «головщизна» в размере 100 коп гр., Ивану Голохвастову компен-

38 РГАДА. ЛМ-66. Л. 13 об. (8 января 1580 г.).

39 РГАДА. ЛМ-66. Л. 18 об.-19 (16 января 1580 г.).

сировались все его судебные расходы, свидетели вновь превращались в обвиняемых и должны были понести кару за беглецов, при этом все имущество преступников Марья требовала конфисковать⁴⁰. После смерти самого Ивана вдова Голохвастова добилась пожизненного права для себя на слонимское имение мужа, а затем в 1599 г. признания прав на него для своего старшего сына, а в 1600 г. — нового пожалования (привилея) уже для всех четырех сыновей. У наследников Жукова в державе Перелайской имения формально были возвращены в казну, но уже в том же 1599 г. в права на имение вступил его старший сын вместе со своей женой-литвинкой, а в 1600 г. — все трое, включая двух младших братьев. Синхронность передачи имений в двух взаимосвязанных эмигрантских семьях вызвана как общими правами на имение, так и консолидированной деятельностью детей боярских и их жен, их одновременными и совместными решениями об апелляции к королю и сейму.

Права женщин в России XVI-XVII вв. были достаточно широки и разнообразны, и вряд ли случайность, что в эмиграции российские женщины нередко находят неординарные и убедительные правовые решения. Жены помогали мужьям вести хозяйство и самостоятельно вели его в их отсутствие, не позднее начала XVI в. уже осуществляли правовые сделки при вступлении в брак, совместно с мужьями распоряжались имуществом, при необходимости принуждали мужей к соблюдению условий брачных договоренностей под страхом развода и других санкций, пользовались широкими имущественными правами во вдовстве, опекали своих детей. И именно в этой области источники содержат немало данных, касающихся материнского участия в жизни детей-эмигрантов.

---

40 РГАДА. ЛМ-279. Л. 93–94 об. (Гродно, 24 февраля 1586 г.).

К апрелю 1558 г. умер мстиславский сын боярский из Смоленска Иван Семенович Коверзин, перешедший на сторону еще короля Сигизмунда I Старого в 1534 г. и год спустя получивший «з росказанья» короля семь пустошей (с правом осаживать на них подданных) в волости Мстиславской. Их выезд был воспринят в Великом княжестве Литовском как репатриация⁴¹. Жена Ивана Марья Коверзина под его же фамильным прозвищем и дети упоминаются еще в акте 1535 г. Ее характеристика как боярки смоленской выполняла интегративную функцию, тем более что Смоленск рассматривался в Великом княжестве Литовском как владение короля. После смерти мужа вдова опиралась на пожалование 1535 г., в котором права детей на имение уже были указаны. Их сын Игнат после смерти отца должен был нести военную службу в рядах местных «землян»⁴².

Еще одна боярка из Русского государства по имени Марина в 1539 г. продала свои «дворец» (т.е. двор) и другие давнишние владения на р. Секунь (Сикунь) боярину за 30 коп гр. Впрочем, ее определение как «Москалевны» означает с большей вероятностью, что она была эмигранткой во втором поколении, даже если выехала в Великое княжество Литовское вместе со своим отцом и другими родичами.

Род Дуровых оказался на стороне польского короля к началу 1580-х гг., хотя медынский сын боярский Федор Львович Дуров был пленен уже в ходе Стародубской войны, в 1535 г. Много позже Афанасий Дуров вместе с женой Домной владел деревнями под Невелем, и когда крепость в 1582 г. перешла к Москве, Дуровым была дана компенсация в размере 3 волок (из них только одна «оселяя») в старостве Браславском. К 1595 г., когда Афанасий уже умер, их сын Исак достиг совершенноле-

41 Кром. 2010: 273. № 45; Казакоу. 2010: 145; Бенцианов. 2019: 164-165.

42 РГАДА. ЛМ-38. Л. 125 об.-126 об. (8 апреля 1558 г.).

тия, и Краковский сейм утвердил за ним имение уже в 6 вл., из которых 3 принадлежали матери. Вдова при подрастающем шляхтиче пользовалась всеми правами, которыми ее наделял Второй, а затем и Третий Литовский Статут. Достижение сыном совершеннолетия означало, что он становится полноправным собственником отцовского имения, а мать получила, по всей видимости, пожизненный доход (по Статуту — «оправа») во владениях сына. Неслучайно она просит заменить ей имение на содержание («опатренье»). Решение могло быть связано также со стремлением Домны интегрировать сына в шляхетский социум, учитывая, что имение в 3 волоки было слишком маленьким для несения военной службы.

Вдовы детей боярских получали небольшие наделы в 3-4 вл., как и Домна Дурова. Княгиня Варвара Желиховская (Селеховская), перешедшая вместе с сыном, князем Богданом Федоровичем, на сторону Стефана Батория после взятия им Полоцка в 1579 г., получила надел в 4 вл. (из них только две «оселье») на пожизненном праве без каких-либо повинностей, то есть как долю (согласно Статуту — «ровную часть межю детьми»⁴³) в державе Олитской Великого княжества Литовского. Ее имение в январе 1602 г. перешло к сыну и невестке, а значит, оно, как и в случае Д. Дуровой, рассматривалось как часть родового имения, но только в том случае, если в этом качестве по апелляции наследников его признавали король и сейм.

Эмигрант 1581 г. Афанасий (предположительно — Иванович) Неелов был женат на Анастасии (Настасье) Филипповне. Возможно, она выехала вместе с мужем из России. Судя только по имени, можно лишь допустить, что московского происхождения была жена Федора Матвеевича Садилова (Седилова), бе-

---

43 **Бялова.** 2010: 512-513 (Статут 1566 г. Разд. 5. Арт. 10), 625-626 (Статут 1588 г. Разд. 5. Арт. 11).

жавшего к королю до декабря 1595 г. Это была могилевская женщина Маруша Афанасьевна (Офанасовна) Тарбеева. Впрочем, форма имени — слабый аргумент для этнополитических идентификаций в данном регионе.

Более сложная цепочка правовых решений была запущена с приездом в Речь Посполитую сестры видного эмигранта Владимира Семеновича Заболоцкого, Авдотьи Семеновны (Овдотьи Сонцовны) Заболоцкой, в замужестве княгини Телятевской, жены полоцкого воеводы князя Василия Ивановича Телятевского. Успешной интеграции Авдотьи в новом обществе предшествовали трагические события. После смерти брата, а вслед за ним и мужа Авдотья оказалась обладательницей большого имения общей площадью в 48 вл. Когда ее дочь Мария (Марина) вышла замуж за местного шляхтича, то половину этого имения она отдала в «посаг» дочери, а половина самой Авдотьи стала предметом борьбы с литовским подстолимом Яном Зеновьевичем, который отказывался признавать полный переход имений от Телятевского к его вдове и обратился к королю с просьбой вернуть одно из ее сел двору Трабскому Великого княжества Литовского. Княгиня успела даже похозяйничать на спорных владениях, и ее деятельность была расценена еще в 1583-1584 гг. как «пустошене». И все же за вдовой был сохранен немалый надел, который унаследовали после ее смерти дочь и зять. Суд за местечко князя Телятевского Юратишки, в котором на 1579 г. было 18 вл., продолжился после смерти Авдотьи и был выигран ее дочерью у Стефана Зеновьевича в 1618 г.⁴⁴ Показательный, хоть и редкий источник — реестр Виленского православного братства. В нем записаны как местные, так и приезжие православные, и среди них не только мужчины, но женщины, одна из которых «Овдея» Телятевская.

---

44 Wolff. 1895: 536.

Вдова другого полоцкого воеводы, дьяка Матвея Ивановича Ржевского, Авдотья Ржевская (Заволоцкая) натолкнулась на решительное нежелание пинского старосты князя Януша Збаражского признать ее владелицей всего имения мужа, также оставшегося еще ранее от Заболоцкого. Староста добивался у короля законного сокращения площади ее имения. И добился. Впрочем, те 23 волоки, которые достались Авдотье после нескольких апелляций к королю, были немалым достижением, а вдова сохранила право на пожизненное владение («на хлебокормлене свое до живота своего»).

Соратниками В.С. Заболоцкого были Жоховы и Сарыхозины. Семьи последних сохраняли между собой связь и после гибели Заболоцкого в апреле 1580 г. Сарыхозины были женаты на местных шляхтянках⁴⁵. Жоховы, видимо, были еще московской парой и получили пожизненно для обоих имение на Жмуди в 1585 г.⁴⁶ Когда в конце 1589 г. умер Василий Зеновьевич Жохов, его сын Юрий был еще «в летех недорослых» и был передан под опеку матери. В шляхетском имении две волоки из 12-ти (на которых был дом и «одно будоване дворное») не были обложены налогом («без чыненья личьбы»)⁴⁷. Из дальнейших событий ясно, что под видом законной акции львиную долю имения Жоховых перехватил Агиш Сарыхозин и тут же обменял их своему племяннику Ивану Умаровичу на его пожизненное имение⁴⁸. Это были те самые 10 волок Жоховых, с которых полагалось нести службу, а следовательно, вдова Жохова распорядилась своей пожизненной долей — она ее продала мо-

45 Ерусалимский. 2018: 266-305.

46 РГАДА. ЛМ-72. Л. 5-5 об. (12 июля 1585 г.); ср.: РГАДА. ЛМ-70. Л. 208-208 об., публ.: Метрыка. 2008: 254-255 (тот же привилей, но датирован 13 июля 1585 г.).

47 РГАДА. ЛМ-76. Л. 94-94 об. (4 ноября 1589 г.).

48 Ерусалимский. 2018: 291-292.

гущественному и богатому соотечественнику. Выкуп наделов у московитов Сарыхозин осуществлял с согласия короля, и возможно, эта мера осуществлялась в обмен на опеку над потомством детей боярских и вдовами-московитками.

С одной стороны, большая рыба поглощала маленькую, и наследникам Агиша вскоре после его смерти пришлось отстаивать права на свои земли и удалось сохранить не все из них. Похожим образом не раз вели себя шляхтичи московского происхождения — так, еще в середине XVI в. Иван Иванович Ляцкий скупил имения у сыновей своих соотечественников-слуг Киселевых и Козуновых. С другой стороны, пожизненные имения после смерти своих держателей формально возвращались в казну. Московиты не только страдали от этой системы, но и вознаграждались благодаря ей. Например, эмигрант Юрий Федорович Девятый Кашкаров получил в 1582 г. от короля Стефана Батория мозырские имения на 12 служб (к которым позднее были добавлены еще три), где на тот момент находились две вдовы с малолетними детьми, чьи владения некогда были в Полоцком воеводстве. Утраченные владения компенсировались еще королем Сигизмундом II Августом после падения Полоцка в феврале 1563 г., но имения в приграничных землях давались на временной праве. В том же Мозырском старостве король раздавал небольшие имения в ответ на частные челобитья выкупившихся из плена жен и вдов, со ссылкой на свою милость по случаю постигший семью беды («маючи литость над нею и сиротъством еи») во временное держание («до очищения именей их полоцких», «до очищенья отъчизны детей своих»)⁴⁹. После возвращения Полоцка в 1579 г. наделение

49 См., например, пожалование двадцати и еще двух в надбавку «служб» жене Богдана Ивановича Корсака, Ганне Петровне Голубицкой, и их детям — сыну Степану и дочерям Марине, Ждане и Анастасии (РГАДА. ЛМ-

временными владениями московских эмигрантов служило дополнительным стимулом для переселения полоцкой шляхты в свои прежние владения.

Многие дети боярские уезжали из страны одни, либо потому что не успевали забрать семью в момент эмиграции и прощались с ней навсегда, либо выезжали за границу, еще не успев обзавестись женой и детьми. Нет уверенности и в отношении ряда известных мужчин-эмигрантов, у которых были дети, но непонятно, от кого. Это касается василишского и жолудоцкого сына боярского Ивана Степановича Поросукова, у которого был сын оршанский шляхтич Павел Поросуков Угловский, а также — Прокопа Григорьевича, служившего при Сигизмунде I Старом, а затем при Сигизмунде II Августе, его сыновья — Семен и Василий. Неясно, кто была жена Наума Константиновича Ярцова, вернувшегося на родину в Русское государство незадолго до августа 1559 г. Был женат, вероятно — на московитке, и бежавший на сторону короля на рубеже 1581-1582 гг. Богдан Слизов. Его дочь позднее вышла замуж за шляхтича Федора Петровича Головнича Войну. Поэтому неудивительно, что обычным или более частым был матримониальный союз московского эмигранта мужчины с местной девушкой или женщиной.

Браки с шляхтянками — как с паннами, так и с вдовами — были действенным способом интеграции. На Виленском сейме 1554 г. шляхта высказала беспокойство, что вдовы выходят замуж за иностранцев и отчуждают имения в пользу неместных шляхетских кланов. В своем ответе король сослался на нормы Литовского Статута об обязательном выкупе имений шляхтянок, выходящих замуж за иностранца (см. Статут 1529 г., разд. 4,

---

38. Л. 618 об.-619, 630 об.-631 об. 7 июля 1568 г.). О полоцком имении Б.И. Корсака см.: **Ревизия**. 1905: 97-100.

арт. 9), но основное замечание шляхты оставил без внимания⁵⁰. Волынцы тогда же потребовали обязательной продажи имений поляков на территории Волыни, приобретенных путем залогов и смешанных браков. Впрочем, после Петровского сейма 1555 г. волынская шляхта, согласно Мареку Плевчинскому, поддерживает идею унии между Великим княжеством Литовским и Коронай Польской⁵¹. При этом политическая уния не вносила изменений в принцип земельной и имущественной обособленности между гражданами Короны и Литвы, что и отразилось во Втором и Третьем Статутах.

В условиях разгорающейся войны с Москвой Виленский вальный сейм 1563 г. вернулся к вопросу наследования литовских земель. Полякам, разжившимся литовскими именами «по жонах своих», было приказано служить по своему имени «особою своею» на тех же основаниях, «яко и литва». По старости или немощи коронный шляхтич мог прислать вместо себя годного воина-шляхтича, причем как поляка, так и литвина. Литвины, как можно понять из этих требований, не просили Корону о помощи, а требовали принудить к военной службе тех коронных шляхтичей, которые по женам владели землями в Великом княжестве. В ответ Сигизмунд II Август предложил литвинам объявить о своих требованиях самим полякам на предстоящем сейме⁵².

Московит для русской или литвинки в Речи Посполитой был в качестве брачного партнера ничем не хуже поляка. Конечно, в 1563-1579 гг. межгосударственные браки на восточных окраинах государства, особенно в Полоцком повете, тревожили польско-литовские власти и вызывали толки о необ-

50 РГАДА. АМ-526. Л. 98 об.-99 об., то же: РГАДА. АМ-527. Л. 71-72.

51 Plewczyński. 1995: 74.

52 РГАДА. АМ-527. Л. 101-102 об. (арт. 4).

ходимости запретить шляхте вступать в матримониальные союзы с москвитами и москвитками. С другой стороны, эта ситуация мало отличалась от тревог по поводу засилья «ляхов» на литовских и русских землях. Автор русскоязычного трактата «Пересторога зело потребная на потомные часы православным христианам» (1600 г.) жаловался на то, что польско-литовские русские (речь идет о «русинах» или «рутенах» Речи Посполитой) забывают свои обычаи, вступая в брак с поляками. Мужья принимают, по его словам, обычаи, язык, науки и веру своих жен, а дети от таких браков носят польские имена и наследуют культуре матерей, а не отцов. Этничности срастались с идеей кровного родства, что Мелетий Смотрицкий одним из первых выразил в своей теории сакрального наследования «русской» крови⁵³. И до, и после принятия униатства полемист доказывал, что русский народ — разделенное единое Тело Христово, которое рано или поздно воссоединится, несмотря на религиозные разногласия⁵⁴.

Переходя на сторону короля, государевы люди понимали, что их ближние на родине станут инструментом для шантажа, да и скорее всего будут подвергнуты репрессиям. Примерами для всех служили давнишние истории кн. Ф.И. Бельского, перешедшего в Москву, но так и не получившего от короля свою жену Ганну Семеновну Кобринскую (по словам самой Ганны, ее не отпустила к мужу ее мать, а не король), И.Т. Юрлова Плещеева и его навсегда покинутой при эмиграции московской семьи, и кн. А.М. Курбского, о прощании которого с женой в Юрьеве ходили слухи еще при жизни князя. В пограничных замках воеводы, дворяне и дети боярские нередко несли службу вместе с

---

53 Кралоук. 1997: 50–51; Plewczyński. 1995: 24.

54 Неменский. 2008; Иванова. 2011.

женами и детьми. Это и позволило в 1580 г. Ивану IV бросить упрек воеводам, что они спасают не крепости, а своих жен.

Удавалось и это, впрочем, далеко не всегда. Известно множество примеров браков между московитом или его сыном от брака с московиткой и местной шляхтянкой, а также между московиткой или дочерью московитов и местным шляхтичем. К первому типу относятся браки И.Т. Юрлова Плещеева с Г.М. Хребтович, кн. А.М. Курбского с М.Ю. Козинской (из князей Гольшанских) и А.П. Семашко, И.Г. Квашнина Золотого — с Любой Ольшаничанкой, И.И. Калымета — с Г.С. Подгороденской, К.И. Зубцовского — с кн. М.А. Полубенской, Г. Кайсарова Колодеженского — с кн. М.Д. Велицкой, В. Кушникова — с Яниной Новоселецкой, И.М. Пятого Тараканова Калиновского — с Федорой Олеской, Ф.Т. Тетерина — с Г. Фронцкевич Радзиминской, Ф.И. Зубатова (Зубатого) — с Альжбетой (Гелжбетой) Григорьевной Нацевич⁵⁵. Тиун жмудского шляхтича Савко Иванович Москвитин был женат на местной женщине Луции Матвеевне, у которой в 1597 г. погиб маленький сын от предыдущего брака, пасынок Савки. Сын боярский, эмигрант времен Псковского похода короля Стефана Вышата Дмитриевич Ширагов был женат на представительнице рода Коптей («Коптевне»), которая пережила мужа на 6 лет и умерла в конце 1598 г. Москвитин Иван Андреевич Новгородец был женат на Ядвиге Мартиновне Шиншнянке, сестре жены виленского шляхтича Станислава Паремского. Сын печатника Ивана Федорова Иван Переплетчик был женат на Татьяне Анципоркович.

Многие московиты-перебежчики породнились с местной шляхтой, отдав замуж своих дочерей. Дочь слуги Курбского К.И. Зубцовского Анастасия вышла замуж за волынского шлях-

---

55 Auerbach. 1985: По указателю; Казаков. 2014: 100; Ерусалимский. 2018: 547-593, по указателю.

тича Л.В. Древинского, дочь кн. В.И. Телятевского Микулинского и О.С. Заболоцкой Мария — за представителя литовского шляхетского рода Г. Немиру Ходкевича. За шляхтичем М. Калиновским была Марина Бунаковна — дочь кого-то из кременецких, ливонских, а позднее жмудских Бунаков. Дочь Богдана Слизня вышла замуж за ошмянского шляхтича Ф.П. Головнича Войну. В этом смысле упомянутая выше «брачная политика» вдовы кн. М.А. Оболенского, Федоры Федоровны Мироновны, скорее уникальна и исключительна.

В Речи Посполитой перебежчики-москвиты редко заключали матримониальные союзы с другими московскими семьями. В правящих и титулованных домах эта практика была привычной, но и она постепенно трансформировалась. Еще сын эмигранта из удельных московских князей Ивана Андреевича Можайского, князь Андрей Иванович Стародубский женился на княжне Авдотье Александровне, дочери Александра Васильевича Чарторыйского и Марии Дмитриевны, дочери удельного и великого князя московского Дмитрия Шемяки. При этом сестра князя Андрея Стародубского была замужем за князем Семеном Федоровичем Воротынским, который на стороне короля Казимира IV вел борьбу за свое княжество с братом Дмитрием, перешедшим на сторону великого князя Ивана III. Впрочем, в 1492 г. князь Семен Воротынский также приехал служить в Москву⁵⁶. В 1500 г. при московском дворе оказался и брат Андрея, князь Семен Можайский Стародубский. Его сын князь Василий Семенович был женат на свояченице Василия III, сестре Соломонии Сабуровой. Авдотья (Евдокия) после смерти мужа владела его имением — двором Свержно, который у нее выкупил король Александр Ягеллончик, а ее имя — в числе вдов,

---

56 Шеков. 2012: 195-196.

выставляющих свой боевой отряд в 14 конников согласно Переписи войска Великого княжества Литовского 1528 г.⁵⁷

Много позднее, уже во второй половине XVI в. в эмиграции оказались Федора Федоровна Мировна (Мироновна) со своим мужем кн. Михаилом Андреевичем Ноготковым Оболенским («з Москвы с ним, малжонком своим, выехала»)⁵⁸. В браке родились две дочери. Хозяйственные трудности или тревога за вилкомирское имение после смерти мужа подтолкнули княгиню Федору искать возможность для скорейшего заключения нового брака, и тоже с представителем княжеского рода — со Станиславом Юрагой Гедройцем. Подтверждение на владение мужа было ею получено лишь на праве пожизненного держания, а не ленного, и мать могла тревожиться, что в случае ее смерти дочери останутся не у дел. Федора прожила долгую жизнь и умерла незадолго до июля 1614 г. Она могла вместе с родичем ее нового мужа оказать покровительство своей единоплеменнице, княжне Василисе Ивановне Оболенской (возможно, та была дочерью кн. Ивана Борисовича Тюфякина, пользовавшегося также родовым титулом князя Оболенского). Небольшое жмудское владение Василисы Оболенской (7,5 вл.) было, по меньшей мере, до весны 1582 г. долевым — то есть, совместным с таким же по размерам имением сына боярского

57 **Wolff.** 1895: 261-263; **Казакоў.** 2010: 77.

58 **Кобрин.** 1995: 107, 118; **Хоруженко.** 2019. С. 193-195. Ее деверья в России заметны на службе с конца 1570-х гг. и весьма успешны. Князь Федор решился местничаться даже с Федором Никитичем Романовым, за что сел в тюрьму, но после этого стремительно вырос до московского дворянина и в 1598 г. — до боярского чина. Женат был на представительнице видного рода Замыцких, вторым — на Марии Семеновне Костиной. Его осиротевшие дочери выставляли 9 конников в войско Бориса Годунова. Одна из них вышла замуж за сибирского царевича Андрея Кучумича. Младший деверь княгини Федоры князь Иван был женат на близкой родственнице великой княгини Соломонии Домне Богдановне Сабуровой. Его вдова еще в 1604 г. выставляла в поход со своих имений четырех конников.

Прокопа Серменина, который обвинялся к тому времени в убийстве своего соотечественника и побеге. Вместо москвитов соседями и совладельцами Оболенской по этому ее имению стали шляхтичи Превозские, а в 1592 г. она уступила им на условиях временного держания и свою долю в имении. Впрочем, вскоре после этого Василиса далась под опеку епископа жмудского князя Малхера Гедройца, который в 1594 г. содействовал передаче ее доли имения своей родственнице Катерине Яновне Гедройц (в замуж. Шонде) в обмен за достойное («слушное») пожизненное содержание Оболенской. Ф.Ф. Мировна выделяется из рядов московских эмигрантов еще и тем, что выступает под своим фамильным прозвищем. Неясно, свидетельствует ли оно о сохранении отцовского прозвища или о том, что за Оболенским она была уже не первым своим браком. Ее дочери вышли замуж за других беглых москвитов — Д.И. Бельского и С.А. Криженина.

Предполагаемая москвитка Ульяна Ивановна Святковна (Свитковна) была замужем за Захарием Гавриловичем Ступой (Стубой) Телесниным, а после его смерти в 1592 г. вышла замуж за другого москвита — Григория Кошелева (Кошелевского), принеся ему имение покойного мужа. В 1592 г. они оба получают право владеть пожизненно имением Телеснина⁵⁹, и это право было подтверждено в 1600 г.⁶⁰ А в 1601 г. пара Кошелевских отстояла свое право еще и на имение своего соотечественника Андрея Борисова, который не смог доказать, что отдал свои 6 вл. в аренду, и вынужден был расстаться со своими землями. В 1614 г. Кошелевские продали часть имения пасынку москвиты Михаила Монастырева и его супруге-шляхтянке. Все это был один круг знакомых. Михаил был

59 РГАДА. ЛМ-76. Л. 327–327 об.; ул.: РГАДА. ЛМ-86. Л. 140 об.

60 РГАДА. ЛМ-86. Л. 140 об.; ул.: РГАДА. ЛМ-288. Л. 230.

эмигрантом времен Полоцкого похода 1579 г., он был женат на Авдотье (Овдотье) Павловне, у которой до брака с ним был брак с Матфеем Милюковым, и в этом браке родился Сауль (Савл) Милюкович. К марту 1599 г. Монастырев уже умер, а вдова и пасынок унаследовали его имение, которое в 1604 г. было подтверждено во владении Савла. Он успешно воевал за короля в Ливонии, в августе 1612 г. продал свое имение шляхтичу Лукашу Шилианскому и его жене, а унаследовал с правом пожизненного держания владение Григория и Ульяны Кошелевских. Круг знакомств был значительно шире, что видно по обрывочным упоминаниям взаимных имущественных сделок. Владения полоцкого воеводы, дьяческого сына Лукьяна Матвеевича Ракова достались после его смерти лишь отчасти (одно село из трех) его неизвестной по имени дочери, а два других — У.Г. Сутурме и З.Г. Ступе Телесниным. При этом о потомстве Телесниных ничего не известно.

Это все же скорее исключения. Нормальным для московской шляхты в Речи Посполитой было вести себя открыто и прагматично — искать больше социальных контактов с местными и вступать с ними в брак. Это приносило иногда немалые социальные дивиденды во втором и третьем поколениях. Так выросли и гигантские карьеры — первостепенный род Ляцких, крупный брестский род князей Шуйских, а также волынские и упитские князья Курбские Ярославские, волынские Ушаки Куликовские, испытавшие стремительный взлет и угасшие в начале XVII в. Тетерины и Сарыхозины. Неудачниками на этом поприще были жмудские Бунаки и мужские потомки Зубцовских. Однако нет сомнений, что сами усилия породниться с местной шляхтой теми же Бунаками предпринимались неоднократно, и на первых порах — небезуспешно.

Если удача не улыбалась, то не только для мужчин, но и для женщин-эмигранток оставался путь домой. Определяю-

щим в судьбе пленника-московита Меньшого Калитина было то, что он женился на литвинке и прижил с нею детей. Брак московских князей и детей боярских с шляхтянками служит показателем того, что московская знать воспринималась местной шляхтой как потенциально равная ей. Создание семейного союза с москвитом или москвиткой не считалось для нее предосудительным, тогда как московский дворянин мог посредством брака максимально приблизить свое положение к статусу «доброго человека» (т.е. полноценного участника местной социально-правовой жизни). Григорий Остик, вернувшись из московского плена, выдал замуж за своего слугу-московита М. Овдина вдову троцкого шляхтича Павла Путивльца. Вскоре после этого Овдин присоединил к своим владениям еще и имение «брата» Павла по имени Яким (возможно, «брат» здесь — не обозначение родства, а аналог «сябровства» среди эмигрантов). Эта «брачная политика» на поверку оказалась неудачной. Незадолго до ноября 1537 г. Овдин принял решение бежать обратно в Россию, бросив жену и пасынка.

Так решали, конечно, не все эмигранты. Например, слуга («паробок дворный») жмудского шляхтича Павла Миколаевича Иван был женат на литвинке Кристине Яниковне, и вместе они убежали от своего пана в январе 1598 г., но промыкавшись до осени и потеряв имущество, вынуждены были вернуться восво-яси. Кричевский сын боярский Н.К. Ярцов также не бросил жену и сыновей Григория и Суморока в Великом княжестве Литовском. Незадолго до августа 1559 г. они бежали в Россию. В этом случае возникал немалый риск серьезной расплаты для поручителей, которые несли обязательства перед судом за эмигрантов, и в случае Ярцовых — должны были в 1560 г. отвечать перед королем за поступок всей семьи перебежчиков-возвращенцев.

Реестры присяги шляхтичей после подписания Люблинской унии, опубликованные А. Яблоновским, содержат данные

о женившихся на вдовах московитах. Во время принесения винницкой и брацлавской шляхтой присяги на верность Короне Польской в Брацлавском замке в 1569 г. упомянуты московиты со специальными пояснениями об их семейном положении и владениях, не имеющими аналогов в записях имен местной шляхты: «Пан Бахтияр Москвитин держит имение в повете Кременецком, взял в жены вдову Куницкую», «Пан Андрей Офанасович Москвитин, взял в жены вдову Маркову»⁶¹. Впрочем, «вдова Куницкая» — вероятно, отнюдь не местная шляхтянка, а вдова олитского сына боярского Андрея Куницкого, незадолго до февраля 1567 г. перешедшем на сторону короля, а к середине 1569 г. уже, таким образом, умершем.

Перед женами из местной шляхты возникали те же правовые трудности при распоряжении недвижимостью их мужей-московитов, хотя, в целом, поддержка местной шляхты была в таких случаях заметнее, и срабатывали механизмы родовой защиты вдовы. Не помогли местные связи вдове известного слуги Курбского, наместника ковельского и городничего луцкого Кирилла Ивановича Зубцовского, княжне Марине Андреевне Полубенской. После смерти мужа их четверо сыновей в середине 1594 г. потеряли волынские имения отца, поскольку Ковельский замок был передан королем Сигизмундом III Вазой Андрею Фирлею. Матери пришлось отстаивать даже честное имя сыновей, которых не раз называли на судах московитами, хотя они все родились уже в Короне Польской. Еще один пример касается владений эмигранта, получившего землю в державе Перелайской Троцкого повета Великого княжества Ли-

61 BCz. Rękopisy-307: 213. Публикация: **Źródła**. 1894: 102 (Cz. 2). См. также: **Jabłonowski**. 1893: 427–428, 432. Александр Яблоновский предполагает, что Бахтияр мог быть крещеным татаринном, Андрей — подлинный «московит». В третьем из московитов реестра, Иване Дьякове, исследователь предполагает выходца из Северской земли.

товского. После смерти Федора Ивановича Зубатова (Зубатого) в 1598 г. его жена Альжбета (Гельжбета) Григорьевна Нацевич получила все имение мужа, подтвержденное им в 1584-1585 гг. на пожизненном праве («до животов их»), но вынуждена была едва ли не сразу же отдать его в счет долгов покойного троцкому шляхтичу Андрею Глазовскому и его жене.

Нешуточный конфликт мог разыгаться, если брак между москвитом и местной шляхтянкой распался. Само по себе иноземное происхождение в таком случае не создавало опасности особого законодательного преследования или иного ограничения прав. Но повод для имущественных претензий со стороны бывшей супруги был налицо, и в риторическом обрамлении судебных заявлений нередко звучало неместное происхождение бывшего мужа. Показателен пример «повторного развода» князей Курбских. Княгиня ссылается во время суда на Литовский Статут и требует лишить бывшего мужа его ковельских имений, поскольку, по ее словам, он, как иноземец, имел право передавать их только «по мечу», «и то с правою малжонкою, яко з нею», тогда как его дети от брака с А.П. Семашко такими правами не обладали, должны были, по словам Гольшанской, считаться «заблудными»⁶². На это, впрочем, Курбский ответил, что арт. 23 разд. 3 Литовского Статута 1566 г. уже недействителен, а иноземцы пользуются королевскими милостями «водлуг заслуг своих» (см. также Статут 1566 г., разд. 3, арт. 21)⁶³. И все же в руках у княгини М.Ю. Курбской были те рычаги давления, которые позволили девять лет спустя после этого судебного процесса семье ее дочери получить ковельское имение в обход наследников Курбского от его брака с Семашко.

62 РГАДА. ЛМ-68. Л. 68. Затем вновь цитируется Статут 1566 г. (разд. 3, арт. 23).

63 РГАДА. ЛМ-68. Л. 68 об.

Правовая коллизия десятилетие спустя после развода Курбских случилась с упитским сыном боярским Иваном Федоровичем Дурасовым. Его первая жена Ганна Ивановна Ростовна подала в суд против него и его второй жены Авдотьи Павловны Милюковой, обвиняя их в том, что Дурасов забыл Бога и свою клятву и ее променял на другую, Авдотью, с которой уже и венчался. Мы не знаем, имел ли имущественные последствия для семьи Дурасова этот иск, но фоном для него служат земельные перестановки, организованные Яном Яновичем Глебовичем среди московитов в Упитском повете Великого княжества Литовского. Новая жена Дурасова от имени мужа в 1594 г. вступила в борьбу с другим московитом, экспансивным Агишем Сарыхозиным, а в 1601 г. приняла участие в переводе части владений мужа на имя его племянника (сына его неизвестного по имени брата) — Владимира⁶⁴. В июле 1596 г. Дурасов (Иван Дурас Москвичин) и его жена А.П. Милюкова арендовали часть своего имения подстаростию упитскому Станиславу Давидовичу, и эта «застава» сохраняла силу еще в январе 1605 г.⁶⁵

Непростые проблемы супружеской верности пришлось решать одному из Кашкаровых — предположительно, сыну боярскому Юрию Девятому Федоровичу Кашкарову (Слепушкину), который, по сообщению московских послов 1571 г., застал свою жену с польским шляхтичем:

А Кошкарров застав у жены ляха изсек, и того ляха племя, лях же неимянной человек, поймав его, бив и в ланцугу сковав в вежу посадил, и сидел в тюрьме с полтора года, а выпущен недавно⁶⁶.

64 **РГАДА.** ЛМ-86. Л. 190; **ВУВ.** КГУ-1594/95. № 4.

65 **ВУВ.** КЗУ-15. Л. 48v-60 (14 января 1605 г.).

66 **СИРИО.** 1892: 807. Отождествление Кашкарова см.: **Курбский.** 2015: 758-759 (авторы примечания — К.Ю. Ерусалимский, Ю.Д. Рыков).

Московит расправился и с любовником жены, и с кем-то из его родственников («племя» может означать и детей). На него донесли, и он был посажен в тюрьму — вероятно, около 1568 г. — и выпущен в 1569-м или 1570 г. В этой истории, известной только по слухам, дошедшим до послов царя Ивана IV, — семейная драма и традиции внесудебной расправы над «осквернителями ложа», в равной мере характеризующие обычное право России и Великого княжества Литовского. Этнические и политические оценки при этом были бы опасной игрой ума.

Женщина высокого статуса могла при определенных условиях выехать обратно в Россию или, как и челядницы, предпринять рискованную, но все же небезнадежную попытку бежать на родину. Так поступили в мае 1582 г. Марина и Елена Бельские, бежавшие вместе с сыном боярским Сидором Бельским. При этом статус пленницы не предполагал, что женщина в эмиграции. Риск оказаться на грани между пленом и эмиграцией возникал лишь в тех случаях, когда женщины догадывались, что их сдавшиеся в плен мужья совершили по меркам закона военное преступление и в случае возвращения могут быть приговорены к смерти. Это случилось, например, на защитниках приграничных крепостей в 1580 г., когда они получили от короля право вернуться к царю. Многие не согласились это сделать или считали необходимым оставить у врага своих детей. В то же время княжна Анастасия Ивановна Лыкова, плененная в 1582 г. вместе с отцом в Брянске, рассчитывала на официальное возвращение в Москву: за нее в числе других пленных боролся Посольский приказ после заключения Ям-Запольского перемирия.

Пример того, как женщина защищает свои права и свои чувства, обнаружен в московской приказной документации третьего десятилетия XVII в. Сын боярский Петр Голенищев вскоре после Смуты оказался с женой в литовском Рославле

(вошедшем в Смоленское воеводство Великого княжества Литовского), тогда как его дочь и зять оказались в российском Брянске. В 1627 г. отец и его спутница решили вернуться к детям в Россию. Местный воевода кн. Роман Петрович Пожарский направил репатрианта в Разрядный приказ, а на время отсутствия Голенищева семья, по его челобитью «зятю своему», осталась в Брянске. Челобитье зятю, по всей видимости, означало, что на время до принятия решения в Москве, нахождение перебежчиков на территории России переходило под его ответственность. Драма началась, когда жена решила в затянувшееся отсутствие мужа уйти жить к его однофамильцу или родственнику Степану Голенищеву, который за несколько лет до того также вернулся в Россию с королевской службы со своими холопами-литвинами. Степан пользовался поддержкой Пожарского и вскоре оказался в Москве, где пытался расторгнуть брак своей возлюбленной при помощи прямого обращения к патриарху. Наконец, подняла голос сама Екатерина Голенищева. Она заявила, что не была женой Петру, а лишь жила с ним в Рославле и не любила его, несмотря на его чувства к ней. Оказалось, с ее слов, что ее названный муж был женат на «люторке» (т.е. протестантке, поскольку в подобных делах «лютеранством» назывались любые реформационные конфессии), оставленной им в Рославле, а в Брянске планировал жениться на ней самой, Екатерине, но она ему отказала. Церковные власти строго рассудили тяжущихся, принудив их вступить в законный брак. Патриарх Филарет постановил расторгнуть брак Петра с «люторкой» и закрепить венчанием его брак с Екатериной⁶⁷.

В поведении П. Голенищева за границей можно обнаружить не только вступление в межрелигиозный союз, но и мезальянс. Обычной практикой, согласно известным ныне источ-

---

67 Ляпин. 2020: 250-251.

никам, было заключение браков москвитями-эмигрантами с соблюдением статусных барьеров. Брак с москвитом в XVI в. не пугал шляхту и вряд ли как-то иначе воспринимался в других социальных стратах. Хотя бывали и конфликты. Прославленный воин и королевский ротмистр московского происхождения Агиш Сарыхозин получил «от ворот поворот» после обручения. Многие годы он провел на «рыцарской» службе. С 1584 г. он проявляет отцовскую заботу о племянниках — детях своего умершего брата Умара. Но вот его собственная личная жизнь сложилась плачевно. В 1582 г. он обручился с жмудской шляхтянкой Катериной Шондей, а в начале 1586 г. переговоры между ним и стороной невесты (ее братом и матерью) закончились размолвкой. Нет никаких данных, которые позволили бы сказать, что недовольство у невесты или ее родственников вызвало происхождение жениха. Возможным ответом о причинах расстроя этого брака был бы возраст и здоровье молодого опытного воина и королевского гвардейца. Он мог быть слишком стар для своей невесты, учитывая, что в момент своей эмиграции около 1564 г. он уже был взрослым человеком, вторым по старшинству братом из четырех бежавших от Ивана Грозного на королевскую службу. В начале XVII в. подобная участь постигла и долго обсуждавшийся брак Федора Богдановича Бунака с княжной Зофьей Андреевной Боровской. Сватовство Богдана и Федора Бунаков к отцу девушки было записано даже в актовые книги, и «вено» было ими также продумано, но предполагаемые «веновые» земли отец еще держал в «заставе». Впрочем, князь ответил отказом от имени дочери, не объясняя причин решения ничем, помимо нежелания самой дочери выйти за Федора.

Драматичным было отношение перебежчиков-монахов к своей частной жизни и принятым обетам. Т.И. Тетерин в послании юрьевскому воеводе М.Я. Морозову 1564 г. насмехается над

его воеводством, сравнивает его должность со своим монашеством и подчеркивает, что наместничество видного московско-го боярина в Юрьеве ничем не лучше насильственного пострижения. Тимофей не смирился с принятым монашеским обетом и был убежденным «расстригой», поддерживая многочисленных сторонников запрета на насильственное пострижение. В Литве он женился, не обращая внимания на свое монашеское прошлое. Насильственное пострижение было предметом осуждения со стороны многих эмигрантов, и в их числе — Артемия, Феодосия Косого, кн. А.М. Курбского (который почитал противников принудительного монашеского обета Вассиана Патрикеева и Максима Грека, а монахов-приближенных царя упрекал в угодничестве перед властью), Григория Отрепьева (которого в Москве отождествили с самозванным царевичем Дмитрием Ивановичем).

В среде мещан браки с эмигрантом из восточнорусских земель тоже не редки, но источников в нашем распоряжении на этот счет еще меньше. Московские пленные купцы после Оршанской битвы вынуждены были много лет провести под властью Ягеллонов. В Бресте и Гродно известны примеры, когда купцы-московиты, оставаясь в плену, обзаводятся семьей, вступая в брак с местными мещанками. Как говорит королевский «лист» от мая 1526 г., в таких случаях возникала прямая связь между браком и правом принять «право местское», подчинившись городским властям, а вместе с ними став полноценным подданным короля. Впрочем, городенский купец-московит неоднократно пытался вырваться из оков, но в противостоянии между городскими властями и королевскими дворянами-ревизорами тюрем только декрет короля был решающим.

Ценные источники донесли до нас материалы Разрядного приказа, среди которых — допросы женщин овдовевших, по-

кинутых мужьями или вернувшихся на родину вслед за мужьями-репатриантами или казаками на государевой службе. Уехавшую после смерти мужа и недолгой жизни в Болхове Алену Бунину вывез обратно из Великого княжества Литовского в 1622 г. казак «государев изменник Степанько Круговой», и в Разряде (по Севску) ее допрашивали о положении дел за границей⁶⁸. Иной случай — в литовском плену оказываются девушка по имени Федорка и ее мать. Там девушка выходит замуж за литвина Петра (Петрушку), но затем в 1629 г. бежит на родину, куда к тому времени уже ушла ее мать. Дядя Федорки Ларка Иванов на тот момент все еще за границей и направляет Селиванку в Россию разузнать, где мать Федорки и проследить, чтобы ее не похолопили, пока он сам, Ларка, «из-за рубежа выйдет»⁶⁹. Наконец, в 1646 г. жена сына боярского из Путивля бежала в Речь Посполитую от своего мужа, который бил и бил ее, бросив дома мать и детей, и скрылась в г. Пирятине под видом просвирницы при священнике, а узнав, что ее муж умер, вернулась на родину⁷⁰.

Во всех приведенных в книге Н. Бошковской примерах девушки-перебежчицы заинтересованы в наиболее благоприятных для себя условиях возвращения на родину. В случае А. Буниной показания отражают ее стремление переложить вину перед государем на «изменника». Федорка же отказывается от брака за границей, но выдерживает паузу после возвращения в Россию матери и предварительно через своего дядю разузнает, не попадет ли она к матери и через нее — в холопство, если вернется вслед за ней. Просвирница-путивлянка переоблачает-

68 РГАДА. РП. Севск. ст. № 77. Л. 466. Цит. по: **Бошковска**. 2014: 209 (здесь неверно прочитано имя «изменника», вывезшего Алену из Литвы).

69 **Акты**. 1890: 294 (№ 262). Цит. по: **Бошковска**. 2014: 213.

70 РГАДА. РП. Севск. ст. № 279. Л. 11. Цит. в: **Бошковска**. 2014: 378-379.

ся и отказывается от дворянского прошлого, чтобы ценой престижа обрести на чужбине свободу от домашнего насилия.

Идея зависимости была в середине XVI — начале XVII в. связана в России не с крестьянским бесправием, а с недобровольной потерей свободы, пленением и продажей в рабство. Московское государство находилось между крупными рабовладельческими рынками, и это влекло за собой зависимость хозяйства самой страны от рабовладения, но также понуждало ее светскую и духовную власти и к участию в борьбе против порабощения. Два эти процесса были неразрывны.

К 1530-м гг. в европейской хорографии сформировалось убеждение, что Московия невольников «как покупает у соседей, так и сама продает»⁷¹. В конце XV в. в праве Русского государства появилась норма, предусматривавшая освобождение холопа-полоняника, бежавшего из татарского плена. Эта норма отражала новое качество противостояния между русскими княжествами и татарскими улусами. Она только расширилась в Судебнике 1550 г. и Стоглаве 1551 г. Выкуп и вооруженное освобождение невольников («голов русских») становится одной из обязанностей королевской, великокняжеской и княжеской власти. Рабов продавали в Хаджи-Тархане, Кафе, Белгороде, Аккермане и других центрах, оттуда их доставляли в столицу Османской империи, в Венецию и в любой конец ойкумены. Были и русские купцы, которые специализировались на работорговле и выкупе рабов. Борьба за освобождение соотечественников и единоверцев вменялась в обязанность и русским послам в Крыму. Суммы выкупа зависели от статуса пленника и ряда других обстоятельств⁷². Одновременно в самой России предпринимались усилия против закабаления детей боярских

71 Кудрявцев. 2020: 43-44.

72 Хорошкевич. 1980: 30-32, 46-50.

и крестьян. Проект эмигранта-репатрианта И.С. Пересветова предполагал свободу службы, у тяглого населения появились защитники в лице Ермолая-Еразма и Феодосия Косого. На фоне доктринальных новаций в церкви властям в Москве приходилось опережать угрозы массовых движений и поддерживать риторику свобод от закрепощения, которая представляла царскую власть как «доброе господина» (по словам Даниила Заточника), гарантию от мятежных боярских конфликтов и освобождения людей, зависимых от вельмож (таков ход мысли составителя «Летописца начала царства»).

Походы степняков в русские земли Московского и Польско-Литовского государства имели целью захват пленных с последующим их выкупом или выставлением на продажу на невольнических рынках. Казанские войны середины XVI в. оправдывались в Москве необходимостью освобождения пленных. Хан Девлет-Гирей писал в 1571 г. королю Сигизмунду II Августу, что во время своего Московского похода брал в плен только женщин и детей, мужчин убивали: «Дорослых людей не брали, не брали, всих стинали. А толко есмо жонки, девки, малые дети брали в полон, яко быдло есмо перед собою гнали»⁷³. Часть «ясыря» бросали и убивали в случае спешного отступления. Освободить пленников приходилось в Казанских войнах регулярным войскам и в Великой степи казакам. За освобождением единоверцев открылась глубокая религиозная основа, превратившая их возвращение в родные земли в «исход», подобный ветхозаветному, а смерть за пленных — в исполнение Христовой заповеди положить голову «за други своя»⁷⁴. Впрочем, крестоносные настроения в Москве середины XVI в. не переросли в религиозную нетерпимость, а идеал спасения «бра-

---

73 Ерусалимский. 2017: 906, 912.

74 Witzenrath. 2012.

тьев» из татарского плена не препятствовал прагматической политике Москвы по отношению к исламу.

К середине XVI в. немало московитов оказались невольниками в Короне Польской и Великом княжестве Литовском. Между украинскими землями Короны Польской и Великим княжеством Литовским долго время сохранялись отличия в отношении к рабству и сельскому труду. На украинских землях селянин после Люблинской унии подпадал под законодательство Короны, где сеймовая конституция 1505 г. разрешала переселяться на новое место только с согласия пана и подчиняла его напрямую домениальному суду. При этом в Киевское и Брацлавское воеводства эта система проникла не сразу после Люблинской унии. Здесь селянин часто был одновременно воином, а уже в начале XVII в. многие селяне были оказаны. Между тем на территории Великого княжества Литовского вплоть до Статута 1588 г. сохранялось разделение на рабский и свободный сельский труд, и контингент невольников пополнялся, особенно за счет татар и московитов, поэтому правовое положение свободных селян было лучше, чем в коронных землях. Впрочем, *de jure* в польском праве переход к новому пану разрешался уже после полутора или трех лет службы, тогда как в литовском — после десяти⁷⁵.

Отсутствие юридического рабства в Короне Польской и его формальная отмена в Великом княжестве Литовском в конце XVI в. вступили в противоречие с практикой порабощения военнопленных и жителей оккупированных территорий. Рабство в Речи Посполитой в годы войны с Москвой все теснее ассоциировалось с образом российского пленного или беженца, закладывая взрывоопасный социальный смысл в квазиэтничность московско-русских отношений. Московит — не

---

75 Яковенко. 2006: 252–257.

только варвар, раб своего тирана, но и неизбывно раб, челядин на землях польского короля. Терминологическое значение слова «московит» приближалось к этнониму «славянин» домонгольской восточной Европы. И прежде всего, это касалось московских женщин. Московки попадали в эмиграцию и через крымский плен, откуда могли выйти не на родину, а в Корону или Литву, известны и случаи военного освобождения россиянок казаками и шляхтичами, выкупа и даже дарения татарами московских девушек литвинам и полякам.

В Речи Посполитой в результате военных операций королевских войск на московских землях было множество российских невольниц, особенно после походов Стефана Батория и российской Смуты. В походах короля Стефана предписывалось сексуальное воздержание в отношении местного населения, а случаи изнасилования москвиток, как истории покупки девушек у казаков 26-27 октября 1581 г., становились предметом расследований. Впрочем, неслучайно Ян Петровский выражает уверенность, что виновники, как иноземцы на королевской службе, смогут отделаться легким наказанием. Война списывала многое. Покаянная дисциплина в православии знала строгие вопросы к вельможе — убивал ли во время войны «непротивящегося» младенца, насиловал ли беззащитную женщину или девицу: «И пленну девицу или жену осквернивал еси блудом, или чюжу рабу или свою насильством?»⁷⁶. Военное насилие к началу XVII в. приобрело гендерные очертания, и символическое насилие в отношении москвитов нередко в условиях войны обращалось в сексуальное порабощение и мужское насилие над женщинами. Самуэль Маскевич не преминул посотавать на дисциплину королевских воинов в Кремле:

---

76 Корогодина. 2006: 307.

Наши... так беспечно вели себя, что прийдись им по вкусу даже жена или дочь крупнейшего боярина, брали ее силой. Это возмутило московитов. А и правда, было из-за чего⁷⁷.

Около того же времени гетман Великого княжества Литовского Ян-Кароль Ходкевич в письме жене Зофье Мелецкой глухо вспоминает о ее ревности к какой-то московской девушке:

Что же до московки от кавалера, умоляю тебя, я ее даже не видел, а если бы даже была самой Дианой, я бы наверняка не соблазнился⁷⁸.

Другая сторона этого образа — объект присвоенного обладания. Захват жен и дочерей в чужом государстве вызывает негодование, и польский шляхтич оправдывает бунт, понимая, что присвоение московки шляхтичем в Москве является нарушением военной дисциплины и политическим преступлением. А как оценить насилие, если его объект взят шляхтичем в плен, захвачен у московитов в ходе военных действий и в результате открытого дележа трофеев?

Шляхтичи московского происхождения вели себя как полноправные хозяева своей живой собственности. Агиш Васильевич Сарыхозин заселил свое имение Кловшаны московской челядью, однако, по словам его правопреемника В. Сосницкого, позднее он их «даровал вольностью и осадил на кгрунте нашем, а девъки замуж поывадал за подданных тамошних»⁷⁹. Причем как выясняется из постановления суда, освобождена и посажена на землю была челядь «мушчызна», тогда как «жонки замуж за подданных наших тамошних выданы сут»⁸⁰. Подобным обра-

77 **Maskiewiczowie**. 1961: 135, 137-138. См. также: **Сліж**. 2015а: 95.

78 **Chodkiewicz**. 1875: 31 (“Co się moskiewki od kawalera tknie, dalibógem ci jej nie widział, a choćby i Dyanną była, jużby mię pewnie nie ruszyła rokusa”). Цит. с ошибкой в: **Сліж**. 2019: 50.

79 **РГАДА**. ЛМ-285. Л. 297 (Варшава, 15 ноября 1597 г.).

80 **РГАДА**. ЛМ-285. Л. 298.

зом вел себя и другой москвит, Давид Иванович Бельский, выдавая подданных девушек за местных жителей.

Как отмечает Анастасия Скеп'ян, в структуру литовского магнатского двора на рубеже XVI-XVII вв. неизменно входили пленные мастерицы, чаще всего швеи (ткачихи) и вышивальщицы-«московки»⁸¹. Пестрят сообщениями о службе московок у шляхты частные письма магнатов, инвентари имений, региональные актовые книги гродских и земских судов. Под сентябрем 1595 г. в вилкомирском имении Яна Козла упоминается и мужчина-ткач — Иван Москвитин (перед тем он служил в упитском имении свояченицы шляхтича). В имении Софии (Зофьи) Гаштольд на 22 мая 1539 г. среди челяди числятся скотницы из Московии («рикуня з девкою з московкою самодруга»)⁸². В военный лагерь Стефана Батория в России приходили «бедные московские женщины» (“mulieri Moschoe раурере”)⁸³. Они просили о помощи и получили ее из казны, и часть московиток после войны так и осталась служить в Речи Посполитой. Подобные персональные примеры в реестрах Архива Королевской Казны Короны Польской говорят о том, что выплаты производились женщинам из России, которые оставались на свободе и не считались ни пленницами, ни заложницами. Под 1582 г., то есть уже после заключения Ям-Запольского перемирия, значатся немалые расходы — по 10 зл. на новгородских московиток Варвару и Лукерью, добившихся этих выплат на королевском суде в Вильно.

В магнатских домах ценились слуги из российских знатных домов и «девушки московки» (“dziewki moskiewki”). В начале ноября 1581 г. после своего опустошительного рейда

81 Скеп'ян. 2014: 398.

82 RS. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. Brev. N:O 352. E 8610:2. Без пагинации. По нашей нумерации фрагментов: АБ 18* (III-13). Л. 3.

83 AGAD. ASK. Dz. III (Rachunki nadworne). № 3. К. 232v, 233v, 235v.

из-под Пскова вглубь Московского государства каштелян троцкий Криштоф Радзивилл Перун сватался к Катерине Тенчинской и послал ей в числе подарков шута («карла»), который ранее служил у великой княгини московской, т.е. у царицы Марии Федоровны Нагой⁸⁴. Это едва ли не первое упоминание шутов (скоморохов) при дворе русских цариц, однако неясно, был ли захваченный «карл» местного происхождения, как случилось при дворе Ивана Грозного, или это был иноземец (в XVII в. шуты и актеры при московском дворе нередко были из приезжих)⁸⁵.

В письме от февраля 1591 г. тому же К. Радзивиллу Зофья Тризна отчитывается: «А деушек московок мне сюда привезли от Вашей Милости, однако я их еще княгини ее милости не отсылала и задержала их тут у себя до приезда сюда в Турец князя его милости»⁸⁶. Безымянная московка-пленница Псковского похода Стефана Батория оказалась в октябре 1595 г. жертвой обычной бытовой кражи из шляхетского имения на Жмуди. В акте перечислены ее пожитки, накопленные за многие годы прислуживания в Великом княжестве Литовском:

... то ест напервей сермягу сукна самоделского, ушутую з локот десети; саян також сукна самоделского, ушутый з локот осми; простицу, дома робленую, ушутую з локот десети з кшталом мухаяровым; хуст белых кублы два⁸⁷.

- 84 **AGAD.** AR. Dz. IV (Listy Radziwiłłów). № 289. S. 11-12 (“dostałem sam karla dlya swey m-czywey dobrodzieyky, który u samey kniechyny moskiewskiey sluzyl, y w tym dworze wzięt, który byl u niey wysluzyl, malo wiewrętszą brodę ma, anysz sam tu y drugie mam barzo male chlopię, ktoregom tesz za karla dostal”). См. также: **Скеп’ян.** 2021: 24.
- 85 **Claus.** 1959: 125. См. также: **Забелин.** 1869: 409-417; **Лихачев.** 1984; **Дженсен.** 2016; **Шамин.** 2016.
- 86 **AGAD.** AR. Dz. V (Listy domów obcych). № 16475. S. 24: “A dziewky moskiewky the my thu prziwiesziono od W.M., niszlim jescze ych do Kx J.M. nie slala y ich thu u siebie szatrzimala do przyechania thu do Turczu Kx J.M.”.
- 87 **VUB.** КЗЖм-1595 (była). F. 309v (30 октября 1595 г.).

Все это говорит о том, что украденная московка сама шила себе одежду и платы, а возможно, и состояла все эти годы швейей у жмудских шляхтичей.

В белзских гродских книгах записана жалоба войта клечелевского Станислава Кучковского на воеводу подляшского Миколая Кишку о нападении его урядника на имение Кучковского Погребы, и среди убытков упомянуто пленение «челяди двух московок невольниц» (“czeliadzi dwu moskiewek niewolnic”)⁸⁸. Могилевские мещанки Хадося Жданова и ее сестра Федорова Шкутова в 1615 г. не поделили имущество и среди прочего «девку-московку»⁸⁹. В конце того же года за какую-то московку боролись еще два мещанина — Микита Кликунович и Гришко Куприянович⁹⁰. Весной 1616 г. могилевец Степан Ильинич передал под залог райце Богдану Радьковичу свою челядницу-московку⁹¹. Две сестры из Московского государства упомянуты в инвентаре Могилевского староства 1618 г. — они были направлены в Дорогобуж, возможно, для выдачи в Москву⁹². Тогда же два могилевских мещанина Федор Харитонович и Федор Демидович делили между собой челядь, судились за «девку-московку»⁹³. Лев Сапега в марте — апреле 1619 г. призывает Криштофа Радзивилла срочно вернуть ему двух московок, присланных из числа пленных для пошивочных работ у жены Криштофа. Женщин следовало направить обратно в Московское государство и для этого привезти с верными людьми из имений князя в Слоним. Сапега выражал надежду, что за несколько лет с момента пленения московитки обучили местных

88 AGAD. Bielskie grodzkie ks. Nr 69. K. 93v.

89 НГАБ. КММг-7. Арк. 2 ((1-20 сентября), 1615 г.).

90 НГАБ. КММг-7. Арк. 183-183 адв. (19 декабря 1615 г.).

91 НГАБ. КММг-7. Арк. 451 адв. (25 апреля 1616 г.).

92 VUB. F. 4. A 1966. На них потрачено 3 зл. 12 гр. Указано А.А. Скепьян.

93 НГАБ. КММг-8. Арк. 114-114 адв. (19 сентября 1618 г.).

всем необходимым навыкам. Радзивилл выполнил просьбу канцлера⁹⁴.

Имена некоторых из девушек-рабынь могут быть установлены. Передана по дарственной челядница городенского шляхтича Фалимера Дорошковича и его жены Ганны Сасиновны, а затем — Валентина Пуханского и Раины Дорошковны, Марина Стародубка вместе с тремя ее детьми (1569 г.). Пограничные служанки — как правило, военные трофеи: челядница и дочь челядника-московита у мстиславского шляхтича Юрия Дедерко Матрона (Матруна) Ивановна (1579 г.), смольнянки, челядницы мстиславских шляхтичей Юрия и Ивана Есифовичей Воронцов Матруна Максимовна и Параскева (Парасья) Игнатовна (1579 г.). Ковенским шляхтичам принадлежала после Псковского похода челядница Полония Ивановна. Шляхтичу Гаспару Клодзенскому принадлежала после взятия королевским войском Полоцка Агафья, обращенная в декабре того же года в католицизм под именем Зофья, другому шляхтичу — обращенная в католицизм в 1584 г. псковская пленница Пелагея (Полашка). Могилевские мещане в ту же кампанию привели из России Аграфену, которую вскоре перепродали. Реестр имения ковенского шляхтича Г.И. Винко доносит имена его челядников из России — среди них женщина по имени Марина (1583 г.). Появляется в источниках лишь однажды и только благодаря своему побегу челядница жмудского шляхтича Ганна (1584 г.). Бежала от ковенского шляхтича З.Я. Скоповича его челядница Оксинья (1584 г.). Жмудским шляхтичам Кристине Яновне Войняте, а затем ее сыну Яну к 1584 г. принадлежала невольница («девка невольная») Афоня (Агафия), другому шляхтичу из Жмуди Шимону Бялскому Ганна, а ковенскому

94 **ЛМAB.** F. 9 431-432 Listy Lwa Sapiehy 1588-1633. K. 12 (Б. д.), 13 (22 апреля 1619 г.). Указано А.А. Скепьян.

шляхтичу Зыбулту Скоповичу — Акси́нья. Отданы в дар жмудской шляхтянке Я.А. Рендиновне пленницы Великолуцкого похода 1580 г. Агафья Тувтовна, Станислава (Стася) Федоровна и Анастасия Андреевна (1584 г.). За московку швею Грету, челядницу ковенской шляхтянки Б.Я. Градовской и ее мужа Яна Яновича Выдры, в том же 1584 г. ведется судебная борьба между Яном Выдрой и королевским ротмистром Якубом Прелубским, который будто бы украл эту девушку. Жмудскому шляхтичу Себастьяну Валентиновичу в 1595 г. принадлежала Магдалена, в том же году в тех же краях шляхтичу Томашу Борковскому принадлежала неизвестная по имени московка, взятая в плен во время Псковского похода Стефана Батория. В 1596-1598 гг. в Упитском повете служит у шляхтичей Езофа и Петра Григорьевичей Авдотья. Тяжелым выдался 1603 год для коберницы (т.е. ткачихи, изготавливающей тонкие безворсовые ковры из шерсти и шелка) из России Мадлены, за которую тогда поссорились два жмудских урядника. К маю 1611 г. уже не один год у слонимского шляхтича Яна Шабранского и его жены Ганны Туровки служили московки Каска и Луня со своими детьми, их пришлось разыскивать через уряд после побега, в подготовке которого Шабранские подозревали других шляхтичей Чечетов. Это от их родича они получили женщин «вечным правом». В 1610-е гг. немало московских женщин из челяди упоминают хорошо сохранившиеся могилевские актовые книги (Мария, Параскева, Ульяна, Ульяна Яковлевна). Федора из Луцкого повета и ее тезка из расследования Слонимского гродского суда — пленницы шляхтичей Смоленского похода Сигизмунда III Вазы.

Множество дел, касающихся жизни выходцев из Российского царства за конец 1570-х — начало 1580-х гг. и после 1609-1613 гг., связано с притоком женщин в качестве челядниц в Великом княжестве Литовском и Короне Польской после Московских походов Стефана Батория и после Московской Смуты. Как

и для знатных пленниц, промежуточным этапом, превращающим их в заложниц высшей власти, было содержание в тюрьме. Реестры Мальборка донесли до нас имена тамошних затворниц рубежа 1570-1580-х гг., плененных еще в Полоцкий поход: Авдотья (вдова), Барнава, Ильина (вдова), Кириллова, Пелвянова (вдова), Ульяна, Федора (вдова). Часть женщин назвали себя только по именам своих мужей. Статус «хлопов» говорит, вероятно, о социальном положении, что, впрочем, не означает, что они были зависимыми, а не свободными селянками из владений Полоцкого замка. Вообще, нам почти не известны случаи, когда женщины прямо декларировали свое зависимое положение до эмиграции. Уверенно можно сказать это только о еще одной Ульяне, которая в 1583 г. была крещена в католицизм — она до пленения была *“famula”* в семье сына боярского Софрония Туркова, очевидно, у его жены Анны, которая названа первой при указании господ.

Изредка московки-служебницы выступают при более высокопоставленных эмигрантах из России. Например, служебницей у одного из военных слуг кн. А.М. Курбского, Андрея Барановского, была Марина, которая и свидетельствовала о смерти Андрея в августе — сентябре 1588 г. Еще одна Марина в 1590-е гг. служила жмудскому на то время сыну боярскому Василию Ивановичу Бунаку, и он ее даже передал на время в семью Шеметов. Правда, потом уже по суду выпрашивал обратно.

Невольное состояние в плену было поправимо, но на выкуп требовались деньги, которые для многих были непосильны. К концу XVI в. выкуп составлял никак не менее 1-2 коп гр. За такие деньги покупают у шляхтичей и казаков московок могилевские мещане после Полоцкого похода Стефана Батория. В одном следственном деле о побеге невольницы упоминается, что ее служба оценивалась по тарифу 6 гр. в неделю, что составляло 1 копу гр. каждые 10 недель, а за год приносило не-

малые деньги — около 5 коп гр. Мстиславская, а затем могилевская челядница Матрона Максимовна и была в 1579 г. продана вместе с дочерью за 5 коп гр. Завещаемые в 1591 г. литовской магнаткой Зофьей Ходкевич двум своим «московкам» (обе по имени Анастасия) суммы показательны в этом смысле — по 4 коп гр. Это, с одной стороны, те средства, которых могло хватить на освобождение, а с другой — женщины могли остаться на службе при деньгах и в статусе свободных служанок. В этом смысле не вызывает удивления поступок виленского шляхтича Михаила Груздя в 1594 г.: он передает в работу на год беглую от другого шляхтича московку Февронию (Ховру) всего за 1 копу гр., поскольку не уверен в том, что ее не найдут раньше срока.

Иногда сами владельцы пленных девушек настаивали, что те не являются невольницами, а свободны и выбирают, на кого работать. Стрелецкую жену Федосью Яковлевну, пленницу Полоцкого похода Стефана Батория, ее пленитель отпускает уже в землях Великого княжества Литовского, видимо, поверив в ее готовность заработать и прислать за себя выкуп («на спасенье»). Она поступает на службу к могилевскому мещанину, который также обещает ей перед судьями магистрата, что в перемирие отпустит ее «яко волную». Другая ее соотечественница Хвения куплена могилевским мещанином у казака примерно тогда же и обязуется отработать 9 лет, после чего получит свободу.

В подкладке в большинстве подобных случаев память о свободе и желание вернуться на родину, хотя источники прямых заявлений челядниц на эту тему почти не сохранили. Политическим основанием для освобождения служило доказательство того, что женщина не происходит из России, а родилась на территории Великого княжества Литовского или где-то еще. Подобные споры вызывали настоящие судебные побоища, которые могли длиться многие месяцы и требовали больших усилий судов. В 1608 г. ответчик на Жмудском земском уряде

отказывается возвращать истцу челядницу Татьяну, ссылаясь на то, что тот неправильно называет ее «московкой», тогда как «тая невеста, о которую пан Буконт позывает не ест его и московкою, одно тутошного панства урожоною под Посводем. И по зойстью родичов оное в убостве в злые лета розным людем служила от лет двадцат чотырех»⁹⁵. Истец не согласился и доказывал, что Татьяна происходила из Московского государства и была приведена им как пленница из Псковского похода Стефана Батория. Как бы то ни было, обе линии аргументации следовали в русле норм Третьего Литовского Статута относительно челяди местного и неместного происхождения.

Два примера за 1530-1560-е гг. содержат помимо социального-политического еще и межрелигиозный подтекст. Первый — история Матроны. Детная жена казака Ивана, она с 1534 г. в плену служит челядницей у литовских татар Троцкого повета Тафты и Адама Тафтича, где вновь выходит замуж за литвина. Супруги и их пятеро детей дважды пытаются бежать, но побег удается только одной дочери и двум сыновьям. Один из сыновей Матроны Петр Иванович бежит вместе с другими челядниками Адама, но его ловят и приводят в Виленский гродский суд, который в августе 1563 г. рассматривает жалобу Петра на недействительность акта о купле его отца, но, в конечном счете, принимает сторону владельца.

Уникальные данные о службе московитки татарской семье в Литве содержит 13-я гродская книга Владимира-Волынского. Девушку Оршулю татарин Троцкого повета Мухарем захватил во время Смоленской экспедиции кн. Б.Ф. Корецкого в 1568 г. Московитка 24 года служила татарину и его жене, вышла замуж за их слугу Гаврило, родила двоих сыновей и две дочери. Муж погиб в битве при Бучаче в 1588 г., а когда умер ее пан,

95 VUB. КЗЖм-1608 (bylos). L. 106v (22 января 1608 г.).

Мухарем, Оршуля решилась на побег и ушла от его вдовы Фатмы к Луке Мамоничу. На суде Мамонич не скрыл факт побега и согласился заплатить Фатме за ее служанку. По всей видимости, лишившись своего пана и захватчика, она могла думать, что ей положена свобода. Не получив ожидаемого, Оршуля бежала к известному купцу и книжнику, обращавшемуся в кругах москвитов. Этот пример, возможно, объясняет поведение тех девушек, которые бежали от своих захватчиков. Право завоевателя воспринималось как пожизненное, тогда как переход к новому пану создавал возможность вступить в договор и предусмотреть право на освобождение. Впрочем, предпринимались попытки ограничить право татар на владение челядниками-христианами. Городенский сейм 1568 г. требовал от короля, «абы татарове хрестиян в неволи не мели, але жебы ся выслуговали им водле статуту мамъки також хрестиянки абы не были, а детей челеди своее за купное хрестиянского народу або на бесурманскую веру не обрезали, полонянок теж в себе в неволи абы не ховали, але хрестияном продавали»⁹⁶. Однако король подтвердил все права татар, предусмотренные Литовским Статутом и земскими привилеями.

Волынский шляхтич польского происхождения Войцех Корошевский привез Анастасию (Настасью) из похода Стефана Батория. В марте 1585 г. он почувствовал приближение смерти и написал завещание, которым всю свою движимость передал Настасье. Свое решение он объяснял тем, что никого кроме нее и Бога в его жизни не осталось. Впрочем, были еще братья, которых он своим завещанием старательно обошел. Настасья служила ему верно, заботилась о его здоровье, выполняла все его приказы. Еще при своей жизни Войцех освободил ее, чтобы сделать наследницей.

96 РГАДА. ЛМ-527. Л. 156 об. - 157 (арт. 56).

Показательно также судебное дело вокруг подданной жмудского урядника Марины, развернувшееся в 1607-1608 гг. За годы до этого Марина передала свою дочь Ганну в семью шляхтичей Станиславовичей, где некая Кристина выпросила себе Ганну, видимо, как воспитанницу и подопечную в трудные годы («в часы злые»). В 1607 г. мать потребовала вернуть себе свою дочь. Сторона Станиславовичей отказывалась, ссылаясь на то, что девочка не челядница, а свободна, и выжила благодаря своим покровителям. Прозвучал и тонкий юридический аргумент — если бы Ганна была невольницей, то покровительство следовало рассматривать как прокормление, и тогда за это мать девушки и ее сторона должны были заплатить. В нашем распоряжении на редкость есть резолюция («декрет») данного процесса, и можно понять, что суд вернул Ганну как свободную девушку матери, а следовательно, признал права матери, но не признал зависимый статус дочери и квалификацию самого дела в качестве изъятия беглой челядницы.

На суде в 1593-1594 гг. со ссылкой на свободный статус беженки Григорий Венцлавович Шондя (Шонда) отстаивал свои права на Грушу (Аграфену), плененную вместе с братом по имени Ермолай. В этом процессе показания во время тяжбы содержат ценные сведения о том, как происходил захват пленниц. Во время набега «в загоне и на здобичах» в Ливонии в октябре 1578 г. юную девушку из-под Острова будто бы захватывает даже не сам Шонда, а его ротный шляхтич Бартоломей Петкутайтис, получивший на службу коней, обмундирование и оружие от Лукаша Змайлы (Измайловского). За эту помощь Бартоломей — следует вновь добавить: будто бы, согласно показаниям истца — дарит Змайле свой трофей «вечными часы», на что подписывает даже специальный акт дарения. После чего имя челядницы должно было появиться в реестре имущества и получить правовое подкрепление в форме записи в актовых

книгах местных земских судов. В случае отсутствия такой записи могли возникнуть как сомнения в принадлежности челядницы, так и в самом ее зависимом положении. В январе 1593 г. Груша бежала от своего пана, Л. Павловича (уже на то время зятя Лукаша Змайлы) к брату. Шонда объявил о побеге и выступил с требованием признать девушку свободной. Возможно, существовала договоренность о сроке службы Груши, но суду никаких документов со стороны ее нового пана представлено не было. Суд изучил права собственности истца и признал их законными, в числе прочего — акт о признании Груши собственностью Петкутайтиса, подписанный в октябре 1578 г. Судя по всему, это история о том, как челядникам-москвитам, брату и сестре, не удалось воссоединиться после многих лет раздельной жизни. Так и неясно, была ли у Груши семейная жизнь. Можно лишь предположить, что ни мужа, ни детей у нее не было, а ее побег к брату после многолетней службы — свидетельство затаенной обиды или стремления к освобождению. Об этом же говорит и формально соблюденный ею срок в 15 лет, который мог звучать в устных договоренностях между Аграфеной и ее хозяевами.

Плененная девушка могла выкупиться или выслужить свободу определенным сроком служения, о чем, видимо, не все хозяева рассказывали своим пленницам. Нехватка средств на выкуп означала для них многолетнее рабство. Их использовали на хозяйственных работах (швей, рекуньи, коберницы и т.д.), распоряжались ими в числе прочего имущества и одалживали (отдавали во временную аренду) «для работ» или «для науки» другим свободным собственникам. Свободу приходилось ждать и отрабатывать не только годами, но и десятилетиями — об этом свидетельствует судьба челядницы Полонии Ивановны, взятой в плен во время Псковского похода и подаренной пленившим ее

шляхтичем своей жене 30 лет спустя, в 1609 г., на условиях освобождения Полонии после смерти его жены.

Иногда девушки узнавали, что имеют право на свободу или считали, что уже ее заслужили. Если не удавалось уладить эти противоречия, то приходилось либо смириться со своей участью, либо попробовать изменить судьбу. Поражение в этих попытках только усложняло им жизнь, поскольку наряду с побегом в книги местных судов заносились, как правило, обвинения против них в краже имущества. Так, на протяжении 1616-1619 гг. в могилевских актовых книгах встречаются «дела» о побегах какой-то московки по имени Мария, каждый раз сопровождаемых вменяемыми ей ограблениями своих хозяев. Благодаря этим-то неудачным побегам мы и получаем источники о самом существовании челядниц. О подлинных причинах побегов, краж и других споров вокруг московиток часто трудно судить. Можно предположить, что стремление избежать выкупа за свое освобождение, подговор со стороны других шляхтичей или их слуг, а также условия работы и конфликты с хозяевами были основными причинами неблагополучия челяди.

В нашем распоряжении есть подробные истории, в которых оборотная сторона эксплуатации «московских девушек» — сексуальное насилие. В этих делах видно пограничное положение челяди между правоспособными людьми и безгласными военными трофеями. В ряде случаев можно предположить, что телесная близость пленницы со своим захватчиком открывает неожиданные правовые перспективы для жертвы.

Во время одного из Московских походов короля Стефана шляхтич С. Глембарт захватил в России немую девочку. В октябре 1585 г. он остановился в доме мещанина кременецкого местечка Радивилова. Там в его отсутствие его служанка была изнасилована кем-то из мещан и слуг местного урядника И. Кияяновского. Осмотр девушки возным подтвердил факт

надругательства, а ее пан обвинил в преступлении урядника. В кременецкой гродской книге отражено проведенное в городе расследование, целью которого было установить имена преступников. Из записи в судной книге ясно, что круг подозреваемых был весьма широк. Нет оснований говорить об этничности в мотивах этого поступка. Однако этничность проступает в серии подобных случаев, каждый из которых показывает, как собственность на москвитку идентифицируется с правом на насилие и сексуальное обладание. Обычная «старостинская статья», издавна действующая в польско-литовском правовом контексте и сдерживающая сексуальное насилие над женщиной строгими санкциями, не останавливает насильников, когда перед ними неправоеспособная пленница-москвитка.

В житомирскую гродскую книгу под 20 сентября 1590 г. внесена запись о том, что, отправляясь на военную службу, шляхтич С. Снецинский отослал свою служанку москвитку Олену и волов в дом К. Винарского в Житомир. Когда Снецинский вернулся, Винарский по-дружески просил оставить Олену ему и его жене, потом отдал, но через несколько недель прислал к другу жену, которая подговорила Олену бежать, что та и сделала, обокрав своего пана. Снецинский бросился в Житомир и там нашел ее, увидев, «иж тая москвитка моя воду несет от реки». Поймал ее как беженку, но она позвала на помощь Винарского, и он в сопровождении своей челяди напал на бывшего товарища, отбил у него девушку и отобрал у него оружие. Снецинский пожаловался в суд и попытался отсудить служанку и назначил за нее 100 коп гр. поруки, с чем Винарские согласились⁹⁷. Между сторонами еще до судебного срока состоялся приятельский суд, на котором Винарский вернул Снецинскому только один «чакан». В ноябре Снецинский вновь подал жалобу в уряд, тре-

---

97 Акти. 2004: 71-72.

буя возвращения прочих вещей и московки⁹⁸. Эта странная история борьбы за служанку между знакомыми и, возможно, друзьями содержит много неясного, поскольку в поведении обоих шляхтичей заметен не только материальный интерес, но и эффект, как в уже очерченном противостоянии ротмистра Я. Прелубского с Я. Выдрой.

Дело об изнасиловании Раины Кайсаровой, дочери москoviта по происхождению волынского шляхтича Гаврило Кайсарова Колодежинского и Марины Дмитриевны (княжны Велицкой), рассматривалась Луцким урядом с конца сентября 1597 г. В изнасиловании обвинялся волынский шляхтич Михаил Васильевич Гулевич, и он будто бы использовал свое преступление, чтобы вынудить жертву вступить с ним в брак. Обстоятельства этого поступка были вызывающими. Гулевич посягнул на честь совсем юной девушки, к тому же своей племянницы, еще не достигшей брачного возраста (моложе 15 лет), когда она была вместе с ним и его женой в имении у родственников. Когда тяжело заболел отец Раины, то попытался вызвать дочь, но она не приехала. Через какое-то время он все узнал и подал жалобу в уряд, обвинив Гулевича, который «потиранску», «яко який тиран», изнасиловал Раину и выдал ее замуж за своего слугу, Ивана Гулялницкого. Поп застал венчающуюся в слезах, в то время как насильник стоял над ней, угрожая «добытою шаблею». После этого девушку изнасиловал ее новоиспеченный муж, пока его пан под окнами приказывал ему управляться поскорее. И ни его супруга, ни кто-либо другой не пришел на крики о помощи. Дело набрало обороты осенью 1597 г., но закончилась примирением сторон через год, в октябре 1598 г. В приятельском соглашении от изнасилования не осталось и следа. Как вполне обоснованно предполагает

---

98 Акти. 2004: С. 78.

Наталья Старченко, сам акт договора свидетельствует о том, что Кайсаровы были вынуждены его подписать. Одну из причин исследовательница обозначает следующим образом:

...Кайсаров-Колодежинский не был своим на Волыни, а принадлежал к группе московских эмигрантов во главе с князем Курбским, которые в начале 60-х годов нашли приют в Речи Посполитой. Соответственно, ни имения, права на которые в это время, после смерти Курбского, подвергались сомнению, ни социальный капитал в виде связей, которого эмигрантам недоставало, не могли обеспечить их защитой, так или иначе гарантированной “добре оселому” шляхтичу⁹⁹.

В насилии обвинялись и московиты, по крайней мере, подобные случаи зафиксированы в шляхетском социуме Волыни. Нападение на шляхтянку одного такого насильника вызвало судебный процесс в ноябре 1600 г. в Луцком уряде между местными шляхтичами Федором Шимковичем Шкленским и Яном Тыминским (Циминским). Шкленский обвинял ответчика, что его слуга-московит, так и оставшийся в актовых записях не названным по имени, избил и изнасиловал служебницу его жены, тоже шляхтянку. После чего безвестно бежал. Предположительно — на родину в Москву. За давностью, а происшествие вскрылось спустя год, суд закрыл дело¹⁰⁰.

Драматична судьба московитки Федоры, челядницы шляхтича Ильяша Сулятицкого. В ней переплелись также сексуальность и рабовладение, а в самом их переплетении просту-

---

99 ЦДІАУ-К. КГЛ-52. Арк. 603 зв.-605 зв., 628 зв.-630 зв.; ЦДІАУ-К. КГЛ-54. Арк. 129 зв.-132. Ссылки на источники и цитата: Старченко. 2015: 120-123, цит. на с. 122. Здесь приведен еще один пример — об изнасиловании в 1590 г. панны-шляхтянки, служебницы жены москвиты К.И. Зубцовского во время ночного нападения Андреем и Михаилом Васильевичами Гулевичами. В статье ссылка на: ЦДІАУ-К. КГЛ-23. Арк. 359 зв.

100 ЦДІАУ-К. КГЛ-61. Арк. 345-347 зв. (10 ноября 1600 г.), 347 зв.-349 (10 ноября 1600 г.). Сведения об этой актовой записи получены от Н. Старченко.

пила этничность. Ход конфликта восстановлен на основе луцких гродских книг в монографии украинского исследователя Сергея Горина, и нам остается лишь воспользоваться его наблюдениями.

Отец Ильяша Петр Сулятицкий, когда его сын «на экспедицы Московской был» (вероятно, в Смоленском походе Сигизмунда III Вазы 1609-1611 гг.), оставил какое-то имущество в Жидичинском монастыре и умер, не успев составить завещание. По возвращении Ильяш не получил вещи и документы отца, хотя архимандрит Гедеон Балабан неоднократно обещал их отдать. По прошествии какого-то времени Гедеон запретил Иляшу входить на территорию монастыря, в том числе навещать в церкви св. Николы гробницы родителей и других родственников. Конфликт разросся, когда в 1615 г. архимандрит отобрал у шляхтича еще и монастырскую аренду, и перерос в военное противостояние, которое длилось около трех лет. На этом фоне в мае 1618 г. шляхтич обвинил монастырского подданного Парфена Семеновича Рака в избиении и изнасиловании московитки Федоры, которую он привез из военного похода и «дал до послугов» в Свято-Духов монастырь монашине Марте (Марии Закревской-Русецкой), чтобы она, «там жила, Господу Богу служила и усердствовала в добродетелях, различных обычаях и прочих необходимых для нее занятиях, как шитье и все тому подобное и ей необходимое»¹⁰¹. Парфен, по его словам, напал на девушку в небытность Марты. Когда Федора пожаловалась Марте, та все рассказала Балабану, но тот велел им молчать, а московитку посадил под замок. Пожаловалась она Сулятицкому, лишь когда он приехал в монастырь. Как установил С. Горин, 20 мая Парфен дал запись Сулятицкому, обязавшись в

101 ЦДАУ-К. КГА-109. Арк. 425: «там жиючи, пану Богу служила, потом цнот, вшеляких обычаев и инших потребных ее забав, яко шитя и тому инших подобных и потребных цвичиласе».

течение 12 недель выплатить штраф 50 зл. В июле шляхтич вновь пожаловался в суд. На сей раз Федору выкрал монах Макарий. Когда возный прибыл к Макарию, Балабан не разрешил принуждать монаха к показаниям. Лишь 6 октября 1618 г. Макарий раскаялся и признался в уряде, что служил Балабану и выполнял его поручения — по его велению, тайно выслал из монастыря Парфена. Три недели он не решался отправить московитку так далеко, «чтобы о ней пан Сулятицкий уже никогда не узнал» («жебы о ней пан Сулятицкий нигды вже не ведал»). Но Балабан все же посулами и угрозами принудил его к действиям. Был разработан план — Макарий должен был обмануть всех показными сборами в Киев, выехать, но тайно остановиться в Дубно, вернуться оттуда, остановиться в с. Буци кн. Януша Заславского и оставить Федору у отца насильника — Семена Рака. Макарий собирался незаметно поймать Федору, но она так и не вышла из кельи Марты во двор. Лишь на другой день, в ночь с 26 на 27 мая, она была схвачена, когда Марта пошла по звону колокола на заутреню. Вывезли ее в Буци, где ее забрал «до себе» Яков Глушковский. Согласно показаниям Макария, в аферу были посвящены некоторые другие монахи, священники и слуги архимандрита. Балабан в ноябре все отрицал и пытался скомпрометировать Макария, приписывая ему богохульство, сожительство с Федорой и поклеп в истории о ее вывозе. Конфликт так и не привел к соглашению, продолжался при преемнике Балабана Никодиме Шибенском в 1621 г. и разрешился мировым соглашением между Сулятицким и сыновьями Гедеона 2 июня 1627 г., по которому Ильяш признавал, что получил достаточную компенсацию за утраченное при их отце движимое имущество¹⁰².

---

102 Горін. 2009: 67–78.

Иски и свидетельские показания сторон, конечно, условны и нередко недостоверны, однако в структурах условностей интересны стереотипы, обозначающие границы допустимого. Вымышляя и додумывая преступления, истцы и ответчики старались не выходить за рамки правдоподобия. И в этой перспективе для архимандрита было важно опереться на образ шляхтича-собственника московитки. Право на рабыню и ее труд в этом образе идентифицируется с правом на сексуальное насилие. В то же время сам шляхтич вовлекает девушку в свой конфликт с архимандритом, воспользовавшись удивительно кстати случившимся изнасилованием, в котором монах архимандрита имел неосторожность сознаться, тем самым спутав настоятелю все карты и заставив его разрабатывать план похищения. Источником распутства для архимандрита, да и для нерадивых монахов и послушников, служит рабыня, чья зависимость подкреплена стигматизирующей этничностью (иноземка, московитка). Конфликт между образом усердствующей в добродетелях девушки, обучающейся в женской половине монастыря мастерству и рукоделию, и образом тлетворной распутницы, вносящей разлад в монастырскую жизнь, выявляет оппозицию в стереотипе, наделяя его негативную сторону социальными и этническими подтекстами. Поступок жителей Радивилова из этой перспективы может быть прочитан как жестокая и бесчеловечная насмешка, шаривари, высмеивание самого шляхтича и его права на девушку. Насилуя, мещане или те, кто скрывался за этой судебной фикцией, совершали то, с чем идентифицировался у современников собственник девушки-московитки.

В этих контекстах побег девушки от шляхтича-воина в оседлую семью сам по себе маркирует несогласие московитки сожительствовавшей с захватчиком, чье право собственника неотрывно от телесного насилия, памяти о расправах, сексу-

ального доминирования. У захватчиков сложился своеобразный ритуал перепродажи девушки, позволявший ей вступить в договорные отношения с новым хозяином. Именно так поступают могилевские мещане, продавая в 1579 г. пленницу Соломону на условии, что она отработает новому хозяину 3 года или ее выкупит муж за ту сумму, в которую ее оценили — вероятно, тоже ритуально, иначе смысл сделки для покупателя неясен. И так случается со стрелецкой женой Федосьей Яковлевой и девушкой Хвеней, которые были отпущены и вновь поступили на службу, заключив с ним договор о своем освобождении. Нормы похолопления Русской Правды сохраняли силу в повседневной жизни: пленение предполагало «обельное» холопство, тогда как после освобождения, даже временного и условного, раб и раба могли заключить с новым господином договор-«ряд».

О возможном единстве этничности и сексуальной эксплуатации свидетельствует расследование по делу полоцкого протопопа Марка и его «приятелки», юной московки Ганны Поповны. Вероятно, Ганна попросилась под защиту протопопа, когда угроза плена или смерти в августе 1579 г. стала для полоцких «сидельцев» единственным страшным выбором. Однако во Владимире Волынском, где девушка оказалась при протопопе, она вызвала подозрения или даже стала объектом провокации. Жалоба на пленных постояльцев содержала сразу два предмета расследования — предполагаемое участие Ганны в передаче протопопу на хранение драгоценностей и телесная чистота (здесь же подразумевался вопрос о представительстве неполноправной девушки). Возный спросил, венчана ли она, и счел нужным отметить для записи в актовую книгу, что в браке с «добрым человеком» она не состоит.

Охрана девичества и в целом женщин от насилия к концу XVI в. была предметом беспокойства не только в Речи Посполи-

той, но и в России. Судебник 1589 г. и Соборное Уложение 1649 г. отразили не только традиционный еще со времен Правды Русской «двойной вергельд» за покушение на честь женщины, но и новации в отношении девичьей чести: Судебник еще оставлял кару за изнасилование девушки на усмотрение патриарха, тогда как Уложение впервые устанавливало в качестве возмещения четверной оклад ее отца, и российская судебная практика второй половины XVII в. отразила это более строгое отношение к девичьей чести¹⁰³. Вместе с тем к концу XVII в. по судебным делам заметно, что усилилась роль родителей, братьев, сестер и свояков девушки или замужней женщины в ее защите от изнасилования или от проявлений агрессии в ее новой семье¹⁰⁴. Сходные процессы затронули и право Великого княжества Литовского и Короны Польской, где в Статуте 1588 г. расширялось право свояков изнасилованной девушки, давшей согласие на брак с насильником, возвращать по суду вещи, захваченные этой девушкой при уходе из дома (т.е. рассматривать в таких случаях «гвалт» как сговор против ее родовой семьи), а сеймовая конституция 1631 г. предоставляла право своякам аннулировать показания женщины о ее согласии на выезд с насильником¹⁰⁵.

На пограничье России и Речи Посполитой в годы восстания И.И. Болотникова в пользу царя Дмитрия Ивановича (Лже-Дмитрия II) и царевича Петра в 1606-1607 гг. угрожающим для детей боярских со стороны повстанцев был призыв к своим сторонникам забирать не только имущество непокорных служилых людей, но и их жен, как если бы законное право на имущество предполагало экспроприацию близких, включая семью

---

103 **Бошковска.** 2014: 342-344.

104 **Колманн.** 2001: 113-158.

105 **Сліж.** 2015б: 70-71.

и челядь. Это заставляло детей боярских либо присягать на верность повстанцам, либо бежать из своих поместий вместе со всеми домочадцами¹⁰⁶. Особенно остро выросла проблема сексуального насилия во время Тринадцатилетней войны 1654-1667 гг., но тогда уже суды различных инстанций Великого княжества Литовского и Речи Посполитой прямо обвиняли московских подданных — не эмигрантов, но также *москвитов* — в насилии над местными девушками и женщинами. Например, в 1665 г. виленские суды рассматривали жалобу Катерины Ватальтович и ее мужа, лидского шляхтича (земянина) Яна Лисовского, против первого мужа Катерины, московского полковника Льва Сытина, который ее в годы оккупации Вильно царским войском выкрал и под страхом смерти на ней женился¹⁰⁷. Все подобные случаи, как и практики многоженства, обмена и продажи жен у казаков, хорошо известные по источникам в XVII-XVIII вв., были частью миграционного мира, в котором вооруженное насилие все теснее соприкасалось с повседневными гендерными стратегиями и толкало женщин к побегам не только за пределы своей малой родины, но и за границы государства¹⁰⁸.

В заключение отметим, насколько трудна экстраполяция, с одной стороны, российских культурных форм на реалии эмигрантских странствий женщин, решившихся сменить подданство и переселиться в европейский мир. С другой — межклассовая история «женщины», россиянки как таковой. Жизнь в Ко-

106 Бутурлин. 2012: 113, 136, 149.

107 Слж. 20156: 102.

108 Sunderland. 2006: 92–93; Witzentrath. 2007: 68–69; Boeck. 2009: 92–93. Дискуссия вокруг данных работ, в основном, в связи с проблемой легитимного патриархального насилия над туземным населением в самой России, а не с проблемой положения российских женщин в «контактных зонах» и за границами России: Muravyeva. 2016: 361–369.

роне Польской и Великом княжестве Литовском или в стране казаков структурировалась местными стратификациями, к которым, как правило, и мужчины, и женщины привыкали и научались говорить на языке другой социальной культуры. Десятки известных ныне женщин из России в Речи Посполитой находят в своих нишах решения для самореализации. Источники показывают их биографические пути только в исключительных случаях, но и в отношении сохранившихся данных потребуются более детальные исследования контекстов, поскольку большинство выявленных жалований, данных о сделках, судебных прецедентов, свидетельств о зависимости и освобождении — это лишь малые толики в сложных обстоятельствах, в которых эмигрантки оказывались в новом отечестве.

Как показано выше, жены высшей московской знати и детей боярских в эмиграции чаще всего оставались под материальной опекой, которая гарантировалась им до смерти, возвращения на родину или открытия для них новых правовых возможностей в эмиграции. В землевладельческом статусе они, как правило, вместе с мужьями добивались пожизненного права на имения и пользовались возможностью получить согласие короля на владение при детях, если муж умирал. Нам не известны ни завещания эмигранток в первом поколении, ни акты сделок женщин с местной шляхтой. После смерти мужа привилей на «доживоте» сохранял за вдовой права до тех пор, пока сыновья не достигали взрослости, дочери не выходили замуж или пока вдова вновь не выходила замуж. Известны и случаи, когда вдова должна была расплатиться имением с заимодавцами покойного мужа. Можно было бы ожидать, что какая-то часть эмигранток после смерти мужей и на склоне лет окажутся в православных женских монастырях, однако таких данных в нашем распоряжении нет.

Жены детей боярских не демонстрируют никакой склонности к «большой семье», которую безуспешно искали демографы и в самой традиционной России. В эмиграции, возможно, малодетность и бездетность — результат экстраординарных условий. Однако невозможно списывать эти показатели на какую-то особую «московскую» репродуктивную концепцию. Ни о чем подобном у нас нет данных.

Источники о жизни россиянок в эмиграции возникли по большей части не в нормальной повседневной жизненной практике, а в результате эксцессов. Прежде всего, это судебные тяжбы, смена статуса, смерть мужа, гибель слуг или детей. Это может доказывать, что московитки в новом обществе были чужими и не могли пользоваться всеми теми же благами, которые были доступны их современницам-подданным Великого княжества Литовского и Короны Польской. Впрочем, милость короля и патронально-клиентарные отношения женщин или их родственников-мужчин гарантировали защиту и перспективу интеграции.

Челядь не была замкнутым сословием и даже каким-либо единым классом, и женщины-пленницы, заложницы и служанки оставались в эпоху статутного права без определенного статуса, иногда стремительно его меняя. Ситуацией неопределенности в отношении зависимых «классов» из рядов эмиграции пользовались как владельцы женщин, так и сами зависимые, особенно если научались манипулировать судебными решениями о своем статусе. Это было типично и для местных, и для иностранных чужеземок-челядниц.

Институциональное насилие в отношении московских женщин требует реинтерпретации как особая форма саморефлексии местных субъектов права. Нельзя на основе судебных казусов выстраивать стратегии отношения к россиянкам и даже только к российским представительницам зависимых клас-

сов. Грань между свободой и несвободой в случае пленных и челяди была проходимой, и право в различных регионах Речи Посполитой решало вопрос о статусе неоднообразно, однако общая тенденция заключалась в том, чтобы в расследованиях по делам об изнасиловании рассматривать девушек и женщин в качестве жертв, чье право на судебную защиту не вызывает сомнений. С другой стороны, представителями и опекунами потерпевших в таких делах выступают нередко местные, которые пользовались подобными казусами в своих интересах.

Вместе с тем понятно уже сейчас, что именно неопределенный, а не зависимый статус продуцировал дискурсы насилия и насилие как отношение и поведение по отношению к московским эмигранткам. Это были дискурсы «обладания», с которыми позднее столкнулись идеологи Просвещения и репликаторы различных стратегий экзотизации в более поздние эпохи, когда военное насилие на чужой территории становилось более выраженным, институциональным и протяженным по времени.

Список женщин из Российского государства в эмиграции в Речи Посполитой (середина XVI — начало XVII в.)

Авдотья (Odoczia) — крестьянка, пленена в Полоцке в августе 1579 г., числится в списке «хлопов» 18 ноября 1582 г. в мальборкской тюрьме, на момент пребывания в тюрьме вдова¹⁰⁹.

Авдотья — челядница упитского шляхтича Езофа Григорьевича, а после его смерти — его брата Петра, уп. в следственном деле 16 января 1596 г. и 7 января 1598 г. вместе с «детинной Стасюком»¹¹⁰.

Агафия (Афоня) — челядница жмудских шляхтичей Криштофа и Яна Войнят. Господарский земянин волости Поюрской Криштоф Григорьевич Войнята на суде 13 января 1584 г. заявил, что вместе со своим братом, судьей гродским жмудским Юрием Войнятой неоднократно вызывал на жмудский земский суд местных же жмудских шляхтичей Войтеха и Яна Адамовичей Валентиновичей — в числе прочих спорных вопросов из-за дворца Онтыники волости Коршовской на Жмуди, трех служб «людей тяглых» в Кевнарах, землицы Будришка, подворья «челеди неволной» во дворе Гонипровском (Жгонипровском) и 45 коп гр. за четыре службы и движимость в их Кголвидишском имении. Среди челяди уп. «девка неволная», доставшаяся Яну Войняте от матери, Кристины Яновны. Возможно, она ниже выступает как «московка», одна из двух служанок, которых В.А. Валентинович передал К.Г. Войняте. К.Г. Войнята заявляет, что В.А. Валентинович ему во всем «досыт учинил»¹¹¹.

Агафья (Акгафия) Тувтовна — челядница жмудской шляхтянки Ягнешки Андреевны. В Литву попала, видимо, после Великолукского похода Стефана Батория 1580 г. Ее и *Настасью Андреевну* шляхтич волости Веленской Жмуди Матей Петрович Монтвилович купил за 10 коп гр. у Семена Шамовича, товарища (т. е. рядового) одного из коронных ротмистров (князя, имя разобрать не удалось). На Жмудском земском уряде 14 января 1584 г. М.П. Монтвилович заявил, что покойный первый муж его жены Барбары Янушковны Бартоломей Юрьевич завещал из своего дворца Роценского воло-

109 AGAD. ASK. ASW-82. 8. K. 51v.

110 VUB. КЗУ-10: 575–577.

111 VUB. КЗЖм-7. Р. 21–24 (13 января 1584 г.).

сти Веленской Жмуди своей единоутробной сестре, жене Бартоломея Петровича Сиповича, Ягнешке Андреевне Рендиновне трех своих челядников, из которых «часу голодного» кто-то умер, а кто-то убежал. М.П. Монтилович вместо завещанных челядников отдает Я.А. Рендиновне московиток-«полонеников» Агафью Тувтовну, *Настасью Андреевну* и *Станиславу Федоровну*¹¹².

Агафья-Зофия (Agaphia de Połocko) — челядница из Полоцка. На 13 декабря 1579 г. служанка Гаспара Клодзенского ("*famula d-ni Gasparis Kłodzieński*"). Обращена в католичество францисканцами в Вильно и приняла имя Зофия ("*Zophia*")¹¹³.

Аграфена (Агренья) — челядница моголевских мещан. Захвачена под Рославлем осенью 1579 г. мещанами Петром Станиславовичем, Петром Матфеевичем и Хомой Шимковичем. На рубеже 1579 и 1580 гг. они отдали ее мещанину Ивану (Ивашку) Сопроновичу за 2 копы гр. на условии ее самовыкупа 4-летней работой или выдачи соотечественникам на окуп раньше срока¹¹⁴.

Аграфена (Огруха) — московитка, плененная в Псковском походе Стефана Батория 1581 — начала 1582 г. ("*e Plescoviae regione capta*"). Служанка шляхтича Сухинского (*Suchinskyj*). 31 мая 1584 г. принимает в Самборе католицизм¹¹⁵.

Аграфена (Грушъка, Кгрушка) — полонянка господарского землянина Вешвянской волости на Жмуди Лаврина Павловича. Взята в плен вместе с братом *Ермолаем* — жмудским шляхтичем Григорием Венцлавовичем Шондой (Шондзей) или жмудским шляхтичем Бартоломеем Петкутайтисом. В октябре 1593 г. Л. Павлович вызывает в Жмудский земский суд другого местного господарского землянина Г.В. Шонду, вменяя ему в вину, что он приютил у себя в доме в Шорнелях московку, сбежавшую в ночь с 3 на 4 января 1593 г. Л. Павлович узнал об этом еще раньше и неоднократно с января 1593 г. жаловался, что беженка ушла «за перемовленем» Г.В. Шонды. 12 июня 1593 г. через возного Дирвянской волости Миколая Петровича Л. Павлович требовал на уряде вернуть беженку пану. Однако все усилия были тщетны. Представитель Г.В. Шонды Эразмус Григорьевич

112 VUB. КЗЖм-7. Р. 43–46 (14 января 1584 г.).

113 AAV. SS. Polonia. № 17. F. 443.

114 НГАБ. КММг-1. Арк. 286–286 адв., публ.: **Акты**. 1915: 489 (Запись от 9 января 1580 г.).

115 Грушевський. 1915: 4, 7.

Сурвило ссылался на право владеть ею по факту пленения, но уточнял, что она «жадъною невольницею не ест», а свидетельства против пана, как и пана против слуги недопустимы. Представитель Л. Павловича Ян Змайло (Измайловский) заявил, что Аграфена была пленена не Г.В. Шондой, а слугой пана Лукаша Змайлы Бартоломеем (Бальтронеем) Петкутайтисом, служившим «в жолнерской службе на статку пана своего». В суде был представлен акт («лист») Б. Петкутайтиса под 3 печатями от 6 октября 1578 г. о том, что в 1577 г. он служил в Ливонии при Г.В. Шонде «на конех и ринштунку» Л. Змайлы и, «будучы в загоне и на здобичах за границую», захватил Аграфену, «на тот час в молодых летех». За помощь Л. Змайлы Б. Петкутайтис подарил ему и его жене девушку «вечными часы» в их дом в Шорнелях. К этому был приложен реестр под 4 печатями и подписями от 19 мая 1591 г., выданный Станиславом Мартиновичем Гудовичем (Кгудовичем), в котором говорилось, что имущество Л. Змайлы после его смерти и смерти его жены перешло из-под его опеки его дочери Зофии Лукашовне Змайлянце и ее мужу — Л. Павловичу. Было имя московки и в реестре 20 июня 1587 г., которым имущество передавалось под опеку С.М. Гудовича после смерти Ягнешки Павловны Жолотковны, вдовы Л. Змайлы. Представлены были и выписки из актовых книг с жалобами на побег. Э. Сурвило опроверг требования истца ссылкой на то, что девушка не была невольницей, а правомочность реестров не признал в связи с тем, что они «на враде не ствержоные». На это Я. Змайло парировал, что ответчик не имеет права «ани реестъров доводов стороны моеи бурити, ани ее вольною голыми голыми [sic] словы чынити». Со ссылкой на Статут объявил московку собственностью Л. Павловича и потребовал «за неслужене ее» компенсации с Г.В. Шонды в размере 6 гр. в неделю. Согласно решению суда, Г.В. Шонда подтвердил, что Аграфена живет у него в имении, требования истца были признаны законными. Ответчик должен был выдать Аграфену и заплатить по 6 гр. за каждую неделю «от заложеня позву», т. е. с 12 июня 1593 г. В случае ее невыдачи ответчик должен был заплатить «головщизну», как за убитую¹¹⁶.

116 VUB. КЗЖм-10 (bylos). Р. 35–38v (Запись от 9 октября 1593 г. Возможно, занесена в книгу 11 октября 1593 г.). Сторона истца представила выписку из жмудских земских книг от 9 января 1593 г. с показаниями возного «при квите его». Аргументом истца служит также то, что пан, согласно арт.

Аксинья (Оксимка) — челядница войского господарского Ковенского повета, Зыбулта Яна Скоповича (или: Зыбулта Ганскоповича). На 3 июня 1584 г. он вызвал в земский суд Матея Лукашевича, обвиняя его «о неотпрояжене до него девки московки Оксимки, которая много зашкодившы, от него утекла, и о нестане за первшыми позвы». Вызовы в суд направлялись Лукашевичу 29 и 30 мая и 1 июня 1584 г. Урядники приговаривают неявившегося в суд ответчика к штрафу¹¹⁷.

Анастасия (Настася) — пленная «московка» Войцеха Корошевского (дат. Воитехом Скорошевским, *Woiciech Koroszewski*). Молодая девушка-«невеста». Взята в плен во время одного из Московских походов Стефана Батория. По завещанию В. Корошевского от 20 марта 1585 г. наследует его движимое имущество («маетность рухомую»). 30 апреля 1586 г. шляхтич умер, и завещание было принято в Луцком гродском суде, записано в книги и вступило в силу. Возный Луцкого повета Семен Хмара, согласно спешно составленной записи в актовой книге, побывал у уми-

---

14 разд. 12 Статута, не обязан «на челед листы» представлять на уряде, достаточно представить «через листы запис». Спор не ограничивался судьбой московки, и в тот же день суд рассматривал жалобу о долге Г.В. Шонды еще с 10 июня 1588 г. покойной на тот момент теще Л. Павловича Ягнешке Павловне Володковне, «рожнои» матери его жены, Симона, Барбары и Альжбеты. Григорий Шонда взял у них самогонный аппарат — «котел новии меденый горелчаны с трубами со всим на палене горельки», стоивший 3,5 коп. гр. Э. Сурвило отказывался признать существование этого долга и присягать, но Я. Змайло настаивал и потребовал присягнуть, объявив также о своей готовности присягнуть, и суд разрешил присягнуть Л. Павловичу и обязал Г.В. Шонду в случае принесения присяги отдать аппарат. Г.В. Шонда 11 октября на суд, видимо, не явился, и присягу принес Л. Павлович, получив право на компенсацию стоимости самогонного аппарата в течение 2-х недель. Данное дело рассматривалось в рамках той же жалобы, что и дело Аграфены. В те же дни в Росейнах был схвачен еще один опознанный слуга Павловичей Щепутис Сташкайтис. Он был приведен в суд и сознался, что он и его братья слуги Павловичей «з давньных часов», но «за перемовою некоторых людей» он от своих панов «одышол». Суд постановил не наказывать его, а просто вернуть Павловичам. См.: VUB. КЗЖм-10 (bylos). P. 66–66v (Запись от 13 октября 1593 г.).

117 VUB. КЗКв-2. Л. 266 об.-267 (Запись от 3 июня 1584 г.).

рающего шляхтича и уловил по его жестам, что он действительно завещал имущество московке Настасье¹¹⁸.

Анастасия (дат. Стаще Московце) (I) — служебница Зофьи Ходкевич (Корецкой). В 1591 г. по ее завещанию получает 4 копы гр.¹¹⁹

Анастасия (дат. Настасси Московце) (II) — служебница Зофьи Ходкевич (Корецкой). В 1591 г. по ее завещанию получает 4 копы гр.¹²⁰

Анастасия (Настасья) Андреевна — челядница жмудской шляхтянки Я.А. Рендиновны. Захвачена, видимо, во время Великолуцкого похода Стефана Батория 1580 г. Куплена жмудским шляхтичем М.П. Монтвиловичем за 5 коп гр. Передана Я.А. Рендиновне в качестве компенсации 14 января 1584 г. вместе с *Агафьей Тутовой* и *Станиславой Федоровной*¹²¹.

Барнава (Barnawa, возможно — Варнава) — крестьянка, пленена в Полоцке в августе 1579 г., числится в списке «хлопов» 18 ноября 1582 г. в мальборкской тюрьме, на момент пребывания в тюрьме вдова¹²².

Варвара (Barbara) — возможно, представительница региональной знати из округа Новгорода Великого (“ex Novogroden[sis] d[istri]ctu veniens”). Приехала на королевский суд в Вильно вместе со своей соседкой *Лукерьей*, где в 1582 г., возможно, 21 мая 1582 г., получила вместе с ней 20 зл.¹²³

Василиса Григорьевна — жена *Ф.Ф. Бедрынского* (в эмиграции ок. 1566-1572 гг.).

Ганна — челядница жмудского шляхтича Шимона Бяльского. Ганна бежит от пана предположительно к Михалу Бартоломеевичу Чеховичу. 7 июня 1584 г. возный Жмудского земского суда (Росиенской

118 ЦДАУ-К. КГЛ-35. Арк. 383-384 зв. (30 апреля 1586 г.); ЦДАУ-К. КГЛ-36. Арк. 137–138 зв. (30 апреля 1586 г.). Благодарю Н. Старченко за указание на акт из книги № 35 Луцкого уряда. Акт здесь намеренно разрезан, то есть вписан по заведомо превышающему его текст объему листов.

119 APK-OW. AMCh-39. Указано А.А. Скепьян.

120 APK-OW. AMCh-39. Указано А.А. Скепьян.

121 VUB. КЗЖм-7. Р. 43–46.

122 AGAD. ASK. ASW-82. 8. К. 51v.

123 AGAD. ASK-1. 263. К. 270v. Дата в записи не указана. Возможно, к этим же двум московиткам относится запись о выплате 10 зл. «двум московским женщинам» (“*duabus mulierib[us] Moschis*”) в Вильне 21 мая 1582 г.: AGAD. ASK-1. 263. К. 262.

волости) Ян Григорьевич Мойжа отправляется, чтобы передать М.Б. Чеховичу вызов в суд от Ш. Бяльского по этому делу¹²⁴.

Ганна Поповна — девочка из Полоцка, пленена, видимо, вместе с протопопом *Марком* 30 августа 1579 г. На тот момент и еще на январь 1580 г. — «девочка невеликая», то есть юная. В Полоцке передала Марку или хранила вместе с его вещами 4 рубашки и 10 ширинок. Определена как его «приятелка». В январе 1580 г. проживала вместе с протопопом в частном доме («господе») во Владимире. 19 января 1580 г. на допросе сказала местному возному Д. Мокренскому, что драгоценностей протопопу Марку не передавала. На вопрос, состоит ли в венчанном браке с «добрым человеком», ответила отрицательно¹²⁵.

Грета (Кгрета Московка) — возможно, происхождением из владений Ливонского ордена. Челядница Барбары Яновны Градовской (Кградовской), жены ковенского хоружия Яна Яновича Выдры. 2 июня 1584 г. Я.Я. Выдра вызывает на суд королевского ротмистра Якуба Прелубского, обвиняя его в нападении на овин («стодолу») в предместье Ковно на р. Велее «и о выпроважене девки их швачки на име Кгреты Московки и о нестане за первшими позвы». Вызовы направлялись Прелубскому 29 и 30 мая и 1 июня 1584 г. Урядники приговаривают ротмистра к выплате штрафа за неявку на суд¹²⁶.

Дурова Домна — «московка», жена *Афанасия Дурова*, мать *И.А. Дурова* (в эмиграции — в правление Стефана Батория). Держала деревни в Топорах под Невелем. Когда Невель отошел к Российскому государству, попросила заменить ей имение в «опатренье». Подскарбий земский Федор Скумин уступил ей в старостве Браславском из своих владений 3 вл. (1 вл. оселая, 2 вл. пустых) в с. Видуты. Позднее староста браславский Ян Скумин уступил *И.А. Дурову* еще 3 вл. пустых. Уступила и свои 3 вл. сыну, на что сейм дал согласие в марте 1595 г.¹²⁷

Елена (Олена) — московитка из детей боярских. Дочь *Марины* и, возможно, сестра пленного старицкого сына боярского *Сидора Бельского*. Пленена в ходе Московских походов Стефана Батория — возможно, во время рейда К. Радзивилла под Старицу. Со-

124 VUB. КЗЖм-7 (bylos). Л. 265–265v.

125 ЦДАУ-К. КГВ-13. Арк. 6, публ.: **Збірник**. 2014: 308-309 (20 января 1580 г.).

126 VUB. КЗКв-2. Л. 262–262 об. (Запись от 2 июня 1584 г.).

127 РГАДА. ЛМ-77. Л. 591–591 об. (Краков, 10 марта 1595 г.).

держалась в плену в имении К. Радзивилла Полоное. Бежала из плена 15 мая 1582 г.

Елена (Олена) — служанка Себастьяна Снецинского (Снетинского). В житомирской гродской книге под 20 сентября 1590 г. запись о том, что, отправляясь на военную службу в том же году, Снецинский отослал ее и волов в дом Криштофа Винарского в Житомир. Когда пан вернулся, он с трудом выпросил свою московку. Винарский по-дружески просил оставить ее ему и его жене, потом отдал, но через несколько недель прислал к Снецинскому в его имение Слободища жену, которая подговорила Олену бежать, что та и сделала, обокрав своего пана. Снецинский бросился в Житомир и там нашел ее, увидев, «иж тая московка моя воду несет от реки». Поймал ее как беженку, но она позвала на помощь Винарского, и он в сопровождении своей челяди напал на бывшего товарища, отбил у него девушку и отобрал оружие. Снецинский пожаловался в суд, попытался отсудить служанку и назначил за нее 100 коп гр. поруки, с чем Винарские согласились¹²⁸. Между сторонами еще до судебного срока состоялся приятельский суд, на котором Винарский вернул Снецинскому только один «чакан». 15 ноября 1590 г. Снецинский вновь подал жалобу в уряд, требуя возвращения прочих вещей и московки¹²⁹.

Ефросинья Федоровна — жена *Луки Бибикова* (в эмиграции — с похода Стефана Батория на Псков в конце 1581 – начале 1582 г.).

Желиховская Варвара — княгиня, переходит на сторону Стефана Батория после взятия Полоцка в 1579 г. с сыном князем *Б.Ф. Желиховским*. Получает «до живота ее без жадное повинности» с Кондратовичи на 4 вл. (2 вл. оселые, 2 вл. пустые) в державе Олитской. Умерла незадолго до 3 января 1602 г., когда ее имение перешло сыну и невестке¹³⁰.

Желиховская Марина Федоровна — жена эмигранта времен Полоцкого похода Стефана Батория 1579 г. *кн. Б.Ф. Желиховского*¹³¹.

Заболоцкая Авдотья Семеновна (Овдотья Сонцовна) (род. п. кнегини Василевое Телятевское Овдоти Сонцовны Ярославского) — сестра видного эмигранта середины 1550-х гг. *В.С. Заболоцкого*, погибшего в апреле 1580 г. Взята в плен в Полоцке 30 августа

128 ЦДІАУ-К. КГЖ-2. Арк. 18–19, публ.: **Акти**. 2004: 71–72.

129 ЦДІАУ-К. КГЖ-2. Арк. 22, публ.: **Акти**. 2004: 78.

130 РГАДА. ЛМ-63. Л. 290–290 об.

131 РГАДА. ЛМ-63. Л. 290–290 об.

1579 г. Жена полоцкого воеводы *кн. В.И. Телятевского*, которому в 1580 г. перешло трабское имение ее брата Юратишки. После смерти мужа в том же году, получила его имение (местечко Юратишки 18 вл., с. Семенки 30 вл.) и по привилею от 31 июля 1586 г. заложила часть имения зятю Г. Ходкевичу Немире, оставив за собой 24 вл. в Семенках. В имение мужа Нефедки ей не позволил вступить подстолий Великого княжества Литовского Ян Зеновьевич (Зенович), когда она с декретом короля прислала «до увязаня» в имение королевского дворянина Валерьяна Машковского. Объясняя свой поступок королю, подстолий написал, что декрет был выдан во время лимитации, и сослался на «выпис» из книг гродских ошмянских 30 января 1583 г. Кроме того, по словам подстолия, Нефедки были даны только *кн. В.И. Телятевскому*, а его жене полагались только Юратишки — в подтверждение он сослался на «видимус» из канцелярских книг подскарбия Л. Войны на Юратишки Телятевскому от 8 июня 1580 г. и «лист» самого Л. Войны его служебнику уряднику трабскому М. Кгорковскому, чтобы он забрал у Телятевского Нефедки и вернул их двору Трабскому, а князя и его жену «увезал» в местечко Юратишки. 12 февраля 1583 г. в Неполоничах должен был состояться суд между «бояркой» короля *кн. О.С. Телятевской* и Я. Зеновичем. Однако после лимитаций дело слушалось королем и радой 16 марта 1583 г. и было решено в пользу Я. Зеновьевича. Право княгини Телятевской и ее дочери на Нефедки было признано недействительным, а за подстолием оставлено право вызвать в суд *О.С. Телятевскую* «о пустошене подданных» в Нефедках, где княгиня, видимо, успела установить свои порядки¹³². В 1584 г. имя княгини «Ее милость княгиня Ва-

132 ЦДІАУ-К. Ф. 48 (Сапеги). Оп. 1. № 124. Арк. 1–2 зв. (Вильна, 16 марта 1584 г. В польскоязычной инскрипции на внутреннем поле первого листа акта дата “1584. Марса 17” — видимо, результат ошибочного прочтения кириллической денной даты «Si», хотя на верхнем поле л. 1 в пометах светлыми чернилами читается “Марса 16 d.”). От первого листа представлена чернильная пагинация, возможно, в XVII в. — с. 31–34. Акт — оригинал черновой записи с правкой. Водяной знак л. 2 — Двусторонняя королевская лилия с литерами G / R над правым / левым лепестками. Часть даты («марца 16 дня») приписана более светлыми чернилами. Упоминаемый в акте «выпис» из книг гродских ошмянских частично передатирован из «ноября второго» (этот вариант зачеркнут и сверху приписано «генъвара тридцатого»). Слова о конфликте Телятевской с подданными Нефедок дважды вычеркнуты.

силиевая Телятинская Овдея» записано в реестр Виленского православного братства¹³³. После смерти княгини Авдотьи Ходкевич получил ее имение и право на свободный въезд в господарский лес при селах Пашковичи и Макгинишки «по дереву на будованье и по дрова и всякие потребы». Дочь — Мария (Марина), замужем за Григорием Ходкевичем Немирой¹³⁴.

Ильина (дат. *Ilyinowej*) — вдова, возможно, кого-то из пленных москвитов (“*relictae viduae*”), находившихся к началу 1581 г. на содержании в Мальборке. В июле 1581 г. в числе москвитов, плененных в Полоцке в сентябре 1579 г., получает жалование за 1 января — 29 июля 1581 г. в 9 гр.¹³⁵

Каска (возможно, Екатерина) — невольница-московка слонимского шляхтича Яна Шабранского и его жены Ганны Туровки из двора Ярошово. Между 4 и 7 мая 1611 г. Ян и его жена жалуются на жену Яна Чечота Александру Тарновольскую, что она подговорила ее в числе двух челядниц бежать, несмотря на то, что они получили ее в подарок «вечным правом» от Адама Чечета, когда он отъезжал в Ливонию. Дочь — Ганна¹³⁶. См. *Луня*.

Кириллова (дат. *Kyerillowej viduae relictae*) — вдова какого-то москвиты, на начало 1581 г. содержалась в Мальборке вместе с пленными, захваченными во время Полоцкого похода в августе 1579 г. За 1 января — 29 июля 1581 г. ей полагалось 9 гр.¹³⁷

Коверзина Марья — жена *И.С. Коверзина*, боярка смоленская. Выехала из России 28 июня 1534 г. вместе с мужем и детьми. После смерти мужа, в апреле 1558 г. получила сама и на сына, *И.И. Коверзина* подтверждение Сигизмунда II Августа на мстиславские владения мужа¹³⁸.

Лукерья (возможно, Лукова, жена Луки: *Lukoy Bibi*, в дат. п.) — предположительно, представительница региональной знати из округа Новгорода Великого (“*ex Novogroden[sis] d[istri]ctu veniens*”). Приехала на королевский суд в Вильну вместе со своей

133 **Реестр**. 1859: 30.

134 **РГАДА**. ЛМ-73. Л. 212–213, то же: **РГАДА**. ЛМ-74. Л. 123 об.–124.

135 **AGAD**. АЕМ. W.245. S. 276.

136 **НГАБ**. КГСл-15. Арк. 3 (Между 4 и 7 мая 1611 г.).

137 **AGAD**. АЕМ. W.245. S. 277.

138 **РГАДА**. ЛМ-38. Л. 125 об.–126 об.

соседкой *Варварой*, где в 1582 г., возможно, 21 мая 1582 г., получила вместе с ней 20 зл.¹³⁹

Луня (возможно, Лукерья или Гликерия) — невольница-московка слонимского шляхтича Яна Шабранского и его жены Ганны Туровки. Между 4 и 7 мая 1611 г. Ян и его жена жалуются на жену Яна Чечота Александру Тарновольскую, что она подговорила ее в числе двух челядниц бежать, несмотря на то, что они получили ее в подарок «вечным правом» от Адама Чечота. Сын — Семерейко (или Емерейко)¹⁴⁰. См. *Каска*.

Лыкова Анастасия (Настасья) Ивановна — княжна из рода Рюриковичей, дочь *кн. И. Лыкова*. Пленена вместе с отцом в Брянске 5 февраля 1582 г. Заложница на 6 июля 1583 г.¹⁴¹

Магдалена (Макгдалена Московка) — пленница, челядница жмудского шляхтича Себастьяна Валентиновича. Жила в его имении Матяни в волости Веленской земли Жмудской. 29 мая 1595 г., когда ее пана не было дома, бежала оттуда, «немало речьи з собою забравшы»¹⁴².

Мадлена (Мадълена Московка) — простая женщина, коберница. Состояла на службе у судьи земского жмудского Казимира Орвида и его жены Ганны Белевич (Белевичовны). В июне 1603 г., после смерти обоих родителей, их сыновья и дочери делят наследство. Подсудок земский жмудский Петр Адамкович и его жена Ева Орвид заявили, что московка была первоначально у них на службе и была одолжена родителям «для робот», работала у них в имении Шиленском (Шыленском). Требовали у братьев Евы вернуть ее в числе прочего забранного имущества¹⁴³.

Марина (Марына Москолевъна) — возможно, жена или дочь сына боярского. Боярка, держит имение «з земълями и сеножатъми, и з водми, и со вѣсим с тым, яко ся тот дворец здавѣна в собе мает», в Викшномеди на Воистаме (на р. Сикунь). Продает его незадолго до 8 сентября 1539 г. боярину Войтеху Богдановичу за 30 коп гр. Тот продает имение за те же деньги шляхтичу Миколаю Давкшевичу¹⁴⁴.

139 **AGAD**. ASK-1. 263. К. 270v. См. выше прим. 125.

140 **НГАБ**. КГСл-15. Арк. 3 (Между 4 и 7 мая 1611 г.).

141 **РГАДА**. ПК. Ф. 79. Оп. 1. № 14. Л. 645 об.–646, 659 об.–660 об.

142 **VUB**. КЗЖм-19. Р. 162 (2 июня 1595 г.).

143 **VUB**. КЗЖм-1602-1603 (bylos). L. 186-187 (14 июня 1603 г.).

144 **РГАДА**. ЛМ-20. Л. 309–310 об., publ.: **Metrika**. 2009: 279–281.

Марина — челядница ковенских шляхтичей Винко. Уп. в реестре ковенского имения Г.И. Винко и его младшего брата Василия — Пештувяны от 19 июля 1583 г., наряду с соотечественниками *Иваном (I) и Иваном (II)*¹⁴⁵.

Марина — москвитка из детей боярских. Возможно, мать старицкого сына боярского *Сидора Бельского* и *Олены*. Пленена в ходе Московских походов Стефана Батория — возможно, во время рейда К. Радзивилла под Старицу. Содержалась в плену в имении К. Радзивилла Полоное. Бежала из плена 15 мая 1582 г.

Марина (Московка) — служебница одного из слуг кн. А.М. Курбского, сына боярского в эмиграции *Андрея Барановского* и его семьи в ковельском имении Борки. Свидетельница смерти семьи своего пана в ночь на 27 августа 1588 г.¹⁴⁶

Марина (Марына) — пленница, челядница видного кременецкого, ливонского, а затем жмудского сына боярского в эмиграции *Василия Ивановича Бунака*. 20 мая 1593 г. ее «взяла и позычила» у Бунака «для науки девок своих» жена М.В. Шемета Ганна Станиславовна Янушевич, обещав вернуть ее хозяину. На 20 января 1599 г. Марина все еще оставалась у Ганны. *В.И. Бунак* в судебном порядке требовал ее возвращения, однако суд не принял его жалобу из-за формальной оплошности¹⁴⁷.

Марина (Марына Московка) — подданная подстолия жмудского Войтеха Шукшты. Ее «девка» Ганна долгое время была у сестры шляхтича Григория Станиславовича Кристины. Та ее «з молодых лет мела выховат». На Михайловские «роки» 1607 г. Жмудский земский суд рассматривал требование В. Шукшты от имени Марины вернуть себе Ганну, называя ее дочерью Марины. Ганну привели на суд. В январе 1608 г. уполномоченный Григория и Кристины заявил, что Ганна свободная «з молодых лет» и «где она сама похочет была при волности захована», а в молодости была «з молодых лет в часы злые переховала». Если же ее хотят забрать как невольницу, то пусть заплатят. На это истцы

145 **VUB**. КЗКв-2. Л. 39–41 об., здесь л. 41 об. (Запись от 7 октября 1583 г.).

146 **ЦДІАУ-К**. КГВ-21. Арк. 598 зв.-599 зв. (6 сентября 1588 г.).

147 **VUB**. КЗЖм-27. Л. 157–157v, 158v, 160. На л. 160 постановление суда: «а о московьку, якобы позычоную, то иж не поменил, откул в полоне взята, в том паракрафе мает ее пан Бунак на позве поправити и поменивши, откуль взята ест, за новым приповзаньем волное мовене ему заховали есмо».

потребовали вернуть Ганну без выплат, как дочь возвращают матери. Суд принял Соломоново решение — вернуть Ганну матери, но не как невольницу, а как дочь¹⁴⁸.

Марина (Стародубка) — возможно, из Стародуба или его округи. Челядница городенского шляхтича Фалимера Дорошковица и его жены Ганны Сасиновны. 11 июля 1569 г. Ганна завещает служанку зятю Валентину Пуханскому и дочери Раине. Дети — Логвин, Иван, Ганна¹⁴⁹.

Мария (Московка) — могилевская, по всей видимости, челядница. Ряд упоминаний о «Марии» в книгах Могилевского магистрата 1616-1619 гг. может касаться, впрочем, не одной женщины под этим именем. В марте 1616 г. судилась с могилевским лавником Федором Конановичем за свои вещи, которые оставила у него на сохранение¹⁵⁰. В мае 1616 г. убегает от могилевца Андроса Омеляновича¹⁵¹. В 1618 г. ее обвинял местный житель Иван Логвинович в краже у него денег. Суд присудил Ивану принесение присяги¹⁵². Уп. в деле с мещанкой Марией Садовой, которая пожаловалась, что та украла у нее деньги. Суд разрешил Марии во втором случае принести присягу¹⁵³.

Матрона — жена московского казака *Ивана*, попала вместе с мужем в плен к литовским татарам под Опочкой около 1534 г. Челядница татар Троцкого повета. Вторым браком, видимо, была замужем за литвином Яном. Дети — четверо сыновей и дочь. Младший сын Юргис Янович — от второго брака. Дважды пыталась бежать от хозяев. Возможно, жива еще в начале 1563 г.¹⁵⁴

Матрона (Матруна) Ивановна — дочь челядника *Ивана Бобровника*. Как и ее отец, она челядница мстиславского шляхтича Юрия Дедерко, который оставил ее на время у могилевского мещанина Ануфрия (Онопрея) Семеновича, а затем забрал, о чем дал показания в Могилевском магистрате 17 ноября 1579 г.¹⁵⁵

148 **VUB**. КЗЖм-1608. Л. 58v-59v (17 января 1608 г.).

149 **НГАБ**. КЗГр-4. Л. 154 об.-158, здесь л. 156 об.-157 (10 октября 1569 г.).

150 **НГАБ**. КММг-7. Арк. 341 адв. (12 марта 1616 г.).

151 **НГАБ**. КММг-7. Арк. 509-509 адв. (25 мая 1616 г.).

152 **НГАБ**. КММг-8. Арк. 246 адв. (28 ноября 1618 г.).

153 **НГАБ**. КММг-8. Арк. 350 (21 января 1619 г.).

154 **РГАДА**. ЛМ-262. Л. 85-86 об. (Вильно, 7 августа 1563 г.).

155 **НГАБ**. КММг-1. Арк. 210, публ.: **Акты**. 1915: 427.

Матрона (Матруна) Максимовна — челядница мстиславских шляхтичей Воронцов. Захвачена, как и *Порасья Игнатовна*, в селе Гостинце (Гостинцы) под Смоленском в 1579 г. В конце того же года Юрий и Иван Есифовичи Воронцы продали ее «и з дитятем ее», дочерью Анной (Аннушкой), могилевскому райце (советнику) Ермоле Алексеевичу за 5 коп гр.¹⁵⁶

Мионовна (Мировна) Федора Федоровна — бежала или попала в плен, возможно, в 1564 г. В первом браке, заключенном еще в России, замужем за эмигрантом кн. *Михашлом Андреевичем Ноготковым Оболенским*. После смерти первого мужа получила его 64 вл. 61 мр. 84 прута оселых и пустых, но не «правом ленным», а только «до живота ее», к августу 1577 г. вступив в брак с князем Станиславом Юрагой Гедройцем¹⁵⁷. 9 июня 1593 г. Сигизмунд III Ваза утвердил ее второго мужа на имени Оболенских. Умерла незадолго до 30 июля 1614 г., когда ее муж с согласия сенаторов, урядников и короля продал вилкомирское имение Оболенских Кревны «з двором тем збудованым и с чотырма селы, меновите селом Бояро Компин, з селом Бутейковским, селом Бунисковым и селом Нарутевом, з боры, гаи, ласы, дубровами, сеножатми и озерами, реками и всяким их якимколвек именем» Андрею Томашевичу на ленном праве¹⁵⁸. Дочери — Полония замужем за москвитом в эмиграции *Д.И. Бельским*, Ганна — за другим эмигрантом *С.А. Крижениным*.

Москалиха — вдова москвиты, уп. в налоговом реестре 1576 г. имения Оран Григория Семеновича Оранского в с. Лазково¹⁵⁹.

Московка — известно только прозвище. Девочка-служебница, захваченная шляхтичем Станиславом Глембартом (Кглембартом) во время похода в Россию. Ее имени шляхтич не знал. Возможно, была немая. Жаловался, что 20 октября 1585 г. радивиловский

156 **НГАБ**. КММг-1. Арк. 276–276 об., публ.: **Акты**. 1915: 482 (Запись от 31 декабря 1579 г.).

157 **РГАДА**. ЛМ-59. Л. 25–27, публ.: **Акты**. 1848: 216–218 (Акт составлен в королевском лагере «над морем» в августе 1577 г. День в дате не указан. Предыдущие и следующий в книге акты тоже без дня в дате. Акт на л. 23 об.–24 об. датирован 14 августа 1577 г., акт на л. 27 об.–28 об. датирован 24 августа 1577 г. Вероятно, акт на пожизненное владение имением мужа Ф.Ф. Мионовна получила 14–24 августа 1577 г.).

158 **РГАДА**. ЛМ-86. Л. 952–952 об.

159 **ЦДІАУ-К**. КГВн-1. Арк. 804.

урядник Станислава Радзивилла Иероним (Яроним) Кияновский с радивиловскими подданными и мещанами в отсутствие Глембарта напал на его «господу», в доме мещанина радивиловского Якуба Бруханского. Были избиты и ранены хозяева, украдены и испорчены вещи Глембарта. Московку Яроним, «квалтовне взявши, в недорослых лет ее и квалт панский ее усиловне приправил, зогнал так, ис которого, деи, квалту не ведаю, если будет жива». Возный отправился на осмотр девушки 22 октября 1585 г., и «то видел есми Московку девъчину змордованую и на сорочце знак квалту кривавый». Возный допрашивал жителей Радивилова и с. Немирова, пытаясь установить имена преступников¹⁶⁰.

Московка — известно только прозвище. Женщина, взятая «в полоне под замком Псковом» (т.е. в конце 1581 — начале 1582 г.). Челядница жмудского шляхтича Томаша Борковского, от имени которого его пан Демьян Гружевский жаловался на Жмудском земском уряде, что 27 октября 1595 г. она была украдена при нападении неизвестных на его двор (дворец) Ярошишки¹⁶¹.

Оболенская (род. Оболинское, Оболинское) Василиса Ивановна — княжна из рода черниговских Рюриковичей, «московъка». В акте Г.В. Шонде и его жене: «московъце Васильевой Ивановъне». Возможно, дочь попавшего в плен к Стефану Баторию кн. *И.Б. Тюфякина*. Получила от Стефана Батория на пожизненном праве жмудское имение 7,5 вл. в с. Кирши (Киршны) волости Тельшовской на Жмуди. Свою долю, тоже в 7,5 вл., в том же селе держал герой Московских походов короля Стефана и посол к Ивану IV, посаженный им под стражу, Матис (Матыс) Превозский, получивший ее в 1582 г. после побега эмигранта сына боярского *Прокопа Серменина*. В 1592 г. княжна Василиса уступила Превозскому свою долю, и он, вместе со своей женой Доротой Скуминовной, объединил две части села в своих руках на пожизненном праве обоих супругов¹⁶². Княгиня была передана под опеку епископу жмудскому кн. Малхеру Гедройцу. Свое право на 7,5 вл. в Киршах, уже будучи под опекой, она «листовне» уступила герою осады Кеси Григорию Венцлавовичу Шонде и

160 ЦДІАУ-К. КГК-24. Арк. 227 зв.-228 зв. (22 октября 1585 г.). Акт поврежден.

161 VUB. КЗЖм-1595 (byla). L. 309 (30 октября 1595 г.).

162 РГАДА. ЛМ-77. Л. 389–390 (Варшава, 17 октября 1592 г.).

его жене Катерине Яновне, княжне Гедройц, и предъявила канцелярии «лист» от своего опекуна. В обмен «московка» должна была получить «слушное выхованье при них до живота своего». В октябре 1594 г. сделка была утверждена в господарской канцелярии¹⁶³.

Олена — см. Елена.

Оршуля (Орвшуля) — пленена татаринном Троцкого повета Мухаремом во время похода кн. Б.Ф. Корецкого на смоленские земли («на войне под Смоленском») в 1568 г. Будучи пленницей, 26 лет прослужила Мухарему, его жене Фатме Тарыбердеевне и их сыновьям Обдуле, Керему, Мухарему и Абрагиму в их Ковноварском имении Троцкого повета на р. Ваке. Вышла замуж за их же слугу («паробка») Гаврила. Родила двух сыновей и две дочери. Гаврило погиб в битве под Бычиной 24 января 1588 г. Видимо, вскоре после смерти мужа Фатмы Мухарема бежала вместе со своими детьми и была обнаружена у скарбного литовского, старосты дисненского Лукаша Мамонича. Фатма вызвала Мамонича в суд, но затем пошла на договор с ним и 23 июня 1594 г. в Виленском гродском суде отказалась от служанки и ее детей, получив от него выкуп в размере 10 коп гр.¹⁶⁴

Параскева (Порася) Игнатовна — челядница мстиславских шляхтичей Воронцов. Захвачена, как и *Матруна Максимовна*, в селе Гостинце (Гостинцы) под Смоленском в 1579 г. В конце того же года Юрий и Иван Есифовичи Воронцы продали ее могилевскому райце (советнику) Ермоле Алексеевичу за 2 копы 20 гр.¹⁶⁵

Параскева (Парася) — челядница могилевского мещанина Миколая Азаровича, который в декабре 1615 г. передает ее в залог за денежную сумму Федору Ивановичу¹⁶⁶.

Пелагея (Połaszka) — московитка, плененная в Псковском походе Стефана Батория 1581 — начала 1582 г. ("*e Plescoviae regione capta*"). Служанка шляхтича Сухинского (*Suchinskyj*). 31 мая 1584 г. принимает в Самборе католицизм¹⁶⁷.

163 РГАДА. ЛМ-77. Л. 528 об.-529 об. (Краков, 18 октября 1594 г.).

164 РГАДА. КГВЛ-13. Арк. 784 зв.-785 зв. (Запись от 25 июня 1594 г., окончание записи утрачено).

165 НГАБ. КММГ-1. Арк. 276, публ.: Акты. 1915: 482 (31 декабря 1579 г.).

166 НГАБ. КММГ-7. Арк. 163-163 адв. (12 декабря 1615 г.).

167 Грушевський. 1896: С. 4, 7.

Пелвянова (дат. *Pelvianowej viduae relictæ*) — вдова какого-то пленного московита, к началу 1581 г. находилась в Мальборке вместе с московитами, плененными в августе 1579 г. во время Полоцкого похода. За 1 января — 29 июля 1581 г. ей полагалось 9 гр.¹⁶⁸

Полоня Ивановна — челядница ковенского шляхтича Станислава Якубовича Дукщенского. Пленена им во время Псковского похода короля Стефана в 1581-1582 гг. В октябре 1609 г. шляхтич дарит Полонию своей жене Дороте Петровне Забелянке. Условием является освобождение Полонии после смерти Дороты¹⁶⁹.

Ржевская (Заволоцкая) Авдотья — жена пленного полоцкого воеводы дьяка *Матвея Ивановича Ржевского*. После смерти мужа получает село Пнюхи в старостве Пинском. Староста пинский кн. Я. Збаражский отказывается передавать ей село, ссылаясь на несоответствие его площади размеру королевского пожалования. После нескольких апелляций вдовы «листом» от 11 ноября 1582 г. король обязывает старосту выделить ей на территории староства имение площадью в 23 вл.: «на хлебокормлене свое до живота своего»¹⁷⁰.

Соломонида — челядница могилевского мещанина Дешко Есковича. Захвачена до Полоцкого похода Стефана Батория 1579 г. За мужем в России, муж не был пленен. Дешко продал Соломониду другому могилевскому мещанину — Тимофею (Тимошку) Бутаку за 2 копы гр. «на выробок» на 3 года. Условием ее продажи Бутаку была возможность получить свободу, если муж ее выкупит за те же 2 копы гр.¹⁷¹

Станислава Федоровна (Стася Федоровича) — челядница жмудской шляхтянки Я.А. Рендиновны. Захвачена во время Великолукского похода Стефана Батория 1580 г. Куплена под Великими Луками жмудским шляхтичем М.П. Монтвилевичем за 5 коп гр. Передана Я.А. Рендиновне в качестве компенсации 14 января 1584 г. вместе с *Агафьей Тувтовной* и *Настасьей Андреевной*¹⁷².

168 AGAD. AEM. W.245. S. 277.

169 VUB. КЗКв-14. Л. 476-476в (14 октября 1609 г. Договор: Ковно, 6 октября 1609 г.).

170 РГАДА. ЛМ-67. Л. 204 об.-205, то же: РГАДА. ЛМ-69. Л. 119 об.-120.

171 НГАБ. КММг-1. Арк. 65 адв.-66, публ.: Акты. 1915: 332 (Запись 20 августа 1579 г.).

172 VUB. КЗЖм-7. Р. 43-46.

Татьяна (Тоцыяна Московка) (или Ганна) — «челядница дворная» жмудского шляхтича Михала Юрьевича Буконта. Буконт доказывал, что привел Татьяну как пленницу «от Пскова» (т.е., по всей видимости, захватил ее в конце 1581 — начале 1582 г. во время похода Стефана Батория на Псков). Бежала от М.Ю. Буконта, согласно его жалобе, 3 марта 1593 г. «и з маетностю своею рухомою» из его имения Буконты. 21 марта 1607 г. возный Жмудского земского уряда расследовал дело об уходе челяди от Буконта. Иск был представлен и в гродский суд. Постановлением от 3 февраля 1608 г. Жмудский гродский уряд перевел дело в земский. В июне 1607 г. и январе 1608 г. Буконт жаловался на шляхтича Амброжия Павловича, обвиняя его в удержании у себя Татьяны и других челядников. В 1607 г. стороны учинили «змову приятелскую». Передачу Татьяны Буконт оценил в 80 коп гр., требуя их у ответчика через своего уполномоченного. Сторона А. Павловича отрицала, что Татьяна была московкой. Буконт, ссылаясь на арт. 12 и 14 разд. 12 Статута 1588 г., представил трех свидетелей-шляхтичей (Малхера Станиславовича, Бартоломея Матеевича и Валентина Яновича), которые доказывали, что Татьяна — московка и его пленница и должна принадлежать своему пану. В ответ на это свидетель Павловича Адам Семашко заявил, что приведенная женщина вообще не Татьяна, а Ганна. Возможно, московитами были ее родители, а сама она родилась уже на территории Речи Посполитой. Родилась, также предположительно, под г. Посводем (в Вилкомирском повете) и после смерти родителей из-за своей бедности вынуждена была служить различным панам в течение 24 лет (неясно, до 1593 или до 1607-1608 гг.). Служила, по словам ответчика, в Юрборской волости. Затем еще 13 лет — у соседей Павловича. Четыре соседа даже подтвердили, что так и было. Сама Ганна (или Татьяна) суду ответила, что в Юрборской волости не служила, Ганной не звалась, но была «волною», была замужем, но кто муж — не призналась. Развернулось прямо на суде обсуждение, была ли она замужем. Татьяна настаивала, что родила детей от мужа, тогда как Буконт говорил, что мужа у нее не было. Суд признал правоту М.Ю. Буконта и вернул ему Татьяну¹⁷³.

Ульяна (Uliana) — крестьянка, пленена в Полоцке в 1579 г., числится в списке «хлопов» 18 ноября 1582 г. в мальборкской тюрьме,

173 VUB. КЗЖм-1608 (bylos). L. 105v-108v (22 января 1608 г.).

на момент пребывания в тюрьме вдова. В тюрьме находилась вместе с сыном¹⁷⁴.

Ульяна (*Ulca*) — девушка-московитка, дочь Исидора (Сидора) из Олшаник. Взята в плен в Московском государстве (“*captiva ex regione Moschovitica*”). В Московском государстве была служанкой (“*famula*”) Анны и Софрония Турковых. Стала служанкой пани Келбасины (“*famula Kielbasczyney*”). 28 февраля 1583 г. в Самборе обращена из православия в католицизм¹⁷⁵.

Ульяна (Московка) — могилевская мещанка, в 1618 г. Семен Захаринич заявил о своем денежном долге райце Захарьи Сидоровичу и ей¹⁷⁶.

Ульяна Яковлевна (Московка) — челядница Войцеха Клечковского. В 1619 г. заявляет в Могилеве, что не имеет претензий к мещанину Федору Дмитриевичу (Митковичу)¹⁷⁷.

Феврония (Ховра Московка) — невольница виленского шляхтича Федора Малеевича. Живет в его имении Стрелковском. В 1594 г. бежит вместе с другим его челядником Петриком Серафиновичем, задолжав («зашкодившы») пану 20 коп гр. Оказывается в имении другого виленского шляхтича Михаила Груздя, который со своего Кобринского двора передает ее Станиславу Ходинскому на год за 1 копу гр. Проработала до июля 1595 г., устроилась еще на год. На второй год Ф. Малеевич обнаруживает перебежчиков. Требуется сначала приватно, затем через суд вернуть Ховру¹⁷⁸.

Федора (*Fiedusza*, дат. *Fyedussi viduae*) — крестьянка, пленена в Полоцке в августе 1579 г. На начало 1581 г. в Мальборке. За 1 января — 29 июля 1581 г. ей полагалось 9 гр.¹⁷⁹ Числится в списке «хлопов» 18 ноября 1582 г. в мальборкской тюрьме, на момент пребывания в тюрьме вдова¹⁸⁰.

Федора — невольница «неоселого» шляхтича Ильяша Сулятицкого, жившего с челядью в с. Жидичине Луцкого повета. Взята в плен, видимо, во время Смоленского похода Сигизмунда III, около

174 AGAD. ASK. ASW-82. 8. К. 51v.

175 Грушевський. 1896: 3, 6.

176 НГАБ. КММг-8. Арк. 229 адв. (21 ноября 1618 г.).

177 НГАБ. КММг-8. Арк. 493-493 адв. (26 марта 1619 г.).

178 LVIA. F. 21. Ap. 1. B. 5. L. 214 (Акт за 1595 г., верх листа с датой оборван).

179 AGAD. AEM. W.245. S. 277.

180 AGAD. ASK. ASW-82. 8. К. 51v.

1609–1610 гг. Жертва конфликта между жидичинским архимандритом Гедеоном Балабаном и его племянником И. Сулятицким в 1614–1627 гг.¹⁸¹

Федора — пленница коронного шляхтича Криштофа Боболи. Взята в плен по время Смоленского похода Сигизмунда III. В марте 1610 г. Криштоф обвиняет на Слонимском уряде воеводу венденского Александра Служку в том, что в имении Рубежевичи Менского повета, принадлежавшем князю Янушу Радзивиллу, слуги Служки выследили ушедшую вперед от обоза челядь. Потом, уже в имении Сервелы в Новогрудском повете, 10 марта 1610 г. челядь была ограблена, а «московку девку на име Федору» украли и отвезли, по подозрениям шляхтича, к воеводе венденскому¹⁸².

Федосья Яковлевна — жена российского стрельца Ивана Колотилы. Пленена в Полоцке 30 августа 1579 г. Челядница шляхтича Андрея Юрьевича, который отпустил ее «на спасенье». Поступила на службу к могилевскому мещанину Ерофею (Арафею) Мишковичу, который обещал «ее часу перемиря волно от себе отпустит, яко волну»¹⁸³.

Хвеня — челядница казака Каспера Сарнацкого. Захвачена под Смоленском до Полоцкого похода Стефана Батория. Казак продал ее могилевскому мещанину Ходку Богдановичу за 1 копу гр. на 9 лет, по истечении которых Ходко обязался ее отпустить¹⁸⁴.

181 Горін. 2009. 67–77.

182 НГАБ. КГСл-14. Арк. 77 адв. (12 марта 1610 г.).

183 НГАБ. КММг-1. Арк. 178 адв.–179, публ.: **Акты**. 1915: 408 (Запись от 31 октября 1579 г.).

184 НГАБ. КММг-1. Арк. 65–65 адв., публ.: **Акты**. 1915: 332 (Запись от 19 августа 1579 г.).

Список источников и литературы

Источники

- НГАБ** [Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі]. КГСл [Книги городские слонимские] — НГАБ. Ф. 1737 (Слонимский городской суд). Оп. 1. № 14, 15.
- НГАБ. КЗГр** [Книги земские городские] — НГАБ. Ф. 1755 (Гродненский земский суд). Оп. 1. № 4.
- НГАБ. КММг** [Книги мейские могилевские] — НГАБ. Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. № 1, 7, 8.
- РГАДА** [Российский государственный архив древних актов]. КГВл [Книги городские виленские] — РГАДА. Ф. 356 (Земские и городские суды). Оп. 2. № 13.
- РГАДА. ЛМ** [Литовская Метрика] — РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. № 20, 38, 59, 63, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 73, 74, 76, 77, 83, 86, 262, 279, 285, 288, 526, 527.
- РГАДА. ПК** [Посольские книги] — РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. № 14.
- РГАДА. РП** [Разрядный приказ] — РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Пр. ст. № 27, 158; Севск. ст. № 77, 279.
- ЦДІАУ-К** [Центральний державний історичний архів України у м. Києві]. КГВ [Книги городские владимирские] — ЦДІАУ-К. Ф. 28 (Володимирський городський суд). Оп. 1. № 13, 21.
- ЦДІАУ-К. КГВн** [Книги городские винницкие] — ЦДІАУ-К. Ф. 44 (Вінницький городський суд). Оп. 1. № 1.
- ЦДІАУ-К. КГЖ** [Книги городские житомирские] — ЦДІАУ-К. Ф. 11 (Житомирський городський суд). Оп. 1. № 2.
- ЦДІАУ-К. КГК** [Книги городские кременецкие] — ЦДІАУ-К. Ф. 21 (Кременецький городський суд). Оп. 1. № 24.
- ЦДІАУ-К. КГЛ** [Книги городские луцкие] — ЦДІАУ-К. Ф. 25 (Луцький городський суд). Оп. 1. № 35, 36, 52, 54, 61, 109.
- ЦДІАУ-К. Сапегі** — ЦДІАУ-К. Ф. 48 (Сапегі). Оп. 1. Спр. 124.
- AAV** [Archivio Apostolico Vaticano]. SS [Segreteria di Stato] — AAV. SS. 134. Polonia. № 17.
- AGAD** [Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie]. AEM [Akta Ekonomii Malborskiej] — AGAD. AEM. W.245.
- AGAD. AR** [Archiwum Radziwiłłów] — AGAD. AR. Dz. IV (Listy Radziwiłłów). № 289; Dz. V (Listy domów obcych). № 16475.

- AGAD.** ASK [Archiwum Skarbu Koronnego] — AGAD. ASK. Dział 1 (Rachunki Królewskie). № 263; Dział III (Rachunki nadworne). № 3.
- AGAD.** ASK. ASW [Archiwum Skarbu Wojskowego] — AGAD. ASK. ASW. Dz. 82. № 8.
- AGAD.** КГБл [Книги гродские бельские] — AGAD. Bielskie grodzkie. № 69.
- APK-OW** [Archiwum Państwowe w Krakowie. Oddział na Wawelu]. AMCh [Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów] — APK-OW. AMCh. № 39.
- BCz** [Biblioteka ks. Czartoryskich Muzeum Narodowego w Krakowie] — BCz. Rękopisy. № 307.
- LMAB** [Lietuvos Makslu Akademijos biblioteka] — LMAB. F. 9 431-432 Listy Lwa Sapiehy 1588-1633.
- LVIA** [Lietuvos valstybės istorijos archyvas] — LVIA. F. 21. Ap. 1. B. 5.
- RA** [Riksarkivet Stockholm] — RA. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. Brev. N:O 352.
- VUB** [Vilniaus universiteto biblioteka] — VUB. F. 4. A 1966.
- VUB.** КГУ [Книги гродские упитские] — VUB. F 7. Upitės piliės teismo kn. 1594/95 m.
- VUB.** КЗЖм [Книги земские жмудские] — VUB. Rankraščių skyrius. F 7. LDK teismų knygos. Žemaitijos žemės teismo kn. 7, kn. 7 (bylos), kn. 10 (bylos), kn. 19, kn. 27, kn. 1595 m. (byla), kn. 1601 m., kn. 1602-1603 (bylos), kn. 1608, kn. 1608 m. (bylos).
- VUB.** КЗКв [Книги земские ковенские] — VUB. F 7. Kauno žemės teismo kn. 2, 14.
- VUB.** КЗУ [Книги земские упитские] — VUB. F 7. Upitės žemės teismo kn. 10, 15.

***

- Акти.** 2004 — Акти Житомирського гродського уряду: 1590 р., 1635 р. / підгот. до вид. В.М. Мойсієнко. Житомир, 2004.
- Акты.** 1848 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 3.
- Акты.** 1890 — Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. СПб., 1890.
- Акты.** 1915 — Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1915. Т. 39.
- Бялова.** 2010 — Вялікае княства Літоўскае. Энциклапедыя. Т. 3. Дадатак. А-Я / рэдкал. Т.У. Бялова і інш. Мінск, 2010.

- Горсей.** 1990 — Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. / пер. и сост. А.А. Севастьяновой; под ред. В.Л. Янина. М., 1990.
- Грушевський.** 1896 — Грушевський М.С. Метрика Самбірська, подобиці з історії відносин релігійних // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1896. Т. 10. Отдельная пагинация. С. 1-8.
- Збірник.** 2014 — Українське повсякдення ранньомодерної доби: Збірник документів. Вип. 1: Волинь XVI ст. / підг. В.В. Безпалько та ін. Київ, 2014.
- Курбский.** 2015 — Курбский А.М. История о делах великого князя московского / отв. ред. Ю.Д. Рыков; сост., ст., прим. К.Ю. Ерусалимского; пер. с древнерусского А.А. Алексева. М., 2015.
- Метрыка.** 2008 — Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 70: (1582-1585): кн. запису № 70 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А.А. Мяцельскі. Мінск, 2008.
- Псевдозонар.** 2018 — Ужгородский рукописный Псевдозонар. Правила монашеской и светской жизни рубежа XVI-XVII вв. / подг. Е.В. Белякова и др. Bratislava et al., 2018.
- Пулен де Ла Барр.** 2008 — Пулен де Ла Барр Ф. О равенстве двух полов, философское и моральное рассуждение, в котором видна важность избавления от предрассудков / пер. А.В. Стоговой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 16. 2008. С. 196-230.
- Ревизия.** 1905 — Полоцкая ревизия 1552 года / подг. И.И. Лаппо. М., 1905.
- Реестр.** 1859 — Реестр уписования братий братства церковного Святое Живоначальной Троице, олтаря Стретения Господня, в месте Виленском року от Воплощения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, 1584 // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1859. Кн. 3. Отд. III. С. 29-40.
- СИРИО.** 1892 — Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1892. Т. 71.
- Chodkiewicz.** 1875 — Korrespondencye Jana Karola Chodkiewicza poprzedzone opisem rękopismów z archiwum radziwiłłowskiego, znajdujących się w Bibliotece Ordynacyi Krasińskich połączonej z Muzeum Konstantego Świdzińskiego / oprac. W. Chomętowski. Warszawa, 1875. Т. 1.
- Maskiewiczowie.** 1961 — Pamiętniki Samuela i Bogusława Maskiewiczów (wiek XVII) / oprac., wstęp, przypisy A. Sajkowski, red., słowo wstępne W. Czapliński. Wrocław, 1961.

- Metrika.** 2009 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 20 (1536-1539): Užrašymų knyga 20 / parengė R. Ragauskienė, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2009.
- Źródła.** 1894 — Źródła dziejowe. Warszawa, 1894. Т. 20.

ЛИТЕРАТУРА

- Белякова.** 2011 — Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011.
- Бенцианов.** 2019 — Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV-XVI вв. М., 2019.
- Бошковска.** 2014 — Бошковска Н. Мир русской женщины XVII столетия / авториз. пер. с нем. Р.А. Гимадеева. СПб., 2014.
- Бутурлин.** 2012 — Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. М., 2012.
- Веккьо.** 2009 — Веккьо С. Хорошая жена // История женщин на Западе. Т. 2: Молчание Средних веков / под ред. К. Клапиш-Зубер. СПб., 2009. С. 110-139.
- Горін.** 2009 — Горін С. Жидичинський Свято-Миколаївський монастир (до середини XVII сторіччя). Київ, 2009.
- Гриценко.** 1979 — Гриценко З.А. Литературные памятники о княгине Ольге XII-XVII вв.: (История текста, становление жанров, стиль). Дисс... канд. филол. наук. М., 1979.
- Дженсен.** 2016 — Дженсен К., Майер И. Придворный театр в России XVII века: Новые источники. М., 2016.
- Ерусалимскі.** 2012 — Ерусалимскі К. Маскоўцы ў польска-літоўскі асяроддзі ў XVI - першай палове XVII стст. Транзітыўная ідэнтэчнасць, гендэр і дыскрымінацыя // Arche. № 3. 2012. С. 68-95.
- Ерусалимский.** 2017 — Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524-1571 гг.: посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. Т. 5. № 4. 2017. С. 866-920.
- Ерусалимский.** 2018 — Ерусалимский К.Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.-СПб., 2018.
- Ерусалимский.** 2020 — Ерусалимский К.Ю. Стрелецкий сотник Микула — Московит, о котором узнала Европа // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 15. 2020. С. 187-214.
- Забелин.** 1869 — Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI-XVII ст. М., 1869.

- Иванова.** 2011 — Иванова М.В. Проблема человека как проблема автора в западнорусской философско-богословской мысли первой половины XVII в.: (на примере письма Мелетия Смотрицкого Адаму Хрептовичу) // Вопросы философии. № 7. 2011. С. 69-80.
- Казакоў.** 2010 — Казакоў А.У. Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV — 30-я гг. XVI ст.). Дыс... канд. гіст. навук. Мінск, 2010.
- Казакow.** 2014 — Казакow А.В. «За его к нам верную службу...» Иван Тимофеевич Юрлов из рода Плещеевых в Великом княжестве Литовском // Исторический вестник. Т. 7 (154). 2014. С. 86-113.
- Кивельсон.** 2020 — Кивельсон В. Магия отчаяния: моральная экономика колдовства в России XVII в. / пер. с англ. В.А. Петрова. Бостон; СПб., 2020.
- Кобрин.** 1995 — Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV-XVI вв. М., 1995.
- Коллманн.** 2001 — Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А.Б. Каменский; науч. ред. Б.Н. Флоря. М., 2001.
- Корогодина.** 2006 — Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV-XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006.
- Кошелева.** 1997 — Кошелева О.Е. Побег Воина // Казус 1996. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. 1997. С. 55-86.
- Кралюк.** 1997 — Кралюк П.М. Особливості вияву національної свідомості в українській суспільній думці 16 – першої половини 17 ст. Луцьк, 1997.
- Кром.** 1993 — Кром М.М. «Отъезды» московской знати в Литву во второй четверти XVI в. // Феодальная Россия: Новые исследования. СПб., 1993. С. 34-37.
- Кром.** 2010 — Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.
- Кудрявцев.** 2020 — Кудрявцев О.Ф. Русские земли в западноевропейской космографии первой половины XVI века. М., 2020.
- Курукин.** 2015 — Курукин И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015.
- Кучкин.** 2013 — Кучкин В.А. Московские Рюрикович (генеалогия и демография) // Исторический вестник. № 4 (151). 2013. С. 6-73.

- Лихачев.** 1984 — Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Л’Эрмит-Леклерк.** 2009 — Л’Эрмит-Леклерк П. Феодальный строй // История женщин на Западе. Т. 2: Молчание Средних веков / под ред. К. Клапиш-Зубер. СПб., 2009. С. 202-248.
- Ляпин.** 2020 — Ляпин Д.А. На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. СПб., 2020.
- Маррезе.** 2009 — Маррезе М.Л. Бабые царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700-1861) / авториз. пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2009.
- Неменский.** 2008 — Неменский О.Б. Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в.: (по материалам полемической литературы) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. Средние века — Новое время / под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 180-204.
- Новохатко.** 2018 — Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.
- Опитц.** 2009 — Опитц К. Как жили в позднем средневековье // История женщин на Западе. Т. 2: Молчание Средних веков / под ред. К. Клапиш-Зубер. СПб., 2009. С. 265-312.
- Платонов.** 1925 — Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках. Л., 1925.
- Пушкарева.** 1997 — Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница: (X — начало XIX в.). М., 1997.
- Райан.** 2006 — Райан В.Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / пер. с англ. под ред. А.В. Чернецова. М., 2006.
- Селарт.** 2012 — Селарт А. «Русские бояре» в Эстляндии: (конец XVI — начало XVII в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (12). 2012. С. 3-14.
- Сиренов.** 2010 — Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI-XVIII вв. М.-СПб., 2010.
- Скеп’ян.** 2014 — Скеп’ян А. Арганізацыя кухоннай службы пры магнацкіх дварах Вялікага княства Літоўскага ў XVI-XVII стст. // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV-XVIII стст.): Зборнік навуковых прац. Мінск, 2014. С. 395-411.
- Скеп’ян.** 2021 — Скеп’ян А. Залёты ці як пасватацца да шляхцянку, каб не атрымаць гарбуза // Беларускі гістарычны часопіс. № 7. 2021. С. 17-25.

- Сліж.** 2015а — Сліж Н. Згвалтаванні ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI-XVII стст.: заканадаўства і судовая практыка // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі. Вып. 11-12. 2015. С. 91-103.
- Сліж.** 2015б — Сліж Н. Шлюбныя і позашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI-XVII стст. Смаленск, 2015.
- Сліж.** 2019 — Сліж Н.У. Культура сексуальных стасункаў у Вялікім Княстве Літоўскім у XVI-XVII стст. Мінск, 2019.
- Смирнов.** 1914 — Смирнов С. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914.
- Собчук.** 1994 — Собчук В.Д. Украинская шляхта русского происхождения на юге Волыни во второй половине XVI — первой половине XVII вв. // Историческая генеалогия. Вып. 4. 1994. С. 67-73.
- Сонне.** 2008 — Сонне М. Воспитание девочки // История женщин на Западе. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж. СПб., 2008. С. 115-145.
- Старченко.** 2015 — Старченко Н. Справи про згвалтування в шляхетському середовищі Волині: (остання третина XVI ст.) // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі. 2015. Вып. 11-12. С. 104-134.
- Усачев.** 2009 — Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария / отв. ред. А.А. Горский. М.-СПб., 2009.
- Хорошкевич.** 1980 — Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
- Хоруженко.** 2019 — Хоруженко О.И. Историческая география Оболенского уезда XVII-XVIII веков. М., 2019.
- Чобану.** 2021 — Чобану М.А. Отношения между Молдавским княжеством и Московским государством во второй половине XVI века. М., 2021. Машинопись.
- Шамин.** 2016 — Шамин С.М. Цирк царевича Алексея Михайловича // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (20). 2016. С. 136-151.
- Шеков.** 2012 — Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012.
- Шпиленко.** 2009 — Шпиленко Д.П. Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 2. М., 2009.
- Яковенко.** 2006 — Яковенко Н. Нарис історыі сярэднявечнай та раньнемодэрнай Украіны. Вид. 3-е, перероблена та розширена. Київ, 2006.

- Auerbach.** 1985 — Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985.
- Auerbach.** 1987 — Auerbach I. Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Russland und das Grossfürstentum Litauen // *Russian History*. 1987. Spring–Winter. S. 5-35.
- Boeck.** 2009 — Boeck B. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Bogucka.** 2016 — Bogucka M. *Kultura Sarmatyzmu w Polsce XVI-XVIII wieku*. Warszawa, 2016.
- Claus.** 1959 — Claus C. *Die Stellung der russischen Frau von der Einführung des Christentums bei den Russen bis zu den Reformen Peter des Grossen*. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie der Philosophisch-Historischen Fakultät der Universität Basel. München, 1959.
- Eck.** 1934 — Eck A. *La situation juridique de la femme russe au moyen âge* // *Revue historique de droit français et étranger*. Quatrième série. Vol. 13. № 1. 1934. P. 48-64.
- Fuchs.** 1990 — Fuchs R.G., Moch L.P. *Pregnant, Single, and Far from Home: Migrant Women in Nineteenth-Century Paris* // *The American Historical Review*. Vol. 95. № 4. 1990. P. 1007-1031.
- Goehrke.** 1986 — Goehrke C. *Die Witwe im alten Rußland* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 38. 1986. S. 64-96.
- Grala.** 1999 — Grala H. „Ex Moschouia ortum habent“. *Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich* // *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii*. T. 4 (15). Warszawa, 1999. S. 101-130.
- Jabłonowski.** 1893 — Jabłonowski A. *Etniczna postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną* // *Kwartalnik historyczny*. Roczn. 7. Zesz. 3. 1893. S. 408-435.
- Kleimola.** 1992 — Kleimola A.M. “In Accordance with the Canons of the Holy Apostles”: *Muscovite Dowries and Women’s Property Rights* // *The Russian Review*. Vol. 51. № 2. 1992. P. 204-229.
- Kollmann.** 2004 — Kollmann N.Sh. *Self, Society and Gender in Early Modern Russia and Eastern Europe* // *A Companion to Gender History* / ed. by Theresa A. Mead, Merry E. Wiesner-Hanks. Oxford: Blackwell, 2004. P. 358-370.
- Levy.** 1893 — Levy S. *Women and Control of Property in Sixteenth-Century Muscovy* // *Russian History*. Vol. 10. № 2. 1983. P. 201-212.

- McNally.** 1976 — McNally S.J. From Public Person to Private Prisoner. The Changing Place of Women in Medieval Russia. PhD Dissertation. State University of New York. Binghamton, 1976.
- Muravyeva.** 2016 — Muravyeva M. Abduction of Women in Early Modern Russia: Modernizing the Empire // *Russian History*. Vol. 43. № 3-4. 2016. P. 338-371.
- Pedraza.** 1991 — Pedraza S. Women and Migration: The Social Consequences of Gender // *Annual Review of Sociology*. Vol. 17. 1991. P. 303-325.
- Plewczyński.** 1995 — Plewczyński M. W służbie polskiego króla: Z zagadnień struktury narodowościowej Armii Koronnej w latach 1500–1574. Siedlce, 1995.
- Sarcevičienė.** 2011 — Sarcevičienė J. Kobieta // *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: analizy i obrazy*. Wyd. 2-e / oprac. V. Ališauskas et al.; przekł. P. Bukowiec et al. Kraków, 2011. S. 249-267.
- Smith.** 2010 — Smith B.G., Tronc H. Les femmes dans l'histoire mondiale // *Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 2010. № 32. P. 165-188.
- Sunderland.** 2006 — Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
- Thyrêt.** 2001 — Thyrêt I. Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2001.
- Weickhardt.** 1996 — Weickhardt G.G. Legal Rights of Women in Russia, 1100-1750 // *Slavic Review*. Vol. 55. № 1. 1996. P. 1-23.
- Witzenrath.** 2007 — Witzenrath Ch. Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725: Manipulation, Rebellion and Expansion into Siberia. New York: Routledge, 2007.
- Witzenrath.** 2007 — Witzenrath Ch. Rachat ("rédemption"), fortification et diplomatie dans la steppe — la place de l'Empire de Moscou dans la traite des esclaves en Eurasie // *Esclavages en Méditerranée. Espaces et dynamiques économiques*. Madrid, 2012.
- Wolff.** 1895 — Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

А.В. Стогова

ПИПС ЧИТАЮЩИЙ: СТРАСТЬ К КНИГАМ В МУЖСКОМ АНГЛИЙСКОМ ДНЕВНИКЕ XVII ВЕКА

Ключевые слова: чтение, удовольствие, польза, идентичность, дневник, Сэмюэль Пипс

Аннотация: в статье поднимается актуальная в современных гуманитарных исследованиях проблематика практик чтения в культуре раннего Нового времени. Привычный образ мужского чтения до XVIII века предполагал серьезное отношение к книгам и использование полученной из них информации для самообразования, самовоспитания, и завоевания социального престижа того или иного рода. Анализ дневника чиновника морского ведомства Сэмюэля Пипса (1660-1669) свидетельствует о том, эта идеальная модель не имела большого влияния на репрезентации читательского опыта в тексте, основной целью которого является конструирование «рассказа о себе». Не только реальные практики чтения были куда более разнообразными, основной категорией, через которую он определял этот опыт, была категория удовольствия, напрямую связанная с создаваемым образом собственного Я.

История чтения сейчас представляет собой обширное исследовательское поле, включающее в себя изучение множества разнообразных аспектов, имеющих отношение как к факторам и контекстам, определяющим практики чтения и восприятие читаемых текстов, так и влиянию, которое особенности культуры чтения в свою очередь оказывали на разные стороны частной и публичной жизни. В основе этих работ лежит идея переосмысления самого значения, которое мы как

исследователи и люди прошлого, которых мы изучаем, осознанно или неосознанно вкладываем в понятие чтения.

Начав активно развиваться в 1980-х годах благодаря осмыслению чтения как особой культурной практики взаимодействия с текстом, это поле исследований изначально строилось вокруг двух актуальных проблем — функционирования и природы власти и культурной обусловленности интерпретации. С одной стороны, в центре внимания был вопрос о том, как чтение детерминировалось существовавшими практиками производства и распространения печатных и рукописных книг, с другой — стратегии читательского поведения, связанные с их выбором и использованием. Позднее, особенно начиная с 2000-х годов, история чтения все больше обращается к проблеме включенности чтения в иные культурные практики и невозможности определить практику чтения печатных книг, не рассматривая их в контексте взаимодействия с другими типами текстов — памфлетов, новостных изданий, различных рукописных текстов, а сами практики чтения — в отрыве от иных практик повседневной культуры, социальной и политической жизни. История чтения все больше стала рассматриваться в контексте медийной проблематики и различных форм культурной коммуникации.

В силу этого история чтения сейчас вписывается в великое множество культурных трансформаций, не связанных напрямую с производством и распространением печатной продукции. Неудивительно, что огромное количество исследований культуры чтения посвящено раннему Новому времени, которое осмысляется как период радикальных перемен и зарождения современной культуры. Даже если взять только британские исследования, мы найдем десятки, если

не сотни работ, вышедших за последние полвека, посвященных самым разным аспектам культуры чтения¹.

Удивительным является то, что среди этих многочисленных исследований, только три основаны на анализе такого богатейшего и известнейшего источника, как дневник чиновника морского ведомства Сэмюэля Пипса.

Этот текст занимает особое место среди множества документов, по которым можно изучать историю английского XVII века и раннего Нового времени в целом, в силу его необычайной информативности. Из дня в день² на протяжении почти десяти лет с 1660 до 1669 года Пипс записывал не только то, что он делал, видел или слышал, но и свои оценки, эмоции и суждения по самым разным поводам. Чтение отнюдь не было исключением — не только дневник, но и другие сохранившиеся документы, а также прекрасная библиотека свидетельствуют о том, что Пипс был большим любителем книг. Его собрание насчитывает около 3000 томов, в то время как библиотека сэра Исаака Ньютона — профессионального ученого и человека, занимавшего более высокое социальное положение почти в два раза меньше³.

-
- 1 Вот лишь отдельные примеры работ по некоторым пересекающимся аспектам исследовательского поля. Социальные и гендерные аспекты: **Cressy**. 1980, **Women and Literature**. 1996, **Snook**. 2005, **Colclough**. 2007, **Women's bookscapes**. 2018. Жанровая специфика: **Benedict**. 1996, **Hackett**. 2000, **McCarthy**. 2020, **Woolf**. 2000, **Loveman**. 2008. Публичная и частная сферы: **Halasz**. 1997, **Jagodzinski**. 1999, **Sharpe**. 2000. Материальная культура: **Books and Readers**. 2002, **Material readings**. 2010, **Reid**. 2019. Производство и распространение книг: **Barnard, Bell**. 1994, **The London Book Trade**. 2003, **Raven**. 2007. Новости: **News, Newspapers**. 1999, **Early Modern English News Discourse**. 2009.
  - 2 В дневнике не пропущено ни одного дня, хотя обычно Пипс делал записи задним числом за несколько прошедших дней на основе предварительных заметок.
  - 3 **Loveman**. 2015: 16.

Эго-документы уже давно стали одним из основных источников для изучения культуры чтения. Хотя они и не дают возможности для количественного анализа, их часто используют для того, чтобы проиллюстрировать те или иные процессы и подтвердить выкладки исследований. Но в последние годы эго-документы привлекают историков и возможностью изучения самой фигуры читателя, позволяющего увидеть чтение в перспективе включенности в другие элементы повседневного опыта. И именно в этой перспективе вызывает удивление, что дневник человека, известного своей наблюдательностью в отношении деталей каждодневной жизни и страстью к чтению, остается столь мало исследован.

Работа Кейт Лавман «Пипс и книги», вышедшая в 2015 году⁴ является единственным фундаментальным исследованием, посвященным роли книг в жизни Пипса. Анализируя на основе обширного корпуса архивных и опубликованных материалов то, какую роль чтение, покупка, обмен книгами, использование полученных из них знаний играли в частной и публичной жизни Пипса, исследовательница делает акцент на социальной значимости этих практик.

Помимо этой работы существует лишь несколько статей и рассуждений в монографиях, посвященных более общим вопросам как культуры чтения, так и разных аспектов жизни Пипса. Среди них можно выделить работы Элспет Яйдельской⁵, которая, как и Кейт Лавман, при изучении читательских интересов и практик Пипса ставит в центр внимания вопросы их значимости в социальной коммуникации. Она показывает, что Пипс использовал все практики, связанные с чтением, равно как и полученную из книг информацию,

---

4 Loveman. 2015

5 Jajdelska. 2007; Jajdelska. 2016.

главным образом для укрепления тех или иных отношений и социального продвижения. Ее основной тезис заключается в том, что книга использовалась как своего рода посредник в выстраивании социальных связей, который позволял как подчеркивать социальную дистанцию, так и преодолевать ее, а посему практики чтения были важным инструментом создания и поддержания определенной репутации⁶. С этим связана и идея, что книга выступала своеобразным посредником в формировании собственного голоса читателя.

Отдельные аспекты читательского опыта Пипса затрагиваются в его биографиях и работах, посвященных дневнику, или отдельным аспектам жизни. Френсис Беркер и Аарон Кунин обращали внимание на чтение Пипсом порнографической литературы в его описания своего сексуального опыта. Беркер видел в нем свидетельство формирования самоцензурирующего субъекта. Он фокусировал внимание на проявляющемся в тексте дневника конфликте между частными, интимными желаниями и требованиями, которые Пипс предъявлял сам к себе, вызывающим чувство вины, за которым, по его мнению, стоял акт чтения непристойной книги⁷. Кунин, в свою очередь, отмечая, что сексуальный опыт перекликается с читательским, поскольку в дневнике Пипс воспроизводит модели образа распутника из современных ему пьес⁸. Гарри Бергер, рассматривал дневник в свете совершенно иного опыта, связывая его особенности с профессиональной деятельностью Пипса как чиновника, постоянно

---

6 **Jajdelska.** 2016: 57-98.

7 **Barker.** 1995: 2-7.

8 **Kunin.** 2004.

читавшего и писавшего документы, знающего силу документа и охваченного «страстью к документированию»⁹.

То, что исследователи преимущественно концентрируют свое внимание на разных аспектах пользы, получаемой от чтения, которая противоречит получаемому удовольствию, совершенно неслучайно. Идея полезности чтения пронизывает все раннее Новое время, возможность ее извлечь лежала в основе многих иерархий, связанных с практиками чтения — гендерных, социальных, жанровых и т.п. В рамках гуманистической культуры вырабатывается идея чтения как основы интеллектуального и нравственного самосовершенствования человека, которая впоследствии подхватывается авторами, в особенности протестантскими, религиозных наставлений. Знание разного рода текстов приобрело публичную значимость. Начитанность в той или иной области не только могла быть полезна в рамках разных видов деятельности, но и служила знаком статуса человека. В Англии университетское образование (которое получил Пипс) не просто давало знания и такой метод обращения с текстами в будущем, который должен был способствовать извлечению максимальной пользы из прочитанного, поскольку предполагал заучивание важных фрагментов текста и выписывание наиболее важных и поучительных фактов¹⁰. Оно также давало человеку начитанность, которая позволяла выглядеть джентльменом или, по меньшей мере, человеком достаточно высокого социального статуса. Для Пипса, который получил возможность учиться в университете только благодаря прекрасным успехам в школе¹¹, полученные в нем знания и при-

---

9 Berger. 2005.

10 Loveman. 2015: 55-57.

11 Пипс учился в школе при соборе Св. Павла в Лондоне, и как лучший ученик получил стипендию для обучения в Кембридже.

вычка к чтению, безусловно, стали основой успешной карьеры и возможности быть принятым как «свой» в кругах, гораздо более высоких, чем позволяло его происхождение¹².

Античная традиция интерпретации литературы, выстраивалась вокруг категорий пользы и удовольствия, и в культуре раннего Нового времени первая, безусловно, доминировала над второй. Как отмечает Кори МакИлни, в особенности это было свойственно протестантской Англии, где писатели и критики полагали, что даже такой жанр, как поэзия, в котором словесная организация текста имела наибольшее значение, «должна не просто приносить удовольствие *и* наставлять, но доставлять удовольствие, *чтобы* наставлять»¹³.

Ее исследование прекрасно демонстрирует, что идея удовольствия от чтения постоянно присутствовала в дискурсах раннего Нового времени, но, главным образом она обозначала и проблематизировала границы «полезности». Удовольствие от чтения, с одной стороны было неотъемлемой частью художественной литературы, инструментом, позволявшем привлечь читателя к важным и полезным с точки зрения содержания аспектам текста, а с другой — ассоциировалось с потаканием собственным страстям, самоудовлетворением, отвлечением от важного и ценного.

С этим балансом поучительного и приятного коррелировала иерархия жанров, и, соответственно, представления о читателях. Менее всего способными к извлечению назидательной или иной пользы из текста современникам казались, прежде всего, люди малообразованные, неспособные осилить большие и сложные тексты, а значит, принадлежа-

---

12 Он был сыном портного и бывшей прачки.

13 McEleney. 2017: 20. Курсив автора.

щие к социальным низам. В свое время Роже Шартье предложил описывать эту иерархию, конструировавшуюся в раннее Новое время, через выделение двух типов чтения — «чтения-узнавания», приписывавшегося низам общества, и более престижного «чтения-открытия»¹⁴. С другой стороны, столь же неспособными к серьезному, полезному чтению казались и те, кто легко шел на поводу у страстей, кого было легко отвлечь и увлечь красотами языка, удивительными деталями и самыми невероятными небылицами — и в первую очередь речь шла о женщинах. Кэтрин Крейк в своем исследовании о чтении сенсаций в Англии раннего Нового времени продемонстрировала, что представления о гуморальном строении тела служили обоснованием идей о большей подверженности женщин чтению ради удовольствия (главным образом сентиментального чтения), в то время как мужчины считались способными на самоконтроль¹⁵, на котором и строилась вся идея необходимого баланса между удовольствием и пользой в литературе. И эта граница постоянно проблематизировалась за счет развития печатной культуры и появления все новых жанров и типов текстов, которые с трудом укладывались в рамки «полезного» чтения.

Обе исследовательницы, занимавшиеся изучением практик чтения Сэмюэля Пипса, также приходят к выводу, что они преимущественно определялись тем, что он стремился обнаружить и максимально эффективно использовать пользу от книг, хотя она далеко не всегда коррелировала с тем, как это виделось авторам назидательных сочинений. Они выделяют несколько основных преимуществ, которые ему давало активное чтение. В первую очередь, получаемые

---

14 Шартье. 2006: 135.

15 Craik. 2007: 6-7.

от широкого круга чтения знания способствовали успешной карьере. Элспет Яйдельская отмечала, что, даже книги, которые на первый взгляд представляются не связанными с его профессиональной деятельностью, как, например, исторические сочинения, читались не ради удовольствия, но внимательно изучались, и целью этого изучения было использовать зафиксированные в них сведения и опыт других людей ради личного продвижения¹⁶. Обладание знаниями, которых не было у других (например, хорошее знание математики) не раз выгодно отличало его от коллег.

Во-вторых, польза чтения заключалась в том, что начитанность и собиранье книг «работало на его репутацию и было способом демонстрации своего богатства и знаний»¹⁷, а кроме того, позволяло завязывать и поддерживать разнообразные значимые отношения. Книги не только постоянно обсуждались, но и читались совместно в компании друзей, коллег, единомышленников, ими обменивались, их рекомендовали друг другу — иными словами, книги и чтение были постоянным элементом разнообразных отношений.

Однако, мы не должны путать то, как в действительности читали те или иные люди, с конструкциями, выстраивавшиеся при описании чтения. Этот тезис представляется особенно важным в отношении такого источника как дневник Пипса.

В 2000 году Марк Доусон опубликовал статью, которая имела большое влияние на изучение «Дневника». Речь в ней шла о том, что дневник, в силу своего уникального содержания и полноты стал основным источником для множества разнообразных исторических интерпретаций. Он дает так

---

16 Jajdelska. 2007: 560.

17 Jajdelska. 2007: 557.

много информации, что мы забываем о том, что Пипс все-таки описывает не все, что видит, слышит и делает, что он осуществляет отбор и преподносит информацию в определенной форме и с определенными целями, и кроме этого, соотносит свое собственное представление о своих поступках с мнением окружающих. По этой причине, отмечал исследователь, «дневник скорее представляет собой одну из граней призмы, которая создает искажение, нежели зеркало, что точно отражает реального Пипса и его мир»¹⁸. Получающийся образ и самого Пипса, и «описываемой» им жизни есть во многом совершенно осознанная конструкция, о чем мы никогда не должны забывать, пользуясь его заметками.

В контексте данного исследования имеет значение не только то, что существовавшие представления в чтении и связанные с ним практики определяли описания его читательского опыта, но и то, как и с какой целью написан текст, в который встроены упоминания о книгах и их чтении. И Кейт Лавман, и Элспет Яйедльская обращают внимание особенности дневника, которые могли повлиять на то, какие именно аспекты практик чтения получили или не получили в нем отражение. Однако для них обеих специфика текста представляет собой скорее ту рамку, которая обуславливает полноту и характер информации о «реальном» чтении, которое и является объектом их основного интереса, и которое в значительной мере определялось существовавшими нормами, практиками и стереотипами.

Это очень хорошо заметно по той условной классификации прочитанных Пипсом текстов, в соответствии с которой выстроена структура исследования К. Лавман. Она начинается с самых «серьезных» текстов — наставлений, научных ис-

---

18 Dawson. 2000: 425.

следований, религиозных сочинений, затем переходит к тем, которые (как считали современники) удачно сочетают увлекательность и пользу (в первую очередь — исторические сочинения), и затем рассматривает те жанры, которые можно считать развлекательными (поэзия, пьесы, романы и т.п.), хотя и их авторы настаивали на назидательной и иной ценности своих сочинений. Эта классификация имеет серьезное обоснование — она опирается запись в дневнике, поясняющей выбор того, какие книги были куплены, а от каких пришлось отказаться. Исследовательница соотносит ее с тем, как книги библиотеки Пипса были распределены по разным категориям в составленном им каталоге, полагая, что их сходство отражает его собственные представления¹⁹. Однако каталог библиотеки — как реальной, так и воображаемой — в XVII веке представлял собой особый жанр, возможно в наибольшей степени отражавший идеализированные представления о чтении, а не то, как читались и воспринимались книги в действительности. И, хотя в каталоге, и в дневнике, по большей части речь идет об одних и тех же книгах, если мы хотим разобраться в том, как читал, и какое значение прочитанному придавал этот конкретный человек, представляется более полезным скорее абстрагироваться от его каталога книг, нежели следовать представленной в нем системе.

Запись же, сделанная Пипсом, на которой она основывает свою работу, описывает проблемы выбора книг, связанные с тем, что в этот день Пипс пришел в книжную лавку, только что получив изрядную сумму денег, которую был бы рад потратить на книги, хотя уже давно и не раз давал себе зарок, ограничить себя в этих тратах:

---

19 Loveman. 2015: 40-42.

Я провел там два или три часа, просмотрев около двадцати книг, на которые можно было бы потратить эти деньги. И я ощутил большую растерянность в отношении того, что выбрать и вижу, что по складу характера с радостью вернулся бы к тому, чтобы выложить тут все деньги²⁰. Я не мог сказать, стоит ли потратить мои средства на книги для удовольствия (*books of pleasure*), такие как пьесы, к чему моя натура подталкивала меня самым серьезным образом. Но в конце концов, посмотрев Чосера, «Историю Павла» Дагдейла, «Лондон» Стоу, Геснера — «Историю Тридентского собора», наряду с пьесами Шекспира, Джонсона и Бомонта, я в конечном счете выбрал «Достоинства» д-ра Фуллера, «Кабалу или собрание государственных писем» — и маленькую книжицу «*Deli-ces de Hollande*», с еще одной-двумя книжечками, все для пользы и серьезного удовольствия (*all of good use or serious pleasure*), и обе части «Гудибраса»²¹ — книги, которая сейчас в большой моде из-за юмора, хотя я, признаюсь, не могу понять, что в ней остроумного²². (10.12.63)

Лавман соотнеся выделенные Пипсом категории книг и сделанный им выбор со структурой каталога его библиотеки, приходит к выводу, что польза от чтения (даже поэмы «Гудибрас», т.к. она была модной и была предметом многих бесед в окружении Пипса) и является тем основным критерием, который определял его практики чтения²³. В конечном

-
- 20 Отсылка к «самоцензурирующему субъекту» и обетам, которые Пипс давал сам себе, чтобы ограничить траты на удовольствия, и которые регулярно нарушал. Об обетах см. **Стогова**. 2018.
- 21 Пипс упоминает «Кентерберийские рассказы» Чосера, «Историю собора Св. Павла» Уильяма Дагдейла (издана в 1658 г.), «Описание Лондона» Джона Сноу (первое издание — 1598 г.), «Четыре книги о соборе» Соломона Геснера (1600), издания пьес Уильяма Шекспира, Бена Джонсона и Фрэнсиса Бомонта, «Историю выдающихся людей Англии» Томаса Фуллера (1662), сборник «*Cabala sive Scrinia Sacra*: тайны государства и политики в письмах знаменитых людей и великих государственных министров» (1663), «Услады Голландии» Жана-Николя Периваля (1651) и поэму Сэмюэля Батлера «Гудибрас» (1662, о ней подробнее см. ниже).
- 22 **Pepys**. 2000: IV, 410-411. Здесь и далее перевод мой — А.С. В переводе Ливерганта см. **Пипс**. 2010: 145. Авторство книги, которую Пипс называет «Историей Тридентского собора» ошибочно приписывается переводчиком Конраду Геснеру.
- 23 **Loveman**. 2015: 39.

счете, даже пьесы («книги для удовольствия») она рассматривает в контексте возможной пользы, которую можно было извлечь (и, в конечном счете, извлекалась) из знания этих текстов, в значительной мере объясняя тем самым, почему именно на них приходится одно из самых больших число покупок²⁴. Однако, само построение этой записи свидетельствует о том, что категория пользы определяла денежные траты Пипса, а не читательский интерес, который, очевидным образом, был тесно связан с удовольствием от чтения. В конце концов, как отмечают издатели дневника в комментарии к этой записи, впоследствии, разбогатев еще немного, Пипс купил все упомянутые в ней книги, за исключением сочинения протестантского богослова Соломона Геснера²⁵. И сама необходимость делать выбор была связана именно с финансовым интересом, тем, что много «книг для развлечения» уже была куплена, и определялась потребностью следовать собственному обету урезать траты на развлечения.

В данной статье я попробую применить иной подход и сфокусировать внимание не на чтении как таковом, а на том, каким оно представлено в тексте о себе, который пишется отнюдь не спонтанно. Речь пойдет не просто о читательском опыте, но об опыте, который представлен как составляющая формируемого образа самого себя. Ролан Барт в эссе «Удовольствие от текста»²⁶, выделял два аспекта читательского опыта, которые особенно важны в рамках данного исследования. Во-первых, разные типы читательского удовольствия зависят от

24 По ее подсчетам, больше всего Пипс покупал именно пьесы и книги по истории (16% от числа всех покупок). По 9% приходилось на книги по музыке, богословию, естественной философии и новостные издания. 7% покупок составляли книги по политике, 6% — поэзия и 5% - юридическая литература. **Loveman**. 2015: 42.

25 **Pepys**. 2000: IV, С. 410 (n. 4).

26 **Барт**. 1994: 462-518.

типа, строения, поэтики текста, и потому тексты разных эпох создают возможность для очень разных удовольствий²⁷. А вторых, «удовольствие возникает за счет того, что человек воображает себя индивидом, создает последнюю редчайшую фикцию — фикцию самотождественности»²⁸. Это второе положение имеет особое значение, поскольку в случае с Пипсом мы имеем дело не с читательским опытом самим по себе, а с его репрезентацией в тексте, который и сам имеет целью конструирование определенного образа Я его автора.

Дневник — относительно новый жанр эго-документов в европейской культуре, появление которого обычно связывают с модерностью. Содержание дневников может быть очень разнообразным, их объединяет структура нарратива — поденные записи, выстроенные в хронологическом порядке. С этой структурой, восходящей к средневековой хронике, связаны основные отличия дневника от автобиографии: отсутствие ощущения завершенности и невозможность (или по меньшей мере очень ограниченная возможность) проследить причинно-следственные связи между событиями своей жизни. Встроенная в линейную модель времени, жизнь человека, представленная в дневнике, в силу этого, однако, не имеет линейно разворачивающегося сюжета, свойственного автобиографиям²⁹. Стюарт Шерман связывал появление дневников в культуре раннего Нового времени с формулированием идеи всеобщего, непрерывного и линейно разворачивающегося времени в науке этого времени и появлением новых часовых механизмов с плавным движением стрелок. Если средневековая хроника соответствует в его

---

27 Барт. 1994: 470.

28 Барт. 1994: 514.

29 Nandi. 2021: 20.

концепции дискретному, разорванному времени, с пустотами между отстоящими друг от друга событиями, то дневник соответствует плавному и непрерывному времени, постоянно существующему и постоянно чем-то наполненному³⁰.

Дневник Пипса является для Шермана идеальным образцом этого нового ощущения времени, поскольку представляет собой календарную непрерывность «посредством двойной стратегии заполнения: целостного нарратива внутри каждого дня и календарной непрерывности описываемых дней»³¹. Действительно, созданный Пипсом текст отличается от дневников его современников тем, что в нем не пропущено ни одной даты. Это позволяет утверждать, что эта непрерывность и полнота являлись его целью, тем более что чаще всего Пипс делал записи в дневник не в тот же день, когда произошли описываемые события, но задним числом на основе предварительных заметок. Гарри Бергер, основываясь на этом так же, как и Марк Доусон, подчеркивал обманчивость ощущения непосредственности, которое создает этот текст. Он отмечал, что Пипс репрезентирует себя как «описываемое Я», представленное в разбитом на даты континууме повседневной жизни, и одновременно как «пишущее Я», представленное в последовательности актов письма, поскольку делает записи и о том, что он сел записывать события последних дней в дневник³². Таким образом, «сам» Пипс наблюдает за обеими своими ипостасями и образ его Я и его повседневной жизни, который мы видим в дневнике, является результатом этого наблюдения. Все, что попадает или не попадает в текст дневника, как оно описывается и увязывается с другими событиями

---

30 Sherman. 1996: 35.

31 Sherman. 1996: 35.

32 Berger. 2005: 235.

ми дня, появляется в тексте не только потому, что оно случилось, но потому, что оно было замечено и записано.

Такая позиция наблюдателя отсылает, по меньшей мере, к двум важным для Пипса образцам. В одном из последних исследований, посвященных дневникам раннего Нового времени, Мириам Нанди обращает внимание на значение образа театра для понимания текста «Дневника» и вследствие театрализованности культуры раннего Нового времени, и в силу большой любви к театру самого Пипса. Жизнь, представленная в тексте, являет собой своеобразный социальный театр, представленный взору зрителя³³.

Второй образ, который имеет не меньшее значение для английской культуры XVII века и самого Пипса — это ученый-естествоиспытатель³⁴. 1660-е годы, которые охватывает текст дневника — это время активного приобщения Пипса к современному научному знанию и ученому сообществу, полноправным членом которого он впоследствии станет³⁵. Новая бэконианская наука строилась на идее активного внимательного наблюдения и тщательного описания увиденного. Лондонское королевское общество, основанное в 1660 году, активно занималось не только изучением мира, но и выработкой норм научного наблюдения и такой модели фиксации этих наблюдений, которая позволила бы сделать их ценными и для читателей³⁶.

Текст о своей жизни, который выстраивает Пипс, и, соответственно, то, каким образом в нем представлено чтение, зависит от прочитанных им книг, ибо он не только ходит в

---

33 **Nandi.** 2021: 181.

34 О связи интереса к науке Пипса с его дневником см.: **Nicolson.** 1965.

35 С 1684 по 1686 год Пипс занимал должность президента Лондонского королевского общества.

36 **Pearl.** 2012.

театр или слушает ученые беседы, но читает многочисленные пьесы и трактаты. Дневник меняется вместе с самим Пипсом, и меняется тот образ самого себя и своей жизни, который конструируется в тексте. Постепенно автор все больше отходит от привычных моделей автобиографического письма. Если в первые годы он периодически подводил промежуточные итоги и оценивал произошедшие изменения, то к концу 1660-х годов в тексте остаются только «непосредственные» наблюдения и впечатления от происходящего.

Впечатление о том, что Пипс читает «ради пользы», причем пользы не столько назидательной, сколько сугубо практической, связанной с карьерой и выстраиванием различных отношений, в значительной мере определяется именно тем, как вообще выстраивается описание того, что случилось за день. В отличие от многих других авторов дневников, которые выбирают из всего случившегося за день то, что можно условно назвать событием (приход гостей, посещение театра, семейная ссора, печальное или радостное известие и т.п.), оставляя за границами текста незначительные или обыденные, повторяющиеся вещи, он записывает и то, как долго провалялся в постели, и подсмотренную по дороге сценку из городской жизни, и то, как выглядела его жена или случайно встреченная женщина. Со временем деталей, на первый взгляд не имеющих большого значения, становится все больше.

Кейт Лавман приводит в своей работе статистику упоминаний о книгах и чтении. Она насчитывает 686 записей в дневнике, имеющих отношение к чтению и покупке книг, из них примерно 40% относятся к последним двум с половиной годам (1667 — май 1669 года). Резкий рост упоминаний о книгах в этот период она объясняет проблемами Пипса со зрением, сделавшими чтение более заметным и непривыч-

ным опытом и в силу болезненности, и в силу того, что большую часть времени Пипс теперь читал не сам, а просил почитать жену или прислугу³⁷. И это объяснение является действительно очень важным. Но, кроме того, нельзя не отметить, что в последние годы ведения дневника Пипс в целом стал подмечать больше деталей своей повседневной жизни, о чем свидетельствует даже увеличившийся, несмотря на проблемы со зрением, объем последних томов дневника. Чтение стало занимать больше место в дневниковом образе его жизни, потому что трансформировался и сам взгляд на нее.

Все многочисленные аспекты чтения «ради пользы», которые подробно проанализированы в работах К. Лавман и Э. Яйдельской, становится возможным узнать только потому, что к описанию своего чтения в дневнике Пипс подошел отнюдь не прагматически. Как отмечалось выше, «серьезное» чтение, которому учили в университетах, в XVII веке предполагало выписывание наиболее ценных и значимых идей и фрагментов или заучивание их наизусть, причем акцент с сочинений латинских авторов на протяжении раннего нового времени все больше смещался к современным текстам³⁸. Как отмечает Лавман, даже развлекательные сочинения, чтение которых ориентировано на удовольствие, читались и перечитывались с целью запомнить содержание, чтобы его потом можно было использовать в разговоре или в различных паттернах поведения³⁹.

Подобное отношение, в особенности к назидательной и ученой литературе, способствовало тому, что их чтение воспринималось как самозначимое событие. Не случайно ран-

---

37 Loveman. 2015: 12.

38 О роли памяти и запоминания в контексте чтения в культуре раннего Нового времени см.: Hiscock. 2011.

39 Loveman. 2015: 164.

нее Новое время — это время распространения кабинетов, позволявших уединиться для чтения, вычленив его как отдельный, не связанный с другими (важными или мелочными) делами момент жизни. И в качестве такового, чтение чаще всего и попадало в дневниковые записи. Для примера можно привести фрагмент из дневника старшего современника Пипса Ральфа Джосслина⁴⁰, викария из Эссекса, который часто сопоставляют с текстом Пипса:

Сегодня я увидел, что луга залиты водой, чего я не видел с прошлой зимы; сегодня я закончил читать 1-ю книгу «Наставления» Зеннерта о телосложении⁴¹, содержащую 153 страницы⁴². (9.10.49)

Джосслин нечасто упоминал о том, что он читал для себя, а не прихожанам во время службы, хотя сообщал о купленных книгах. В паттерне описания, который он использует, чтение как акт не только представлено как отдельное событие, не связанное с другими, случившимися в течение дня. Оно и вообще словно бы выключено из повседневности, запись о чтении книги лишена каких бы то ни было подробностей, которые позволили бы вписать чтение в опыт повседневной жизни. С одной стороны, это хорошо соотносится со схемой, предложенной Шерманом, и в которой жизнь предстает как набор отдельных, не связанных между собой, но просто определенным образом расположенных во времени (и в тексте) событий. С другой, то, что чтение оказывается одним из таких *событий*, свидетельствует и об отношении к этой практике⁴³.

40 Ральф Джосслин (1616-1683) — викарий в деревне Эрлс Колн в Эссексе. Вел дневник с 1640 года до своей смерти.

41 «Наставление в медицине» Даниила Зеннерта (1611).

42 Josselyn. 1976: 181.

43 Любопытно, что чтение проповедей Джосслин, как правило, описывает иначе, с большим вниманием и к окружающей обстановке, и к собственным мыслям и переживаниям.

То, что авторы текстов, в том числе эго-документов, начинают упоминать различные бытовые подробности, связанные с процессом чтения, (среди прочего) свидетельствует о трансформации отношения к чтению возможно даже в большей степени, чем об изменении самих практик. Исследователь дневников раннего Нового времени Ерун Блак, сравнив описания чтения в нескольких текстах, относящихся к разным периодам от начала XVII до середины XVIII века пришел к выводу, что представления о том, что практики чтения стали гораздо более разнообразными в XVIII столетии неверны. Его источники демонстрируют наличие разных моделей читательского поведения и в начале XVII столетия⁴⁴.

Само желание или нежелание авторов дневников приводить те или иные подробности, связанные с практиками чтения, свидетельствуют о том, как они воспринимали чтение как часть своей жизни. Пипса в этом отношении можно считать почти полной противоположностью Джосслина.

Детали, того, что мы называем повседневностью, вообще привлекают его внимание. В тексте «Дневника» случившееся в течение дня не имеет логической причинно-следственной связи, как это вообще обычно свойственно этому типу текстов. Нет между ними (за очень редким исключением) и эмоциональной связи, свойственной более поздним интроспективным дневникам. Однако, как отмечал Гарри Бергер, они имеют нарративную связь. Пипс использует большое количество вводных слов, предлогов и т. п., маркирующих временную последовательность и длительность происходящего (*up to, so, thence, after, all the morning*). Призванные связывать предложения, они соединяют и описываемые события, создавая ощущение реального движения

---

44 Blaak. 2009: 344.

времени⁴⁵. Но также они маркируют и перемещения в пространстве, ибо помимо обозначения того «когда» и «как долго» Пипс всегда указывает «где» и «куда». Все описываемые им события дня погружены в единую среду — наполненное время и пространство, в которых они случаются.

Чтение, встроенное в эту модель повествования, тоже обретает соответствующие характеристики. Оно перестает быть отдельно стоящим опытом, но становится частью переменчивой повседневной круговерти дел. Большая часть информации, которую нам дает Пипс, связана с тем, где, когда, как долго, с кем и при каких обстоятельствах он читал. Нередко он даже не называет книгу, но лишь включает сам акт чтения в то, чем наполнен его день:

(Воскресенье) Все утро в моем офисе, занят там делами. На улице ливень, поэтому обедал дома один. После обеда прогулялся к Милорду⁴⁶ и там нашел его за обеденным столом с множеством гостей, судя по всему, они крестили сегодня его младшего сына — назвали его Джеймсом. Я получил кусок пирога. Милорд поставил подпись и печать на всех документах, связанных с моей продажей земли в Бремптоне⁴⁷. Дело еще не настолько близко к завершению, как хотелось бы, но сделано, насколько это было в моих силах на данный момент. Снова прошелся пешком домой и там погрузился в чтение (*fell to read*). Вскоре пришел мой дядя Уайт, др. Бёрнет и еще один джентльмен, и разговаривали и пили, и доктор показал мне, как надо глотать скипидар⁴⁸, что меня

45 Berger. 2005: 218.

46 Имеется в виду Эдвард Монтегю, 1-й граф Сэндвичский, виконт Хичинбрук, барон Монтегю Сент-Неотский.

47 Земли в деревне Бремптон в Кембриджшире принадлежали дяде Пипса Роберту. Он скончался в 1661 году и завещал их своему младшему брату — отцу Сэмюэля Пипса. На бумагах требовалось поставить подписи потенциальным наследникам, а также родственнику и покровителю Пипсов — графу Сэндвичскому.

48 Пипс страдал от мочекаменной болезни. Доктор посоветовал ему пилюли со скипидаром, которые должны были облегчить боль. В конечном счете, лекарства не помогли, и ему сделали операцию.

очень порадовало, ибо это очень легко. Затем они ушли, а я — ужинать и в постель⁴⁹. (17.07.64)

Эти темпоральные и пространственные характеристики чтения могут быть вполне ожидаемыми — чаще всего Пипс читает вечером, после завершения всех дел в своей комнате до или после ужина («Он ушел, а я в свой кабинет и читать. И затем съел немного хлеба с сыром и в постель» (17.08.62))⁵⁰. Но также они могут и совершенно не соответствовать представлениям о «кабинетном чтении», ибо обнаруживается, что Пипс пользовался любой возможностью, чтобы засунуть нос в книгу. Он читал в офисе, когда было свободное время (но, видимо, не так много, чтобы успеть сходить в театр, куда он также часто отлучался в течение дня) или дома с женой утром или в середине дня, в компании друзей — слушая, читая и обсуждая какую-нибудь книгу. Однажды, гуляя по лесу, он набрел на пастуха, которому мальчик вслух читал Библию и, дав ребенку монетку, присоединился и попросил зачитать определенное место (14.07.67)⁵¹. И очень часто Пипс читает в дороге, что, по всей видимости, было довольно распространенной практикой, учитывая популярность книг карманного формата.

Всегда, когда он отправляется в Вестминстер, Дептфорд или другое место по воде, у него с собой имеется книга, и он коротает время за чтением. Исследование Е. Блака подтверждает, что чтение в дороге — в карете или на корабле — было обычным делом для XVII века. Авторы проанализированных им дневников выбирали книги, легкие для восприятия, на случай пути — пьесы, поэзию, романы⁵². Пипс не жаловал

---

49 **Pepys**. 2000: V, 211.

50 **Pepys**. 2000: III, 169.

51 **Pepys**. 2000: VIII, 338.

52 **Blaak**. 2009: 345.

романы,⁵³ но любил читать поэмы и особенно пьесы, и действительно часто читал их в дороге:

Встал и в Дептфорд по воде, читая «Отелло, венецианский мавр»⁵⁴, которого я раньше всегда считал очень хорошей пьесой, однако, после того как я недавно прочел «Приключения пяти часов»⁵⁵, она кажется дурной вещью».⁵⁶ (20.08.66)

Однако качка, ветер и звуки снастей не останавливали его и при чтении более серьезных книг⁵⁷. Например, отправляясь в феврале (!) 1667 года в Уайтхолл и обратно он читал только что вышедший ответ на «Католическую апологию» (1666) Роджера Палмера, графа Каслмейна, который приписывали капеллану короля Уильяму Ллойд⁵⁸. В июле того же года он отправился на галере, «...с большим удовольствием

53 В воскресенье 10 февраля 1661 года он записал: «Прости меня Господь, провел весь день за чтением небольших французских романов» (**Pepys**. 2000: II, 35). С одной стороны, это имеет отношения к тому, что он выбрал неподобающее чтение для воскресного дня, но в этой фразе заключена и изрядная доля самоиронии.

54 Пьеса У. Шекспира.

55 Пьеса сэра Сэмюэля Тьюка. Была поставлена в 1663 году и имела большой успех. Пипс посетил премьеру 8 января 1663 года, и отозвался о пьесе как о лучшей, какую он когда-либо видел (8.1.63) **Pepys**. 2000: IV, 8. Затем, в середине августа 1666 года, также во время поездки по Темзе (в Гринвич) он прочитал изданный текст пьесы, «которую, чем дальше я читаю, тем больше восхищаюсь» (15.08.66). **Pepys**. 2000: VII, 249.

56 **Pepys**. 2000: VII, 255.

57 Пипс не упоминает о них, но нередко отмечает холод («...и затем по воде домой, было на удивление холодно, читая нелепую балладу с восхвалениями в адрес герцога Элбермейла под мелодию «Святого Георгия», музыка тоже была напечатана» (6.3.67) **Pepys**. 2000: VIII, 99. Речь идет об анонимной «Историческая песнь ... о Джордже герцоге Элбермейле, ... написанная в августе 1666».

58 **Pepys**. 2000: VIII, 70 (17.02.67). Пипс читал и текст «Апологии», которая вскоре после выхода была запрещена к продаже, и тираж был уничтожен, что вызвало большой ажиотаж. Пипс выпросил на время экземпляр у владелицы книжного магазина в Уайтхолле Энн Митчелл. **Pepys**. 2000: VII, с.393 (1.12.66).

вниз к Грейвсенду, на протяжении всего пути с необычайным удовлетворением читая “Гидростатику” Бойля⁵⁹, которой, чем больше я читаю и понимаю, тем больше восхищаюсь как прекраснейшим образчиком философии» (24.07.67)⁶⁰. Помимо вполне понятного нам чтения в транспортном средстве, Пипс также регулярно погружался в книгу на ходу. Кейт Лавман отмечает, что это может быть связано с рекомендациями такой практики некоторыми медиками как полезной для здоровья, чтобы не засиживаться во время чтения, а двигаться на свежем воздухе⁶¹. Пипс читал в самых разных садах, в которые попадал, но, что интересно, он никогда не ходил с книгой в королевские парки и тем более «парки удовольствий». Зато он нередко читал, отправляясь пешком по делам за пределы Лондона, и при этом не отмечал в тексте дневника никаких неудобств, связанных с таким способом чтения. Напротив, когда в конце декабря 1665 года он с коллегой не смог приплыть домой на лодке и их ночью высадили на полпути, из-за появившегося на Темзе льда, он, после расставания с попутчиком, оставшуюся часть пути читал. И этот опыт чтения во время движения по полям морозной декабрьской ночью он описывает с видимым удовольствием:

...засим отправился через поля домой, при свете фонаря, который нес один из моих моряков, и я читал при его свете, и это была прекрасная сухая ясная ночь⁶². (27.12.65)

Обращая много внимания на внешние обстоятельства, в которых осуществляется чтение, Пипс при этом никогда не

---

59 «Гидростатические парадоксы, составленные на основе новых экспериментов» Р. Бойля (1666).

60 **Pepys**. 2000: VIII, 351.

61 **Loveman**. 2015: 28.

62 **Pepys**. 2000: VI, 340.

жалуется на них, и вообще не комментирует их влияние на восприятие читаемой книги, за исключением буквально нескольких исключений. К примеру, в августе того же 1665 года Пипс отвечает, что испытывал меланхолию во время чтения:

Засим по воде домой и по пути видел, как из трюма небольшого кеча,⁶³ стоявшего в Депфорде, доставали мертвого мужчину. Я полагаю, что он умер от чумы⁶⁴, что, вместе с мыслями д-ра Бёрнета несколько растревожило меня, так что я не сделал тех дел, которые намеревался и должен был завершить в офисе, но ушел домой раньше обыкновенного и после ужина читал в меланхолии один, а затем — в постель⁶⁵. (26.08.65)

В 1667 году в свете проблем на службе, которые волновали его в течение нескольких дней, Пипс записал:

Это очень взволновало мой ум, однако я принялся читать апологию Хэквиля и изрядно утешился истиной высказывания о том, что мир не походит к концу, но находится в хорошем состоянии в отношении всех вещей, касающихся природы. Я продолжал читать эту книгу с большим удовольствием до ужина, я затем в постель ранее обыкновенного, поскольку завтра рано вставать⁶⁶. (3.02.1667)

Исключительная редкость замечаний о том, что внешние обстоятельства оказали влияние на его взаимодействие с книгами, удивительна, учитывая как его внимание к этим обстоятельствам, так и то, что он часто читает (и не только пьесы, но и довольно сложные для восприятия книги) в условиях, которые не способствуют сосредоточенности на тексте. Сюда можно отнести чтение как на улице (Пипс упоминает о том, что ухитрялся делать это даже верхом на ло-

63 Разновидность двухмачтового парусного судна.

64 Летом 1665 года в Лондоне началась эпидемия чумы, утихшая только с пожаром, уничтожившим весь центр город в 1666 году.

65 *Pepys*. 2000: VI, 204.

66 *Pepys*. 2000: VIII, 43.

шади)⁶⁷, так и на работе, где его постоянно «отвлекали» непосредственные обязанности.

Невнимание к воздействию обстоятельств вовсе не связано с умолчанием о своем восприятии прочитанного, но вполне соответствует общей модели репрезентации событий дня. С одной стороны, в дневнике, как уже отмечалось выше, нередко лишь фиксируется сам акт чтения, без каких-либо подробностей. С другой — столь же часто он оставляет комментарии, что само по себе свидетельствует о том, что прочитанная книга обратила на себя его внимание. В первую очередь в этих случаях он указывает, какую именно книгу прочел. Тексты маркируются главным образом при помощи обозначения их содержания. Пипс не всегда (хотя и в большинстве случаев) приводит имя автора, даже если речь не идет об анонимных сочинениях, как в приведенной выше цитате об «Отелло». Также не всегда он приводит и название книги. Обычно это происходит при упоминании тех текстов, какие с одной стороны имеют довольно короткие названия, а с другой — содержание, которое сложно пояснить в двух словах (пьесы, поэмы, исторических сочинений, религиозные тексты и т.п.). Однако гораздо чаще он приводит либо усеченный, порой до одного-двух слов, вариант названия, по которому можно понять не только то, о какой книге идет речь, но и чему она посвящена, либо и вовсе кратко поясняет ее содержание вместо отсылки к названию. Например, также упоминавшееся выше сочинение Роберта Бойля «Гидростатические парадоксы, составленные на основе новых экспериментов (по большей части физических и простых)» Пипс обозначает как «книгу мистера Бойля о гидростатике» (10.06.67) или попросту как «“Гидростатику” Бойля» (24.07.67).

---

67 *Peyps.* 2000: VI, 182.

В тех случаях, когда в тексте дневника уточняется, какую именно книгу читал автор, там нередко появляется и описание его впечатлений. Одним из множества аргументов в пользу того, что Пипс воспринимал чтение как полезное занятие, является отсылка к его собственным словам. В некоторых случаях он обращает внимание на то, что полученная из книги информация может быть чем-либо ему полезна:

Вскоре я дал ему прочесть⁶⁸ часть главы об измене милорда Кока⁶⁹, которая очень даже заслуживает чтения (*mighty well worth reading*) и сообщила мне много всяких вещей. И насколько я могу судить, очень полезно знать, в чем состоят эти преступления⁷⁰. (15.11.67)

Кейт Лавман анализирует упоминания о том, что то или иное издание «заслуживает чтения» (*worth reading*) как свидетельство того, что оно могло дать Пипсу новую информацию, которая могла быть ему полезна, даже если это были не полезные с точки зрения нравственности и образования знания, а сплетни, свидетельства пороков и т.п.⁷¹ Ее и Элспет Яйдельской рассуждения о том, что Пипс действительно вполне сознательно использовал самую разную информацию из прочитанных книг, равно как и обмен книгами, разговоры о них для укрепления своего положения в обществе, действительно, очень убедительны, однако манера описания чтения в «Дневнике» свидетельствует и о важности другой стороны практик чтения.

68 Речь идет о Генри Муре, помощнике графа Сэндвичского, покровителя Пипса. Слова «дал ему прочесть» скорее всего отсылают к тому, что Пипс попросил гостя прочесть ему отрывок вслух, что в последние годы ведения дневника было обычной практикой из-за проблем Пипса с глазами.

69 Здесь упоминается фрагмент из «Институций английского права» Эдварда Кока — одного из виднейших юристов конца XVI — первой половины XVII в.

70 **Pepys**. 2000: VIII, 531.

71 **Loveman**. 2015: 116.

В том случае, когда Пипс добавляет свое суждение о книге, основной ее характеристикой оказывается вовсе не польза, а полученное (или неполученное) удовольствие. В подавляющем большинстве случаев, и, что не менее важно, вне зависимости от жанра прочитанной книги — научного трактата, назидательного сочинения, пьесы или истории — именно через категорию удовольствия описывается опыт взаимодействия с ней: «читал с большим удовольствием» (*read/reading with great pleasure*), «меня очень порадовало/радует» (*did please/pleases me mightily*), «был очень доволен» (*was mightily pleased*), «читать было бесконечно приятно» (*please me most infinitely to read*), «получил удовольствие от чтения» (*pleased with reading*), «читал с необычайным удовлетворением» (*reading with extraordinary content*), «порадовала меня больше чем все, что я читал за довольно долгое время» (*which pleases me as much as anything I have read a great while*) и т.п. Эти выражения то и дело появляются при описании чтения. О негативном опыте Пипс упоминает гораздо реже, не оставившие впечатления книги просто не называются вовсе.

Иногда, заполучив интересную книгу он не может дождаться того момента, когда сможет ее прочесть⁷². Так 2 января 1665 года он отправился к торговцу книгами и его переплетчикам, у которых обычно делал заказы, и там «увидел книгу Гука о Микроскопе, которая так хороша (*so pretty*), что я сразу попросил оставить ее для себя»⁷³. Книга только-только вышла и, по-видимому, еще даже не поступила в продажу, первые экземпляры еще должны были закончить пе-

---

72 Равным образом этот случай хорошо иллюстрирует тот факт, что Пипс любит покупать и читать только что изданные книги.

73 *Pepys*. 2000: VI, 2.

реплетать⁷⁴. Пипс часто описывает книги как *pretty*, и чаще всего это имеет отношение к остроумию, оригинальности, необычности⁷⁵, но в данном случае, вполне вероятно, имелся в виду и внешний вид, поскольку книга была снабжена многочисленными иллюстрациями того, что Роберт Гук смог увидеть при помощи своего микроскопа. Заполучив, наконец, переплетенную книгу почти двадцать дней спустя, он «сидел в своей комнате до 2-х часов, читая «Наблюдения о микроскопическом» мистера Гука, самую затейливую книгу (*the most ingenious book*), какую я когда-либо читал» (21.01.65)⁷⁶.

Именно внимание к удовольствию при описании процесса чтения делает очевидным, что оценки, которые Пипс дает книгам — «достойное чтение», «превосходная книга» или, как в случае с «Микрографией» — «затейливая, оригинальная книга» — связаны не только с их информативностью, поучительностью или иной потенциальной пользой, но и с получаемым удовольствием.

То, что Элспет Яйдельская и Кейт Лавман склонны оставлять за скобками его значимость при изучении практик чтения Пипса, в значительной мере обусловлено социальным фокусом исследований — их интересуют практики чтения и их роль в жизни Пипса и его социальных коммуникациях. Хотя здесь нельзя не отметить, что совместное чтение книг в компании было одной из составляющих приятного времяпрепровождения. Как и в случае с внешними помехами, удовольствие от чтения не определялось другими, полученными в течение дня, но сопрягалось с ними в пространстве

74 На титульном листе значится 1665 год. В книгах, выходящих в конце календарного года, часто ставили новую дату, но из описания Пипса видно, что в данном случае книга еще не попала в магазин.

75 См. *Loveman*. 2015: 83.

76 *Pepys*. 2000: VI, 18.

текста дневника. Очень показательно, как Пипс описывает редкое мирное воскресенье, проведенное с женой:

Мы провели день в приятных разговорах в компании друг друга <читая в книге д-ра Фуллера, что он говорит о семействах Клиффордов и Кингсмилов^{77>}⁷⁸ и ночью, чувствуя себя лучше, чем раньше, благодаря клизме, которая выпустила изрядное количество ветров — я, после ужина поздно вечером в постель и спал хорошо⁷⁹. (10.04.64)

Этому способствует построение фраз, когда разные действия, происходящие одновременно или последовательно, соединяются при помощи союза «и» в одну общую картину приятно проведенного времени. Так, Пипс, например, описывает возвращение в компании из деловой поездки за пределы Лондона в июле 1667 года, и остановку в небольшом трактире:

Туда мы отправились в коляске и нашли очень чистый скромный дом, и получили блюдо отличный сливок по нашему вкусу, и вскоре уехали, очень веселые, и принялись читать некоторые из «Советов художнику»⁸⁰, которые действительно остроумны и стали хорошим развлечением. И Крид⁸¹ также пересказал мне часть содержания писем старика Бёрли⁸² времен королевы Елизаветы,

---

77 Речь идет об «Истории выдающихся людей Англии» Томаса Фуллера. В книге была информация о семействе Клиффордов, дальней родне Элизабет Пипс по женской линии, но ничего не было написано ни о других ее родственниках — Кингсмилах, ни о знатной родне Пипса.

78 В угловых скобках, в соответствии с изданием Лэтама и Мэтьюса указаны вставки, дописанные в дневник позднее на полях.

79 **Pepys**. 2000: VI, 118.

80 Имеется в виду недавно изданное анонимное сочинение «Второй и третий совет художнику для изображения истории наших действий на море за последние два года» (1667).

81 Джон Крид — родственник и соперник Пипса за внимание графа Сэндвичского.

82 Имеется в виду Уильям Сесил, 1-й барон Бёрли, советник королевы Елизаветы I, занимавший важнейшие посты в государстве.

которые он недавно читал в издании «Каббалы»⁸³, которые для того времени были написаны прекрасным стилем и заслуживают подражания. И так, болтая и смеясь над причудами наших начальников в организации сегодняшнего дня мы к полудню вернулись домой, где все хорошо⁸⁴. (1.07.67)

Так же внимание исследователей к пользе как основной движущей силе чтение коррелирует как с доминирующими представлениями о чтении (особенно мужском) в раннее Новое время, о чем речь шла выше, и с существующими интерпретациями текста дневника и «Я», которое за ним стоит. В своей недавней работе Мириам Нанди, обращает внимание на противоречивость образа Пипса в историографии⁸⁵. С одной стороны, «Дневник» можно считать, как писали его издатели, «побочным продуктом энергичной погони за счастьем»⁸⁶, с другой — свидетельством само-цензурирования и само-контроля, являющихся инструментами формирования автономного Я новоевропейского субъекта⁸⁷. Последняя точка зрения доминирует в исследованиях конца XX начала XXI века и в значительной мере определяет и интерпретации Э. Яйдельской и К. Лавман, поскольку в их основе лежит образ Пипса как человека, главной целью которого является улучшение и упрочение своего положения и репутации — видимых маркеров самосовершенствования.

Сама исследовательница вслед за Бриджит Глейзер⁸⁸ резонно замечает, что противопоставление их как двух кон-

83 Письма Сесила к послу во Франции Генри Норрису, были в 1663 году изданы во втором издании сборника писем видных английских политических деятелей прошлого «Cabala sive Scrinia Sacra: тайны государства и политики в письмах знаменитых людей и великих государственных министров».

84 **Pepys**. 2000: VIII, 313-314.

85 **Nandi**. 2021: 161-171.

86 **Pepys**. 2000: I, XXVIII.

87 См., например: **Barker**. 1995, **Robertson** 2005, **Kohlmann**. 2009.

88 **Glaser**. 2001.

фликтующих сторон личности едва ли оправдано. Она приводит много примеров того, как Пипс использует новые возможности, предоставляемые его улучшающимся социальным положением для новых удовольствий, нередко ставящих под удар свои успехи, но при этом не испытывает чувства вины, которое можно ожидать в логике протестантской этики⁸⁹. И при этом вместо ощущения контроля над происходящим, которое мог бы дать дневник, он нередко отражает чувство беспомощности⁹⁰. Исследовательница приходит к выводу, что автор дневника использует многие формулы повествования, доступные в его время, и его текст отражает разные модели формирования собственного я. А потому «Дневник» нельзя рассматривать исключительно в контексте движения к буржуазной субъективности⁹¹.

Эти рассуждения подтверждаются на примере описания чтения. Пипс не только совмещает работу и секс, как пишет Нанди, но и работу и чтение. Нередко он отмечает, что некоторое время читал, сидя в офисе, вместо того чтобы заниматься делами, и более того, иногда списывал расходы за книги как служебные. Например, в ноябре 1663 года он приобрел «две книги, “Коллекции” Рашуорта и Скоубелла — я сделаю так, чтобы за них заплатил король. В офисе я провел некоторое время, читая первую из них, и это превосходная книга» (30.11.63)⁹². Однако, эта и другая записи демонстрируют, что при этом в его тексте сохраняется ощущение раз-

---

89 **Nandi.** 2021: 169.

90 **Nandi.** 2021: 176.

91 **Nandi.** 2021: 184.

92 **Pepys.** 2000: IV, 402. Обе книги представляют собой собрание документов, что и позволяет отнести их к служебным расходам. Речь идет о «Исторических коллекциях» Джона Рашуорта (1659) и «Коллекции актов и ордонансов,... составленных в парламенте... (1640-1658)» Генри Скоубелла (1657-1658).

личия между текстами, с которыми нужно ознакомиться по служебной надобности, и потому можно не платить за их покупку (и это не только множество документов, но и научные трактаты, исторические сочинения, особенно связанные с флотом, и сборники документов), и книги, которые он читает для себя, даже если делает это там же в присутствии в «рабочие» часы.

Идея «пользы» не позволяет уловить это различие, скорее определяющими являются два других фактора. Во-первых, это наличие или отсутствие необходимости, а во-вторых, коррелирующее с добровольностью удовольствие от чтения. Пипсу нередко приходится читать как документы, так и книги, поскольку этого требуют его обязанности или непосредственное начальство, однако он почти никогда не дает описания такого сугубо прагматического чтения, в особенности, если делает это не по собственной инициативе.

Категория интенции оказывается заметной и когда речь идет о чтении вслух, даже не связанном с работой. Оно нередко было способом времяпрепровождения в кампании, а когда Пипс начал испытывать проблемы со зрением, он часто просил слуг, жену, или даже гостей читать ему вслух. Хотя в таком чтении/слушании каждый раз участвуют две стороны, Пипс по-разному описывает этот опыт. В тех случаях, когда чтение вслух было общим решением, в тексте появляется «мы»:

Засим мы читали и смеялись над предсказаниями Лилли на этот месяц в его альманахе за этот год⁹³ (14.06.67); Снова в церковь и затем домой к жене и вместе с ней (*with her*) читал «*Iter Boreale*», поэму, написанную как раз к возвращению короля домой, но ко-

93 **Репс.** 2000: VIII, 270. Речь идет об альманахе «*Merlini Anglici Ephemeris*» Уильяма Лилли.

торую я до сих пор не читал, и сейчас нашел ее довольно славной, но не настолько, как о ней повсюду кричат»⁹⁴. (23.08.63)

Однако, когда он прибегает к помощи домочадцев, чтобы прочесть интересную ему книгу (Пипс как правило, хотя и не всегда, подчеркивает в этих случаях, что он навязал свою волю, заставил жену, слугу или помощника читать для него — *got/made [somebody] to read*), слуги в его описаниях никогда не выступают в качестве со-читателя, но представляются лишь медиаторами в его собственном чтении:

Встал и в присутствии с Томом, которого я заставил читать мне (*made to read me*) книги предложений времен Великой комиссии,⁹⁵ из которых я успел прочесть изрядную часть перед тем, как идти в церковь⁹⁶. (14.03.69)

Иная модель описания появляется, когда ту же функцию исполняет жена. Хотя и здесь нередко появляются записи о том, что он заставляет ее читать ему те или иные книги или даже документы (в одном случае даже употреблено слово *forced*)⁹⁷, если в дневнике отмечается лишь сам акт чтения, однако, когда появляется и описание реакции Пипса, ему сопутствуют и более мягкие выражения, делающие ее «соучастницей» чтения:

И засим домой, и моя жена и я ужинали в одиночестве, и затем она читала небольшую книжицу об общих характеристиках речи,

-
- 94 **Pepys.** 2000: IV, 285. Комментаторы дневника указывают на сложность точно идентифицировать поэму, поскольку по случаю возвращения короля из изгнания в 1660 году вышло сразу несколько текстов с таким названием, но ни один из них не значится в каталоге библиотеки Пипса.
- 95 Имеются в виду отчеты комиссии, созданной в 1618 году для расследования злоупотреблений в управлении флотом.
- 96 **Pepys.** 2000: IX, 482.
- 97 **Pepys.** 2000: VIII, 438. (15.09.63). Имеется в виду не физическое принуждение со стороны мужа, а то, что она была вынуждена читать ему из-за его сильной боли в глазах.

недавний перевод с французского⁹⁸. Превосходнейшая книга, какую я когда-либо читал, доказывающая существование души человека и всех способов и уловок, при помощи которых природа обучает человека речи, от прочтения которой я получил бесконечное удовольствие⁹⁹. (6.12.68)

Вообще создается впечатление, что Пипс переносит на нее свои мысли и чувства, приписывая ей сходный с собственным читательский опыт и его использование¹⁰⁰, хотя и полагал, что ее кругозор и начитанность существенно уступают его собственным.

Удовольствие, которое здесь отмечено, является второй характеристикой, которая позволяет увидеть грань между чтением, предпринятым исключительно с целью получения необходимой (в основном для работы) информации, и тем, что условно можно обозначить как «чтение для себя». Эта граница более условна, во-первых, потому что удовольствие и польза действительно отнюдь не противопоставлены друг другу (Пипс ухитряется быть «чрезвычайно довольным» даже от чтения грамматики)¹⁰¹, а во-вторых, по причине неод-

98 Речь идет о «Физическом трактате о речи» Жеро Кордемуа, изданный в 1668 году и в том же году переведенный на английский язык как «Философский трактат, касающийся речи».

99 **Pepys**. 2000: IX, 385.

100 К примеру, в рождественский день 25 декабря 1663 года он «начал читать своей жене о глобусах с большим удовольствием и благим намерением, ибо ей и мне будет равно приятно, если она получит представление о подобных вещах» (**Pepys**. 2000: IV, 433-434). Любопытно, что они оба используют практику совместного чтения в семейных ссорах. В январе 1665 года Элизабет «преднамеренно и со злым умыслом» выбрала для такого чтения эссе о ревности. Пипс записал, что хоть он и был раздосадован, «однако моя совесть твердила, что я это заслужил» (2.01.65) **Pepys**. 2000: VI, 2. Два года спустя уже сам Пипс в разгар спора «начал читать книгу вслух («Гидростатику» Бойля) в моей комнате, предоставив ей говорить, покада не устала и не раздосадовалась, что я ее не слушаю. И вскоре помирились, и вместе в постель» (4.06.67). **Pepys**. 2000: VIII, 250-251.

101 Здесь удовольствие от чтения в значительной мере определяется и радостью обладания книгой. Речь идет о «Грамматике и словаре для моряков»

нозначности как одного, так и другого. Однако, как правило, Пипс вообще не указывает никакой реакции при описании «рабочего» чтения или говорит только о полезности того или иного сочинения.

Так же, как и «польза»¹⁰², «удовольствие», связанное с книгами, очень разнообразно. Оно может отсылать к визуальным и тактильным ощущениям от хорошо изданного тома. Кейт Лавман уделяет большое внимание тому, как были систематизированы книги в библиотеке Пипса, согласно составленному им каталогу. Однако важно отметить, что сама нужда в подобном каталоге во многом была связана с тем, что книги в его шкафах, как это было принято в то время, были упорядочены в соответствии с эстетическим принципом — согласно единообразию формата и переплетов. Для него это было не просто общепринятой практикой, дневник отражает внимание к тому, как изданы и переплетены книги. Последнее, как правило, было предметом переговоров с книготорговцем. Хорошо переплетенная книга стоила дорого, и, несомненно, библиотека, составленная из красивых, выставленных напоказ переплетов, была показателем статуса и достатка ее владельца, что для Пипса, стремившегося занять уважаемое положение в обществе, было очень важно. Однако он покупал издания и в простых переплетах, которые выставлялись в магазине. Выбор зависел во многом того, намеривался ли он включить книгу в состав своей библиотеки, что в свою очередь зависело от ее содержания, репутации автора, качества типографского издания и других факторов.

Джона Смита (1627), т.е. как раз о книге, необходимой для работы, которую он, однако, приобрел по собственной инициативе. **Pepys**. 2000: II, 53 (13.03.61).

102 В данной статье подробно не раскрывается эта категория, поскольку она прекрасно проанализирована в работах Э. Яйдельской и К. Лавман.

Пипс нередко указывал стоимость купленных книг, сокрушался о тратах, и давал себе слово впредь тратить меньше. Поскольку он чаще всего переплетал книги в единообразном стиле для себя, он редко говорит о качестве переплета, однако некоторые замечания дают понять, что красивый переплет не оставлял его равнодушным¹⁰³ и вносил свой вклад в удовольствие чтения, особенно в начале 60-х годов, когда он еще не мог позволить себе много хорошо изданных книг:

И ночью зачитался «Церковной политикой» Хукера¹⁰⁴, которую мистер Мур дал мне в прошлую среду, очень красивый переплет, который я, ради него, буду читать очень осторожно и с любовью¹⁰⁵. (18.08.61)

Переплеты, которые делались для его библиотеки в 1666 году, он также описывает, как «очень красивые для глаз» (3.10.66),¹⁰⁶ библиотеку одного из коллег — как «весьма богатую красивыми книгами» (30.07.66)¹⁰⁷.

Качество печати также имело немалое значение, особенно в последние годы ведения дневника, когда проблемы со зрением делали чтение все более болезненным и, соответственно качество печатного текста все более значимым. 18 марта 1668 года он взялся читать «дурацкую (*ridiculous*) историю милорда Ньюкасла, написанную его женой»¹⁰⁸. Книгу передали для его жены, однако он сел ее читать, поскольку

103 В 1669 году он сделал запись о том, что купил книгу только ради того, чтобы иметь переплет известного мастера Уильяма Нотта (12.03.69). **Pepys.** 2000: IX, 480.

104 Речь идет о «Законах церковной политики» Ричарда Хукера, впервые изданных в 1593/1594 г.

105 **Pepys.** 2000: II, 157.

106 **Pepys.** 2000: VII, 306.

107 **Pepys.** 2000: VII, 227.

108 «Жизнь Уильяма Кавендиша, герцога Ньюкасла» (1667) была написана его женой, писательницей Маргарет Кавендиш.

«она отлично напечатана, и чтобы глазам было легче при чтении, я стал читать ее» (18.03.68)¹⁰⁹. Глаза все равно разболелись, и в дневнике появилась запись «мои глаза очень плохи, и я не имею ни малейшего понятия, как воздержаться от чтения»¹¹⁰.

Если внешнему виду книг уделяется не так много внимания в дневнике, то описание удовольствия/неудовольствия от знакомства с их содержанием является основным способом фиксации восприятия прочитанного. Упоминания о нем встречаются гораздо чаще, чем о пользе, даже если речь идет о научных трактатах, религиозных или назидательных сочинениях. Удовольствие от чтения, явно не ассоциировалось у Пипса с чем-то несерьезным, поверхностным или на худой конец с побочным эффектом чтения.

Как отмечала Кейт Лавман, Пипс различает «смысл и язык» при оценке не только прочитанных книг, но и устных дискуссий и выступлений. Это был навык, полученный при обучении, и ожидалось, что в будущем он будет применяться к любым темам и жанрам¹¹¹. И как показывает исследование Кори МакИллни, удовольствие (по меньшей мере, эстетическое) и все возможные, связанные с ним опасности, ассоциировалось именно со словом¹¹². Она анализирует два литературных жанра — поэзию и романы, которые на протяжении раннего Нового времени вызывали наибольшие дискуссии и осуждались как способные увлечь читателя пустыми, но вызывающими и более серьезные негативные ассоциации удовольствиями от основной цели, которую должна преследо-

---

109 *Pepys*. 2000: IX, 123.

110 *Pepys*. 2000: IX, 124.

111 *Loveman*. 2015: 77-78.

112 *McElaney*. 2017.

вать литература — наставления, в то время как защитники настаивали на уникальной способности тех жанров, к которых язык и стиль имеют определяющее значение, побуждать человека к благородным поступкам.

Соблазняющая роль языка имеет большое значение в читательском удовольствии Пипса, однако, не исключительное. В тех случаях, когда он детализирует его, мы можем увидеть даже не двух-, а трехчастную структуру: смысл (идея, замысел), структура (аргументация или сюжет) и стиль/язык. Она становится очевидной, когда сочинение лишено достоинств на одном из этих уровней и удовольствие оказывается неполным или исчезает вовсе. Так, например, решив в Рождество почитать сразу две книги — жизнеописание Юлия Цезаря¹¹³ и трактат Декарта о музыке¹¹⁴, — Пипс замечает, что «последнюю из них я не понял, и не думаю, что он хорошо ее написал, хотя и ученейший человек» (25.12.68)¹¹⁵. А вот «Гидростатические парадоксы» Бойля он читает с большим удовольствием, и хотя тоже понимает с трудом¹¹⁶, но замечает, что «чем больше я читаю и понимаю, тем больше восхищаюсь как превосходнейшим образчиком философии» (27.07.67)¹¹⁷.

113 Вероятно, имеется в виду жизнеописание, выступающее в качестве предисловия к «Комментариям к Г. Юлию Цезарю» сэра Клементя Эдмондса, впервые опубликованным в 1600 г.

114 Речь идет о переводе лорда Броункера, вышедшем в 1653 году под названием «Компендиум: Превосходный компендиум работ Рене Декарта о музыке».

115 *Pepys*. 2000: IX, 401.

116 «Это превосходнейшая книга, какую я когда-либо читал, и я приложу все усилия, чтобы понять его, если смогу, его учение очень полезно» (10.06.67). *Pepys*. 2000: VIII, 258.

117 *Pepys*. 2000: VIII, 351.

При этом содержание книг, отдельные мысли или информация могут быть частью удовольствия не на эстетическом или даже интеллектуальном, а вполне прагматическом, даже бытовом уровне — удовольствия от самого содержания информации, заключенной в книге. Так, читая отрывок из «книги сэра Р. Коттона о войне»¹¹⁸, он отмечает в дневнике, что «был очень доволен этим вечером тем, что мы¹¹⁹ прочли о той небольшой пользе или славе, которое это королевство всегда получало в своих самых славных завоеваниях за границей во Франции» (4.12.67)¹²⁰. В то же время остроумная аргументация могла стать источником особого наслаждения, вне зависимости от ценности идеи, которая ею подтверждается. В 1666 году он с большим удовольствием читает пророчество, касающееся этого года и связанное с числом дьявола¹²¹. 4 ноября Пипс отмечает, что текст «мне очень нравится (*pleases me mightily*)»¹²², дочитав его неделю спустя, он уточняет:

...он понравился мне весь целиком (*I like it all along*), но конец особенно замечателен; и очень остроумно, [не важно,] окажется это правдой или нет¹²³. (10.11.66)

Непосредственно роль стиля/языка оценить сложнее, так как его обычное определение «хорошо/дурно написанная» книга может включать в себя все три составляющие, но при

---

118 «Ответ на резоны, высказанные некоторыми военными принцу Генри, и подстрекающие его стремиться к войне, а не к миру» сэра Роберта Коттона были впервые опубликованы в 1655 г.

119 Редкий случай, когда, попросив прочесть жену вслух, он замечает, что «мы», а не «я» прочли книгу.

120 *Pepys*. 2000: VIII, 564.

121 «Интерпретация числа 666» Фрэнсиса Поттера, изданная в 1642 г.

122 *Pepys*. 2000: VII, 355.

123 *Pepys*. 2000: VII, 364.

более пространных пояснениях Пипс почти никогда не дает понять, что его удовольствие от чтения книг связано с вербальной замысловатостью или красотой текста. Редкий пример такого рода можно найти в записи от 22 мая 1663 года:

Прогулялся до Редриффа, выпив в Хафвей-хаусе, затем пешком и по воде в Уайтхолл, на протяжении всего пути по воде, как туда, так и обратно, читая небольшую книжицу, как сказано, написанную знатным человеком о том, что английское джентри должно иметь преимущества перед титулованной знатью. Но это глупейшая чепуха (*the most silly nonsense*), как по смыслу, так и грамматически, от начала до конца нет ни одного законченного и правильного предложения, но, однако же, написано такими словами, что лучших я не читал за всю свою жизнь (*yet in as good words that ever I saw in all my life*)¹²⁴. (22.05.63)

То, что Пипс довольно часто пытается пояснить, сформулировать, в чем заключается удовольствие от чтения той или иной книги, очень любопытно. И хотя книги, которые ему настолько не нравятся, что тоже заслуживают описания, как правило, именуется глупыми и нелепыми (*silly, ridiculous*), сама по себе глупость не означает, что книгу не будет приятно читать, насмешка, разоблачение этой глупости (и описание этого разоблачения в дневнике) также являются своеобразным удовольствием «браконьерствующего», по определению Мишеля де Серто, читателя¹²⁵, Пипс (обычно с женой) нередко смеется над нелепыми потугами авторов не только астрологических предсказаний, но и более серьезных текстов. Как отмечала К. Лавман, описание Пипсом чтения книг по современной истории (в первую очередь жизнеописаний) демонстрирует скептическую, критическую

124 **Pepys**. 2000: IV, 151. Речь идет об анонимном сочинении «Защита положения джентри супротив обладающих титулами» (1662). Перевод Ливерганта см.: **Пипс**. 2010: 144.

125 О чтении как браконьерстве см.: **Серто**. 2013: 279-295.

модель чтения человека, не поддающегося на аргументы автора. Такое чтение, по ее мнению, оказывалось возможным, поскольку Пипс мог сопоставлять составленный портрет, по традиции отсылающий к благочестивым образам, с известными ему фактами и сплетнями, и видеть, на какие ухищрения идут авторы, чтобы убедить читателя в своих идеях¹²⁶. Но, что не менее важно, в этом заключалась значительная доля удовольствия от чтения не слишком умных книг. Таковой, например, оказалась «История трижды прославленной принцессы Генриетты-Марии де Бурбон, королевы Англии» Джона Даунси, купленная им в 1660 году:

В Вестминстер-холл и купил, среди других книг «Жизнеописание» нашей королевы, которое я читал дома с женой; но оно настолько глупо написано, что мы только и делали, что смеялись над ним. Помимо прочего, оно посвящено этому совершенству добродетели и красоты, герцогине Албемарл¹²⁷. (26.10.60)

В этом отношении читательское удовольствие в описании Пипса, будучи довольно разнообразным, не поддается ни попыткам отделить его от «смысла» и связать только с воздействием словесной ткани текста на воображение читателя, ни соотнести с пользой от хорошо написанной, поучительной книги. Набор прочитанных текстов, по отношению к которому Пипс высказывает свою реакцию в дневнике, и которые описываются через полученное или не полученное удовольствие, не совпадает с делением книг на «книги для удовольствия», «для серьезного удовольствия» и для «по-

---

126 **Loveman**. 2015: 133.

127 **Pepys**. 2000: I, 275. Слухи, которые упоминает Лавман, касались уродливости герцогини, Анны Кларджис (в первом браке — Рэдфорд) супруги генерала Монка, 1-го герцога Албемарла, ее жадности, низкого происхождения и того, что она имела добрачную связь с Монком, родила ему ребенка, а затем вышла за него замуж, когда еще не было подтверждено, что ее предыдущий муж умер. **Loveman**. 2015: 122.

лезного применения», которые он выделял, определяясь с выбором покупок. Не вполне совпадает он и с тем, книги каких жанров он покупал чаще всего (см. прим. 24). Исторические сочинения и пьесы действительно лидируют и в том, и в другом списках, книги по естественной философии, которые Пипс покупал почти в два раза реже, чаще всего получают развернутые характеристики и читаются «с удовольствием». А вот сочинения по богословию, которые он покупает примерно в тех же количествах, что и научные трактаты почти не получают в дневнике никаких оценок, книги по музыке и вовсе почти не упоминаются. Сложно соотносить удовольствие Пипса и с разными типами чтения. Он любит читать новые, еще не известные ему книги, то сразу после покупки, то отложив их дожидаться своей очереди, но также и перечитывать старые. Отдельные сочинения Пипс за время ведения дневника успел перечитать по нескольку раз. К их числу, например, относится «мое любимое» (*my dear*)¹²⁸ эссе Бэкона «*Faber fortunae*»¹²⁹, о чтении которого он упоминает семь раз, отмечая, что «не может начитаться» и «каждый раз читает все с большим удовольствием» (*with more and more pleasure*)¹³⁰. Некоторые книги он читает от начала до конца (нередко с большими перерывами), или читает только отдельные отрывки (*read in the book*). Любой из этих типов

128 **Pepys**. 2000: VI, 72 (14.03.66).

129 Эссе является частью 2 главы VIII части («Наставления, относящиеся к искусству делать карьеру») рассуждения «О достоинстве и приумножении наук». Однако Пипс знал его по изданию 1641 года, в котором оно было представлено как отдельное сочинение: **Васон**. 1641. Дословный перевод «*Faber fortunae*» — архитектор судьбы (в русском издании речь идет о «кузнице своего счастья»). То, что именно этот текст является одним из любимых у Пипса, много говорит о нем самом. См. **Бэкон**. 1977: 445-471 (Ч. XVIII. Гл. 2).

130 **Pepys**. 2000: V, 39 (5.02.64); **Pepys**. 2000: VII, 241 (10.08.66).

чтения может доставить удовольствие, которое он сочтет нужным отразить в дневнике.

И, хотя дневник не может дать нам полный ответ на вопрос, когда, при каких обстоятельствах возникает читательское удовольствие, мы можем говорить о том, в каких случаях оно появляется в тексте этого документа. Оно возникает или не возникает на стыке двух факторов — способности книги увлечь Пипса и его собственной критической способности понять и объяснить, что именно его увлекло или по каким причинам этого не произошло. Одного только понимания или приятности, как смысловой, так и вербальной, как показывают приведенные выше примеры, оказывается недостаточно для того, чтобы Пипс писал о полученном от чтения книги удовольствии. Оно неразрывно связано с актом письма — с самим ведением дневника о собственной жизни. Вполне возможно, есть и другие аспекты читательского удовольствия, которые не нашли отражения в тексте, поскольку не ассоциировались им с той моделью взаимоотношения с миром, которая проявляется в тексте в целом и в описаниях чтения в частности: вовлеченности в ход разворачивающихся во времени и пространстве событий и способности наблюдать, оценивать и действовать в рамках своего понимания¹³¹. Посему то читательское удовольствие, которое мы видим в тексте дневника, принадлежит и «описываемому», и «пишущему» Я Пипса.

Неразрывность вовлеченности и отстраненности позволяет понять многие исключительные случаи его читательского опыта. Одним из них является чтение псевдогероической сатирической поэмы «Гудибрас» Сэмюэля Бат-

---

131 Это может быть одной из причин, почему сенсорному удовольствию от взаимодействия с книгой как объекту уделено так мало внимания, хотя оно, несомненно, было частью читательского опыта.

лера, в которой высмеивались пуритане, пресвитериане, круглоголовые и другие группы людей, ассоциировавшиеся с периодом революции и Протектората. Ее первая часть была издана в 1662 году и стала невероятно популярной, она получила множество пиратских переизданий, а при дворе разошлась на цитаты. На волне популярности, Батлер написал и опубликовал вторую (1663), а затем и третью (1678) части. Пипс был невероятно фрустрирован чтением этого текста. Он купил «Гудибраса» 26 декабря 1662 года после разговора с одним из знакомых, но обнаружил, что она «так глупа и столь оскорбительна по отношению к пресвитерианину-рыцарю, идущему на войну¹³², что мне было стыдно» (26.12.62)¹³³, Он продал книгу сразу после прочтения, но в феврале 1663 года пишет, что «снова купил “Гудибраса”», пытаясь обнаружить и одновременно понять, что же восхищает всех остальных в этом тексте:

это действительно раздражает, быть настолько настроенным против того, что весь свет восхваляет как образчик остроумия; в силу чего я настроен снова его прочесть и увидеть, смогу я счесть его таковым или нет¹³⁴. (6.02.63)

В ноябре того же года, после выхода второй части поэмы Пипс решает уже не покупать ее, а взять напрокат, поскольку «так и не смог счесть ее остроумной, хотя брался ее читать два или три раза» (28.11.63)¹³⁵. К. Лавман отмечает, что это является свидетельством того, насколько читательские вкусы и круг чтения Пипса определялся модой, поскольку для него было важно участвовать в дискуссиях и соответство-

132 Прообразом главного героя пресвитерианца и судьи Гудибраса был рыцарь дон Кихот из романа Сервантеса.

133 *Pepys*. 2000: III, 294. Перевод Ливерганта см.: Пипс. 2010: 144.

134 *Pepys*. 2000: IV, 35.

135 *Pepys*. 2000: IV, 400.

вать моделям читательского поведения определенных социальных групп¹³⁶. Однако не менее интересно, что раздражение у Пипса вызывает то, что он не понимает достоинств текста и удовольствия, которое другие, уважаемые им люди, получают от него, и при этом покупает вторую часть поэмы, «чтобы посмотреть, так ли она хороша, как первая»¹³⁷. В декабре он, несмотря на свои сомнения, все же купил книгу, хотя так и не смог ее оценить, а впоследствии приобрел и полное издание, содержащее все три части.

Второй, еще более известный эпизод связан с чтением книги, которую можно назвать порнографической. В середине января 1668 года он натывается на французскую книгу под названием «Школа девиц» и смотрит, не купить ли ее, думая, что это трактат по воспитанию, который понравится его жене-француженке. Однако, пролистывая ее, приходит к выводу, что это «самая похабная, непристойная книга (*the most bawdy, lewd book*), какую я только видел» и замечает, что «мне было стыдно, что я стал ее читать» (13.01.68)¹³⁸. Тем не менее, 8 февраля, вновь оказавшись в книжной лавке, он все же покупает книгу, намеренно выбирая самый дешевый переплет, чтобы без сожалений сжечь ее после прочтения, поскольку иметь такое сочинение на полках своей библиотеки постыдно и может обернуться бесчестьем, если ее обнаружат. Показательно, что характеризуя покупку, он называет ее уже «никчемной, проказливой книгой (*idle, roguish book*)» (8.02.68)¹³⁹. Непристойной она снова становится на следующий день после того, как Пипс прочитал ее от начала и до

---

136 Loveman. 2015: 39.

137 Pepys. 2000: IV, 400.

138 Pepys. 2000: IX, 21-22.

139 Pepys. 2000: IX, 58.

конца, сначала дома и на работе, «занимаясь делами и почи- тывая *«L'escolle des filles»*: книжонка весьма непристойная, однако и здравомыслящему человеку не мешает изредка по- читать подобное, дабышний раз убедиться в человече- ской подлости»¹⁴⁰, а потом снова дома. Любопытно, что в за- писи за этот день Пипс также дважды фиксирует свое впе- чатление от книги. Вторая порция впечатлений соотносится с окончанием чтения, он описывает и физиологическую ре- акцию на эротические сцены (как всегда в случаях внебрач- ного сексуального опыта, он описывает эту реакцию, мешая слова из разных известных ему языков), и реакцию интел- лектуальную («было не бесполезно прочитать ее ради ин- формации») ¹⁴¹.

Эту сцену чаще всего интерпретируют в контексте культуры сексуальности, идеи самоцензурирующего субъек- та и конфликта, который связан с тем, что он испытывает удовольствие, которое сам же считает постыдным¹⁴². Хотя в тексте стыд соотносится только с обладанием книгой, Пипс очевидно испытывает большую неловкость от собственного сексуального возбуждения.¹⁴³ Но судя и по описанию, и по его реакции (сожжение книги¹⁴⁴, вместо того, чтобы сдать ее обратно в магазин и получить назад часть потраченных де-

140 Пипс. 2010: 148. У Ливерганта опущена часть фразы. В его перевод ука- зано «все утро у себя в комнате: занимался делами», тогда как в ориги- нале — «Встал и все утро у себя в комнате и в присутствии: занимался де- лами...» (Pepys. 2000: IX, 58).

141 Pepys. 2000: IX, 59.

142 Самый известный подобный разбор принадлежит Фрэнсису Баркеру: Barker. 1995.

143 В конечном счете, он прибегает к мастурбации.

144 Пипс пишет, что решил сжечь книгу уже при покупке, после первого зна- комства с ее содержанием. Но мы не можем сказать, не приписал ли он себе это намерение задним числом, когда делал запись в дневник.

нег) эта неловкость связана с силой воздействия текста, причем на таком уровне, на котором этому воздействию сложно сопротивляться. Не случайно опасные с точки зрения воздействия на умы людей книги принято было сжигать. Интересно, что в этом случае Пипс использует ту же модель описания, что и в случае с книгами, которые ему приятно или неприятно было читать. Его рассуждения о пользе в данном случае могут быть не столько свидетельством того, что он стремился найти ее, при чтении любых текстов (оправдывая тем самым чтение книг, нацеленных исключительно на удовольствие, особенно сексуальное)¹⁴⁵, сколько привычкой анализировать влияние текста и благодаря этому получать удовольствие, поддаваясь ему, но сохраняя самоконтроль. В данном случае эта схема не удалась, все, что смог Пипс — это сделать полезный вывод о «человеческой подлости», т.е. подлости человеческой природы, идущей на поводу у тела, а не разума.

Вероятно, значимость удовольствия при описании читательского опыта, и его сложносоставной характер, предполагающий и увлечение текстом, и дистанцирование от него, может отчасти объяснить, по какой причине в «Дневнике» почти не упоминается религиозное чтение, которое было элементом повседневных практик. Э. Яйдельская полагает, что это обусловлено ритуализированностью, повторяемостью — чтение молитв «было настолько регулярным, что не заслуживало упоминания Пипсом так же, как и большинство приемов пищи»¹⁴⁶. Это объяснение представляется вполне справедливым, но явно недостаточным, ведь те же обеды и

---

145 **Loveman.** 2015: 135-164 (этот тезис подтверждается на протяжении всей главы, посвященной «развлекательным книгам»).

146 **Jajdelska.** 2007: 559.

ужины Пипс все же упоминает во много раз чаще, чем чтение Книги Общих Молитв. Пипс, конечно, не отличался большой набожностью, но был искренне верующим человеком. Исходя из того, как он описывал свой читательский опыт можно предположить, что чтение религиозных текстов, не укладывалось в эту модель вовлеченности/дистанцирования и вообще рассматривалось как «чтение» только с сугубо технической точки зрения, поскольку эти сочинения выпадали из привычного определения литературы, по отношению к которой Пипс как читатель мог занять дистанцированную позицию. Речь шла не о чтении текста (который к тому же был известен наизусть), а об ином опыте, в рамках которого, читая книгу, Пипс все же не становился в полной мере читателем. Подтверждением этому может служить тот факт, что католические тексты Пипс читал среди дня, ради интереса, подобно остальным видам книг:

В подворье Павла зашел к Кирстону¹⁴⁷ и там нашел для себя Миссал¹⁴⁸, который и купил и он обошелся мне в 12 ш[иллингов]. И затем пошел домой и сидел допоздна, читая из него своей жене, которая с большим удовольствием слушала то, что когда-то было для нее таким привычным¹⁴⁹. (2.11.60)

147 Речь идет о территории вокруг собора Св. Павла, где находилась книжная лавка Кирстона.

148 Миссал — католическая богослужебная книга, содержащая тексты, для совершения литургии (месс). Любопытно, что «папистскую книгу», как и порнографическое сочинение Пипс с легкостью покупает, просто зайдя в лавку и отыскав интересный том. Он не упоминает о том, что покупкам сопутствовали какие бы то ни было необычные обстоятельства.

149 **Pepys**. 2000: I, 281-282. Элизабет Пипс, как и ее родители была протестанткой, но в детстве жила в католической Франции. Она нередко угрожала мужу переходом в католицизм во время семейных ссор, а ее происхождение впоследствии было одним из аргументов, когда самого Пипса обвинили в симпатиях к католицизму.

В еще большей степени это заметно при описании приятности чтения всевозможных полемических и назидательных сочинений:

Затем домой ужинать и затем почитал немного из «Противоядия против атеизма» Мура, славная книга (*pretty book*), и засим в постель¹⁵⁰. (12.01.67)

О чтении протестантской Библии и Книги Общих Молитв Пипс упоминает только тогда, когда этому способствуют какие-то необычные обстоятельства, включающие его в обычный опыт (например, он сделал запись о том, как впервые читал Книгу Общих Молитв в своем новом доме)¹⁵¹. Можно предположить, что опыт взаимодействия с религиозными текстами остался невербализованным в его дневнике, поскольку не соотносился с той «фикцией самотождественности», если говорить словами Барта, с которой неразрывно связано представление читательского опыта в тексте дневника.

Если фигура автора — «это принцип некоторого единства письма»¹⁵², как писал Мишель Фуко, то и фигура читателя обозначает некоторое единство чтения, которое не вполне совпадает с наличием у текста автора. Эту фигуру сложнее уловить, поскольку сам читатель редко обозначает себя этим словом, мы можем лишь обнаружить различия в том, как он описывает или не описывает чтение разных типов текстов. И, как принцип единства текстов, читатель точно так же оставляет за границами множество их разновидностей, которые читаются, но не порождают читателя. У Пипса мы можем обнаружить довольно много того, что он читает, но редко пишет об этом в дневнике и не обозначает себя как

---

150 *Репус*. 2000: VIII, 13.

151 *Репус*. 2000: I, 206 (22.07.60).

152 *Фуко*. 1996: 27.

вовлеченного в процесс чтения читателя, хотя причины для этого не попадания в читательский опыт могут быть очень разными. Сюда можно отнести не только Книгу Общих Молитв, или — пример из другой крайности — счета за покупки, но и разнообразные новостные издания или ноты любимых им музыкальных произведений. И то, где пролегает для него эта граница определения себя как читателя коррелирует с той идентичностью, которая конструируется самим текстом дневника.

Сложно не согласиться с Мириам Нанди — в Пипсе и его дневнике тяжело увидеть исключительно самоцензурирующего, самоограничивающего, пытающегося преуспеть буржуа. Читательский опыт, который мы можем обнаружить на страницах его дневника, предстает как страсть, удовольствие, которое связано не столько с осознанием того или иного социального капитала, который приобретается в процессе чтения, но с тем, что он является способом утверждения и подтверждения образа собственного Я. Дневник Пипса демонстрирует, что его практики чтения с трудом соотносятся с теми идеальными моделями, которыми определялся читательский дискурс раннего Нового времени, будучи подчинены логикам повседневности, а в еще большей степени — логикам текстуального самоопределения.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Бэкон. 1977 — Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1977. Т. 1. Ч. XVIII. Гл. 2. С. 81-524.

Пипс. 2010 — Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника / Пер. А.Я. Ливерганта. М.: Текст, 2010.

Васон. 1641 — Bacon F. Fr. Baconi de Verulamio Sermones Fideles, Ethici, Politici, oeconomici: Sive Interiora Rerum. Accedit Faber Fortunae &c. Leiden: Hackius, Franciscus, 1641.

Josselyn. 1976 — The Diary of Ralph Josselyn 1616-1683 / ed. by A. Macfarlane. L.: Oxford University press, 1976.

Репус. 2000 — Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. V. 1-11. Berkeley; Los Angeles: University of California press, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

Барт. 1994 — Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 462-518.

Серто. 2013 — Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стогова. 2018 — Стогова А.В. Сэмюэль Пипс и торжественные обеты // ШАГИ/STEPS. 2018. Т. 4. №3-4. С. 97-114.

Фуко. 1996 — Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., Касталь, 1996.

Шартье. 2006 — Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006.

Barker. 1995 — Barker F. The Tremulous Private Body: Essays on Subjection. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 1995.

Barnard, Bell. 1994 — Barnard J., Bell M. The Early Seventeenth-Century York Book Trade and John Foster's Inventory of 1616. Leeds: Leeds Philosophical and Literary Society, 1994.

Benedict. 1996 — Benedict B.M. Making the Modern Reader: Cultural Mediation in Early Modern Literary Anthologies. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Berger. 2005 — Berger H. jr. The Pepys Show: Ghost-writing and Documentary Desire in the Diary // *Situated Utterances: Texts, Bodies, and Cultural Representations* / ed. by Berger H. jr., Anderson J.H. New York: Fordham University Press, 2005. P. 218-252.

Blaak. 2009 — Blaak J. *Literacy in Everyday Life. Reading and Writing in Early Modern Dutch Diaries.* Leinen; Boston: Brill, 2009.

Books and Readers. 2002 — *Books and Readers in Early Modern England Material Studies* // ed. by Jennifer Andersen and Elizabeth Sauer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002.

Colclough. 2007 — Colclough S. *Consuming Texts: Readers and Reading Communities, 1695–1870.* London: Palgrave Macmillan, 2007.

Craik. 2007 — Craik K. *Reading Sensations in Early Modern England.* Basingstoke: Palgrave, 2007.

Cressy. 1980 — Cressy D. *Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England.* Cambridge: Cambridge University Press, 1980

Dawson. 2000 — Dawson M.S. *Histories and Texts: Refiguring the Diary of Samuel Pepys*// *Historical Journal.* 2000. №43. P. 407–31.

Early Modern English News Discourse. 2009 — *Early Modern English News Discourse: Newspapers, Pamphlets and Scientific News Discourse* / edited by Andreas H. Jucker. Philadelphia: John Benjamins Pub. Company, 2009.

Glaser. 2001 — Glaser B. *The Creation of the Self in Autobiographical Forms of Writing in Seventeenth-Century England: Subjectivity and Self-Fashioning in Memoirs, Diaries, and Letters.* Heidelberg: Winter, 2001.

Hackett. 2000 — Hackett, Helen, *Women and Romance Fiction in the English Renaissance.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Halasz. 1997 — Halasz A. *The Marketplace of Print: Pamphlets and the Public Sphere in Early Modern England.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Hiscock. 2011 — Hiscock A. *Reading Memory in Early Modern Literature.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Jagodzinski. 1999 — Jagodzinski C.M. *Privacy and Print: Reading and Writing in Seventeenth-Century England.* Charlottesville-London: University Press of Virginia. 1999

Jajdelska. 2007 — Jajdelska E. *Pepys in the History of Reading* // *Historical Journal.* 2007. №50. P. 549–69

Jajdelska. 2016 — Jajdelska E. Speech, Print and Decorum in Britain, 1600-1750. Studies in Social Rank and Communication. N.Y.: Routledge, 2016.

Kohlmann. 2009 — Kohlmann B. 'Men of Sobriety and Business': Pepys, Privacy and Public Duty // The Review of English Studies. New Series. 2009. Vol. 61. № 251. P. 553-571.

Kunin. 2004 — Kunin A. Other Hands in Pepys's Diary // Modern Language Quarterly. 2004. №65 (2). P. 195-220.

Loveman. 2008 — Loveman K. Reading Fictions, 1660-1740: Deception in English Literary and Political Culture. Aldershot: Ashgate, 2008.

Loveman. 2015 — Loveman K. Samuel Pepys and his Books Reading, Newsgathering, and Sociability, 1660-1703. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Material readings. 2010 — Material Readings of Early Modern Culture : Texts and Social Practices, 1580-1730 / ed. by James Daybell, Peter Hinds. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010.

McCarthy. 2020 — McCarthy E.A. Doubtful Readers: Print, Poetry, and the Reading Public in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 2020.

McEleney. 2017 — McEleney C. Futile Pleasures. Early Modern Literature and the Limits of Utility. New York: Fordham university press, 2017.

Nandi. 2021 — Nandi M. Reading the Early Modern English Diary. Basingstoke: Palgrave, 2021.

News, newspapers. 1999 — News, Newspapers, and Society in Early Modern Britain / edited by Joad Raymond. London: F. Cass, 1999.

Nicolson. 1965 — Nicolson M. H. Pepys' Diary and the New Science. Charlottesville: University Press of Virginia, 1965.

Pearl. 2012 — Pearl J. H. Geography and Authority in the Royal Society's Instructions for Travelers // Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourses 1569-1750 / Ed. by J. A. Hayden. Burlington: Ashgate, 2012. P. 71-83.

Raven. 2007 — Raven J. The Business of Books: Booksellers and the English Book Trade 1450-1850. New Haven and London: Yale University Press, 2007.

Reid. 2019 — Reid P. Reading by Design: the Visual Interfaces of the English Renaissance book. Toronto; Buffalo ; London: University of Toronto Press, 2019.

Robertson. 2005 — Robertson R. Censors of the Mind: Samuel Pepys and the Restoration Licensers // The Dalhousie Review. 2005. Vol. 85. № 2. 181–94.

Sharpe. 2000 — Sharpe, K., Reading Revolutions: The Politics of Reading in Early Modern England. New Haven: Yale University Press, 2000.

Sherman. 1996 — Sherman S. Telling Time: Clocks, Diaries, and English Diurnal Form, 1660-1785. Chicago and London: University of Chicago Press, 1996.

Snook. 2005 — Snook E. Women, Reading, and the Cultural Politics of Early Modern England. N.Y.: Routledge, 2005.

The London Book Trade. 2003 — The London Book Trade: Topographies of Print in the Metropolis from the Sixteenth Century/ ed. Robin Myers, Michael Harris, and Giles Mandelbrote. New Castle: Oak Knoll Press; London: British Library, 2003.

Women and Literature. 1996 — Women and Literature in Britain, 1500–1700 / ed. by Helen Wilcox. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Women's bookscapes. 2018 — Women's Bookscapes in Early Modern Britain: Reading, Ownership, Circulation / ed. by Leah Knight, Micheline White, and Elizabeth Sauer. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 2018.

Woolf. 2000 — Woolf D.R. Reading History in Early Modern England, Cambridge. Cambridge University Press, 2000.

М.С. Третьякова

«ЖЕНСКАЯ УЧЕНОСТЬ» В ДИСКУССИЯХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ В КОНЦЕ XVIII В.

Ключевые слова: «женская ученость», Просвещение, женское образование, филантропизм, салон, Германия.

Аннотация: В настоящей статье анализируются оценки отдельных немецких философов и публицистов конца XVIII века феномена «женской учености». В статье подчеркивается генетическая связь воззрений упомянутых авторов с воспитательной концепцией Жан-Жака Руссо. Автором предпринимается попытка поместить феномен «женской учености» в широкий социокультурный контекст, включающий в себя такие вопросы, как функционирование равноправной межгендерной коммуникации в рамках «смешанных обществ», тенденции развития женского образования, особенности читательской культуры в немецкоязычном пространстве указанного периода, а также просветительский дискурс о правах и обязанностях женщин во второй половине XVIII века. Автор настоящей статьи впервые рассматривает механизмы интеграции женщин в интеллектуальное пространство Германии конца XVIII в. с позиции теории «пяти стратегий самопрезентации» Э. Джонса и Т. Питтмана.

Вторая половина XVIII века в политически неоднородном немецкоязычном пространстве — период включения представительниц различных социальных категорий в активную социальную коммуникацию. Различным формам общественной коммуникации был присущ «смешанный» характер. Особым разнообразием и открытостью отличалась столица Пруссии — Берлин. В историко-топографическом справочнике от 1769 года «Описание Берлина и Потсдама»

берлинский издатель Фридрих Николаи называет берлинское светское общество смешанным, поскольку присутствие в нем женщин придавало коммуникации непринужденность, а аристократы, следуя правилам игры в иллюзорное равенство, «не отказывают во внимании» остальным и не требуют от них «подобострастного почтения», без которого не обходилось в обыденной жизни¹.

В связи с этим представляется любопытным рассмотреть механизмы включения женщин в интеллектуальное пространство Германии. М.-К. Хук-Демарль отмечает, что на рубеже XVIII–XIX вв. на смену «культурной женщине», которой подобало лишь «собирать приятные цитаты для поэтического альбома», приходит «ученая женщина», заинтересованная в актуальных социально-политических и научных вопросах². Сентиментальные и нравоучительные тексты, тиражировавшие представление о «чувствительной женской природе», уже не могли удовлетворить интерес читательниц. Вернуть женщину в лоно ее традиционных обязанностей, как утверждает Н. Россбах, могла лишь апелляция к тезису о специфической женской биологической натуре, которым вооружились ведущие немецкие интеллектуалы второй половины XVIII века — Кант, Гердер, Вильгельм фон Гумбольдт, Шиллер³. Впрочем, как отмечает Д. Сабате, нередко и сами интеллектуалки подавляли свое стремление к учености. Писательница Софи фон Ларош, публиковавшаяся под собственным именем и издававшая собственный журнал, провозгласила идеалом умеренно образованную, общитель-

---

1 Nicolai. 1769: 405.

2 Хук-Демарль. 2015: 154.

3 Rossbach. 2015: 61.

ную женщину⁴. Эмилия фон Берлепш осторожно высказывалась в защиту интеллектуальной автономии женщины, которая должна была совмещать обязанности супруги и матери и, в то же время, удовлетворять свой читательский интерес⁵.

Чтобы избежать обвинений в «учености» и, в то же время, присутствовать в маскулинном интеллектуальном дискурсе, амбициозной женщине конца XVIII в. приходилось соблюдать некоторые предустановленные правила игры. У. Векекль подчеркивает, что агрессивное вторжение в общественную жизнь могло повлечь за собой навешивание ярлыка «публичной женщины»⁶. Поэтому среди внешних благоприятных условий для интеграции женщины в публичную сферу — происхождения, развитой сети общественных коммуникаций, секуляризации культуры и пр. — значимую роль играла и грамотная саморепрезентация женщины. Эффективным теоретическим подспорьем в вопросах изучения мотивации и моделей социального поведения индивида является концепция «пяти стратегий самопрезентации» социальных психологов Э. Джонса и Т. Питтмана, назвавших состояние зависимости триггером к его преодолению⁷. В качестве стратегий завоевания социально значимых атрибутов — общественного признания, материального достатка, выгодного брака — Э. Джонс и Т. Питтман выделили «стремление нравиться», «самопродвижение», «запугивание», «пояснение примером» и «мольбу». Успех избранной стратегии определяется тем, насколько умело индивиду удастся сокрыть истинную мотивацию своих действий. Таким образом,

---

4 **Sabatè.** 2000: 131.

5 **Honegger.** 1989: 11.

6 **Weckel.** 1998: 6.

7 **Jones, Pittman.** 1982: 233.

цель настоящей статьи — рассмотреть наиболее типичные стратегии саморепрезентации женщин в интеллектуальном пространстве Германии в конце XVIII века и проследить за реакцией ряда немецкоязычных авторов на феномен «женской учености».

Для обеспечения равноправного диалога между членами «смешанного общества» требовалось признание его легитимности со стороны привилегированных участников. Одним из теоретиков «смешанного общества» был молодой проповедник, религиозный философ Фридрих Шлейермахер. Базисом любого общества, понимаемого им как совокупность форм социальности⁸, являлось «свободное общение». Оно представляло собой естественное поведение, «свободную игру», в которой каждый участник так или иначе влияет и поддается влиянию чужих мыслей и чувств⁹. Для поддержания атмосферы равенства Шлейермахер призывает проявить свою индивидуальность, отказавшись на время от привычек и действий, предписанных социальным статусом¹⁰. Иллюзорность равенства и единства должны были обеспечивать все участники коммуникации.

Наиболее популярной формой «смешанного общества» с участием женщин второй половины XVIII в. являлись салоны, или «чайные общества». Пространство «частной публичности», выведившее женщину за пределы семейного круга, позволяло ей стать равноправной участницей диалога¹¹. Аристократки и жены издателей, объединившие вокруг себя видных интеллектуалов, стремились оказывать влияние на

---

8 Schleiermacher. 1984: 170.

9 Schleiermacher. 1984: 170.

10 Schleiermacher. 1984: 172.

11 Неклюдова. 2008: 69-70.

литературные вкусы современников, подобно парижским *salonnières*. Скромные «чайные общества» (*Teegesellschaften*) Берлина, которыми владели женщины из среды еврейской финансовой и интеллектуальной элиты, собирали молодых интеллектуалов и артистов и отличались наибольшей душевностью.

Еврейские дома оказывали теплый прием своим посетителям. Желая интегрироваться в светскую жизнь прусской столицы, жены и дочери еврейских просветителей и банкиров стремились вызвать расположение светских дам и кавалеров, что было чрезвычайно сложно в условиях социально-правовой обособленности еврейской общины. Перед еврейскими женщинами стояла трудновыполнимая задача. С одной стороны, было необходимо легитимировать свое присутствие в интеллектуальном пространстве немецкоязычного мира. Для этого на первых порах требовалось демонстрировать манеры дамы из приличного общества. С другой стороны, нужно было нивелировать свою «еврейскость» — говорить по-немецки в совершенстве, одеваться по последней моде. Преодолевая культурно-религиозные барьеры, еврейские *ragvuni* брали на вооружение искусство обольщения.

«Прекрасной еврейкой», заслужившей симпатию Гёте, была дочь банкира Арона Мейера Марианна. Благожелательность тона корифея немецкой литературы вызывала, помимо расчетливого желания обрести читателя в среде берлинских салонов, привлекательная внешность Марианны. В письме Шиллеру от 1797 года Гёте сокрушался о том, что его не менее известный адресат до сих пор не имел возможности познакомиться с этим «удивительным созданием», знаменитой Марианной Мейер¹². Достоянием обще-

---

12 Varnhagen. 1843: 638.

ственности становились встречи Гёте и «прекрасной» Марианны, как и их переписка.

Супруга просветителя Маркуса Герца Генриетта в возрасте четырнадцати лет появляется на полотне Анны Тербуш в образе богини юности и грации, востребованном в аристократических кругах¹³. Поза Герц типична: черноокая девушка держит кубок так, будто собирается испить из него вина, а обнаженное плечо лишает ее образ невинности. Образ Герц отвечал представлениям зрителя-христианина об интеллектуальной привлекательности хозяйки салона и в то же время насыщал эстетическим удовольствием от библейской красоты девушки¹⁴. Миловидная Герц являлась объектом восхищения юного Вильгельма фон Гумбольдта. Двадцатилетний аристократ, пресытившийся холодной галантностью и рациональностью людей из своего окружения во дворце Тегель¹⁵, был очарован замужней Генриеттой Герц, окружившей себя почитателями¹⁶. Вопреки черствой морали рационалистов, которую Гумбольдт связывал с их честолубием и самовлюбленностью, в общении с Генриеттой и участниками ее кружка следовало руководствоваться сердечными порывами во имя любви к ближнему¹⁷.

Индивиду, придерживающемуся стратегии самопродвижения, полагается демонстрировать интеллектуальные компетенции. Успешно пройденное испытание определяется степенью «подобности» членам той социальной группе, к которой индивид стремится быть причастным. Гости дома четы Герц отмечали достоинства его хозяйки. Герц умела

13 Weissberg. 1993: 74.

14 Goože. 2003: 72.

15 Humboldt. 2013: 193.

16 Herz. 1858: 157.

17 Humboldt. 2013: 203.

терпеливо выслушать своего собеседника, выразительно читала, сочиняла стихи, бегло разговаривала на английском, французском¹⁸. Под ее руководством Шлейермахер постигал основы итальянского, а Вильгельм фон Гумбольдт обменялся с Йеттой письмами на иврите.

Соблюдать меру в интеллектуальных притязаниях, дабы не прослыть «ученой», являлось подчас непростой задачей. Анонимность большинства произведений, написанных рукой женщины-автора, была продиктована желанием скрыть «постыдное» стремление к публичности. Необходимость писать ради заработка доставляла Терезе Хубер душевные тревожения, поскольку страдала ее «женственность» — ее право быть женщиной, стоящей в тени своего мужа и не выставляющей себя напоказ¹⁹. В первом браке с Георгом Форстером, не желавшим уронить мужское достоинство тем, что его супруге придется зарабатывать на жизнь переводами, писательская активность Терезы сводилась к минимуму²⁰. Скептицизм в отношении женщин-авторов выражала и мать Гёте, фрау Катарина Элизабет, обвинявшая Софи фон Ларош в том, что та навлекает беды на своих детей, публикуя романы под своим именем²¹.

Мужская галантность заканчивалась там, где начинались претензии на гражданское равноправие. Французская революция внесла свои коррективы в характер дискуссий по вопросу о правах женщин. Французские женщины, боровшиеся за право носить трехцветную кокарду наряду с санкюлотами, искали союзников среди мужчин. К началу революции

---

18 Böttiger. 2013: 483.

19 Melton. 2004: 155.

20 Forster. 1843: 301.

21 Дюлон. 2008: 424.

во Франции дебаты о положении женщин обрели социально-политический оттенок. В 1790 году выходит эссе просветителя Жана Антуана Николя де Кондорсе, обращенное к членам Учредительного собрания, о наделении женщин правами гражданства, главным образом, избирательным правом²². Исключение женщин из общественно-политической жизни Кондорсе называл результатом грубого обычая, коренившегося в самом несправедливом социальном устройстве, основанном на отношениях господства и подчинения²³.

Однако идеи Руссо о предназначении женщины получили куда более широкое распространение в немецкой дидактической литературе. Ключевую роль здесь играло представление о биологически детерминированных различиях полов. Порядок вещей, при котором женщина «верховодит» в интеллектуальных беседах, подвергся критике Жан-Жака Руссо в его воспитательном романе «Эмиль». Пассивность и подчинение женщины мужчине Руссо обосновал природной необходимостью²⁴. Неприятие философа вызывали «ученые и остроумные девы», «устраивающие в доме литературное судилище и председательствующие в нем»²⁵. Презиравший «распущенность» женщин из высшего общества, вторгающихся в публичную сферу, Руссо возвращал современниц к традиционной иерархии, где главным достоинством их счи-

22 **Condorcet.** 1912.

23 **Condorcet.** 1912: 12. По мысли просветителя, эта несправедливость обусловлена соображениями «нецелеобразности» дарования гражданских прав женщинам и прочим непривилегированным категориям населения, исполняющим волю власть имущих мужчин.

24 **Руссо.** 1981: 433.

25 **Руссо.** 1981: 502. Язвительность Руссо была направлена против салонных дам. Это не мешало Руссо пользоваться покровительством Луизы д'Эпина, салон которой был прибежищем энциклопедистов.

тались целомудрие и скромность²⁶. Желание женщины быть на виду было объявлено противоестественным²⁷.

Чувствительность и физическая слабость женщины, противопоставленная холодной рассудочности и силе мужчины, обусловила эту инаковость в дискурсе эстетов²⁸. Французская мода на равноправие не могла не тревожить немецких ревнителей порядка. Женщина, по мнению Шиллера, от природы наделена «в высшей степени наивной сущностью», инфантильностью, которая выражается в отчуждении от культуры²⁹. Классик ценит женщину, способную блюсти наивную чистоту и нравственную необходимость, так же высоко, как и гения, склонного к самодисциплине и творческой свободе.

Одним из авторитетных педагогов последней четверти XVIII века был филантропист, детский писатель, директор филантропина³⁰ в Дессау (Анхальт-Дессау) Иоахим Кампе. Ключевым понятием его дидактической системы было «предназначение», которое он понимал как миссию индивида, его социальную позицию, направленную на достижение

---

26 **Руссо**. 1981: 437.

27 **Руссо**. 1981: 502.

28 **Roszbach**. 2015: 60.

29 **Schiller**. 1827: 16-17.

30 Филантрописты выступали за переориентацию школьного образования на практически полезные знания, а также учет психофизиологических особенностей развития детей разных возрастов. Филантропин — закрытая школа-интернат, созданная по проекту филантропистов. Первый филантропин, возникший в Дессау по проекту Иоганна Базедова в 1774 году, готовил подопечных для поступления в университеты (дети из состоятельных семей), школьного преподавания (дети из семей среднего достатка) и работы в качестве прислуги (дети из бедных семей). Подобное распределение воспитанников по уровню дохода обосновывалось актуальным социальным порядком, в котором «одни приказывают, другие подчиняются». См.: **Campe**. 1787: 71.

всеобщего блага³¹. Конечной целью воспитания было объявлено достижение «полноценности» существования³², которое суть поддержание существующего порядка, с его социальным и гендерным неравенством³³.

Свои взгляды на женское образование Кампе изложил в труде «Отцовский совет дочери» 1789 года, обращенном к воображаемой наследнице. Предназначение женщин в гражданском обществе — быть женами, матерями и рачительными хозяйками³⁴. Зависимость женщины от мужчины он рассматривает как природную и социальную необходимость³⁵. «Свободное состояние», как возможность реализовывать себя в обществе — привилегия мужчин в то время, как семейный очаг — территория, где женщина должна раскрыть весь свой потенциал³⁶.

Иоахим Кампе демонстрировал скептицизм в отношении каких-либо образовательных институтов для женщин. Будучи сторонником домашнего образования как для юношей, так и для девушек, педагог, тем не менее, ограничивал возможности интеллектуального развития последних некоторыми «полезными» книгами и умениями, необходимыми в будущей семейной жизни³⁷. Эти практические знания и умения следовало добывать путем собственных наблюдений и посредством коммуникации со сведущими людьми. Таковую интеллектуальную компетенцию, как владение иностранными языками, педагог не считал качеством, достойным

---

31 Кампе. 1787: 318.

32 Кампе. 1787: 322.

33 Кампе. 1787: 71.

34 Кампе. 1790: 14.

35 Кампе. 1790: 21.

36 Кампе. 1790: 26-27.

37 Кампе. 1790: 85.

благонравной женщины. По его мнению, все светские таланты — музыкальность, владение кистью, танцы — оказываются неподходящими для добропорядочной домохозяйки качествами³⁸. Женщин надлежало обучать шитью, готовке, управлению домашним хозяйством³⁹. Таким образом, весь интеллектуальный потенциал женщины, по замыслу Кампе, следовало направить на выполнение традиционно «женских» занятий.

Следует отметить, что в целом воспитательные учреждения для девушек второй половины XVIII века отвечали представлениям Иоахима Кампе о женском образовании. Так, воспитанницы пансионата при Ордене Святой Урсулы в Дюссельдорфе получали элементарные навыки чтения, письма, счета и, главным образом, обучались рукоделию⁴⁰. Состоятельные семьи нанимали для девочек домашних педагогов, либо отдавали дочерей в пансионаты с широким выбором учебных дисциплин. В таких заведениях преподавались чтение, письмо, счет, французский, основы религии, география, история, музыка, танцы и пр.

Следует вновь обратиться к воззрениям Иоахима Кампе. «Ученость» женщины он, вслед за Руссо, причисляет к противоестественному порядку вещей. Задача женщины — не докучать мужу, а составлять для него приятный досуг⁴¹. Поэтому, пишет Кампе, мужчина нуждается в супруге, которая развеет его дурные мысли в трудную минуту, а не в «ученой собеседнице», читающей лекции на темы, предложенные модными журналами. Здравый смысл супруги, лишенной

---

38 **Campe.** 1790: 127.

39 **Campe.** 1790: 89-90.

40 **Jacobi.** 2013: 153.

41 **Campe.** 1790: 48.

интеллектуальных амбиций, продолжает педагог, поможет ей стать лучшим примером для детей, чем всезнайство и начитанность «ученой женщины». Данная установка полностью коррелировала с уверенностью Кампе в необходимости сохранять существующий природный и социальный порядок, покоящийся на патриархальных ценностях. Обращаясь с отцовским советом к дочери, педагог также молится о том, чтобы Провидение уберегло ее от стези супруги ученого мужа, пристально оценивающего интеллектуальные способности спутницы жизни⁴².

Противоестественность «женской учености», по мнению Кампе, была обусловлена биологически.

Среди всех женщин, притязавших на сомнительное удовольствие — невероятную начитанность и научные познания, ни одной я не помню, которую бы ... не постигла печальная участь. Каждая из них ... страдала нервными заболеваниями⁴³.

Стремясь к научным познаниям, рассуждает педагог, женщина переступала через свою хрупкую природную организацию. Таким образом, спутником «женской учености» является психическое нездоровье. Мужчины же, по мысли Кампе, обладающие крепкими нервами и телосложением от природы, закаляли характер, занимаясь всевозможными научными изысканиями.

Однако женщины, по мнению Кампе, забыли о своем природном и общественном предназначении. Посетовав на то, как много «расплодилось поэтесс, романисток и художниц», педагог обрушился с критикой на «манию писательства»⁴⁴. Авторы-женщины пренебрегали своими прямыми

---

42 **Campe.** 1790: 48.

43 **Campe.** 1790: 52.

44 **Campe.** 1790: 65-67.

обязанностями в угоду тщеславию и стремлению «осчастливить рецензентов»⁴⁵.

Подобным образом критиковалась и «мания читательства». «Страдания молодого Вертера» Вольфганга Иоганна Гёте заставили немецких юношей и девушек, по выражению кантианца Иоганна Бергка, изнывать от любовной тоски⁴⁶. «Читательская лихорадка» (*Lesesucht*) определялась им как одержимость. Поглощенные чтением «вредной» литературы — сентиментальных и мистических романов, молодые люди пребывали в вымышленном мире, приобретали чрезмерную нервозность⁴⁷. Рост числа неверующих теолог Иоганн Готтфрид Гош связывал с чтением подобных книг, которые, по его убеждению, препятствовали распространению идей Просвещения и поддержанию нравственности⁴⁸. Особо уязвимыми к воздействию «вредной» литературы были женщины, светские угодники и молодежь. Романы, фантастические рассказы и «убогие» стихи, знанием которых щеголяли в свете, отвлекали женщин от выполнения их домашних обязанностей, а молодых людей — от серьезного отношения к долгу перед обществом и государством⁴⁹.

Взгляды филантропистов тиражировались в нравоучительной литературе. Юрист Эрнст Брандес увидел причину падения нравственности в неестественном положении вещей, при котором женщина «находится не на своем месте», то есть присутствует в публичной жизни⁵⁰. В соответствии с представлениями о галантности, женщины рассуждают о

---

45 **Campe.** 1790: 65-66.

46 **Bergk.** 1799: 58.

47 **Bergk.** 1799: 264.

48 **Hoche.** 1794: 50.

49 **Hoche.** 1794: 64.

50 **Brandes.** 1787: 23-25.

философии, литературе и воспитании и понукают мужчинами⁵¹. Брандес воспроизводит довольно распространенный тезис о корреляции падения Римской империи с разрушением традиционных устоев общества, ростом влияния женщин на политическую закулису⁵².

Вышеупомянутый издатель Фридрих Николаи, восторгавшийся умением берлинских женщин быть приятными собеседницами, тем не менее, предостерегал их от соблазна продемонстрировать «ученость». Светская дама должна иметь хорошие коммуникативные навыки, быть в меру начитанной, уметь показать свою эрудицию, которая не имеет ничего общего с «манерной ученостью» и «вычурным остроумием»⁵³. Светская коммуникация между мужчинами и женщинами, по свидетельству Николаи, конструируется таким этическим регулятором, как «благопристойность».

Однако спустя несколько десятилетий Николаи издает «Доверительные письма», написанные от лица вымышленной вдовы Адельхейд. Издатель не щадит берлинские салоны, которые называет *bureau d'esprit* на французский манер⁵⁴. Вдова Адельхейд, воплощение женской скромности, не желает посещать эти общества, поскольку их посетители были озабочены вниманием к своей персоне, подражали героям популярных романов и оттачивали свое остроумие⁵⁵. Острые критики издателя было направлено на «ученых кокеток» — светских дам, стремившихся завоевать внимание аудитории. Таким образом, Николаи связывает потребность женщин в демонстрации своих познаний с желанием нра-

---

51 Brandes. 1787: 8-10.

52 Brandes. 1787: 37.

53 Nicolai. 1769: 405.

54 Nicolai. 1799: 80.

55 Nicolai. 1799: 23.

виться⁵⁶. Автор романа отказывает таким женщинам в умении любить и других качествах, присущих женской природе, считая, что все социальные действия ученых кокеток служат их честолюбию. Очевидно, что успех женщины в светской коммуникации с мужчинами определялся рамками тех требований, которые ограничивали ее потенциальную конкурентоспособность и амбициозность. Обвинения в честолюбии и невыполнении своих обязанностей выглядели, как попытка пристыдить, выставить на всеобщее обозрение непристойное стремление женщины к доминированию.

Судить о том, что именно подразумевалось под «женской ученостью», позволяет переписка немецкого философа, лидера еврейского Просвещения Мозеса Мендельсона и его невесты Фромет Гугенхайм, представительницы еврейской банкирской династии вольного города Гамбурга. Еврейское происхождение не помешало Мендельсону, предоставившему в своем труде «Федон» рациональные аргументы в пользу существования бессмертной души, завоевать признание немецкой читательской аудитории. Дом философа в Берлине был открыт для интеллектуальных собраний. Философ заботился о своей репутации и желал увидеть в будущей супруге идеальную спутницу жизни. Мендельсон нанял для невесты домашнего учителя французского и исправно следил за успехами Фромет⁵⁷. Мендельсон стремился также сформировать у невесты художественный вкус и способность к суждению⁵⁸. Он предлагает к прочтению свои «Философские беседы», которые рекомендует читать с другом се-

---

56 Nicolai. 1799: 50.

57 Mendelssohn. 1994: 9, 50, 83.

58 Mendelssohn. 1994: 46.

мый Мозесом Вессели, для разъяснения некоторых положений работы⁵⁹.

Вместе с тем, просветитель увещевал будущую супругу не переусердствовать в своем учении⁶⁰. Подобно Иоахиму Кампе, Мендельсон не приемлет «женскую ученость»⁶¹. Пристрастие Фромет к чтению он осудил. Мендельсон с явным недовольством писал невесте:

... Вы употребляете чрезмерное усердие в чтении... Что Вы хотите этим продемонстрировать? Стать ученой? Упаси Вас от этого Бог! Умеренное чтение украшает женщину, но не ученость. Девица, зачитывающаяся до покраснения глаз, заслуживает осмеяния⁶².

Умеренная жажда знаний, по его мнению, является достоинством благородной дамы, в то время как «ученость» выставляет ее на посмешище. Философ просит Фромет позаботиться о своем здоровье, выбирать литературу на свой вкус и читать понемногу и не спеша⁶³. В последующих письмах Мендельсон выражал удовлетворение тем, что невеста разделяет его взгляды о том, какой должна быть идеальная женщина. В шуточной манере он пишет, что доволен своим выбором, поскольку Фромет — «умна, воспитана, скромна, говорит мало, но по делу»⁶⁴.

Таким образом, Мозес Мендельсон проявлял заботу о психическом здоровье невесты, предостерегая ее от беспрерывного чтения. Более, чем интеллектуальное развитие, Мендельсона интересовало «моральное совершенствование» будущей супруги. Для Мендельсона, разделявшего мораль-

59 Mendelssohn. 1994: 51-52, 74.

60 Mendelssohn. 1994: 81-82.

61 Feiner. 2009: 65.

62 Mendelssohn. 1994: 82.

63 Mendelssohn. 1994: 18.

64 Mendelssohn. 1994: 84.

ные максимы немецкого Просвещения, чрезвычайно важной задачей являлось «усовершенствование ума и души» человека⁶⁵. Философ наставляет девушку в необходимости быть сочувственной и отзывчивой, призывает ценить и беречь дружбу⁶⁶. Не менее, чем моральное усовершенствование, Мендельсона заботило и эстетическое воспитание невесты. Он следил за формированием у Фромет хорошего художественного вкуса. Так, предоставив девушке для ознакомления роман Руссо «Юлия, или новая Элоиза», философ остался доволен тем, что Фромет критически отнеслась к его содержанию, поскольку оно могло нанести ущерб добродетельности и вкусу невесты.

Право женщин на свободу творчества защищалось самими женщинами. Риторике Иоахима Кампе раскритиковала писательница еврейского происхождения Эстер Гад в своем эссе «Об утверждениях господина Кампе касаясь женской учености» 1798 года. Позиционируя себя как пример женщины, наделенной жаждой знаний и амбициями, Гад возмущается советом педагога не заниматься «писательством» и ученой деятельностью⁶⁷. Вслед за Мэри Уолстонкрафт, Гад утверждает, что только образованная женщина способна внушить своим детям истинную мораль и научить их правильно исполнять свои обязанности⁶⁸.

Еще одним голосом в защиту гражданских прав женщин в Германии был трактат «Об улучшении гражданского поло-

---

65 О необходимости приобщения женщин к ограниченному научному знанию высказывались и другие еврейские просветители. Так, Давид Фридендер, соратник Мендельсона, пользуясь лексическими конструкциями филантропистов, призывал еврейских женщин «развивать/образовывать разум и сердце» (нем. *Kopf und Herz bilden*). **Friedländer**. 2005: 73.

66 **Mendelssohn**. 1994: 18.

67 **Gad**. 1798: 579.

68 **Gad**. 1798: 581.

жения женщин» 1792 года, написанный бургомистром Кенигсберга Теодором Готтлибом фон Гиппелем. Вслед за Кондорсе, Гиппель основывает свои требования на теории естественного права и нуждах гражданского общества⁶⁹. В защиту своих слов автор апеллирует к примерам «великих женщин» — Екатерины II, Марии Терезии, Анны Комниной⁷⁰. Называя патриархальный порядок тиранией и рабством для женщины, автор трактата видит корень зла в мужском самолюбии, не допускающем умственное или иное превосходство женщины⁷¹. Гиппель яростно критикует Национальный Конвент Франции, не пожелавший включать в конституцию упоминание о женщине-гражданке⁷² и призывает предоставить «благородной половине» человечества доступ к образованию и профессиональной деятельности⁷³.

Таким образом, активное вовлечение женщин в социокультурную жизнь Европы во второй половине XVIII века породило ответную реакцию со стороны консервативных авторов. Представительницы прекрасного пола, пытавшиеся рассуждать о высоких материях наравне с интеллектуалами-мужчинами, определялись ревнителями патриархальных устоев как «ученые». Популярность взглядов Жан-Жака Руссо, отводившего женщине роль пассивной половины человечества, предопределила отношение общественности к «ученым женщинам» как к «оригиналкам» и «выскачкам». Просвещенное интеллектуальное сообщество германских земель второй половины XVIII века создавало условия для

---

69 Hippel. 1981: 212.

70 Hippel. 1981: 37.

71 Hippel. 1981: 102.

72 Hippel. 1981: 120.

73 Hippel. 1981: 211.

равноправной межгендерной коммуникации, однако оказалось неспособно переварить стремление женщин к научному познанию. Традиционно «женскими» обязанностями по-прежнему считались воспитание детей — будущих «полезных» граждан, ведение домашнего хозяйства и соответствие критериям хорошей жены. Однако в XIX веке с началом индустриализации в Германском союзе происходит включение женщин в систему трудовых отношений. В середине века, на волне Мартовской революции, оформилось женское движение Германии, потребовавшее предоставления женщинам образовательных и избирательных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Руссо. 1981 — Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании. М., 1981. Т. 1.

Astell. 1701 — Astell M. A Serious Proposal to the Ladies for the Advancement of their True and Greater Interest. London, 1701.

Bergk. 1799 — Bergk J. A. Die Kunst, Bücher zu lesen. Jena, 1799.

Brandes. 1787 — Brandes E. Über die Weiber. Leipzig, 1787.

Böttiger. 2013 — Böttiger C. A. Tagebuch // Henriette Herz. In Erinnerungen, Briefen / Hrsg. von R. Schmitz. Berlin, 2013. S. 482-484.

Campe. 1787 — Campe J. H. Allgemeine Revision des gesammten Schul- und Erziehungswesens. Wien, Wolfenbuettel, 1787.

Campe. 1790 — Campe J. H. Väterlicher Rat für meine Tochter. Ein Gegenstück zum Theophron. Der erwachsenen weiblichen Jugend gewidmet. Frankfurt am Main, Leipzig, 1790.

Condorcet. 1912 — Condorcet M. J. On the admission of Women to the Rights of Citizenship. Letchworth, 1912. P. 5-14.

Friedländer. 2005 — Friedländer D. Über den besten Gebrauch der heiligen Schrift // Chevrat Chinuch Nearim. Lerne Vernunft! Jüdische Erziehungsprogramme zwischen Tradition und Modernisierung. Bd. 1. Münster, New York, 2005. S. 61-81.

Forster. 1843 — Forster G. An seiner Frau, 25. Dec, 1792 // Georg Forster's sämmtliche Schriften. Leipzig, 1843. Bd. 8. S. 301.

Gad. 1798 — Gad E. Einige Ässerungen über Hrñ. Kampe'sns Behauptungen, die weibliche Gelehrsamkeit betreffend // Der Kosmopolit. Eine Monathsschrift zur Beförderung wahrer und allgemeiner Humanität. Halle, 1798. Bd. 3. S. 577-590.

Herz. 1858 — Herz H. Ihr Leben. Ihre Erinnerungen / Hrsg. von J. Fuerst. Berlin, 1858.

Hippel. 1981 — Hippel T. G. Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber. Vaduz, Liechtenstein, 1981.

Hoche. 1794 — Hoche J. G. Vertraute Briefe über die jetzige abentheurliche Lesesucht und über den Einfluss derselben auf die Verminderung des häuslichen und öffentlichen Glücks. Hannover, 1794.

Humboldt. 2013 — Humboldt W. An Henriette Herz, 1786 // Henriette Herz. In Erinnerungen, Briefen / Hrsg. von R. Schmitz. Berlin, 2013. S. 191-194.

Humboldt. 2013 — Humboldt W. An Henriette Herz, Donnerstag abend um 12 ½ Uhr // Henriette Herz. In Erinnerungen, Briefen / Hrsg. von R. Schmitz. Berlin, 2013. S. 202-204.

Mendelssohn. 1994 — Moses Mendelssohn. Briefwechsel (1761-1785) / Moses Mendelssohn. Gesammelte Schriften. Stuttgart, Bad-Cannstatt, 1994. Bd. 20.

Nicolai. 1769 — Nicolai F. Beschreibung der königlichen Residenzstädte Berlin und Potsdam und daselbst befindliche Merkwürdigkeiten. Berlin, 1769. Bd. 2.

Nicolai. 1799 — Nicolai F. Vertraute Briefe von Adelheid B. an ihre Freundin Julie S. Berlin, Stettin, 1799.

Roszbach. 2015 — Roszbach N. Wissen, Medium und Geschlecht. Frauenzimmer-Studien zu Lexikographie, Lehrdichtung und Zeitschrift. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, 2015. 246 S.

Schiller. 1827 — Schiller F. Über naive und sentimentale Dichtung / Friedrich von Schiller's sämtliche Werke. Augsburg, 1827. Bd. 60.

Schleiermacher. 1984 — Schleiermacher F. Versuch einer Theorie des geselligen Betragens // Kritische Gesamtausgabe. Schriften aus der Berliner Zeit. Berlin, New York, 1984. – S. 163-184.

Varnhagen. 1842 — Varnhagen K. Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. Leipzig: Brockhaus, 1843. Bd. 4.

ЛИТЕРАТУРА

Дюлон. 2008 — Дюлон К. От беседы к творчеству // История женщин на Западе. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. В 5 т. / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2008. Т. 3. С. 407-434.

Неклюдова. 2008 — Неклюдова М. С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008.

Feiner. 2009 — Feiner S. Moses Mendelsohn. Ein jüdischer Denker in der Zeit der Aufklärung. Göttingen, 2009.

Goože. 2003 — Goože M. Posing for Posterity: The Representations and Portrayals of Henriette Herz as «Beautiful Jewess» // *Body Dialects in the Age of Goethe*. Amsterdam – New York, 2003. P. 67-95.

Honegger. 1989 — Honegger C. Weibliche Selbstreflexion um 1800 // *Feministische Studien*. 1989. Bd. 2. S. 7-22.

Jacobi. 2013 — Jacobi J. Mädchen- und Frauenbildung in Europa. Von 1500 bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main, New York, 2013.

Jones, Pittman. 1982 — Jones E., Pittman T. Toward a General Theory of Strategic Self-Presentation // *Psychological Perspectives on the Self* / Ed. by J. Suis. Vol. 1. Hillsdale, New Jersey, London, 1982. P. 231-262.

Melton. 2004 — Melton J. The rise of the public in Enlightenment Europe. Cambridge, 2004.

Sabatè. 2000 — Sabatè D. Schöne Seele, denkender Körper: das Weiblichkeitsbild in Sophie La Roches Geschichte des Fräuleins von Sternheim // *Revista de Filologia Alemana*. 2000. Vol. 8. S. 129-141.

Weckel. 1998 — Weckel U. Zwischen Häuslichkeit und Öffentlichkeit: die ersten deutschen Frauenzeitschriften im späten 18. Jahrhundert und ihr Publikum. Tübingen, 1998.

Weissberg. 1993 — Weissberg L. Weibliche Körpersprachen // *Von einer Welt in die andere. Jüdinnen im 19. und 20. Jahrhundert*. Wien, 1993.

А.Ю. Серегина

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЛЕДИ ФОЛКЛЕНД: БИОГРАФИЯ ИЛИ ИСТОРИЯ ОБРАЩЕНИЯ?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Элизабет Кэри, Люси Кэри, история обращения, биография, английские католики XVII в., английские монастыри в Нидерландах.

АННОТАЦИЯ: Статья предваряет первый русский перевод «Жизнеописания леди Фолкленд», написанного в середине XVII в. монахинями английского бенедиктинского монастыря в Камбре (сестрами Кэри) и повествующего о жизни их матери, Элизабет Кэри, виконтессы Фолкленд — переводчицы, поэтессы и полемистки, а также и обращенной католички. Автор приходит к выводу, что «Жизнеописание» сочетает в себе черты биографии и истории обращения, а описанные в тексте обращения — самой леди Фолкленд и ее детей — попадают в категорию так называемых «интеллектуальных обращений» через чтение книг и теологические дебаты. «Интеллектуальные обращения» считались делом мужчин. Однако сестры Кэри использовали эту модель для утверждения своего положения внутри сообщества монахинь Камбре, известных своими интеллектуальными интересами. Кроме того, авторы «Жизнеописания» показывали, что интеллектуальная деятельность матери вела к обращению других в католичество, что тем самым делало ее миссионером — по сути, если не по названию.

Жизнь леди Фолкленд давно привлекала к себе внимание и современников в XVII в., историков и за отделившие нас от ее смерти столетия уже не раз становилась предметом исследования. Это и неудивительно, ведь Элизабет Кэри, виконтесса Фолкленд необычна по любым меркам: дама, по рождению и браку принадлежавшая к кругу елизаветинских придворных, но позднее входившая в ближний круг королевы Генриетты Марии и одновременно — друзей герцога Бе-

кингэма, блестяще образованная для своего времени женщина, писавшая поэмы, исторические и полемические сочинения; первая англичанка, опубликовавшая свою пьесу, обращенная католичка.

Сочинениям Элизабет Кэри и ей самой посвящено немало работ, а пик исследовательского интереса приходится на конец XX — начало XXI в. и вписывается в контекст гендерных исследований в области истории религии и литературы¹. Все они опираются на ее биографию, написанную в середине XVII в. документ столь же необычный, как и женщина, которой он посвящен. «Жизнеописание леди Фолкленд», составленное ее дочерью-монахиней в 1640-х гг. для сестер обители в Камбре, являло собой пример сочинения неопределенного статуса, какими изобилуют архивы женских монастырей: с одной стороны, эта биография не предназначалась для издания (и была впервые опубликована только в XIX в.); с другой, исторические и биографические сочинения, хранившиеся в монастырях, имели устойчивую, постоянно воспроизводимую читательскую аудиторию, превышавшую непосредственных друзей и родственников автора, т.е. адресатов частного документа, обладая, таким образом, и некоей долей публичности². Но прежде всего, это текст, написанный женщиной о женщине и для женщин.

Элизабет Кэри (урожд. Тэнфилд, 1585–1639)³ была единственной дочерью и наследницей сэра Лоренса Тэнфилда⁴ (ок. 1551–1625), джентльмена из Оксфордшира, сделавшего блестящую юридическую карьеру: начав выступать в

-
- 1 Обзор основных работ, посвященных Элизабет Кэри и ее сочинениям см.: **Wolfe**. 2006.
  - 2 **Серегина**. 2011; **Серегина**. 2021: 130-147.
  - 3 **Hodgson-Wright**. 2004. См. также: **Серегина**. 2003; **Серегина**. 2018.
  - 4 **Carlyle, Ibbetson**. 2004.

суде в качестве адвоката (барристера) в 1579 г., он стал одним из судей Королевской скамьи (1606), а в 1607 г. — главным судьей Суда Казначейства. Продвижению по службе способствовали связи жены: Элизабет (урожд. Саймондс, 1560 — ок. 1595) была дочерью богатого норфолкского дворянина, Джайлса Саймондса, и племянницей сэра Генри Ли⁵, елизаветинского придворного (чемпиона королевы⁶) и управляюще-го королевским манором Вудсток в Оксфордшире.

Элизабет была единственной дочерью и наследницей сэра Лоренса, который, видимо, за неимением наследника мужского пола, поощрял ее выраженный интерес к чтению, к немалому раздражению матери (а затем — и мачехи, Элизабет Эванс [ум. 1629]). Девушка прекрасно владела французским языком, а также выучила испанский, итальянский, латынь и даже «трансильванский» (вероятно, венгерский) у некоего «трансильванца, которого встретила в доме отца. Кроме того, она интересовалась богословскими трудами, читала отцов церкви, Кальвина и Ричарда Хукера и многих других. Интеллектуальные запросы Элизабет кажутся удивительными, но стоит иметь в виду, что семья предназначала ее для придворной карьеры, а среди придворных дам образование ценилось. В 1602 г. ее выдали замуж за сэра Генри Кэри (1576–1633)⁷. Отец мужа, сэр Эдвард Кэри, был двоюродным братом лорда-камергера, барона Хансдона (кузена самой королевы Елизаветы), а в число родственников вхо-

---

5 Fernie. 2004.

6 Чемпион короля/королевы — придворная должность, восходящая к первым годам после нормандского завоевания. Во время коронации нового монарха чемпион бросал вызов любому, кто дерзнул бы оспорить право его господина/госпожи на корону. При Елизавете I ее чемпион каждый год устраивал турниры, посвященные дню ее восшествия на престол (17 ноября).

7 Kelsey. 2004.

дили елизаветинские придворные династии: Денни, Пикеринги, Ниветты и др.

Генри Кэри получил хорошее образование в Грей Инне и в Оксфорде, а затем, как многие молодые дворяне, отправился проявлять свою доблесть на поле боя: он служил в Ирландии, где его в 1599 г. возвел в рыцарское достоинство граф Эссекс, во Франции и в Нидерландах. Занимал он и заметное положение при дворе, став джентльменом королевской опочивальни (при Якове I), хранителем королевских драгоценностей (эту должность он фактически унаследовал, заняв ее после отца и деда с материнской стороны, сэра Генри Ниветта). Но настоящий взлет карьеры Генри Кэри приходится на период доминирования при английском дворе герцога Бекингэма, в клиентеле которого принадлежал Кэри: в 1617 г. он был назначен распорядителем (*comptroller*) королевского двора и членом Тайного Совета, в 1620 г. получил титул виконта Фолкленда (в Шотландии), а в 1622 г. отправился в Ирландию в качестве представителя короля (*lord-deputy*). Жена последовала за ним в Дублин. За годы брака Элизабет стала матерью одиннадцати детей — шести дочерей и пяти сыновей: Кэтрин (1609–1625)⁸; Люсиуса (1610–1643); Лоренса (1613–1642); Виктории (1614–1694)⁹; Энн (1615–1693); Эдварда (р. и ум. 1616); Элизабет (1617–1683); Люси (1619–1650); Мэри (1622–1693); Патрика (1624–1656); Генри (1625–1656?).

8 Брак Кэтрин с Джеймсом, графом Хоумом (ум. 1633) был устроен самим королем Яковом I, а венчание состоялось в Уайтхолле в мае 1622 г.: **Chamberlain**. 1939: 437.

9 Уже после смерти матери, в 1640 г. Виктория Кэри вышла замуж за начиная личных покоев короля Карла I, сэра Уильяма Ювдейла (1581–1652).

В 1625 г. Элизабет Кэри обратилась в католичество, что привело к разрыву отношений с мужем и отцом. Леди Элизабет пришлось жить щедротами друзей, а также старшего сына, унаследовавшего в 1625 г. имущество деда. После смерти отца Люсиус Кэри, второй виконт Фолкленд, выделил матери подобающее ее рангу содержание и предоставил ее опеке сестер и (на некоторое время) младших братьев, которых Элизабет довольно быстро обратила в свою веру. Умерла Элизабет Кэри в 1639 г. и была похоронена в капелле королевы Генриетты-Марии в Сомерсет-хаусе.

Интеллектуальные интересы леди Фолкленд, сыгравшие свою роль при обращении в католичество, проявились в ее творчестве. Помимо несохранившихся стихов, Элизабет Кэри была автором пьес — не дошедшей до нас драмы, действие которой происходило на Сицилии, и «Трагедии Мириам, царицы евреев» — первого написанного женщиной драматического произведения, опубликованного в Англии (1613 г.)¹⁰. Кроме того, перу Элизабет Кэри принадлежала полемическая «История короля Эдуарда II» (1626/1627 гг., издана в 1680 г.)¹¹ — политический комментарий к современным событиям, т.е. к борьбе парламентской оппозиции с королевским фаворитом, герцогом Бэкингэмом, а также стихотворные жития святых, переводы полемических произведений кардинала дю Перрона (1630 г.)¹² и собственные полемические сочинения (не изданы; рукопись уничтожена по требованию сына).

Подробности жизни виконтессы Фолкленд известны нам из ее биографии. «Жизнь Элизабет Кэри, леди Фолкленд» со-

---

10 Cary. 1613.

11 Cary. 1680.

12 Cary. 1630.

хранилась в единственной рукописи из Лилльского архива (куда она попала вместе с другими документами из бенедиктинской женской обители Камбре). Ее первое издание вышло в 1861 г.¹³, а в 1994 и 2001 гг. появились новые публикации¹⁴. Рукопись датируется 1643–1649 гг. и принадлежит перу одной из дочерей главной героини, Энн или Люси Кэри. Долгое время исследователи не могли прийти к единому мнению относительно авторства, однако последняя публикация биографии указывает на наличие одного автора и нескольких редакторов. Наиболее вероятным автором сейчас считают Люси Кэри, а редакторами были ее брат Патрик, а также две или даже все три сестры — монахини, и прежде всего, Энн¹⁵.

Элизабет (в монашестве Августина, 1617–1682), Люси (в монашестве Магдалена, 1619–1650) и Мэри (в монашестве Винифрида, 1621–1693) вместе со старшей сестрой Энн (в монашестве Клеменция, 1615–1671) были обращены в католичество своей матерью в 1634 г.,¹⁶ причем в этом процессе сыграли свою роль и наставления самой леди Фолкленд, так и ее капеллана — бенедиктинца Джона (в монашестве Катберта) Ферсдона¹⁷. Последний сыграл в роли детей Кэри важную роль: благодаря ему виконтесса выбрала именно орден бенедиктинцев для своих детей. Кроме того, Ферсдон был связан узами патроната с влиятельными католическими семьями юга Англии, включая виконтов Монтегю. Он был одним из группы монахов-бенедиктинцев, которых регуляр-

13 **Simpson**. 1861.

14 **Weller, Ferguson**. 1994; **Wolfe**, 2001.

15 **Wolfe**. 2001: 46.

16 Биографии сестер Кэри приводятся по данным онлайн портала: Who were the Nuns? A Prosopographical study of the English Convents in exile 1600-1800 [Queen Mary's College, University of London], <https://wwtn.history.qmul.ac.uk/>. См. также: **Wolfe**. 2004.

17 **Cooper, Bellenger**. 2004.

но принимал в своем доме второй виконт Монтегю. В 1627 г. именно Ферсдон перевел с латинского языка на английский опубликованную в Сент-Омере биографию леди Магдален Монтегю¹⁸ — первое пост-реформационное жизнеописание благочестивой католички, за которым последовали и другие. Вполне вероятно, что Ферсдон привлек внимание сестер Кэри к этому труду, тем самым заронив в них идею составить жизнеописание их матери.

После обращения девушек по приказу короля отняли у матери и отправили к старшему брату Люсиусу, остававшемуся протестантом, несмотря на все старания матери. Впрочем, виконт Фолкленд отличался удивительной для XVII в. веротерпимостью и не просто позволил сестрам уехать из Англии и стать монахинями, но и внес вступительный вклад за каждую из них. Сначала, летом 1638 г., уехали три младшие сестры. Энн Кэри была фрейлиной королевы Генриетты-Марии, и ее семья явно рассчитывала, что девушка останется на родине и вступит в брак. Однако Энн предпочла иной путь и в 1639 г. последовала за сестрами. Все они принесли монашеский обет в 1640 г. Элизабет и Люси прожили всю оставшуюся жизнь в Камбре; Энн и Мэри Кэри в 1651 г. отправились в Париж, где основали новую обитель. Мэри вскоре вернулась оттуда «домой», в Камбре, а Энн осталась в Париже, став келарницей нового монастыря. Смерть Люси и отъезд двух сестер в Париж и составляют хронологическую границу написания биографии леди Фолкленд: текст был составлен, когда все сестры еще жили вместе в одной обители.

Биография леди Фолкленд выделяется из числа других: все прочие жизнеописания благочестивых католичек XVI — XVII вв. были написаны не членами семьи, а духовниками —

---

18 Серегина. 2017: 215-216.

мужчинами и по жанру близки либо к «мартирии» («Жизнь Маргарет Клитроу»), либо к надгробной проповеди (жизнеописания Магдален Монтегю, графини Эрендел, Дороти Лаусон)¹⁹. Хотя по своей форме «Жизнь Элизабет Кэри» тяготеет именно к последней группе, в ней есть черты, сближающие ее с биографией. Достаточно отметить внимание к семейным делам (естественное для дочери, но не для исповедника), к отношениям между родственниками, довольно легко прочитывающиеся авторские оценки «героев» — членов собственной семьи (так, свою бабушку, мать Элизабет, автор явно недолюбливает и не вполне уместно, с точки зрения жанра, упоминает ее тщеславие, сухость и черствость по отношению к мужу и единственной дочери). К отцу автор относится с иронией, которая порой переносится и на мать, но в гораздо более мягких формах.

При этом жанр сочинения невозможно определить однозначно, как это часто случалось с авторами — мужчинами и женщинами — не получившими формального (латинского) образования. Последняя особенность проявляется во всем тексте, выдавая неопытного автора: в нем слишком длинные абзацы, синтаксис излишне усложнен, имена упоминаются так редко, что читатель то и дело путается в местоимениях, переставая понимать, о ком именно идет речь.

Каждый текст такого рода имеет свои жанровые особенности и функции. Зачем сестры Кэри создали биографию своей матери? Исследовавшая это сочинение Х. Волф обращает внимание на объем заключенного в нем автобиографического материала: почти половина текста на самом деле не о матери монахинь, а об их собственном обращении. Х. Волф полагает, что к написанию текста Люси Кэри побудила

---

19 О биографиях женщин-католичек в Англии см.: **Серегина**. 2018.

жизнь в монастыре Камбре. Монахини и духовники этой обители часто составляли (авто)биографические сочинения, так что труд сестер Кэри встраивался в уже существовавшую традицию. Кроме того, автобиографические вставки (история обращения сестер и их — а в особенности Люси — взаимоотношений с матерью) служили средством самопознания, покаяния и искупления грехов юности, т.е., играли важную роль в духовной жизни монахинь²⁰.

Необходимо, однако, помнить и о еще одном важном жанре литературы раннего Нового времени, который повлиял на текст биографии гораздо сильнее, на наш взгляд. Многочисленные и весьма распространенные в XVII столетии (авто)биографические повествования были посвящены обращению главного героя или героини в «истинную веру» и чаще всего представляли собой сочетание разных видов и моделей «историй обращения»²¹. История Элизабет, представленная в тексте, — это, прежде всего, история обращения: матери и самих авторов и редакторов биографии. Ведь не только леди Фолкленд, но и шесть из десяти ее детей стали католиками. Обращение же требовало доказательства истинности избранной веры, а также и конструирования новой идентичности внутри вновь обретенного конфессионального сообщества²². Причем если сама леди Фолкленд, обратившись в католичество, осталась в Англии, сохранив дружеские связи и поддержку покровителей, то ее детям пришлось труднее: все они покинули страну и, переехав в Камбре, вступили в бенедиктинский орден. Англичане — члены монашеских общин за пределами родины в большинстве своем

---

20 Wolfe. 1998: 8-10.

21 Murray. 2009; *Conversions*. 2017; Shinn. 2018.

22 Rieske. 2015.

происходили из семей, поколениями хранивших верность католичеству, и гордились таким родством. Сестрам Кэри требовалось найти свое место в сообществе эмигрантов, показав себя и свою семью истинными католиками, несмотря на относительную «свежесть» их обращения.

Подобная апология представляется необходимой, если учесть, куда именно попали сестры Кэри. Женский бенедиктинский монастырь Камбре был основан в 1623 г. как дочерняя обитель Брюссельского монастыря — старейшего среди английских женских общин «за морем» (с 1599 г.), отличавшегося также своим составом: монахини принадлежали к знатнейшим (и богатейшим, что определялось размером вступительного вклада) католическим семействам Англии. Обитель Камбре была скромнее, однако и она могла похвастаться связями — причем ее покровители были не просто влиятельными людьми, но и принадлежали к «духовной элите» английского католического сообщества: основана обитель была семьей Мор (потомками Томаса Мора, уже тогда, задолго до официальной канонизации, почитавшегося как святого). Его праправнучка Хелен (в монашестве — Гертруда) Мор была одной из сестер-основательниц²³. Находясь в такой обители, сестры Кэри явно чувствовали необходимость обосновать важность заслуг их матери перед английскими католиками, защищая и свое собственное право находиться в обители Камбре и играть важную роль в жизни общины и конфессионального сообщества в целом.

Необходимо также отметить, что обращения леди Фолкленд, ее дочерей и даже юных сыновей в католичество описываются в соответствии с моделью интеллектуальных обращений, которая обычно применялась к образованным

---

23 Bolton Holloway. 2004.

мужчинам, и чаще всего к клирикам²⁴. Сама Элизабет Кэри приходит к осознанию истинности католического учения через чтение книг, причем ее, в отличие от дочерей и сыновей, никто в этом чтении не направляет. Ее духовный путь следует схеме: чтение — сомнения — советы богословов — кризис веры — обращение, который обычно воспроизводился в апологиях представителей католического или протестантского духовенства. Дочери шли примерно таким же путем; основным отличием является внимание, уделенное беседам с наставниками и богословами и соблазнам на пути к истинной вере. Примечательно, что соблазны здесь — не зов плоти и мирские радости, они тоже интеллектуальны, а в роли искусителя выступает богослов-антитринитарий Уильям Чиллингворт. В биографии много места уделено дебатам Чиллингворта и иезуита Холланда, а дамы семейства Кэри предстают в качестве взыскательной аудитории.

Почему сестрам было так важно подчеркнуть интеллектуальную составляющую обращения — своего собственного и матери? Ответ на этот вопрос тесно связан с тем, как женщины понимали и представляли на страницах своих сочинений собственное место в католическом сообществе и свой опыт деятельного благочестия. Английским католичкам XVII в. было свойственно представление собственной религиозной жизни через образ мученицы за веру. Конечно, реальных мучениц, претерпевших мучения во имя католической церкви в Англии раннего Нового времени, было совсем немного — в XVI в., на пике елизаветинских гонений, были казнены всего три католички, а в XVII в. — ни одной. Тем не менее, многие подвергались арестам, допросам и тюремному заключению. Их биографы всегда стремились перечислить и описать слу-

---

24 Об обращении леди Фолкленд см.: Серегина. 2021: 50-67.

чаи столкновения с законом и протестантскими властями во имя веры. Подобные гонения свидетельствовали о добродетелях героинь. Именно поэтому в жизнеописании леди Фолкленд ее дочери подробно рассказали о допросах и ее поведении на них. Они были важными свидетельствами ее веры.

Образ мученицы имел и еще один важный аспект, значение которого в религиозной культуре английского католического сообщества обычно рассматривается лишь в отношении мужчин. Мученик за веру обычно не только страдал за нее: он также ее распространял — как своим примером, заставляющим свидетелей уверовать, так и своей проповедью. Ведь до мученической кончины многие из них были миссионерами. Связь мученичества и миссионерства подчеркивалась в произведениях авторов раннего Нового времени, прежде всего иезуитов, внушалась молодым студентам английских семинарий «за морем» и являлась отличительной чертой их религиозной культуры²⁵.

Для английских католичек отсылка к мученичеству была не только (и не столько) свидетельством страданий за веру, сколько отражала стремление примерить на себя образ миссионера, наставника. Это желание вполне объяснимо, если учесть ту важную роль, какую женщины играли в религиозном образовании внутри своей общины, а также в обращении родственников и друзей в католичество. Однако европейская культура раннего Нового времени не имела в своем распоряжении моделей и образов, позволявших описывать как нормативные и положительные активные действия женщин в религиозной сфере — их активное социальное служение, как сказали бы мы сейчас. Самым близким и формально допустимым оказывался образ мученицы или хотя

---

25 **Dillon**. 2002: 200-208. См. также: **Федин**. 2016: 61-64.

бы женщины, гонимой за веру: он был приемлем, ибо за ним стояла долгая традиция мучеников, но он же позволял самим своим присутствием намекать и на другие роли — наставницы и учительницы²⁶.

В адресованной женскому кругу читательниц биографии (не предназначавшейся, кроме того, к изданию) сестрам Кэри не было необходимости преуменьшать «миссионерский» аспект деятельности их матери. Леди Фолкленд обращала в католичество словом — об этом свидетельствуют обращения ее детей, а также и пером — она переводила и даже сочиняла полемические тексты, отстаивающие католическое вероучение. Таким образом, она являлась миссионером и страдала (претерпевала гонения) именно за эту деятельность. Ведь описанный в тексте эпизод с допросами был напрямую связан с обращением сыновей и их отъездом в католическую школу.

Необходимыми качествами для миссионера считались интеллект и знания законов божеских и человеческих. И на страницах биографии леди Фолкленд предстала перед читателями интеллектуалкой, знакомой с сочинениями отцов церкви и современных богословов и с законами, способной отстаивать свои взгляды и убеждать при помощи разумных доводов.

Более того, подробное описание деятельности матери свидетельствовало как о ее достоинствах, так и о ее познаниях в соответствующих областях — богословии и юриспруденции — ее дочерей-монахинь, которые тем самым тоже косвенно претендовали на статус миссионеров. Казалось бы, о каком миссионерстве могла идти речь применительно к женщинам, заключенным в стенах обители? Однако именно этот образ регулярно использовали по отношению к себе

---

26 Серегина. 2013.

английские монахини. Наиболее распространенным — и общественно приемлемым — было представление монахинь как воительниц за веру, орудием которых становилась постоянная молитва за возврат Англии в католичество. Однако в религиозной культуре английских женских обителей присутствовал и другой образ — миссионеров, наставлявших пером, а именно при посредстве обращенных к единоверцам сочинений и переводов наставительных трудов. И в этом смысле сестер Кэри вполне можно назвать миссионерами: во-первых, все они приняли постриг в обители Камбре, славившейся своими интеллектуальными занятиями: переводами наставительных трудов, а также публикацией средневековых трудов («классики» английского мистического богословия, в том числе и Джулианы Норичской и др.) и изданием собственных сочинений²⁷. Во-вторых, они и сами являлись писателями, причем в числе их сочинений была и биография матери — фактически история ее обращения в католичество. Подобные труды — важная часть религиозной культуры XVI–XVIII вв. — среди английских католиков мыслились не только как свидетельства истинности веры обращающегося, но и как инструменты обращения других²⁸. Таким образом, сестры Кэри, не выходя из кельи, выступали на миссионерском поприще.

---

27 Goodrich. 2016.

28 Murrey. 2009: 74-79.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Chamberlain. 1939 — Letters of John Chamberlain / Ed. by N.E. McClure. Vol. 2. Philadelphia, 1939.

Cary. 1613 — The Tragedie of Miriam, the Faire Queene of Iewry. Written by that learned, virtuous, and truly noble lady E.C. L., 1613.

Cary. 1630 — Reply of the most Illustrious Cardinal of Perron. [L.], 1630.

Cary. 1680 — The History of the Life, Reign and Death of Edward II, or The History of the most Unfortunate Prince, King Edward II. L., 1680.

Simpson. 1861 — The Lady Falkland, Her Life. From a MS. in the Imperial Archives at Lille / Ed. by R. Simpson. L., 1861.

Weller, Ferguson. 1994 — The Lady Falkland, Her Life / Ed. by B. Weller, M. Ferguson. Berkeley, 1994;

Wolfe. 2001 — Elizabeth Cary, Lady Falkland: Life and Letters. / Ed. by H. Wolfe. Temple, Arizona, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

Серегина. 2003 — Серегина А.Ю. Смиренная мятежница: обращение в католичество Элизабет Кэри // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 5. 2003. С. 121–144.

Серегина. 2011 — Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 19. 2011. С. 119–147.

Серегина. 2013 — Серегина А.Ю. Репрезентации женской религиозности и эпистолярные практики в XVII в.: Луиса де Карвахаль и Мэри Уорд // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 21. 2013. С. 67–87.

Серегина. 2017 — Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М.; СПб., 2017.

Серегина. 2018 — Серегина А.Ю. Женская биография и католическая религиозная культура XVII в.: «Жизнеописание леди Монтегю» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 26. 2018. С. 226–243.

Серегина. 2019 — Серегина А.Ю. Закон и женщина: английское судопроизводство в «Жизнеописании леди Фолкленд» //

Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 10. Вып. 10 (84). 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840007787-4-1/> (дата обращения: 23.11.2021).

Серегина. 2021 — Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI–XVII вв. М.; СПб., 2021. С. 130-147.

Федин. 2016 — Федин А.В. Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII в. М., 2016.

Bolton Holloway. 2004 — Bolton Holloway J. More, Helen // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/19178> (дата обращения: 23.11.2021).

Carlisle, Ibbetson. 2004 — Carlisle E.I., Ibbetson D. Tanfield, Sir Lawrence // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/26959> (дата обращения: 23.11.2021).

Conversions. 2017 — Conversions: Gender and Religious Change in Early Modern Europe / Ed. by S. Ditchfield, H. Smith. Oxford, 2017.

Cooper, Bellenger. 2004 — Cooper T., Bellenger D.A. Fursdon, John // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/10253> (дата обращения: 23.11.2021).

Dillon. 2002 — Dillon A. The Construction of Martyrdom in the English Catholic Community, 1535–1603. Aldershot, 2002.

Fernie. 2004 — Fernie E. Lee, Sir Henry // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/16288> (дата обращения: 23.11.2021).

Goodrich. 2016 — Goodrich J. ‘Attend to Me’: Julian of Norwich, Margaret Gascoigne and Textual Circulation among the Cambrai Benedictines // Early Modern English Catholicism: Identity, Memory and Counter-Reformation / Ed. by J.E. Kelly, S. Royal. Leiden, 2016. P. 105–121.

Hodgson-Wright. 2004 — Hodgson-Wright S. Cary, Elizabeth // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/4835> (дата обращения: 23.11.2021).

Kelsey. 2004 — Kelsey S. Cary, Henry, First Viscount Falkland // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/4837> (дата обращения: 23.11.2021).

Murray. 2009 — Murray M. The Poetics of Conversion in Early Modern English Literature: Verse and Change from Donne to Dryden. Cambridge, 2009.

Rieske. 2015 — Rieske C. Doing the Paperwork: Early Modern Converts, Their Narratives and the (Re)Writing of Religious Lives // The Medieval History Journal. 2015. Vol. 18. P. 404–429.

Shinn. 2018 — Shinn A. Conversion Narratives in Early Modern England: Tales of Turning. Palgrave Macmillan e-publication, 2018, <https://www.palgrave.com/gp/book/9783319965765> (дата обращения: 23.11.2021).

Wolfe. 1998 — Wolfe H. Cambrai Imprint on the Life of Lady Falkland // English Benedictine Congregation Symposium. Vol. 16. 1998. P. 1-14.

Wolfe. 2004 — Wolfe H. Cary, Anne // Oxford Dictionary of National Biography online [2004], <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/105828> (дата обращения: 23.11.2021).

Wolfe. 2006 — Wolfe H. Introduction // The Literary Career and Legacy of Elizabeth Cary, 1613-1680 / Ed. by H. Wolfe. Basingstoke, 2006. P. 1-15.

ЛЕДИ ФОЛКЛЕНД*

Родилась она в 1585 или 1586 году¹ от Рождества нашего Господа в доме отца — приорате Берфорд² в Оксфордшире. Отец был юристом, а впоследствии судьей и лордом-главным бароном [казначейства]; звали его Лоуренс Тэнфилд³. Его отец был младшим сыном⁴ и умер, когда Лоуренс был еще ребенком, оставив ему все то небольшое, что имел. Однако и это мать⁵ поделила между собой и его сестрами, разорив его наследство. Как только позволил возраст, она

---

* Перевод выполнен по изданию: The Lady Falkland, Her Life. From a MS. in the Imperial Archives at Lille / Ed. by R. Simpson. L., 1861. Вставки в квадратных скобках представляют собой маргиналии редакторов рукописи — Патрика Кэри, а также Энн, Элизабет и Мэри Кэри.

- 1 Точная дата рождения Элизабет неизвестна.
- 2 Бывший госпиталь монахов-августинцев в Оксфордшире, основанный в XIII в. В 1530-х гг. конфискован короной во время роспуска монастырей. В 1586 г. манор и здание приобрел сэр Лоуренс Тэнфилд (см. след. примеч.). В 1634 г. его внук и наследник, Люсиус Кэри, виконт Фолкленд (см. примеч. 29) продал поместье.
- 3 Сэр Лоуренс Тэнфилд (1551-1625) — английский юрист и парламентарий. Учился в Итоне и школе при одной из юридических корпораций — Иннер темпл. Начал выступать в суде с 1579 г., с 1583 г. и до конца жизни — мировой судья графства Оксфордшир с 1603 г. — сержант (юрист, имеющий право выступать в Суде Общих тяжб), с 1606 г. один из судей суда Королевской скамьи, а с 1607 г. — Старший Барон казначейства (т.е., председатель суда казначейства). Избирался в парламент в 1584, 1586, 1589, 1593, 1597 и 1601 гг., а также в 1604 г.
- 4 Роберт Тэнфилд из Бёрфорда.
- 5 Уилгифорд Фицгерберт.

отправила мальчика в Линкольнс-Инн изучать право⁶, а когда он был способен практиковать, предоставила ему самому заботиться о себе. Он же никогда не оспаривал сделанного ею и никогда не пытался ничего требовать, но довольствовался плодами собственного труда и обеспечивал себя своей профессией. Когда он женился, супруга⁷ пыталась переубедить его, но, хотя в других делах она имела над ним большую власть, тут не смогла восторжествовать.

Он начал выступать в суде в восемнадцать лет. Первое его дело было иском против королевы Елизаветы, от имени которой выступал знаменитый юрист, м-р Плауден⁸. Это было дело родственника и друга Тэнфилда, и тот не доверил бы его столь молодому человеку, если бы все остальные юристы не отказались от него по следующим двум причинам. Тэнфилд не имел репутации, которую мог бы потерять, да и не мог он утратить репутацию, проиграв в самом начале карьеры столь ученому человеку. Ему довольно было и того, что он выдвинул против Плаудена иск. Считая дело правым, а также потому, что истец был его другом, он не побоялся выступать против самой королевы. Тэнфилд выступил превосходно и выиграл дело, а в своей речи выказал столько живости и задора, что сам мистер Плауден встретил его по выходе из зала и, обняв, сказал: закон в его лице однажды обретет сокровище, а Англия — прекрасного судью.

---

6 Ошибка авторов: сэр Лоуренс Тэнфилд учился в Иннер Темпле (см. примеч. 3).

7 Сэр Лоуренс Тэнфилд был женат дважды. В начале 1580-х гг. он женился на Элизабет Саймондс. В 1620 г. он женился второй раз, на Элизабет Эванс.

8 Сэр Эдмунд Плауден (1518–1585) — известный юрист, выпускник Кембриджского университета и юридической корпорации Миддл Темпл. Историк и теоретик права, автор теории двух тел короля.

Тэнфилд по возможности избегал рассматривать дела о жизни и смерти, но когда ему приходилось это делать, проводил тщательное расследование дела, внимательно выслушивая все, что можно было сказать, а, вынося смертный приговор, всегда покрывался потом и трясся. Причиной такого волнения был случай, которому он оказался свидетелем. Когда он был молодым юристом и ездил по Западному округу⁹, в одном из городов, где устраивали суд по ассизам, судья осудил на смерть, помимо преступников, и католического священника¹⁰, а поскольку день казни¹¹ приходился на следующий после отъезда судейских, то он приказал казнить священника на день раньше остальных, до своего отъезда из города. Позавтракав и приготовившись вскочить в седло, судья спросил, выполнили ли его распоряжение, и получил ответ: нет, было бы удобнее сделать это в обычное время вместе с остальными. Выругавшись, судья сказал, что не станет обедать, пока не казнят священника и, приказав исполнить приговор немедленно, остался, чтобы получить извещение о казни. Услышав о том, что приговор привели в исполнение, он вскочил на коня, но как только оказался в седле, его конь, обыкновенно очень смирный (как все лошади судейских), начал брыкаться, сбросил его, да так, что судья ударился го-

---

9 Английские судьи рассматривали дела в крупных городах, переезжая из графства в графство по особым маршрутам (округам). К Западному относились графства Хэмпшир, Уилтшир, Дорсет, Девон, Корнуолл, Сомерсет.

10 С 1585 г. выпускники католических семинарий по закону приравнивались к изменникам, которым грозила смертная казнь, даже если они не участвовали в заговорах против монарха и правительства и занимались исключительно пастырской деятельностью. Изменой в данном случае считалось рукоположение в священнический сан, совершенное католическими церковными властями за пределами Англии.

11 Обычно всех осужденных на смерть в ходе сессии суда по ассизам казнили в один день, по завершении всех судебных заседаний. Он и назывался днем казни.

ловой о камень, и ему вышибло мозги. Тот же случай убедил Тэнфилда не спешить преследовать католиков (чего он и не делал), хотя и рассказывал эту историю (о ней он говорил часто) только как пример упрямства. В других делах правосудия он не послушался бы ближайшего друга, однако многие рядом с ним, как говорят, были большими взяточниками¹². Знающие люди подтверждали, что в их обычае было брать взятку, и если дело оказывалось выигранным, оставить деньги себе (хотя они не смели и слова ему сказать), а если проигранным, то возвращали деньги. Во многих случаях они брали у обеих сторон в уверенности, что одна из них выиграет, а затем возвращали взятку проигравшему. Тэнфилд все отдавал своей профессии, и она настолько поглощала его, что он, будучи в ней знатоком, вне ее оказывался ничтожным.

Он полностью предоставил попечение обо всех своих делах жене и слугам, не оставляя себе времени даже на то, чтобы проверить документы, когда покупал землю, хотя это дело было полностью в сфере его интересов.

Мать звали Элизабет Саймондс¹³. Леди Фолкленд была единственной дочерью своих родителей. Ее крестили с име-

---

12 Авторы явно намекают на вторую жену сэра Лоренса, леди Элизабет Тэнфилд (Эванс). Однако современники обвиняли во взяточничестве не только ее, но, прежде всего, самого сэра Лоуренса, о чем его внучки предпочли умолчать.

13 См. примеч. 7. Мать героини, Элизабет Саймондс происходила из знатной и влиятельной семьи. Ее отец, Джайлс Саймондс (ум. ок. 1596, сын Ральфа Саймондса (ум.1557) и Элизабет, урожд. Бишоп) был богатым дворянином из Клей-он-Си (графство Норфолк). Мать, Кэтрин Ли, принадлежала к семье влиятельных тюдоровских придворных. Ее отец — сэр Энтони Ли (ум. 1549), служивший сначала первому министру Генриха VIII Томасу Кромвелю, а позднее самому королю, а мать — Маргарет Уайатт (ум. 1543), сестра поэта и придворного, сэра Томаса Уайатта. Их сын, брат Кэтрин Саймонс и дядя Элизабет Тэнфилд — сэр Генри Ли (1533-1611), придворный королевы Елизаветы и ее рыцарь (*champion*). Его по-

нем Элизабет. Она очень рано научилась читать и полюбила чтение. Когда ей было всего четыре или пять лет, с ней начали учить французский язык. Она позанималась им около пяти недель, и ничего не достигнув, бросила занятия. Но позднее, еще будучи ребенком, она сама, без наставника, выучила французский, испанский и итальянский (которые всегда понимала очень хорошо). Таким же образом (без учителя) Элизабет освоила латынь, прекрасно ее понимала в юности и переводила с латыни на английский послания Сенеки. Однако надолго забросив латынь, она утратила это совершенное понимание, так что когда незадолго до смерти взялась на перевод с латыни Блозия¹⁴ (рассчитывая успеть перевести все), ей приходилось помогать себе, заглядывая в испанское издание. Подобным же образом и в то же время она почти без наставлений выучила древнееврейский, но забросила его на много лет и почти утратила это знание. Однако когда она незадолго до смерти опять начала использовать его, то могла понимать Библию, которая и так была ей хорошо знакома. Затем она также научилась у трансильванца его языку, однако, не найдя ему никакого употребления, позднее совсем его

кровительство немало способствовало быстрой карьере сэра Лоренса Тэнфида.

- 14 Фламандский бенедиктинец Луи де Блуа (1506-1566), более известный под латинизированным именем Блозий (*Blosius*). Происходил из семьи графов де Блуа и воспитывался при бургундском дворе вместе с будущим императором Карлом V. В 1520 г. стал монахом бенедиктинского монастыря Льесье, а с 1530 г. — аббатом этого монастыря. Реформатор, приверженец строгого бенедиктинского устава, и известный мистик, автор многочисленных сочинений — наставлений в религиозной жизни, полемических работ и комментариев к трудам отцов церкви. Все его сочинения были написаны на латыни, но были быстро переведены на английский язык. Неизвестно, каким именно изданием пользовалась Элизабет, однако из дальнейшего повествования становится ясным, что в ее распоряжении было латинское издание (вероятно, собрание сочинений Блозия, изданное в 1568 г., или какое-то из переизданий).

забыла. Элизабет была искусной и любознательной в вышивании, и ей никогда никто не помогал. Знавшие ее никогда бы не поверили, что она умеет держать в руках иголку, если бы сами этого не видели.

Однажды, когда ей было 10 лет, она присутствовала при том, как перед ее отцом предстала бедная старуха, названная ведьмой; ее обвиняли в наведении смертельной порчи на двух или трех человек, а свидетель оказался неубедительным. Отец Элизабет спросил женщину, что она может сказать в свое оправдание. Та, упав перед ним на колени, дрожа и плача, призналась, что все это — правда, и умоляла его смилостивиться, обещая исправиться. Тогда он уточнил, наводила ли она на такого-то смертельную порчу. Она ответила «да». Он спросил ее, как она это сделала. Один из обвинителей, прервав ее, сказал: разве ты не посылала своего фамилиара в виде черной собаки, зайца или кота, и он, обнаружив того спящим, лизнул ему руку, или дыхнул на него, или наступил на него, и тот, вернувшись домой, немедленно заболел и умер от этого недуга. Старуха, дрожа и умоляя о прощении, признала все обвинения и все перечисленные способы наведения порчи. Тогда присутствующие сказали: «Нужно ли им еще что-либо, кроме ее признания?». Но дитя, видя, что бедная женщина охвачена ужасом, заставляющим ее признаваться во всем, подумала, что ее одурманил страх, и шепотом попросила отца узнать у нее, не наводила ли та порчу на мистера Джона Саймондса (дядю, который находился здесь же). Отец так и сделал, и она сказала: «Да, я поступила с ним так же, как с остальными», и обещала больше так не делать, если только ее пожалеют. Он спросил, как она это сделала. Она рассказала одну из своих прежних историй (все присутствующие смеялись), и тогда он спросил, почему она это говорит. Он сказал ей, что этот человек жив и стоит

здесь. Она воскликнула: «О, сэр, я его не знаю, а сказала так потому, что вы спросили меня». «Тогда ты не ведьма», сказал он. «Господь ведаёт, я не ведьма и никогда ею не была». Тогда он спросил её, почему она призналась во всем, о чем её спрашивали. Она отвечала, что ей угрожали, заставляя признаться и говорили, что ей окажут снисхождение, если она признается. Она произнесла все это так безыскусно (при том, что свидетель обвинения был неубедителен, а её признание — и того менее), что была сочтена невиновной и оправдана.

У Элизабет не было ни брата, ни сестры, ни других компаньонов своего возраста, она проводила все время за чтением и посвящала ему так много времени, что часто читала всю ночь, так что её мать запретила слугам давать ей свечи. Они же обратили этот приказ к своей выгоде, позволив ей получать их, продавая ей свечи по полкроне каждая, так что она продолжала чтение, а поскольку у неё не было свободных денег, то она оставалась им должна. Таким образом она задолжала 100 ф.с. ещё до того, как достигла двенадцати лет, и тот долг, вместе с другими ещё на двести фунтов за подобные сделки, оплатила в день свадьбы. Все это не покажется странным тем, кто хорошо её знал. Когда ей было двенадцать лет, отец дал ей «Наставления» Кальвина¹⁵ и приказал прочитать их. Элизабет привела так много возражений против них и обнаружила у Кальвина столько противоречий, что когда она пришла со всем этим к отцу, он сказал: «эта девочка Кальвина на дух не переносит».

---

15 Жан Кальвин. Наставления в христианской вере (первое издание: Базель, 1536; последнее прижизненное издание: Женева, 1559). Элизабет наверняка читала английский перевод «Наставлений», изданный Томасом Нортоном в 1561 г.

Пятнадцать лет отец выдал ее замуж за сэра Генри Кэри¹⁶ (сына сэра Эдварда Кэри из Хэмпстеда в Хартфордшире)¹⁷, тогда — хранителя драгоценностей королевы Елизаветы. Он женился на ней только потому, что она была наследницей, так как не был с ней знаком (она едва ли хоть раз говорила с ним), а она была не красавицей, но хорошенькой. В первые годы брака она жила в доме отца; муж в это время отправился в Голландию¹⁸, оставив ее среди ее собственных друзей. Женившись на Элизабет, он большую часть времени проводил при дворе или в доме своего отца, вдалеке от нее, он не слышал, как она говорит, а те письма, что она ему писала, составляли другие люди, назначенные ее матерью, так

-
- 16 Генри Кэри (1575-1633), сын сэра Эдварда Кэри (см. ниже) и Кэтрин Ниветт. Он получил образование в школе юридической корпорации Грей Инн, а затем в Оксфордском университете (Эксетер колледж). В 1590-х гг. Кэри воевал во Франции и в Ирландии в составе отряда графа Эссекса (последний посвятил Кэри в рыцари в Дублине), а затем был назначен джентльменом королевской опочивальни. В 1602 г. он женился на Элизабет Тэнфилд, получив за ней в приданое 2000 ф.с. и вскоре после свадьбы отправился сражаться в Нидерланды. Был взят в плен, видимо, при осаде Остенде, и вместе с другими пенными испанского командующего Луиса де Веласко отправлен в Испанию. По возвращении на родину летом 1603 г. он (вместе с отцом) был назначен хранителем драгоценностей королевы Анны, жены Якова I (не Елизаветы, здесь авторы ошиблись). В 1617 г. Генри Кэри стал распорядителем королевского двора и членом Тайного Совета. В 1620 г. ему даровали титул виконта Фолкленда (шотландский титул). В 1622-1629 гг. он был лордом-представителем короля (губернатором) Ирландии.
- 17 Сэр Эдвард Кэри (ум. 1618), сын сэра Джона Кэри и Джоан (урожд. Денни), принадлежал к тюдоровской придворной династии и даже состоял в родстве с Елизаветой I и придворными из ее ближнего круга Кэри (семьей лорда Хансдона) и Ноллисами (дядя, сэр Уильям Кэри, был первым мужем Мэри Болейн). С 1563 г. Кэри был грумом королевской опочивальни (при своей родственнице Елизавете). Его женой стала придворная дама королевы Кэтрин Ниветт (в первом браке леди Пейджет).
- 18 Сэр Генри Кэри отправился в Голландию в 1602 г. В это время значительный английский контингент вместе с голландцами и немцами оборонял Остенде от осаждавшей город испанской армии.

что он ее почти не знал. Вскоре после отъезда мужа его мать¹⁹ потребовала Элизабет к себе. Друзья последней не смогли ничем смягчить свекровь и отправили невестку к ней, хотя ее муж, хорошо зная собственную мать, до своего возвращения оставил жену с ее друзьями, желая, чтобы она находилась там, где ей будет лучше всего (хотя и не любил ее). Заполучив Элизабет, ее свекровь, привыкшая к тому, чтобы ей потакали и, обнаружив, что невестка к этому не слишком стремилась, обращалась с ней сурово и, в конце концов, заперла ее в комнате. Однако увидев, что Элизабет не страдает, а утешается чтением, свекровь отняла все ее книги и запретила приносить ей другие. Тогда Элизабет начала сочинять стихи. Во всем доме было только два человека (помимо слуг), которые приходили ее навещать, да и то украдкой — одна из сестер мужа, и одна из дам свиты ее свекрови. Первой из них она всю свою жизнь была истинным другом во всем, насколько она могла, а о другой — когда та оставила службу у ее свекрови — она не прекращала заботиться, пока та не умерла, платила ей, когда та нуждалась и даже находила ей места у своих детей или друзей, и помогала ей.

Все это закончилось, когда вернулся муж (в Нидерландах его взяли в плен испанцы и отправили в Испанию, где и держали год, пока отец собирал выкуп²⁰), и ему очень не понравилось обращение матери с женой. В свое отсутствие он получал письма от жены, и те, что были написаны после того, как она уехала от своей матери, показались ему отличны-

19 Кэтрин Ниветт (1547-1622), дочь сэра Генри Ниветта из Чарлтона, хранителя драгоценностей Генриха VIII и Энн (урожд. Пикеринг). Фрейлина Елизаветы I, затем — дама королевской опочивальни. Жена: 1) Генри, барона Пейджета (1537-1568); 2) сэра Эдварда Кэри (см. примеч.17).

20 Сэр Генри Кэри вернулся в Англию летом 1608 г., пробыв в плену почти четыре года.

ми по стилю от прежних, которые он считал ее собственными. Новые он очень любил, но считал, что кто-то другой писал их за нее, до тех пор, пока не расспросил ее об этом и не узнал правду; так он лучше понял жену и стал больше ее ценить. С этого времени Элизабет много сочиняла для собственного удовольствия, по разным случаям и о различных предметах, все в стихах (она едва ли написала что-то, что не было бы переводом). Одно из ее сочинений впоследствии было украдено из комнат ее золовки (и друга) и опубликовано, но отозвано по ее воле²¹. Из всего написанного ею самым лучшим считалась «Жизнь Тамерлана» в стихах²².

Она продолжала много читать, а когда ей было около двадцати лет, благодаря чтению она пришла в большие сомнения относительно своей религии. Первым шагом стало чтение известной протестантской книги, «Церковной политики» Хукера²³. Книга оставила ее словно бы подвешенной в воздухе, ибо завела ее так далеко (и как сочла Элизабет, вполне обоснованно), что она не понимала, как и где может остановиться прежде, чем вернется в ту церковь, из которой вышли все остальные²⁴. В этом еще больше утвердил ее брат мужа [Адольф]²⁵, который вернулся из Италии с добрым мнением о католической религии. Элизабет ценила его ум,

---

21 Речь идет о пьесе «Трагедия Мариам, прекрасной царицы Иудейской», написанной в 1603–1604 гг. и опубликованной в 1613 г.

22 Это ее сочинение не сохранилось.

23 Ричард Хукер (1550–1600) — английский священник и богослов, один из основоположников англиканского богословия, многие принципы которого были сформулированы в самом известном его сочинении: трактате «О законах церковной политики» (1594–1597 гг.)

24 Т.е., католическая церковь.

25 Адольф Кэри (1578–1609), младший брат Генри Кэри, парламентарий. В 1602–1603 гг. путешествовал по Франции и Италии, а в 1605 г. ездил в Испанию в составе свиты английского посла, графа Ноттингэма.

суждения и беседы. Он много читал Отцов Церкви, особенно Св. Августина, и подтверждал, что последний был той же религии, что и Римская церковь. Он убедил ее саму почитать Отцов (до этого она по большей части читала поэзию и историю, за исключением Сенеки и еще нескольких подобных сочинений, а его послания она, вероятно, перевела еще до того, как покинула отцовский дом, потому что единственный экземпляр перевода был найден сыном в кабинете ее отца), и по его настоянию она прочитала все, что могла найти на французском, испанском и итальянском. Возможно, тогда она могла немного читать на латыни, но в потом течение многих лет читала только на других языках.

Чтение этих книг настолько увеличило ее недоверие к своей религии, что дважды она надолго отказывалась ходить в церковь²⁶. В первый раз благодаря собственному гибкому уму она убедила себя в том, что может продолжать, как раньше. Во второй раз она часто посещала дом протестантского епископа [доктора Нила, епископа Даремского, впоследствии Йоркского]²⁷, куда приходили многие ученые богословы (из числа которых часто выбирали королевских капелланов и некоторых из их²⁸ величайших епископов), познакомилась со многими из них и высоко их ценила (склоня-

26 Англичанам закон предписывал появляться в церкви каждое воскресенье. За отсутствие на воскресной службе без удовлетворительных объяснений провинившихся (и мужчин, и женщин) вызывали в церковный суд или к мировому судье и могли принудить платить крупные штрафы (20 ф.с.) или же конфисковать 2/3 недвижимого имущества.

27 Ричард Нил (1562-1640) — английский прелат и богослов, епископ Рочестерский (1608-1610), Личфилдский (1610-1614), Линкольский (1614-1617), Дарэмский (1617-1628), Винчестерский (1628-1631), архиепископ Йоркский (1631-1640). Ричард Нил был покровителем антикальвинистской, «арминианской» партии среди английского духовенства начала XVII в.

28 Епископов Церкви Англии.

емая к этому их ученостью и умом больше, чем величием звания, а также потому, что из Отцов и историй прежних христианских времен она научилась почитать епископское достоинство, на которое они претендовали). Они убедили ее в том, что она может законно оставаться там, где и была, хотя она не сомневалась в том, что быть в Римской церкви — намного лучше и безопаснее. В этом состоянии она пребывала около двадцати двух лет (от первого случая), похваляясь благими намерениями. Несколько раз в доме этого епископа она присутствовала на беседах с неофитами или сторонниками новых мнений, которые они почитали еретическими, и там незнакомые люди удивлялись ее присутствию и спрашивали епископа, как же он смел допустить туда молодую женщину. Епископ же отвечал, что ручается — ей никогда не будет грозить впасть в ересь, так уважала и почитала она авторитет там, где воображала его найти, и еще более — когда узнала, где он на самом деле находится.

Элизабет прожила семь лет в браке, не имея детей, а затем родила одиннадцать сыновей и дочерей²⁹. Когда на свет появились старшие, они с мужем завели собственный дом. Там она заботилась о своей семье, которая поначалу была небольшой, и показала себя способной делать то, к чему применяет ум. Она была внимательной и осмотрительной в распоряжении всеми хозяйственными делами, много работала, вместе со своими дамами и служанками, сама учила и наставляла их всех. Так же пеклась она и о детях. Она была матерью настолько, что кормила сама их всех, за исключени-

---

29 Элизабет была матерью одиннадцати детей — шести дочерей и пяти сыновей: Кэтрин (1609–1625); Люсиуса (1610–1643); Лоуренса (1613–1642); Виктории (1614–1694); Энн (1615–1693); Эдварда (р. и ум. 1616); Элизабет (1617–1683); Люси (1619–1650); Мэри (1622–1693); Патрика (1624–1656) и Генри (1625–1656?).

ем только старшего сына (которого ее отец забрал жить с ним с самого его рождения)³⁰, и учила трех или четырех старших. Позднее, когда у Элизабет появилось больше отвлекающих занятий, она передоверила воспитание детей тем, в чьем внимании и опыте была уверена, так как никогда не меняла слуг, которых приставляла к детям, а когда сама была с детьми, старалась не упустить возможности наставить их. Ее первой заботой было (лично, или при помощи других) склонить детей к знанию, любви и добродетели и обеспечить им, по их способностям, наставления в принципах христианства, не через катехизис (который привил бы им протестантские взгляды, в истинности которых она сама не была уверена), но в манере, более подходящей, для того, чтобы повлиять на них, нежели предметы, выученные наизусть, но не понятые. Например, она объясняла детям, если они что-то любили, что Бога полагается любить больше, что Он создал это и все остальное, что Он создал и их самих; что они должны любить и почитать Его больше, чем их отца: Он дал им отца, Он послал им все блага и сделал их для них; король — Его слуга; что Он создал всех королей и дал им королевства. Если они будут хорошими, Он даст им большие и лучшие вещи, нежели те, что они имели или видели; и так далее. Обучение дало самым способным такое понимание добра и зла, что однажды один из ее старших сыновей, которых она учила сама, еще совсем маленький, провинился, и она поклялась выпороть его (чего он очень боялся), а затем простила его, но ребенок молил ее выполнить клятву. Она же, довольная его невинной заботой о ней, была полна ре-

30 Люсиус Кэри (1610-1643), с 1633 г. — виконт Фолкленд. Его дед по материнской линии, сэр Лоуренс Тэнфилд, назначил своим главным наследником и воспитывал сам. В 1625 г. Люсиус унаследовал поместья деда — Бёрфорд Прайори и Грейт Тью в Оксфордшире.

шимости этого не делать, но он так боялся, что она окажется клятвopепреступницей, что со слезами на коленях просил того, от чего дрожал, и невозможно было удовлетворить его иначе, нежели исполнив клятвы.

Однажды Элизабет оказалась при смерти. Тогда у нее уже было твое или трое детей, и те совсем маленькие, и что-бы ее любовь не умерла вместе с ней, она написала на нескольких листах бумаги письмо (адресованное старшим, сыну и дочери³¹, чтобы им отдали письмо, когда они немного подрастут), полное моральных наставлений, которые она сочла подходящими. Эта забота так подействовала на ум старшей дочери [леди Хоум] (направлению души которой и наставлению — хотя та и была доброй по природе — мать уделила много усилий и всегда считала ее самой почтительной и любящей из всех детей), что когда та вышла замуж, не достигнув тринадцати лет³², а затем отправилась жить в дом свекрови³³ (выказав полное повиновение воле отца), где и оставалась до смерти (случившейся, когда ей было шестнадцать или семнадцать, и она рожала своего первого ребенка³⁴), любимая свекровью и всей семьей мужа, мать спросила ее, что та сделала, чтобы завоевать такую их привязанность. Дочь ответила, что сама этого не знала, разве что она всегда стремилась как можно точнее соблюдать правило, какое ей наказала мать перед свадьбой — что во всем, что ей дозво-

31 Т.е., Люсиусу и Кэтрин Кэри (см. примеч. 29).

32 Кэтрин Кэри (1609-1625) вышла замуж за шотландского аристократа — Джеймса, 2-го графа Хоума (ум. 1633). Этот союз устроил король Яков I; свадьба состоялась в королевском дворце Уайтхолл (Лондон) в мае 1622 г., когда невесте было всего 11 лет.

33 Мэри (урожд. Саттон), графиня Хоум (1586-1644), дочь Эдварда Саттона, барона Дадли и Теодозии (урожд. Харингтон), жена Александра, 1-го графа Хоума.

34 В 1625 г. Кэтрин Хоум было 16 лет.

ляли совесть и разум, она должна предпочитать волю других своей собственной.

Элизабет не уставала (когда она была с ними) учить самых способных из детей всему тому, что им подобало. Она всегда считала, что матери не должно думать о себе больше, нежели о своих детях, и, заботясь о себе, пренебрегать ими. Она поступала противоположным образом, много тратя на одежду и развлечения детей, и та, что (в юности) сама не заботилась о своей внешности и не радовалась ей, могла изо всех сил заботиться об их обличье и находить в этом удовольствие.

Мужа она так почитала, что научила детей обязанности любить его больше нее, и хотя она видела, что этот урок они могут усвоить и без наставлений, и что все, кроме старшего сына, очень любили отца, это не уменьшало ее любви и нежности к ним. Желание порадовать мужа имело власть заставить ее делать то, что к чему другие не считали ее способной, например, заботиться о доме (к чему она не имела никакой склонности, кроме той, что давала ей его воля), и приучать себя делать и любить эту работу. Она боялась лошадей, до и после замужества (а он любил охоту и хотел сделать ее хорошей наездницей), но долгие годы ездила верхом так много и так отчаянно, как если бы испытывала не страх, а удовольствие. Так она и делала, чтобы порадовать мужа, и на самом деле заставила себя полюбить это занятие, пока он был жив, но потом (как и до свадьбы) не могла найти в себе ни храбрости, ни умения сесть на лошадь [зачеркнуто: а он перестал этого требовать после того, как она упала с лошади (перепрыгивая изгородь и канаву, беременная четверным ребенком; ее сочли мертвой, хотя и она и ребенок не пострадали), а она, пока жила с ним, либо была беременной, либо кормила ребенка]. Она всю жизнь терпеть не могла модни-

чать. Но потому что муж этого хотел, она по своей воле наряжалась все то время, что жила с ним в юности, даже страдая от скуки. Однако все, на что она была способна в этом отношении — найти таких служанок, которые были в этом искусны, дать приказ, а затем претерпеть все необходимое. Ибо хотя она старалась, чтобы все было сделано правильно, она не могла сосредоточить на этом внимание, и ее ум никогда не был этим увлечен. Ее дамы обычно ходили за ней по комнате (как было ее обыкновение), пока она размышляла о серьезных делах, поправляя предметы туалета и заплетая ей косу, а пока она читала или писала, ей завивали и убирали волосы.

Она прилагала усилия только по воле мужа, и об этом свидетельствует великое внимание к себе, которое она проявляла после того, как он сильно разгневался на нее. С того времени она никогда не выходила, одетая в простые черные ткани, фризское или другое грубое сукно. Там, где речь шла о его интересах, она, казалось, не имела своих соображений, и проявляла это следующим образом: большая часть ее вдовьей доли (что на момент свадьбы была значительной) была взята короной, которой ранее принадлежала, а остальное (совсем небольшое) она по его побуждению согласилась заложить. Этот поступок так расстроило ее собственного отца, что он из-за этого лишил ее наследства, предпочтя ей двоих ее старших сыновей, предназначив свое имущество старшему сыну, а в случае его смерти — второму³⁵. Она всегда выказывала себя готовой избегать всего, что может быть неудобно мужу; тому она давала много доказательств в течение

35 Лоуренс (Лоренсо) Кэри, второй сын Элизабет и Генри Кэри. Как и старший брат, учился в Оксфорде (Эксетер-колледж). В начале 1640-х гг. он стал офицером королевской армии и погиб в 1642 г. по время восстания в Ирландии.

всей жизни. После того, как она стала католичкой, когда муж отказывался говорить с ней и видеть ее, она забросила обычные развлечения, которые любят все и в которых она находила много радости: узнав от других, что ему что-то не нравится, и лишь предполагая, что ему это не доставит удовольствия, она избегала этого, хотя бы оно и было добрым делом. Таким образом, она ставила превыше его воли только религию и свои обязанности по отношению к Богу. Правила, которые она в некоторых случаях записывала, не нравились многим из-за их строгости. Она всегда не одобряла практику, согласно которой человек довольствовался тем, что его совесть была свободна от ошибки, не соглашалась на все то, что могло хотя бы показаться неподходящим или недостойным. Свое мнение она выразила следующим девизом (который она приказала вырезать на обручальном кольце дочери): *быть и казаться*.

В это время с ней случились несчастья, повлиявшие на нее так сильно, что дважды погружали ее в глубокую меланхолию (когда она была беременна вторым и четвертым ребенком). Она едва не утратила рассудок, и ее жизнь была в опасности. У нее были причины для волнений, но она так поддавалась горю (а оно всегда проявлялось настолько, насколько она ему позволяла), что почти сошла с ума. Похоже, что она поддавалась печали, считая, что муж будет более чутким к ее бедствиям, так как знала, что он, как нежный и любящий отец, особенно заботлив к ней, когда она беременна или кормит ребенка. Однажды она четырнадцать дней не ела и не пила ничего, кроме небольшого количества пива с хлебом, причем и к хлебу не притрагивалась. Она была на большом сроке беременности, и ребенок уже шевелился, но она стала такой плоской, как будто бы ребенка вовсе не было. Однако после того, как она вышла из состояния меланхо-

лии, то быстро поправилась. С того времени она, казалось, настолько победила всякую грусть, что едва ли вообще подавалась ей (может быть, лишь однажды), но всегда искала во всем лучшее, и смотрела на благо, приносимое любимыми событиями. Величайшим проявлением грусти стало впадение в сон, что, как она говорила, она могла делать по своей воле, и была особенно сонливой, когда наяву ею овладевали грустные мысли, которых она стремилась избежать и, казалось, могла справиться с этим, если старалась. Элизабет могла отвлечь других в трудностях, порой своими беседами внезапно облегчая их горе в самых болезненных ситуациях. После того, как ее бедствия прошли, она простила тех, кто их вызвал, и для одних она стала верным и постоянным другом, а для других — покровителем и помощником в нужде, так что те, кто знал ее издали (и не были свидетелями ее страдания) считали ее виновной в их ошибках.

Элизабет продолжала управлять домом, пока ее муж не стал распорядителем королевского двора³⁶; тогда она стала часто жить в его покоях при дворе, а когда ее свекор умер³⁷, и их свита выросла, она передала домашние дела в руки других. Она придерживалась своей религии и глубоко почитала нашу благословенную Госпожу. Ей, будучи беременной последней дочерью (и все еще оставаясь протестанткой), она предложила это дитя, обещав, что, если родится девочка, она получит ее имя³⁸, а мать сделает все, что в ее власти, чтобы девочка стала монахиней. Когда она еще кормила эту дочь, она отправилась в Ирландию вместе со своим супругом и всеми детьми, кроме старшей дочери (которая перед отъез-

36 Сэр Генри Кэри получил должность распорядителя королевского двора в 1617 г.

37 Сэр Эдвард Кэри умер в 1618 г.

38 Младшая из шести дочерей Элизабет — Мэри Кэри.

дом вышла замуж в Шотландию). Поселившись в Ирландии, она полюбила тамошних людей и желала использовать ту власть, что имела, на их благо, а также на благо католикам. Там она научилась читать по-ирландски по ирландской Библии³⁹, но это было очень трудно (так что она едва нашла того, кто мог ее учить), а книг совсем мало, так что она быстро забыла все, чему научилась.

Стремление к выгоде и пользе для этой нации подвигло ее на большой проект: а именно, завести в этой стране все ремесла, из-за отсутствия которых она вынуждена обращаться к другим за простейшими вещами. С такой целью Элизабет пригласила по несколько ремесленников каждого рода приехать из тех мест, где эти ремесла практиковались — например, изготовителей льняных и шерстяных тканей, красильщиков, прядильщиков и вязальщиков, шляпников, кружевниц и многих других. Потом она взяла в ученики детей нищих (которыми страна изобилует), более восьмидесяти, принимая всех старше семи лет, а иногда и моложе. Детей передали мастерам и мастерицам для обучения ремеслам, которые были сочтены наиболее подходящими, например, изготовление тканей, веревок, пуговиц или кружев. Они обучались в разных комнатах или домах; комнаты заполнялись мальчиками и девочками, которые, сидя кружком, были заняты работой, и это помимо старших, которые предназначались для ремесел, требовавших больше понимания и силы. Она добилась того, что ремесленники делали очень хорошее сукно (из ирландской шерсти, которую пряли, ткали, красили и отделявали там же), и его носил ее супруг-губернатор. Однако из плана ничего не вышло, и Элизабет сочла это бо-

---

39 Полный перевод Библии на гэльский язык появился только в 1685 г. Элизабет читала перевод Нового Завета, опубликованный в 1602 г.

жьей карой, потому что распорядители заставили всех этих бедных детей ходить в церковь, а она понесла большие потери от пожаров и наводнений (которые она сочла удивительными, а другие — обычными). Ее рабочий дом со всем содержимым — тканью и инструментами — сгорел, водяные колеса унесло, а многие вещи пострадали от воды. Все это она, уже став католичкой, приняла за кару Господню за то, что дети ходили в церковь, и сочла, что потому ее дело и не завершилось успехом.

Другие же считали, что она лучше придумывала планы, нежели воплощала их, и что с самого начала она взяла на себя слишком много, и ей пришлось (не имея большого выбора) нанимать либо тех, кто имели небольшой навык в том, что они делали, или же людей бесчестных, так что ее легко обманули там, где она больше всего доверяла, хотя по природе своей и была довольно подозрительной. Но главной причиной было то, что Элизабет взяла за дурное правило выплачивать деньги в этом предприятии (и в других случаях), имея ужасную память на такие дела, доверяя людям (тем, с кем имела дела) и не записывая того, что сделала, потому она часто платила за одно и то же по многу раз (например, ей признавались потом, что в некоторых небольших делах заставляли ее за одну вещь заплатить пять раз в течение пяти дней). И она не позволяла тем, кто находился рядом и видел, как часто она платила, раскрыть ей глаза, подозревая их в том, что они высказываются только потому, что им не нравятся ее замыслы, и они хотят отвлечь ее от них. Нежелание видеть, что ее обманывали, в тех делах, которыми она занималась с таким увлечением (что случалось со всем, чем она занималась) приводило ее к бедности, даже когда у нее были средства; ей постоянно приходилось закладывать и продавать последнее, хотя бы это и была вещь, которая мог-

ла ей понадобится буквально через час, чтобы получить то, что ей нужно было незамедлительно.

Упрямство заставляло ее давать обещания тем, кто помогал ей в таких делах, а их было много, и не всегда можно было исполнить обещанное. Порой она признавала малые вещи, сделанные тогда, когда она желала их, столь ценными и обещала за них так много, когда потом от нее требовали выполнения обещанного в соответствии с ее оценкой, а не с ценностью услуги, то по прошествии времени, не всегда можно было признать то, что она обещала, оправданным. Муж часто сердился на нее из-за этих работ, но скорее, из-за того, как она их вела, а не из-за самого дела, которым она не умела распорядиться. В его власти было бы заставить ее сдаться, но она поняла: он, скорее, не желал вовлекать свои средства в это дело, нежели хотел, чтобы она остановилась. И здесь она оказалась права; когда в ее руки попали его письма к другим, она увидела, что в них он хвалил ее за то же, за что часто ругал, и подтверждал, что королевству было бы очень выгодно, если бы эта схема была хорошо применена.

Всем сестрам своего супруга (особенно той, что была ее другом), родне, друзьям и прочим, с ними связанным, она всегда выказывала приязнь и уважение и была готова употребить свою власть, когда и если она ее имела, оказывая им услугу, и в гораздо большей степени, нежели тем, кто был связан с ней самой. Однако к отцу и матери она всегда относилась с большим уважением, настолько, что в большинстве случаев она говорила со своей матерью⁴⁰ (когда та сидела), стоя на коленях, зачастую в течение часа или дольше, хотя с трудом склоняла колени и еще с большим трудом поднима-

---

40 Неясно, идет ли речь о матери леди Фолкленд, или о ее мачехе, второй жене отца.

лась. Она очень любила родителей, хотя мать никогда не была добра к ней, особенно после того, как дочь стала католичкой.

Все ее друзья могли взывать к ее помощи во всем, что было в ее власти; и она продолжала помогать им до самой их смерти, всегда приходила к их смертному одру, если могла, еще до того, как стала католичкой, ради их утешения (хотя и предвидела заранее опустошение, какое чувствовала, оставшись без них). После обращения она могла лишь всегда быть наготове и помогать им, если Господь даровал им благодать пожелать обращения. По этой причине она навещала даже тех, кто был болен заразными и отвратительными болезнями, и так она поступила со своей любимой золовкой, которая скончалась от оспы, ибо терпеть не могла мнимую привязанность тех, кто бросал своих друзей умирать в одиночестве, или тех, кто не могут слышать имя умершего друга. Она же любила поговорить о золовке.

Она ничего не жалела для своих слуг, если открывалась возможность оказать им услугу. Пока они были молоды (а она брала и детей на службу), она заботилась о том, чтобы они получили хорошее воспитание и изучали те предметы, которые были выгодны и полезны для них, а не для нее. И если она о ком-то заботилась, то никогда не оставляла их (когда они нуждались в ней), до могилы, их или ее. Она была более склонна, по собственному признанию, чувствовать привязанность к тем, кому она сама помогала, нежели к тем, кто помогал ей, и находила больше удовольствия, делая одолжения, нежели одалживаясь. Однако она никогда не была неблагодарной, всегда признавая обязательства и отплачивая тем же, когда у нее были случай и возможность.

В Ирландии она познакомилась с добрым католиком лордом Инчикином⁴¹; он был первым из них, кого она встретила (по крайней мере, из тех, о ком знала). Она высоко ценила его за его остроумие, ученость и ум, хотя он скончался, будучи всего двадцати девяти лет от роду. Ее супруг тоже любил его, восхищаясь им за то, что тот был столь искренним и прямодушным, что, казалось, считал незаконное невозможным. Лорд Инчкин несколько поколебал ее внешнюю уверенность в том, что она могла по праву продолжать оставаться в том же состоянии, что и была. Она всегда проявляла интерес, когда слышала о тех, кто становился протестантами, и хотела узнать об их мотивах, если те не были очевидными (как оно по большей части и оказывается). Один из капелланов ее мужа раньше был иезуитом (а потом — настоятелем) [Хэкет]⁴². Он, казалось, вел высокоморальную жизнь, считался ученым и прекрасным проповедником, и не было явной причины его обращения (ибо хотя он и был женат и имел бенефиций, он стал протестантом намного раньше, так что ни его брак, ни поставление на приход нельзя было считать причинами обращения)⁴³. Элизабет же не могла успокоиться, пока не спросила его (заметив, что в проповедях он никогда не говорил против католической религии, как обычно поступают отступники, но всегда призывал к добродетельной жизни), прося сказать ей правду. Он ответил, что в самом деле был иезуитом и хотел, чтобы его по-

41 Дермод О'Брайен, 5-й барон Инчкин (1594-1624), сын Мюрро О'Брайена, 4-го барона Инчкина и Мэйбл (урожд. Наджент).

42 Джон Хэкет (1592-1670), английский прелат и богослов. Один из капелланов Якова I; в 1631-1661 гг. — архидиакон Бедфордской епархии, в 1661-1670 гг. епископ Личфилдский.

43 В полемической литературе XVI-XVII вв. обращения католических клириков в протестантизм зачастую объяснялось слабостью плоти и мирскими амбициями — т.е., желанием вступить в брак и сделать карьеру.

слали в Рим (а это место, сказал он, для них предлагало больше возможностей продвижения, нежели другие), однако ему было отказано, и его начальники послали его в Шотландию (его собственную страну, но опасную и неудобную для миссионеров), а он, совсем не желая туда ехать и стремясь избежать способ избежать подчинения такой жестокой (как ему казалось) доле, начал изучать протестантскую религию, и затем нашел ее удовлетворительной, как она видела. Но в этом и состояло первое побуждение поиска религии. Она приняла этот ответ, но продолжала сомневаться, как и раньше.

Из почтения к великому покровителю страны она назвала старшего из сыновей, которых она там родила (ее последние дети), его именем⁴⁴ и верила, что он взял обоих мальчиков⁴⁵ под свое покровительство и защищал их своими молитвами, а она дожила до их обращения в католичество. Вскоре после воцерковления⁴⁶, последовавшего за рождением младшего сына, она уехала из Ирландии, проведя там три года, и через два года после начала своего проекта (который тогда еще не был оставлен, но завершился вскоре после этого). Она взяла с собой из Ирландии свою старшую незамужнюю дочь и троих младших детей⁴⁷, оставив остальных⁴⁸ с мужем, который нежно заботился о них, являясь им и отцом, и матерью. Жестокий шторм на море отбросил их обратно, и им угрожала опасность быть выброшенными на берег; у

---

44 Покровителем Ирландии считается Св. Патрик. В его честь Элизабет назвала своего третьего сына (и старшего из двух, родившихся в Ирландии).

45 Патрик и Генри Кэри.

46 Churching в английской традиции — первое появление женщины в церкви через 40 дней после родов, когда над ней читают разрешительную молитву.

47 Виктория, Мэри, Патрик и Генри Кэри.

48 Лоуренс, Энн, Элизабет и Люси Кэри.

младенца, которого она кормила⁴⁹, перехватило дыхание от удара волны, и он в течение четверти часа казался мертвым.

Благополучно прибыв и поцеловав руки королевы (которая незадолго до этого прибыла в Англию)⁵⁰, Элизабет отправилась к матери из страха перед свирепствовавшей тогда чумой, забрав с собой (вместе с другими) свою замужнюю дочь, на большом сроке беременности. Когда во время путешествия слуга матери переносил через узкий мост ее дочь (он из особой привязанности к ней хотел это сделать), то поскользнулся и упал в воду. Во время падения он, заботясь только о дочери, упал в воду так, чтобы она могла поставить ноги ему на грудь. Дочь же, увидев, что все испугались за нее, а слуга (давно служивший ее отцу и матери) сильно пострадал ради нее, не сказала, что почувствовала боль и испугалась. Но в конце пути в тот же день заболела и через неделю умерла, разрешившись от бремени почти на три месяца раньше срока дочерью, которая прожила три часа и была крещена. Если бы девочка выжила, мать была готова выкормить дитя дочери вместе со своим, которого еще не отлучила от груди. Дочь умерла у нее на руках. Элизабет не поддавалась горю и утешала себя тем, что ее дочь (находившаяся, как они думали, в полном сознании, ощущая все органы чувств, насколько они могли понять) утверждала, что у ее постели стоит сияющая женщина, облаченная в белое, с короной на голове. Они уверовали, что это царица Небесная и убедили в этом дочь. Однако немногим позже, умирая, дочь повторяла грустным, жалобным, исполненным тоски голосом: «горе мне! Неужели нельзя этому помочь?». Ее мать (со-

---

49 Генри Кэри.

50 Генриетта-Мария (1609-1669), дочь Генриха IV Французского и Марии Медичи, стала женой английского короля Карла I 1 мая 1625 г. Она пришла в Англию 12 июня 1625 г.

что это не просто страхом смерти, ибо она сама всегда, даже когда сама была в опасности, заботилась скорее о жизни дочери, нежели о своей собственной), убедила себя: то был знак, что дочери придется (как она надеялась) пострадать в Чистилище (во что, наряду с другими положениями католической религии, она тогда верила). Элизабет продолжала придерживаться этого мнения и после того, как стала католичкой, принимая во внимание склонность, какую ее дочь имела к католичеству. Об этом она услышала от самой дочери, которая всегда высказывалась за католичество, а многие вокруг нее — против, так как она жила среди ревностных шотландских пуритан. Однако дочь не принимала во внимание то, что они об этом говорили, и подтвердила это за несколько дней до смерти, вспомнив, как один из них говорил против католиков. Она сказала, что не знает о них [католиках] ничего, кроме того, что говорят шотландские пасторы, и этому не поверит ни один обладатель здравого смысла, а ее собственный ум говорит ей, что она сама должна быть католичкой, хотя ни одного из них не встречала. И за всю свою короткую невинную жизнь ей многократно выпадали поводы попрактиковаться в терпении и повиновении, которое она всегда выказывала тем, кому положено.

Вернувшись в Лондон, Элизабет зачастила в дом епископа, о котором сказано выше, а в ее дом — те же богословы; она попыталась уговорить себя продолжать, как и раньше, хотя ее убежденность уменьшалась с каждым днем. Считая их теми, за кого они себя выдавали, т.е., истинными священниками (не понимая еще, что, зная истину, они не желали ее слышать), она стремилась, по крайней мере, во всем поступать настолько похоже на католиков и быть на них настолько похожей, насколько могла. Для этого она решила пойти к одному из них на исповедь, избрав одного из

королевских капелланов [доктора Козенса]⁵¹ (он был единомышленником епископа), которого она высоко ценила. Тот же (как было угодно Богу) придумал себе извинение, а именно, что он не привык выслушивать исповеди, но готовится к этому, изучив казуистов, когда на полгода уедет из столицы (что сделал специально). Но еще до его возвращения она (слава Богу) исповедалась более подобающим образом, ибо Элизабет часто посещала предшественника нынешнего лорда Ормонда⁵², и у него познакомилась и подружилась с католиками и священниками. Первым из ее знакомых стал м-р Кошет, миним из Шотландии⁵³, затем отцы Данстаны, белый и черный⁵⁴, и их стараниями (особенно же чернорязого отца Данстана) она скоро уверовала. Однако, после ряда диспутов, на которых присутствовали ее друзья, где обсуждали опасность и ненадежность ее тогдашнего положения, она отбросила все заблуждения и примирилась бы с церковью немедленно, если бы не ее подруга, леди Денби⁵⁵

-
- 51 Джон Козин (1594-1672) — англиканский богослов, анти-кальвинист, автор полемических трудов. Выпускник Кембриджского университета. Глава колледжа Питерхаус (1635-1643, 1660), настоятель собора Питерборо (1640-1660).
- 52 Уолтер Батлер, 11-й граф Ормонд (1559-1633), сын Джона Батлера и Кэтрин Маккарти, убежденный католик. В 1625 г. поселился в Лондоне, в доме на Друри-лейн, благодаря чему этот район Лондона стал притягательным для столичных католиков. «Нынешний лорд Ормонд» — это его внук и наследник Джеймс Батлер, 1-й герцог Ормонд (1610-1688).
- 53 Минимы — нищенствующий орден, основанный в конце XV в. в Италии. Его члены следуют уставу Св. Франциска.
- 54 «Черными монахами», по цвету облачения, называли бенедиктинцев, а «белыми» — цистерцианцев. Соответственно, «белый» отец Данстан — цистерцианец Данстан Эверард (или Джон Джонс, ум. 1650), выпускник коллегии Дуэ, а «черный» — бенедиктинец Джон (Данстан) Петингер (1586-1665).
- 55 Сьюзен Филдинг (урожд. Виллиерс), графиня Денби (1583-1651), дочь сэра Джорджа Виллиерса и Мэри (урожд. Бимонт), сестра королевского фаворита, герцога Бекингэма и первая леди опочивальни при королеве

(слышавшая часть споров), которая просила немного подождать ее, обещав, что выслушав еще один диспут, примирится с церковью вместе с ней. Но выслушав один, она пожелала услышать еще один, с той же целью, а затем еще один, и еще. Так леди Денби задерживала ее немногим меньше полугода, но никак не могла решиться сделать то, что обещала. Поняв это, Элизабет решила больше не ждать леди Денби, но, приготовившись к примирению (которое она намеревалась пройти без дальнейших отлагательств), хотела, чтобы ее восприимчиком был белый отец Данстан [Эверард], первый бенедиктинец (а этот орден она особо почитала), с которым она повстречалась.

Утром отправилась ко двору, где жила эта дама, чтобы сообщить той, что если она сейчас решится сделать это вместе с ней, то это возможно, а иначе она не станет ее больше ждать — она решилась. Та же продолжала старые просьбы, как и раньше, но видя, что больше не сумеет возобладать, и что ее подруга не может и не хочет больше откладывать примирения, сказала: «что ж, вы сейчас при дворе, и здесь я вас и удержу. Вы останетесь в моих покоях и никуда не пойдете», приказав принести для нее кровать. Элизабет была поражена таким сюрпризом, не ожидая ничего подобного, но сочла наилучшим сделать вид, что согласна остаться там. Леди Денби, либо поверив этому, либо (делая вид, что, возможно, сама пойдет с Элизабет, как и обещала, когда говорила с ней) убедившись, что та останется, по крайней мере, до ее возвращения, оставила Элизабет одну. Она же, подозревая — и справедливо — что леди отправилась найти кого-

---

Генриетте Марии. В 1606 г. вышла замуж за Уильяма Филдинга, 1-го графа Денби (1587-1643), хранителя королевского гардероба. Графиня Денби обратилась в католичество в эмиграции, во Франции, куда уехала после смерти мужа, в 1644 г.

нибудь, кто удержал бы ее, не упустила возможность и, в отсутствие леди Денби, поспешила в дом лорда Ормонда. Хотя раньше она предполагала пройти через обряд примирения через несколько дней, но теперь не смела ждать другого случая (не зная, с каким еще столкнется препятствием), и, найдя там черного отца Данстана [Петингера], тут же примирилась с церковью⁵⁶, прямо в конюшне лорда Ормонда (отец Данстан был ее духовным отцом, пока его не арестовали). Как только все свершилось, она вернулась ко двору в покои леди Денби и сказала ей, что теперь готова оставаться у нее так долго, как ей угодно, ибо дело сделано. Леди была сильно обеспокоена и немедленно отправилась к близкому и могущественному другу [собственному брату, герцогу Бекингэму]⁵⁷ и все рассказала ему. Он тут же рассказал королю⁵⁸, а тот сильно разгневался. Друзья Элизабет немедленно начали убеждать ее, что раз о ее обращении еще никому не известно, она может вернуться, но увидев, что ее невозможно поколебать ни убеждениями, ни недовольством, позволили ей уехать домой. Туда за нею вскоре последовал секретарь Кок⁵⁹ с приказом короля оставаться под домашним арестом, пока ему будет так угодно. Так что, если бы она не сделала то, что сделала, ей бы помешали. Она оказалась под арестом (это продолжалось шесть недель), ни один католик не

56 Примирение (*reconciliation*) с церковью — термин, обычно применявшийся к тем католикам, которые время от времени, подчиняясь требованию английских законов, посещали протестантские службы, тем самым признавая монарха главой церкви. Таких католиков считали виновными в грехе схизмы. Однако здесь это понятие используется как синоним обращения (*conversion*).

57 Джордж Виллиерс (1592-1628), 1-й герцог Бекингэм, сын сэра Джорджа Виллиерса и Мэри (урожд. Бимонт), фаворит Якова I и Карла I.

58 Карл I (1600-1649), король Англии в 1625–1649 гг.

59 Сэр Джон Кок (1563-1644), английский парламентарий, государственный секретарь в 1625–1640 гг.

смел к ней приблизиться, а ее свита была полностью протестантской. Так Господь (после долгого милостивого ожидания) освободил ее от опаснейшего заблуждения, в котором, боюсь, погибли многие умершие, а другие, живущие, утратили дарованную им благодать.

На следующий день после примирения в город вернулся тот богослов, который должен был стать ее исповедником⁶⁰, он посетил ее и, услышав от нее обо всем случившемся, впал в такую ярость, что бросившись на землю, отказывался вставать или принимать пищу с утра до вечера, плача и рыдая, приводя в качестве доводов (чтобы заставить ее вернуться) позор для их друзей, а также то, что она повредит им, заставив других их бояться, и что люди скажут: так заканчивают все их сторонники⁶¹. Увидев же, что не может ее переубедить (но лишь заставив ее попоститься с ним весь день), он ушел во свояси и больше не приходил к ней, так же, как и все ее бывшие друзья этого рода. Однако она всегда относилась к самым достойным из них уважительно, а в ее дом потом приходили и другие, доброго поведения, и им были рады. Из любви и уважения к учености она желала их обращения, и, главным образом (как она заявляет в послании к читателю) ради ученых Оксфорда и Кембриджа (которые обычно не понимают французского) перевела труды кардинала Перрона⁶².

---

60 Имеется в виду Джон Козин.

61 Английские «арминиане» и в самом деле опасались, что их сочтут католической «пятой колонной» в Церкви Англии, тайно стремившейся к обращению прихожан в католичество. Именно поэтому представители этой группы склонны были полемизировать с католиками и подчеркивать свои догматическое расхождения с ними.

62 Жак Дави дю Перрон (1556-1618), французский католический богослов и полемист. Епископ Эвре (1591-1606), архиепископ Санский (1606-1618). Кардинал с 1604 г. Памфлет, который переводила Элизабет Кэри - Brief discours sur quelques poinct concernans la police de l'Église et de

Представитель ее супруга в Англии⁶³, не дождавшись прямого приказа от своего повелителя (который, как только узнал о случившемся, страшно разгневался на нее), немедленно прекратил выплаты ее денежного пособия, так что она (которая и раньше не имела много), вскоре впала в такую нужду, что оказалась вынужденной отослать детей (старшая дочь уже уехала от нее ко двору, став одной из первых английских девушек, каким была дарована честь служить Ее Величеству) и тех, кто им служил, к друзьям обедать и ужинать, не желая расставаться с ними полностью до тех пор, пока их у нее не забрали. Это вскоре и произошло по приказу ее супруга главе ее дома [м-ру Хичкоку], который забрал не только детей, но и всех старых слуг, оставив только одну молодую горничную [Бесси Поултер], которую она воспитывала с детства; теперь она счастлива, принеся полный монашеский обет, жить среди английских терезианок в Антверпене⁶⁴. Бесси ни за что не хотела покидать свою госпожу, хотя тогда еще была протестанткой. Забрали также и всю утварь и все, что было в доме — пиво, уголь, дрова, и остальное, что можно было перевезти, оставив Элизабет в заключении, одну и в нужде.

Однако, невзирая на проявленную к ней жестокость, она, узнав, что в своих письмах ее супругу управляющий всегда говорил о ней с уважением и почтением и никогда не делал ложных обвинений, как поступали другие (разжигая тем самым гнев мужа), но вменял ей в вину только то зло, кото-

---

l'État: et particulièrement sur la reception du Concile de Trente & la venalité des offices. (Paris, 1615)

63 Уильям Хичкок.

64 Терезианки — название кармелиток (по имени Св. Тересы). Конвент английских кармелиток был основан в 1619 г. Именно там в 1643 г. принесла монашеский обет Элизабет (в монашестве — Паула Св. Иосифа) Поултер (1613-1672).

рое, как он считал, она причинила мужу и себе, изменив свою религию, согласно своей природе, была более склонна благоволить ему за это, нежели сердиться за все остальное. Она скорее уважала это нежелание еще больше разжигать гнев мужа, нежели пеняла управляющему за то, что оказалась в нужде, не имея во рту маковой росинки. Для нее тогда это было немыслимым, ведь ранее она не знала нужды, и она желала скрыть бедность, стыдясь ее. Чтобы ее верная служанка (Бесси Поултер) не страдала от голода, Элизабет отправила ее столоваться в дом лорда Ормонда, но с приказом скрыть причину. Та же, чтобы оказать госпоже посильную помощь, не нарушив приказа, тайком брала со стола и прятала в платок корки от пирогов, куски хлеба и масла, или что-то подобное, а потом приносила их домой, и были дни, когда Элизабет жила только на этом (настолько она казалась забытой миром и всеми друзьями, которые у нее когда-либо были). Однако ее служанка, не в силах больше видеть ее в таком бедственном состоянии, рассказала об этом в доме лорда Ормонда, и впоследствии во время ее заключения ей ежедневно посылались блюда от его стола.

В это время она (привыкшая к большому обществу) была настолько одинока, что, когда к ней с визитом прибыл некий м-р Чейперлин, достойный джентльмен-католик, (первый, кто осмелился это сделать), она так обрадовалась и утешилась его визитом, и до самой смерти вспоминала его доброту и всегда произносила за него Аве Мария. Потом ее посещали и другие, а ее кухня-католичка, миледи Мэнорс⁶⁵, увидев, в каком она была положении, рассказала об этом ле-

---

65 Речь идет о сестре виконта Фолкленда Фрэнсис Кэри, которая в 1606 г. стала женой Джорджа Мэннерса (1580-1641), 7-го графа Ратленда (с 1632 г.).

ди Карлайл⁶⁶ (ведь причина заключения Элизабет проистекала отсюда, куда она немедленно и с уверенностью в успехе обратилась бы за помощью ранее — у короля — и потому она не смела просить своих друзей вступиться). Леди Карлайл сообщила королю о том, в какой нужде жила леди Фолкленд, а также о том, что, лишившись свободы, та боялась искать помощи. Причиной же столь долгого заключения было то, что некому было заступиться за нее перед Его Величеством: король удивился тому, что она все еще под арестом, ибо не намеревался его затягивать, но ему о ней не напомнили, и он немедленно дал ей разрешение свободно передвигаться. Сразу после ее обращения в католичество, ее большим другом выказала себя другая католичка, леди Банбери⁶⁷ (женщины были давно знакомы), помогла ей в нужде. Об этом Элизабет вспомнила в поэме на Благовещение Богородице, посвященной леди Банбери.

Страх заключения не принудил ее отказаться от обращения, и ее друзья (к которым она приезжала так же часто, как и раньше) возобновили свои увещания. Сначала высочайшей властью [от короля] ей от двора было прислано сочинение, составленное одним из епископов, полное доводов, ложных примеров и авторитетов, доказывавшее, что хотя бы католическая вера и была истинной, законно причащаться с ними⁶⁸. Это сочинение отец Бенет Прайс⁶⁹ (с кем она тогда

66 Люси Хэй (урожд. Перси, 1599-1660), дочь Генри, 9-го графа Нортумберленда и Дороти (урожд. Деверо), жена Джеймса Хэя, 1-го графа Карлайла (1580-1636), дама опочивальни королевы Генриетты Марии.

67 Элизабет (урожд. Ховард, 1586-1658), дочь Томаса Ховарда, графа Саффолка и Кэтрин (урожд. Ниветт), жена: 1) Уильяма Ноллиса, 1-го графа Банбери (1544-1632); 2) Эдварда, барона Вокса из Хэрроудена (1588-1661).

68 Т.е., принимать причастие в Церкви Англии.

познакомилась и кто оказал ей большую помощь в нужде, став ей хорошим другом) отослал отцу Лиандеру⁷⁰. Последний дал на него ответ и настолько удачный, что она, вручив ответ тому, кто принес ей это сочинение, получила от его автора — епископа приказ не публиковать ответный труд; она не стала этого делать (не желая навлекать на себя гнев больше необходимого). Многие другие выдвигали перед ней следующие соображения (некоторые начали излагать их в письмах незадолго до окончания ее заключения) — бесчестье супруга, гибель для него и ее детей, разлука с ними (ведь муж явно не позволил бы им жить с ней, или ей с ним), то обстоятельство, что перед сменой религии она пользовалась милостью и благосклонностью [двора], и в ее власти было принести пользу мужу; и все это, и еще больше, она могла приобрести, вернувшись.

Таковы были основные доводы, однако некоторые из друзей пожелали, чтобы был назначен диспут, в ее присутствии. Это было сделано к их удовольствию в доме лорда Ньюбурга (мужа золовки — ее подруги)⁷¹, для этой цели они позвали доктора Уитли, а она привела черного отца Данстана⁷². Кроме них, там присутствовали доктор Лейни, капеллан лорда Ньюбурга, а затем — и короля⁷³. Этот диспут (в совер-

---

69 Уильям (в монашестве — Бенедикт, или Бенет) Джонс (или Прайс) (ум. 1639), английский бенедиктинец.

70 Лиандер Причард (ум.1685?), английский бенедиктинец.

71 Барон Эдвард Барретт из Ньюбурга (1581-1645), канцлер казначейства, член Тайного Совета Карла I. Его первой женой была сестра виконта Фолкленда Джейн Кэри (ум. 1633).

72 Данстан Петигер.

73 Бенджамин Лейни (1591-1675) — английский клирик, капеллан лорда Ньюбурга, в 1644-1649 гг. — капеллан Карла I; после Реставрации — епископ Питерборский (1660-1663), Илийский (1663-1667) и Личфилдский (1667-1675).

шенно искаженном виде) был описан доктором Уитли (который на самом деле не сделал ничего, только жаловался), но когда он отнес его доктору Лейни, чтобы тот подписал его как свидетель, Лейни показался себя честным человеком и не только отказал ему, но и убеждал не издавать явную фальшивку, уверив, что если другой джентльмен (отец Данстан) издаст подлинный рассказ, противоречащий его истории, и попросит его подписи как свидетеля, он должен будет подписать и согласится на это. Все эти доводы не удержали доктора Уитли от публикации, а изданием подлинного рассказа пренебрегли.

Около этого времени она сумела позаботиться об обращении служившей ей девушки. Сначала она приложила много усилий, чтобы заставить ее поговорить со священником, а всех их девушка всерьез считала колдунами (она слышала это во врем проповеди от шотландских пасторов, так как раньше жила в Шотландии со старшей дочерью леди Фолкленд), но, в конце концов, усилиями отца Данстана была обращена и примирилась с церковью. Вскоре после этого отец Данстан был арестован в ее доме стараниями того самого слуги, который оставил ее в такой нужде (на смертном одре этот самый человек послал к ней за священником, который не успел к нему добраться, так как он умер раньше, чем можно было кого-то найти, но выразил желание видеть священника и настоятельно советовал жене стать католичкой). Однако его господин, чье благоволение он пытался снискать, устроив арест священника, был им из-за этого недоволен. Он гневался на жену скорее потому, что считал: ее обращение повредит его карьере, а она сама из-за этого лишится возможности помогать его делам (ведь он считал, что если бы не обращение, она была бы как никогда сильна при дворе и могла помочь ему), нежели просто из-за того, что она като-

личка. Муж также сердился на то, что она поспешила объявить себя католичкой, а она совсем не собиралась так поступать, хотя и рада была признаться в этом, но случай, о котором рассказано выше, сделал это за нее. Некоторые его слуги тоже выступили с ложными обвинениями в адрес госпожи, но ее всегда защищали те, кого она чаще всего навещала, и многие из них (например, госпожа герцогиня Бекингэм, и мать господина герцога, которая тогда сама была католичкой⁷⁴, его сестра, леди Денби, ее сестра Ньюбург и сам лорд) часто и усердно писали ему в ее защиту. Но эти письма не возымели желаемого эффекта, потому что один из слуг (который имел над господином больше власти, нежели ему подобало) сообщил ему, что она чинила препятствия его делам при дворе и оказала ему дурные услуги в глазах его тамошних друзей (впоследствии она видела все письма этого человека ее супругу, полные жалоб на нее).

Однако она была настолько далека от того, чтобы делать что-то неугодное мужу, и уж тем более невыгодное для него (более, чем обязывала ее религия), что когда ее друзья заявили Тайному Совету: супругу подобает выплачивать ей пособие, которое, по крайней мере, избавит ее от нужды, и получили от лордов совета в ее пользу предписание мужу выплачивать ей 500 ф.с. в год, она не стала его использовать и даже не сообщила о нем мужу, хорошо зная, что ему сильно не понравится, если его заставят сделать то, чего он не сделал добровольно. А она не желала ни в чем сердить его, если

---

74 Кэтрин (урожд. Мэннерс, 1603–1649), дочь Фрэнсиса Мэннерса, 6-го графа Ратленда и Фрэнсис (Ниветт), жена: 1) Джорджа Виллиерса, 1-го герцога Бекингэма (1592-1628); 2) Рэндалла Макдоннела, 2-го маркиза Антрима (1609-1683). Мать герцога Бекингэма — Мэри Виллиерс (урожд. Бимонт, 1570-1632), дочь Энтони Бимонта из Гленфилда и Энн (урожд. Армстронг), вторая жена сэра Джорджа Виллиерса (ум. 1606). Обе дамы были католичками.

могла это сделать по совести, хотя ей и приходилось из-за этого страдать. Друзья винили ее в том, что она не использует приказ Совета, и впредь не спешили помогать ей, а она (для них) объясняла свое бездействие уверениями, что, по ее мнению, если он может себе это позволить, то сделает по своей воле. Однако она хорошо знала, в каком состоянии пребывают имущественные дела мужа, и поэтому не хотела давить на него; не говорила ему ничего из страха сильнее разгневать его этим делом, или чем-либо еще дать друзьям повод испытывать к нему неприязнь.

Чтобы не быть бременем для друзей и не увеличивать долгов, она переехала в маленький старый домик в городке в десяти милях от Лондона, потому что ее мать (отец умер до того, как она вернулась в Англию), в чьем лондонском доме она жила до тех пор, пожелала, чтобы она съехала, ибо настолько разгневалась ее обращением в католичество, что все это время не желала ни помочь дочери, ни слушать о ней. В этом домике Элизабет некоторое время жила одна с молодой служанкой-католичкой, и дом почти разваливался над их головами, а из мебели в нем была одна кровать с матрасом из грубой шерсти, положенным на пол (да и ту позаимствовали у городского бедняка), старого плетеного короба, служившего им столом, и деревянного стула. Там она на протяжении Великого поста жила по большей части (если не полностью) на воде, в которой варили рыбу, положив в нее немного хлеба. А служанка ела рыбу, хотя ни до, ни после этого к ней не прикасалась (но теперь они жили на Темзе, и это была самая дешевая и доступная пища), и Господь вознаграждал ее верность Ему и своей госпоже (за то, что девушка оставалась католичкой и ее служанкой, хотя могла бы с легкостью найти себе лучшее место, по крайней мере, тогда, если бы только оставила свою госпожу, ведь она была хороша

во всем, что делала, и наверняка нашла бы тех, кто с радостью нанял бы ее), дав ей способность и склонность выносить все с радостью, так что обе они утверждали, что никогда не были веселее и довольнее своей жизнью, чем тогда.

В это время она познакомилась с мистером Клейтоном⁷⁵, который ссудил ей большую часть того, что имел, как только узнал ее, а часть средств — даже до того, как увидел. Его она всегда (и по заслугам) считала прекрасным другом. Он был одним из немногих, которые довольствуются тем, что имеют, и был совершенно свободен от желаний и устремлений; благодаря этому (хотя он имел немного) ему, казалось, были должны все его знакомые, а он — никому, так как он обращался к друзьям только для того, чтобы оказать услугу кому-то еще, но никогда — для себя. Много в это время одолжила ей леди Банбери.

Когда Элизабет жила в этом домике, она начала перевод трудов кардинала Перрона, из которых за тридцать дней перевела ответ на сочинение короля (как утверждает мистер Клейтон в стихах, которые без указания имени автора опубликованы в предисловии к ее книге). Через некоторое время она издала этот перевод, посвятив его Ее Величеству⁷⁶. Од-

---

75 Джеймс Клейтон.

76 Речь идет о произведениях, написанных в ходе полемики о присяге на верность, которую с 1606 г. требовали от английских католиков. Одно из положений присяги, направленной против права римских понтификов объявлять светских государей лишенными власти, было сформулировано таким образом, что звучало как обвинение пап в ереси. Из Рима пришел запрет католикам принести эту присягу, а богословы всей Европы в течение почти 20 лет полемизировали, обсуждая законность этой присяги. В полемике участвовал король Яков I: сначала он издал «Апологию присяги на верность» (1609) [An Apologie for the Oath of Allegiance. London, 1609], а позднее вступил в прямой спор с кардиналом дю Перроном. Последний, выступая на Генеральных Штатах 1614 г., резко отозвался о присяге. Речь кардинала была опубликована в английском переводе (1616), и Яков I издал свое опровержение, причем — неслыханно для

нако доктор Эббот, тогда — архиепископ Кентерберийский⁷⁷, перехватил тираж при доставке в Англию и сжег его. В ее руки попали несколько экземпляров. Там же она начала переводить остальные труды кардинала и закончила работу намного позже, но так и не смогла напечатать их. В конце концов, после смерти матери имущество (естественной наследницей которого была Элизабет) передали ее старшему сыну (а ей — лишь небольшую часть), сын же предпринял ряд шагов, чтобы избавить ее от нужды. Примерно тогда она написала жития Св. Марии Магдалины, Св. Агнессы мученицы, и Св. Елизаветы Португальской, в стихах, и до, и после этого — множество стихов, посвященных Деве Марии (ее имя она приняла при конфирмации, которую получила из рук епископа Халцедонского⁷⁸) и многим другим святым.

Потом она оказалась в долгах, а в этом состоянии она пребывала постоянно, с детства, однако скорее от сердечной щедрости, которая всегда превосходила ее средства, и других причин, о которых уже шла речь, нежели из-за своевольного пренебрежения делами, ибо она была очень благоразумной, особенно после обращения в католичество. Она никогда не отказывалась платить долги, когда имела деньги, всегда благодарила тех, кто пришел за деньгами, и никогда не под-

---

монарха — под собственным именем [Remonstancance of the Most Gracious King James I ... for the Right of Kings and the Independance of Their Crownes against the Oration of the Most Illustrious Card. Du Perron. Cambridge, 1616]. Дю Перрон ответил королю своим собственным памфлетом [Replique a la response du serenissime Roy de La Grand Bretagne par l'illustriissime et reverendissime cardinal du Perron.] Именно этот последний памфлет и переводила виконтесса Фолкленд.

- 77 Джордж Эббот (1562-1633), епископ Личфилдский (1609-1610), епископ Лондонский (1610-1611), архиепископ Кентерберийский (1611-1633).
- 78 Ричард Смит (1568-1655), английский католический богослов и полемист, с 1625 г. епископ Халцедонский и викарий апостольского престола в Англии (1625-1628).

вергала сомнениям то, что они спрашивали. Но если они приходили, когда у нее не было средств, она была не столь довольной и склонна была задавать вопросы. Но все знали, какая у нее плохая память на долги, и если совесть им не препятствовала, смело запрашивали все, что хотели. А если они готовы были принять обещание заплатить им в определенный момент в будущем, она признавала все, что бы они говорили. Когда она не могла заплатить, то чувствовала себя обязанной молиться за своих кредиторов. Она слишком свободно занимала деньги, но не имела обыкновения избегать оплаты, а когда ей нечего было дать, слишком легко давала обещания тем, кто готов был удовольствоваться этим. Что же до обещаний, то первыми выполнялись те, что были даны тем, кто первым попросил. И не было никакого способа освободиться от долгов, так как у нее было денег достаточно лишь для того, чтобы не впасть в нужду [из желания освободиться от долгов она снова вовлеклась в придворные дела и тяжбы; у нее всегда была склонность к умственным занятиям, но другие втянули ее в подобные проекты]. В таких делах она потратила несколько лет, надеясь выбраться из долгов, но, в конце концов, она проиграла, хотя, пока она занималась делами, она этого не понимала.

Порой ее жизнь и ее дом были плохо организованными или в беспорядке [когда она увлекалась делами и поглощена ими настолько, что забывала о себе (она была к этому склонна, и ей редко удавалось, погрузившись в мысли, помнить о собственных нуждах и различать, холодно ли ей, или же она голодна, — она требовала пива, когда обжигалась от огня — знала, что ее беспокоит нечто, но не понимала, что именно), и не имела никого, кто позаботился бы заглянуть к ней и напомнить о необходимом, за что она была бы благодарна тем, кто взял бы это на себя, и почитала бы их друзья-

ми], и такой она казалась тем, кто напоминал ей о ее недостатках. Из-за его готовности порицать ее, она оставила отца Бенета Прайса в качестве своего капеллана, хотя во многих других отношениях это было для нее неудобно; в ее собственном доме жил отец Катберт⁷⁹, а ей приходилось идти из дома к другому. Что же до ее прегрешений перед Богом, она готова была склониться и выслушать увещания любого, как заслуженные ею. Благодаря своей вере и пониманию того, что пришло от нее самой, а что — от Бога, она хорошо различала собственные ошибки, а все сделанное ею добро считала Его милостью, полагая, что ее обязательства по отношению к Нему не исполнялись, а лишь возрастали.

Ее беспорядочность была следствием забывчивости, а не отсутствия добрых намерений, и об этом свидетельствуют найденные тогда у нее бумаги, в которых она составляла распорядок дня, выделяя часть дня всем своим делам и назначая себе молиться за обращение мужа и детей, а также за своих кредиторов [и она всегда почитала и любила порядок, когда вспоминала о нем]. Ей едва ли удавалось делать малые дела, однако, милостью Божьей, ей порой удавались великие. В мелких делах она порой поддавалась себе; в важных она могла собой распорядиться. Она могла проявлять страсти из-за мелочей (совсем по-детски), но в больших делах многократно проявляла упорство и терпение. Она могла позволить себе беспокоиться из-за ерунды, но в серьезных делах не выказывала страха, особенно когда речь шла о служении Богу или обращении душ. Казалось, она не всегда имела над собой власть в вопросах еды (хотя и могла, заняв ум, забыть о ее необходимости), но укрепляемая предписа-

---

79 Джон (в монашестве Катберт) Ферсдон (1602-1638), английский бенедиктинец.

ниями церкви, или же воодушевленная желанием послужить делу Божьему, она казалось способной на все; точно соблюдала церковные посты, не ела масло и молоко в Великий пост, когда была католичкой (за исключением двух постов перед смертью, когда у нее была чахотка). А некоторыми постами она подтверждала свое соблюдение предписанных правил, решившись и придерживаясь более строгого воздержания. Одним постом за ее столом подавали мясо ее детям-протестантам, а она сама не позволяла себе ни одного блюда с сахаром, за исключением воскресенья, что имело большое значение для ее питания, особенно постного. Строгое соблюдение поста было для нее тем более сложным, что она по обыкновению и природной склонности почти не пила вина, а если и пила, то не более ложки за раз.

Супруг Элизабет вернулся в Англию в мае 1630 г., и ее жизнь стала более упорядоченной. Впредь она по возможности избегала ситуаций, когда другие люди помогали ей в нужде, зная, что муж разгневется, так как это его позорило; хотя в то время он все еще отказывался видеть ее. Тогда же она всерьез взялась за продвижение его дел, всеми доступными ей средствами, при помощи друзей. В конце концов, благодаря заступничеству Ее Величества (которой было угодно стать посредницей, и которая и до, и после, своей королевской милостью, облегчала ее нужду и помогала ей и ее родственникам) супруги примирились, однако продолжали жить порознь, и для того, чтобы дать ей возможность исповедовать свою веру, и потому, что его состояние было растрачено (особенно после женитьбы старшего сына, состоявшейся против воли отца: последний возлагал на брак сына большие надежды, рассчитывал через него восстановить состояние и вел о нем переговоры, когда сын, женившись на

другой, расстроил все его планы⁸⁰), и по-другому устроить было невозможно. Кроме того, она была вовлечена в дела и проекты (о которых шла речь выше) и могла свободнее заниматься ими, живя так, как раньше. Однако, хотя она ничего и не получала от мужа, но настолько почитала его волю, что не искала средств улучшить свое положение без его разрешения. Ибо ей не всегда удавалось получать доход от своего имущества, и порой она, желая обратиться за помощью к королю, не делала этого (хотя и не могла бояться его недоверия), пока не удостоверилась: муж не считал, что это воспрепятствует его делам с королем, и пока он на сообщал ей, что согласен и желает, чтобы она так поступила.

Вернув дружбу своего мужа, Элизабет всерьез трудилась над его примирением с сыном, на которого он разгневался из-за брака, по той лишь причине, что он из-за этой свадьбы лишился помощи, необходимой, чтобы поправить его (отчаянное) положение, так как всегда тратил больше, чем получал.

К остальным детям (которых она теперь иногда видела) она выказывала доброту, стремясь всеми средствами привлечь их интерес к себе. Элизабет могла чего-либо от них добиться, лишь угождая им, так как они считали, что выказанное ей уважение — дело добровольное, или просто вежливость, но не обязанность (однако если бы они выказали это слишком открыто, то навлекли бы на себя отцовский гнев, потому что он, как бы сам не сердился на нее, любил видеть,

---

80 Ок. 1631 г. Люсиус Кэри женился на Летиции, дочери сэра Ричарда Моррисона (ум. 1625) и Элизабет (урожд. Харингтон). Финансовые дела виконта Фолкленда были расстроены, и он предпочел бы, чтобы его старший сын женился на богатой наследнице с хорошими связями. Он выбрал ему в жены одну из сестер графа Портленда. Люсиус Кэри, однако, женился по собственному выбору: он был уже совершеннолетним и, получив еще в 1625 г. наследство деда, не зависел от финансовой поддержки отца.

как дети почитают ее), и оскорбились бы, если бы она стала претендовать на власть над ними. Ибо она оставила их маленькими, и они долго жили далеко от нее (особенно три дочери), а теперь видели ее только тогда, когда сами хотели, так как получали от отца и отцовскую, и материнскую заботу, так что они платили ему любовью и уважением, какие причитаются обоим, а ей оставалось немного (лишь старшая из ее выживших дочерей, которая рассталась с матерью позже всех, провела меньше времени вдали от нее, казалось, лучше помнила о том, чем она обязана ей. Эту дочь она всегда любила больше других детей, пока они все не стали католиками, и любила ее больше, чем их, потому что она больше всех защищала мать по возвращении в Ирландию, куда она с младшими братьями и сестрой уехала через год после обращения матери в католичество, хотя потом вновь вернулась ко двору⁸¹). Мать же, следовательно, старалась дать дочерям то, что им нравилось, и то, что могло заставить их пожелать чаще оставаться с ней. Однако она не смела говорить с ними о религии (только просила их добавить к своим молитвам прошение к Богу познать истину); если бы она поступила иначе, то лишь отпугнула бы их от себя, однако она много раз устраивала так, чтобы при них говорили о религии, словно бы случайно.

Ее муж распустил свиту и отослал от себя детей, а через два года, провидением Божьим, позвал к себе четырех младших дочерей (без этого они никогда не оказались в руках матери). Вскоре после этого, в конце лета, он сопровождал ко-

---

81 Энн (в монашестве Клеменция) Кэри (1614-1671), третья дочь леди Фолкленд. В конце 1620 х гг. — фрейлина королевы Генриетты Марии. В 1639 г. принесла монашеский обет в английском бенедиктинском монастыре в Камбре. Одна из основательниц английского бенедиктинского монастыря в Париже.

роля (незадолго до того вернувшегося из Шотландии⁸²) на охоту в Теобальдс⁸³, и там упал с подставки и сломал ногу, а когда попытался встать, увидев идущего к нему короля, и оперся на эту ногу, то сломал ее еще в двух местах. Король приказал своему врачу и хирургу не отходить от него, пока он не поправится. Его отнесли в охотничий домик в парке, и оттуда он послал за женой (которая тем летом жила с ним в его собственном доме, чего она не делала с тех пор, как они поссорились; муж ее тогда говорил, что им нужно поселиться вместе своим домом — он сам тогда жил, по большей части, у лорда Ньюбурга — и планировал найти там место для ее часовни, а также и для священников).

Элизабет немедленно приехала из Лондона, лежавшего в двадцати милях оттуда, и так спешила, что в ночь перед приездом не спала и даже не ложилась в постель. Приехав, она день и ночь оставалась рядом с мужем, не отходя от него и не раздеваясь. Спала она только днем, сидя в кресле в его комнате, или лежа на матрасе, который он приказал для нее принести. Его тогда посетили его друзья, его дочь, что была при дворе, одна из сестер и лорд Ньюбург. Но никто не оставался рядом с ним, кроме слуг и жены, которая не покинула его до самой смерти, наступившей всего через неделю. Ведь хирург, выступая в качестве костоправа, попытался вправить кость, но не справился: вместо излечения началась гангрена. Тогда послали за доктором и хирургом королевы, док-

---

82 В 1633г. Карл I отправился в Шотландию, чтобы короноваться шотландской короной. Церемония состоялась 18 июня. Король вернулся в Англию в сентябре 1633 г.

83 Теобальдс (Чезант, Хартфордшир) — поместье, принадлежавшее Сесилам. В конце XVI в. там был возведен дворец, который часто посещала Елизавета, а затем и ее преемник — Яков I. В 1607 г. король приобрел поместье; он и его сын любили охотиться в окрестностях Теобальдса.

тором Майерном и м-ром Обером⁸⁴, а также за хирургом из госпиталя (самого опытного в таких делах). Они посоветовались и решили, что нужно отрезать ногу над коленом. Элизабет хотела, чтобы операцию делал господин Обер, но мужа убедили выбрать другого хирурга. Когда ему отрезали ногу, он не изменился в лице и не ничем не показал, что ему больно, точно так же, как и в тот день, когда сломал ногу (в то время он был ничуть не менее вежливым, чем обычно, со всеми, кто с ним разговаривал), и когда ногу перевязывали. Только когда врачи искали, как далеко зашла гангрена, он один раз поморщился, воскликнув: «осторожнее».

Жена также присутствовала, а в то время, когда ногу отрезали, проведать его приехали дочери из дома и два младших сына из школы. Дети не знали, в какой опасности он был, и, когда они спешили и узнали, что его оперируют, одна из девочек вскрикнула. Отец услышал ее, узнал ее голос и приказал утешить ее, послав к ней слугу. Как только операция завершилась, и его положили в постель, он послал за детьми, улыбался и шутил, стараясь их утешить, а затем, дав им последнее благословение, отослал домой. Когда ему отрезали ногу, он не предвидел смерти; в то утро он принял протестантское причастие. Однако во время операции кость раскололи, и врачи, рассудив, что нога скорее вновь загноится, нежели вылечится, не стали закрывать рану, но на время остановили кровь порошком, так как считали, что он не выдержит новой операции, а умрет. Однако ему об опасности не сказали. На следующее утро нога опять кровоточила, и кровь остановили таким же способом, но когда то же самое случи-

84 Теодор Тюрке де Майерн (1573-1655) — известный врач и анатом, уроженец Женевы. Врач Генриха IV Французского, а с 1611 г. — врач Якова I и Карла I. Морис Обер практиковал в Лондоне с 1619 г.; в 1629–1639 гг. он был хирургом королевы Генриетты Марии.

лось около семи вечера, они не смогли сразу привести к нему врача и двух хирургов (ибо сэр Теодор Майерн и господин Обер уехали). В конце концов, врачи пришли и сказали, что надежды нет, предложив не останавливать кровотечение, но дать больному истечь кровью.

Он не казался испуганным, когда услышал эти слова, хотя известие было неожиданным (тем более, что врачей невозможно было убедить попробовать сделать еще что-нибудь). Обратившись к жене по-французски (так как рядом были хирурги, слуги и капеллан), он сначала сказал ей, чего хотел бы от короля, чего — от друзей, а что — для своих детей и слуг, осведомился о ее делах, а чуть позже спросил жену (все еще по-французски, а на этом языке он говорил плохо), здесь ли ее человек — назвав его *homme*. Она подумала, что то была плохо составленная фраза, но сказала, что слуга, который сопровождал ее во время выездов, прибыл с ней. Муж ответил, что имел в виду не его, и она поняла, что он намекал на ее священника, а назвал его так, чтобы отличить от слуги. Она же не привезла священника, так как не предвидела внезапной смерти мужа, да и не смогла бы быстро найти священника в Лондоне, а о священниках по соседству она не знала, так что сказала мужу, что ни одного там не было. Затем он спросил, неужели нет другого способа, кроме признанного законом⁸⁵. Она же, встав на колени у его постели, постаралась рассказать ему, как распорядиться собой внутренне, не имея внешних средств⁸⁶. Однако она не смела предложить ему объявить о своем желании быть католиком перед посторонними, не считая это обязательным, и опасая-

85 Признанных Церковью Англии молитв, читавшихся над умирающими.

86 Т.е., как исповедаться в отсутствие священника. Подобные наставления для мирян существовали еще в Средние века, неизвестно, на какое из них ориентировалась виконтесса Фолкленд.

ясь, что он — слишком любящий и осторожный отец — побойтся запятнать детей в глазах друзей. Он, казалось, выслушал все, что она сказала, но сам больше не говорил; он истекал кровью в течение трех часов и большую их часть провел молча, особенно под конец, пока она молилась и говорила с ним.

Когда муж уже был близок к смерти, один из хирургов пожелал, чтобы он объявил — умирает протестантом, иначе (сказал медик), из-за того, что его жена была здесь и много говорила с ним, скажут, что он умер папистом. На это (а тот человек повторил свои слова три или четыре раза) виконт ответил только поворотом головы. Однако поняв, что тот не перестанет твердить то же самое ему в ухо, он, в конце концов, сказал ему: «Прошу, не прерывай мою безмолвную молитву», и это показывает — он мог бы произнести и требуемые слова, если бы захотел. Двое его слуг-протестантов, присутствовавших там, признали, что он таким образом отказался признать, что умирает протестантом. Он умер сразу после этого, без агонии или борьбы, до конца оставаясь в сознании; ему было около пятидесяти семи лет, а ей — около сорока шести. Что могло особенно повлиять на его желание стать католиком, так это чтение ее перевода Перрона (который она ему показывала, и который был найден в его кабинете после смерти, покрытый его пометками), а также беседы о религии с мистером Клейтоном (что он делал часто), а его он считал человеком ученым, разумным и искренним.

Увидев мужа мертвым, Элизабет, хотя и плакала (потому что в сама деле очень его любила), взяла себя в руки (она никогда полностью не отдавалась скорби и, кроме того, получила утешение от тех превзошедших ее ожидания знаков, которые он подал ей, и она имела большие надежды, сокрушаясь в то же время, что не имела наготове священника), а

ее первой мыслью было забрать детей жить с ней (она желала этого ради обращения их в католиков). И чтобы предвосхитить все возможные препятствия и быстрее добиться их согласия, она в ту же ночь, несмотря на поздний час, в темноте отправилась вместе с его мертвым телом в его дом на расстоянии девяти миль, туда, где находились дочери, и прибыла туда в три утра. Сначала она все скрыла от детей, затем сообщила, что нет надежды на выздоровление отца, а затем, видя, что дети страшно расстроились от мысли, что она оставила его умирать одного, призналась, что он умер, изо всех сил постаравшись утешить их. Она поспешила предложить им жить с ней, сказав, что этого желал их отец, произнеся все, что только могла придумать, чтобы убедить их, умоляя обещать ей не уезжать от нее в дома друзей, если это будет сочтено предпочтительным. Дочери дали обещание, побужденные к этому той верностью, которую мать выказала отцу в его смерти, более всех его друзей, и считая это его волей, а не из-за ее обещаний. Она же увидела великую победу в их согласии, хотя у нее не было средств содержать своих подопечных (а сумма была немалая), а только надежда на провидение Божье. Ведь хотя у нее было достаточно возможностей покончить с долгами, то небольшое, что осталось от ее вдовой доли, доставшейся ей после смерти мужа, она предназначила для уплаты долгов, а из 200 ф.с. в год (все, что досталось ей от отца и матери), одну сотню она предназначила для уплаты мистеру Клейтону. Часть же дохода от продажи дома мужа она предназначила для уплаты некоторых его долгов (которые она очень хотела выплатить полностью, хотя и не обязана была это делать, даже если оказалась бы в состоянии; она [надежда творит чудеса] рассчитывала это сделать. Но она обнаружила такую особенность своих надежд: когда они основывались на человеческих измышле-

ниях и действиях, то всегда подводили ее, хотя ей порой почти удавалось реализовать их; но когда в том, что имело отношение к служению Богу, она вверяла свои надежды Ему, она всегда получала Его милость, превосходившую ее надежды, хотя это и казались невозможным). Она не могла рассчитывать на помощь друзей в содержании детей, так как ее собственные друзья упрекали ее за то, что она взяла себе детей, заставляя их жить в таких неопределенных обстоятельствах. Что же до тех, кто помогал ей в нужде, когда она только стала католичкой, то как она отказывалась от их помощи при жизни мужа, сохраняя его честь, то теперь она не могла сделать меньше для детей. Ведь если бы они узнали, что она приняла помощь от кого-либо кроме короля и королевы, то не снесли бы этого. Кроме того, все готовы были скорее обвинить ее, нежели помочь, так как она взяла на себя такие большие и, как казалось всем, ненужные расходы.

Она же хотела, чтобы дети жили с ней тем, где у них было больше возможности узнать истину и больше возможностей следовать ей, остальное же полностью вверила Богу — как их обращение, так и средства для их содержания. Она обещала им (чтобы они согласились жить с ней) не говорить с ними о религии, пока они сами того не пожелают, а они сами были уверены, что такой день не настанет. Мать же знала, что говорить тогда, когда они не хотели слушать, значило отвлечь их от нее и от религии, поэтому сочла, что содеянного вкупе с ее молитвами (самыми горячими в этом отношении), для нее достаточно, не сомневаясь в том, что Бог сделает остальное. Она не обманулась в своей великой уверенности: ни в том, что добилась их обращения, ни в том, что смогла расплатиться с долгами, которые взяла на себя по такому случаю.

Элизабет спросила отца Бенета [Прайса] (бывшего тогда ее духовником), может ли католик подавать мясные блюда по постным дням для протестанта, чтобы удержать в том месте, где он, скорее всего, обратиться, и где он иначе не останется, и где готовят немного мяса для больных католиков — он же ответил ей, что если есть вероятность обращения, то, по его мнению, так можно поступить, но если она спрашивала о своих детях, надежды на обращение которых нет, он бы так не сказал. Она же использовала первую часть ответа, не считая себя обязанной подчиняться его словам из второй части, иначе дети не остались бы у нее. Однако она поступила так, опираясь на силу своей убежденности, а не из пренебрежения предписаниями церкви, установления которой имели такую власть над ней, что могли мгновенно удержать в узде ее сильнейшие желания. Она любила церковные правила всем сердцем и находила такую радость в подчинении им, что иногда, встав рано и все утро занимаясь делами, а ко времени обеда оказавшись (что часто случалось в постные дни) в доме своих друзей-протестантов, она оставалась там по их настоянию и, забыв о посте (там не было ничего, что напомнило бы ей о нем), садилась за стол голодной и уже почти клала в рот кусок мяса, когда одна из ее дочерей [госпожа Магдалина⁸⁷], тогда — протестантка, останавливала ее, напоминая о посте. Она же искренне радовалась тому, что избежала невольного нарушения, что выходила из-за стола без сожаления, сердечно благодаря дочь и прося продолжать в том же духе, и еще больше любила ее за то, что та помогала ей соблюдать церковные правила, хотя и понимала, что у дочери не было другой цели, кроме как посмеяться над тем, что

---

87 Люси (в монастыре Магдалина) Кэри (1619-1650); в 1640 г. принесла монашеский обет в бенедиктинской обители в Камбре.

сделала мать, когда она остановила ее, и что если бы там было больше рыбы или же мать — менее голодной, дочь, скорее всего, оставила бы ее в покое. Но поскольку такое случалось много раз, ведь мать часто охватывала забывчивость, она избегала обедать вне дома и редко делала это после смерти мужа. Пока он жил, она (хотя никогда и не любила этого) часто делала это ради него, и чтобы она так поступала чаще, сам муж напоминал ей о постах.

Тем Великим постом, когда она подавала мясо для детей, она сама постилась больше, живя почти исключительно (кроме воскресений) на крапивном супе без масла, пирогах, испеченных из муки, воды и соли. Из собравшихся за столом никто, кроме нее, не постился, так как все католики там ели мясо по причине болезни. Она же заботилась о том, чтобы у нее всегда была рыба (не для себя, так как мало думала о том, что предназначалось только ей), для гостей-католиков, какие могли приехать, а также для детей, если бы кто-нибудь из них захотел отказаться от мяса. Когда она видела, что кто-то из них так делал, то радовалась и старалась угостить их тем, что им больше всего нравилось, используя любые средства, чтобы отвратить их от мяса.

После смерти мужа она больше не посещала спектаклей и пьес, даже при дворе, хотя и очень любила их, а также перестала ходить на публичные празднества, хотя часто бывала при дворе по своим делам. Она сама избегала обедать и ужинать вне дома и старалась удерживать детей дома в это время, так как надеялась, что за ее столом они услышать разговоры о религии. Два ее старших сына⁸⁸ тоже были с ней в ту первую зиму, и многие из их друзей (оксфордские студенты и прочие) часто приезжали в ее дом, она же сердечно

---

88 Люсиус и Лоуренс Кэри.

приветствовала их (так как всегда настолько любила хорошее общество, что его отсутствие было для нее почти невыносимо; в особенности за ее столом, куда она любила приглашать друзей, так, чтобы они чувствовали себя в той же степени дома, в какой и она, и чтобы ничто, насколько это в ее власти, не было для них неприятным, утомительным или препятствующим свободной беседе. При этом она могла лучше выносить общество тех, кто ей не нравился, если считала, что они и в самом деле хотят обеда, а если она уже хорошо их знала, то ничего не жалела для них), и за ее столом часто заговаривали о религии, и с обеих сторон были очень способные люди.

Элизабет считала, что такой разговор, перемешанный с другими рассуждениями, да еще и в устах тех, кто мог сделать и то, и другое приятным, привлечет внимание дочерей, которых она стремилась обратить в католичество. И действительно, некоторые из них (милостью Божьей) приобрели таким образом большую склонность к нему, хотя и не показывали этого, и все находили в разговорах пищу для размышления, хотя тогда и не слишком придавали этому значению. Ведь они не могли не заметить, что в целом (не говоря уже о частностях) протестанты либо говорили то же самое, что и католики, принимая их сторону против своих — как тогда поступал их старший брат (он тогда был настолько католиком в своих суждениях, что утверждал: он знает только то, что ему говорит церковь; однако только делал вид, так как никогда им не был. Он говорил, что хотя ему все это кажется правильным — и он всегда выступал в защиту католических мнений — он не возьмется решить вопросы настолько глубоко, чтобы изменить свою конфессию, пока ему не исполнится сорока лет, однако он не дожид до тридцати че-

тырех⁸⁹. В течение нескольких лет он был хорошо расположен к религии, научившись этому из бесед у матери и гостей, которых встречал у нее дома, а ранее верил мало, и в таком положении он пребывал до тех пор, пока, чуть позже, он не нашел книгу Социна⁹⁰, которая открыла ему новый путь).

Свою роль сыграл и мистер Чиллингворт (он был членом совета колледжа Троицы в Оксфорде, там через чтение обратился в католичество и отправился в бенедиктинскую коллегию в Дуэ⁹¹. Не прославившись там так, как ожидал — так он встретил юных учеников, настолько способных, что он впоследствии всегда восхищался ими — он вернулся в Оксфорд протестантом — по крайней мере, не католиком. В Оксфорде он проповедовал в церкви Св. Марии и там опять стал католиком, или склонился к тому. Приезжая в Лондон, он часто посещал дом леди Фолкленд. И хотя он говорил о

---

89 Люсиус Кэри погиб, сражаясь за короля, в битве при Ньюбери 20 сентября 1643 г. Ему было 33 года.

90 Фауст Социн (Фаусто Пало Соццини; 1539-1604) — итальянский богослов, антитринитарий, один из основателей общин антитринитариев в Польше и Трансильвании.

91 Уильям Чиллингворт (1602-1644) родился в семье оксфордского мэра и был крестником знаменитого англиканского епископа и богослова Уильяма Лода. В 1618 г. он поступил в Оксфордский университет, в Тринити-колледж, в 1628 г. стал одним из членов его корпорации (*fellow*). В 1630 г. под влиянием иезуита Джона Перси Чиллингворт перешел в католичество и уехал в Дуэ, где опубликовал трактат о своем обращении. Уже через год, однако, Чиллингворт вернулся в Англию: он затруднялся безоговорочно принять ее основной вероучительный документ, «39 статей», но и католические взгляды разделял не полностью, что привело его к ожесточенной полемике с католическими богословами. В 1630-х гг. Чиллингворт жил в Грейт Тью, где написал свой главный труд — трактат «Религия протестантов» (издан в 1637 г.), в котором обосновывались абсолютный примат Библии в вопросах вероучения и право индивида свободно интерпретировать текст Писания. В 1638 г. Чиллингворт получил пост канцлера в Солсберийской епархии. В годы гражданской войны он присоединился к армии короля. Взятый в плен армией сторонников парламента, он умер в заключении в Чичестере в 1644 г.

протестантах «мы» и носил одежды оксфордского преподавателя, но был тайным католиком, или же ни тем, ни другим, но тем, чем он стал позднее, ибо не мог согласовать между собой сердце и язык), и некоторые другие поступали так же, ибо были католиками в своих мнениях — а те, кто были искренними убежденными протестантами, насколько ими могут быть люди, обладающими здравым смыслом (хотя им помогало желание быть таковыми), не соглашались между собой, высмеивая доводы друг друга, но всегда с шутками расходились там, где начинали всерьез. Хотя они и были настоящими протестантами и в этом качестве говорили то, что должны были сказать, но были столь рассудительными и честными, чтобы шуткой свернуть разговор, когда им нечего было сказать в свою защиту, не солгав и не сказав глупость. Там у них также был случай отметить — и об этом они стали размышлять больше, когда пришло время — что те, кого совесть наделяла желанием истины, начинали искать ее и всегда заканчивали в католической церкви, если только их не удерживали другие соображения, чему они видели много свидетельств.

То, что Элизабет претерпела, чтобы удержать дочерей рядом с собой, спасая их самих и действуя ради их блага, дает им причину считать ее матерью по вере и по природе. Хотя дочери по разным причинам, не только из-за своих обещаний или ее желания, оставались у матери, в соответствии со своими склонностями (желая все делать по собственной воле, или считая ее дом естественным местом своего пребывания, причем таким, где у них не было никаких обязательств), злоупотребляли сильным ее желанием их удержать (особенно две старших), когда она с величайшей заботой и вниманием приобретала для них все, что они желали или же, все, что, как она считала, понравится им, втайне лишая себя не-

обходимого, чтобы тут же исполнять их капризы. Если они не получали любой пустяк сразу, как только пожелали его, то не принимая во внимание все, что она сделала, но думая только о том, чего хотели и не получили, угрожали ей отъездом и гадали, что она предложит, чтобы удержать их, когда она не могла себе этого позволить. Они считали ее удивительную заботу обязанностью матери, но редко думали о том, что обязанности детей распространялись и на них. И хотя она не жалела никаких усилий, чтобы содержать их так как они этого хотели, а они хорошо знали, что им не подобает быть в любом другом месте, тем не менее, они, казалось, считали, что она обязана им за то, что они оставались. Иногда по самым незначительным поводам, когда им казалось, что она сделала что-то не так и расстроила их (иначе они не были бы столь ревностными), упрекали ее из-за ее религии, как будто бы ее вера давала ей разрешение делать все что угодно. Это ее очень задевало, поскольку она высоко ценила честь быть дочерью католической церкви и была особенно чувствительна к неблагодарности, выказываемой через непочтение к ней: оно словно отбрасывало тень на саму церковь; и, признавая, что была неправа, со слезами на глазах просила прощения за скандал, в который она их ввела.

Она терпела все это, и никто не поддерживал ее. Многие упрекали ее за то, что она обременила себя без всякой пользы, да еще и подавала дочерям мясо. Но Бог, казалось, выразил свое одобрение ее действиям, даровав ей успех, вознаградив ее веру в Него, силой которой она выносила все это с удивительным терпением и упорством на протяжении трех четвертей года без малейшего обнадеживающего знака от дочерей, но скорее, при их растущем сопротивлении, всех, кроме одной [госпожи Магдалины] (ставшей причиной обращения всех остальных). Однако в это же время, сама не

зная, как это случилось, она увидела, что дочери решились стать католичками, обращенные без ее ведома отцом Катбертом [Бретеном⁹²]. Все католики и протестанты, знавшие его и способные к суждению, почитали его остроумным, рассудительным и ученым человеком. Ее старший сын говорил об отце Катберте, что, если бы не его прекрасная память, удивительный дар, благодаря которому он мог усвоить все, что прочел, он не смог бы изучить столь многое, будучи еще молодым. Ведь когда он умер, спустя четыре или пять лет, ему было всего тридцать три года.

Он был монахом с шестнадцати или семнадцати лет, причем образцовым, а в двадцать пять он был отправлен в Англию по состоянию здоровья, и его дважды или трижды отзывали обратно (чему он был очень рад, называя себя, как Св. Ансельм, совой вне своего монастыря⁹³), но остался в Англии милостью Божественного провидения. Он вел жизнь столь похвальную, что его почитали и восхваляли даже самые ревностные протестанты. Некоторые из их друзей часто говорили, что их обманула святость его жизни (они считали его искренним), и что если бы они встретили кого-нибудь другого, то никогда не стали бы папистами, настолько они были уверены, что других таких священников не бывает. Это, несомненно, придавало веса его словам, когда им выпадал случай положиться на истину его суждений в любом деле. И в этом же была причина, по которой дочери выбирали в его собеседники (трое из них ранее не были с ним знакомы), когда им приходилось, случайно, или, скорее, благодаря особенному провидению Божьему, задумываться о религии. Его

---

92 См. Катберт Ферсдон, примеч. 79.

93 Св. Ансельм сравнивал себя с совой, которая счастлива лишь в собственном гнезде; когда же она вылетает оттуда днем, то на нее безжалостно нападают другие птицы.

смирение и святость успокаивали их волнение и позволили им признаться в невежестве, чего они были бы не в силах сказать другому священнику, которого они не считали святым, а он казался им не от мира сего; помимо того, его трудом помогала молитва. Однако он не делал никаких внешне заметных дел (он часто болел и старался укрепить здоровье, желая вернуться в свой монастырь; но когда лекарства, которые он искал, возымели обратный эффект, он был так же доволен, как если бы все вышло по его), но вел строгую молитвенную жизнь, а те простые вещи, которые делал, казалось, были освящены благодатью и проистекали из сверхчеловеческого источника.

Переход от святого страха к высшей любви, прогоняющей страх, произошел примерно за три года до смерти: заболев опасной болезнью, отец Катберт выказал (с отрешенностью и надеждой) чувство страха и часто подбадривал себя примером Св. Илариона⁹⁴, а также с трепетом повторял слова Св. Павла: *Nihil conscius sum, sed in hoc non justificatus sum*⁹⁵; и даже просил навещавших его, помолиться о том, чтобы он умер в благодати. Но позднее, умирая от чахотки, с самого начала оставив надежду на выздоровление и думая, что ему немного осталось, и что он уже не может служить своей общине, он желал, по крайней мере, умереть, служа Богу и пастве и для этого просил своего главу приказать ему ухаживать за больными чумой (которая тогда свирепствовала в Лондоне). Когда ему это запретили, он отказался от ученых занятий, за исключением чтения Библии, трудов Блозия и устава своего ордена (духом которого он день ото дня все

94 Св. Иларион (291-371) в юности отличался слабым здоровьем.

95 1 Кор 14:4 «Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь».

больше восхищался), и остаток жизни провел, подчинившись духовным правилам, которые всегда почитал, но ранее не мог полностью выполнять. Приблизившись к смерти, он желал умереть, искренне, но отрешенно; и если раньше он боялся внезапной смерти, теперь он хотел как можно быстрее отойти к Богу и надеялся на это с великой, но смиренной надеждой, радостно обещая свою молитву и помощь в будущем мира всем, кто его об этом просил. Постоянно проявляя любовь и смирение, благочестиво приняв все таинства он, с любовью к святой бедности, пожелал, чтобы тем немногим, чем он владел, распорядились по воле главы его ордена. Его жестокая агония длилась три часа, и он сохранял сознание и молился до конца, а затем счастливо скончался в благодати Божьей.

Элизабет возрадовалась решимости дочерей стать католичками, когда узнала об этом, а они скрывали свое желание от нее до тех пор, пока их друзья-протестанты не заподозрили их из-за отказа ходить в церковь. После того, как они практически признались друзьям, они сказали и матери. Она же либо ничего не знала, либо не смела ничего замечать, чтобы не спугнуть их [но хотя у нее могли появиться проблески надежды, она, похоже, ничего не знала, потому что не была способна к скрытности]. Лорд Ньюбург (который всегда был очень добр и внимателен к дочерям, как истинный друг, верный памяти их отца, и ревностный в таких случаях, хотя его рвение было неверно направлено) немедленно отправился к королю и получил от него приказ к секретарю Коку для Элизабет — отослать дочерей к их брату. Она сказала секретарю, что сама доставит ответ королю, сочтя наилучшим и самым безопасным средством искать милости или правосудия прямо у Его Величества. Она так и поступила, смиренно показав, каким ударом было бы отнять у нее

детей, сказав, что она хотела удержать их при себе, а они — остаться, будучи в состоянии выбирать (младшей⁹⁶ было двенадцать лет) и не совершив ничего, чтобы лишиться своей естественной свободы, что не менее жестоким было бы наложить на сына такое наказание (без его вины) — обременить его четырьмя сестрами, не дав ему ничего, на что их содержать, не спросив его согласия, и против их воли. Король позволил ей пока оставить дочерей у себя, пока он не сообщит ей свою волю. Затем король послал к ее сыну по этому делу, а тот не хотел забирать к себе сестер против их воли, ведь тогда его дом стал бы тюрьмой, а он сам — тюремщиком, и никто из них такого не желал. Так что это послужило примирению дочерей с церковью; а иначе обращение могло бы произойти гораздо позже. Теперь же, боясь, что у них не окажется возможности это сделать, и ради того, чтобы благодатью таинств, находясь в церкви, у них было больше сил сопротивляться, они быстро примирились с церковью. Однако многие католики за границей отговаривали ее и отца Катберта от быстрых действий, не без основания считая, что их друзья не успокоятся, пока не заберут у нее девочек, а затем те отпадут от церкви. Она же, имевшая столько уверенности, когда не было ни малейшего обнадеживающего знака, не отказалась от нее и тогда. А отец Катберт, знавший, как мало власти было у матери, и как мало дочери стремились ей угодить, не сомневался в том, что Господь явил свою руку в этом деле. Однако вскоре она увидела опасность потерять все, что приобрела по воле Божьей такими трудами.

Дом Элизабет часто посещал мистер Чиллингворт, которого она высоко ценила, и (помимо того, что он был одним

из немногих, с кем она любила беседовать) почитала его святым за то, что он так легко упрекал ее (хотя сам был очень чувствителен ко всему, что задевало его достоинство и всегда жаловался на воображаемое пренебрежение, или что его не уважают так же, как и других важных людей). Она выслушивала его с большим почтением и стремилась взрастить в дочерях такое же почтение еще до того, как они стали католичками, в надежде, что он мог помочь им на этом пути (и он уделял девушкам много времени, даже до назойливости, однако Господь распорядился иначе: Ему послужил более верный слуга, тот, что стремился только к Его славе и благу христианских душ), а после того, как они стали католичками — для их укрепления в вере. Но трудно было понять, являлся ли этот человек католиком в тот момент, так как он испытывал сомнения; позднее он католиком уж точно не был. Похвально своей христианской любовью, он, по его собственному утверждению, полгода ради них притворялся католиком (и вскоре после того, как сестры примирились с церковью, он отпал от нее открыто). С того времени Чиллингворт (а он, тот, кто не мог считать что-то сделанным хорошо, если это было сделано не им, увидел, что предложенное им, было исполнено другим — тем, кто не вмешивался, но только молился до тех пор, пока к нему не обратились⁹⁷ — без участия или ведома) стремился вернуть их, используя дружбу, тонкие уговоры и так много лжи, что казалось, ее измыслил дьявол, а детей спас Бог. Говорят, что Чиллингворт был готов на все ради для друзей-протестантов, потому что переложил на мать то, чего вроде бы желал, т.е., обращение дочерей в католичество, и возможно, именно поэтому уделил столько внимания тем, кто сами по себе были недостойными

---

97 Имеется в виду отец Катберт Ферсдон.

его славы. Однако он не мог делать вид, что поступал так из любви, иначе ему пришлось бы потрудиться ради собственной матери, которую он сделал католичкой (знак, что он и сам некогда был католиком), однако он совсем не хотел обращать ее в англиканство, и это, по ее словам, оставляло ей надежду, что со временем он вернется [к истинной церкви].

Она [Элизабет] воспитала в детях высокое мнение о Чиллингворте. Он часто бывал в обществе дочерей, и они внимали ему как наставнику в католической вере. Он же старался обрести знание и власть над их душами. Сначала он обронил слова, при помощи которых стремился заставить их оглянуться назад (пока лишь, что они пришли неверным путем, а не в неверное место) и предлагал себя в качестве помощника, потому что он долго сомневался, а они решились слишком быстро. После этого он пытался разузнать, каковы были мотивы обращения дочерей в католичество, и привить им его собственные мысли, чтобы они научились полагаться на них, и потом ему стало бы легче разрушить то, что сам построил. Он пытался убедить их сменить духовного отца на его собственного капеллана (который имел о нем высокое мнение). И все это для того, чтобы найти, за что ухватиться (как станет ясно из последующего), зная по опыту, что гордых легче поймать на том, что сначала пришло им самим в голову. Однако дочери скорее слушали его, нежели открывались ему (в их глазах он не умер для мира, а это могло бы укрепить их уверенность в нем), и он долгое время не находил опоры. Но в конце концов, случайно узнав, что у девушек возникло небольшое затруднение, и они не знали, что и думать, он начал с этого вопроса, притворившись, что и он вслед за ними об этом задумался, чтобы убедить их идти вместе с ним и больше верить в простоту и искренность его размышлений. Так он заставил их поверить, что они увидели

зарождение его сомнений. Но он и другим говорил, что слово, произнесенное одной из дочерей, заставило его усомниться.

Сначала он проявил лишь небольшое недовольство тем, чего, как он считал, они не спешили делать; однако очень осторожно. В то же время он (словно бы осуждая бесчувственность протестантов) начал рассказывать девушкам, какие выводы оказались бы самыми разумными, если бы им не противостоял авторитет церкви, излагая им те идеи, которых потом сам придерживался. Затем он стал говорить об этом предмете с большим раздражением (но как если бы церковь была ни при чем) и словно бы обнаружил и другие предметы, достойные порицания, но обвинял не церковь, а неправильные действия отдельных людей. И так постепенно эти вещи представились более важными и многочисленными, чем они были на самом деле. А то, чего не смел сказать сам, чтобы это не прозвучало слишком резко, он сообщал через поддельные письма, будто бы написанные его другом, который намеревался стать католиком. Последнего, казалось, отвращали от религии некоторые благочестивые практики, и тот не желал выплевывать протестантского комара ради того, чтобы потом глотать католического верблюда. Чиллингворт показал им сестрам письмо, а потом похвалялся, что подделал его. Другое письмо — от архиепископа Кентерберийского к девушкам, сочинение о мотивах обращения для размышления о религии, на которые (сказал он) не сразу можно найти ответ. Впоследствии он по ошибке показал девушкам черновую копию этого сочинения.

После того, как те вещи, против которых он говорил, стали казаться им странными, он начал говорить, что не понимает, как в этих случаях полностью извинить церковь, однако под конец своих рассуждений все еще именовал себя

католиком. А чтобы не дать им рассказать о том, что говорил с ними в такой манере, он решил возложить вину за это на ту, что стала причиной их обращения: она-де может рассказать тем, кто склонен думать о нем плохо. Девушкам самим нужно было избегать того, в чем они могли бы его обвинить (особенно в злоупотреблении доверием или подозрительности). Они же, убежденные в его искренности, боялись, что другие, если узнают, подумают о нем хуже, чем он, по их мнению, заслуживал.

Так он продвигался день за днем (незаметными для них шагами), а в конце концов объявил эти практики неблагочестивыми и был вынужден заключить, что церковь виновна, позволяя и одобряя эти практики. Однако он все еще утверждал, что учение, которое вроде бы распространяет церковь, истинное, однако при этом использует и одобряет практики, отвратительные этому истинному учению. При этом он всегда выказывал великое желание получить удовлетворительное объяснение этих вещей и надежду, когда говорит с девушками (хотя не желал, чтобы они кому-нибудь рассказывали, потому что его будут обвинять и заподозрят в столь вольных беседах с новообращенными католичками), и проявлял большую радость, получая правдоподобное объяснение, но затем возвращался с новыми возражениями относительно ненадежности такого ответа. Они же побуждали его откровенно поговорить с другими так же, как с ними, в их присутствии, чтобы они тоже услышали ответы. Чиллингворт все откладывал диспут, говоря: он не готов и, чтобы получить удовлетворительное объяснение, хочет собрать все свои возражения — причем казалось, он не сомневается в том, что его сомнения разрешатся. Однако если этого не случится, и он докажет, что все эти вещи достойны осуждения, а церковь их принимает, и потому ее авторитет подорван, а

вместе с ним разваливается и значительная часть вероучения (главным основанием которого, говорил он, является непогрешимость), то согласятся ли они уехать от матери к брату и там с помощью брата (протестанта) и его самого (католика) начать новое размышление о религии? Причем они двое будут спорить друг с другом и сообщать сестрам обо всех выводах, достигнутых в этом исследовании. Он убедил одну из них [госпожу Августину⁹⁸] дать свое согласие; она не поняла, что значит «если», и скорее согласилась с тем, что даже если он не получил бы достаточного объяснения от католиков, ему, тем не менее, следовало не сомневаться в учении или авторитете церкви, так что она была уверена: их поиск там и закончится. Однако придя к обращению поспешно, сестры хотели вернуться, чтобы посредством более тщательного исследования достичь неколебимой решимости. Он не обманул их, процитировав Св. Петра, сказав, что каждый должен обосновать свою веру, и что недостаточно верить в истину, нужно уметь обосновать ее разумность. Они же, не понимая обмана, глубины собственного незнания и неспособности найти доказательства, были вскоре введены им в заблуждение.

Однако расставшись с ним и спокойно обдумав то, что он сказал, девушки заметили многочисленные противоречия в его словах, которые были основаны на предположениях, а также увидели его неискренность. Например, он сказал одной из них [госпоже Августине], что все разумные протестанты верят в некое положение (в чем она сама была уверена), и, казалось, сам его разделял. Но на следующий день он дал другой из них два листа бумаги с цитатами из Св. Августина (как он заявил) против этого положения. И в других

---

98 Элизабет Кэри.

случаях они увидели, что он смошенничал и солгал им, или, по крайней мере, уклонился от ответа, чтобы они были о нем высокого мнения. Он лгал в больших вещах, чтобы резко раскритиковать мелочи, постоянно ссылаясь на слова Св. Августина — что нельзя допустить ни малейшей лжи даже ради спасения мира. Впоследствии же, когда вся его жизнь оказалась ложью, да и в других случаях, он оправдывал себя словами Св. Петра — что он был всем для всех, чтобы завоевать всех: католиком для католика, пуританином для пуританина, и т.д. Находясь вдали от него, они решили больше его не слушать, но это было не так-то просто исполнить: страх осудить или оклеветать его, а также уверенность, что человеку невозможно по собственной воле (ни по какой причине) вести себя неискренне в таком деле, лишали сестер возможности прекратить общение.

Сама Элизабет, все это время ни в чем не подозревавшая Чиллингворта, была предупреждена лордом-протестантом [лордом Крейвеном⁹⁹], что он не католик, и втайне не позволяет своему брату (которого якобы убеждал обратиться) таковым стать, но подведя его к решению стать католиком, останавливает его и увлекает обратно до тех пор, пока не разрешив предыдущее сомнение, не начинает опять подталкивать его к католичеству. Она этому не поверила (сочтя, что лорда ввели в заблуждение), но сказала об этом мистеру Чиллингворту (как и хотел лорд, тем самым отказывая тому от дома). Чиллингворт внешне принял это с большим терпением, как ложное обвинение, выдвинутое против него из-за его служения Богу. Однако она сочла обвинение более справедливым (каким оно и было), нежели она думала раньше.

---

99 Уильям, 1-й барон Крейвен (1608-1697).

Мистер Чиллингворт (еще до обещанных доказательств) втайне сделал так, что лорд Ньюбург опять предложил дочерям уехать от матери. Вторая из них (та, что ранее дала ему условное согласие¹⁰⁰) теперь (не подозревая, что он приложил к этому руку) оказалась вынужденной признаться лорду Ньюбургу (с которым Чиллингворт сообщался втайне, хотя и делала вид, что не знает его), что испытывает некоторый страх перед католической религией, и согласиться уехать к брату на том условии, что с ней там будет католик. Она назвала мистера Чиллингворта для этой цели, по его побуждению, однако вскоре, поняв, что зашла дальше, чем намеревалась (она в больше степени склонялась к такому решению, потому что мистер Чиллингворт старался заставить их думать: лишь стыд или трусость не давали им вернуться назад, но стоит сделать самое трудное — преодолеть страх, и станет легко выполнить решенное), она осознала, что была застигнута врасплох (потому что все страхи основывались на его недоказанных положениях), в особенности же после того, как увидела черновую копию послания архиепископа Кентерберийского (как ей было сказано), поданную им в то же время, когда обсуждался их отъезд; и эта копия была написана рукой Чиллингворт. Он сделал это по ошибке, собираясь дать ей другое сочинение, но тут стало ясно, что он приложил руку к этому делу (не доказав ничего из того, о чем говорил им), и что с его стороны точно был обман. Дочь же пришла в себя и отказалась ехать, пока ей не предоставят доказательства. С этого момента все сестры, заподозрив его, настаивали, чтобы он больше не откладывал. И хотя он искусно оправдался, вернув доброе о себе мнение, но понял, что не может откладывать дольше. Впоследствии

---

100 Элизабет Кэри.

он говорил, что мог бы еще продолжать притворяться католиком, если бы они своим настоянием не вывели его на чистую воду.

В поисках средства уйти, не повредив своей цели, он сделал вид, что за ним послал епископ Лондонский¹⁰¹, и изобразил, что испытывает большое волнение касательно причины, вверяя себя их молитвам и подбадривая себя, как если бы он боролся со страхом (епископ Лондонский за ним не посылал, не думал о нем, да он и не был никогда у него, что подтвердил хорошо осведомленный капеллан епископа). Вернувшись (как будто) от епископа Лондонского, Чиллингворт был грустен и задумчив, но не объяснял причины. А на следующее утро, словно решившись, казался веселее, затем признался, что епископ Лондонский, допросив его о том, что он делал в вопросах религии, и о его дальнейших намерениях, предложил ему, что если он собирается писать книгу (как он говорил), рассуждение о религии, которая стала бы путеводителем для других, то он сам должен отложить католическое причащение до ее завершения, чтобы книга стала более весомой и авторитетной, потому что ее автор — человек, не принадлежащий ни одной из сторон. С этой целью епископ предложил Чиллингворту принести клятву отказаться от причащения в обеих церквях на два года (столько потребуется, как он думал, для написания книги), а если бы он отказался, то епископ усомнился бы его искренности и поступил бы с ним так, как ему казалось подобающим. Он также сказал им, что накануне вечером, не будучи в состоянии решиться и опасаясь того, что случится при его отказе (чего он не хотел делать, потому что предложение казалось ему разумным и

---

101 Уильям Джаксон (1582-1663), епископ Лондонский (1633-1646), лорд-казначей (1636-1646).

выгодным для его предполагаемого сочинения), он грустил, однако теперь, решившись, в надежде на плоды, которые принесет его труд, он поклялся.

Отец Катберт и мистер Клейтон возразили, что эта клятва незаконна и, следовательно, он не связан ею, а он, чтобы возразить на их резкие нападки, заявил, что отец Леандер одобрил его шаг (а тот утром уехал из города и не мог сам ответить), но этого мало: спустя несколько дней споров он добавил к уже принесенной (как он сказал) клятве такое положение: «за исключением угрозы смерти», однако даже не спросил согласия епископа Лондонского, ни давая клятву, ни нарушая ее, когда всего через три месяца причастился в протестантской церкви. Однако в его рассказе многое не сходилось. Чтобы рассеять сомнения дочерей (по крайней мере, в отношении своих добрых намерений), он письменно подтвердил, что сделал все это только ради блага и во славу католической церкви и веры, подписав свое имя. И это он сделал всего за два дня до того, как объявил себя протестантом и за пять дней, прежде чем он записал такое неслыханное утверждение: что церковь Англии считает католиков еретиками, и Уильям Чиллингворт докажет, что они ими и являются.

Первое утверждение он сделал в ходе диспута, защищая свою клятву (что продолжалось неделю), а затем побуждал дочерей Элизабет идти дальше (они все присутствовали при том, как он написал о своих намерениях) и открыто говорил, что они обязаны поступить так же. Он сказал девушкам, что многих заставляет обратиться в католичество обнаружение недоказанности протестантской религии (это легко сделать, признавал он), а не истинность католической церкви, а люди считают само собой разумеющимся, что должны принадлежать к одной (из двух религий) и, находя протестантскую

неистинной (это случается со многими интересующимися), немедленно уверяются — другая должна быть истинной. Но если откроется третий путь, то католикам придется защищаться не меньше, чем протестантам. Этот третий путь Чиллингворт (необоснованно) хотел назвать христианским, не допуская других добавлений (хотя прочие считали: он хотел бы, чтобы со временем этому наименованию для отличия прибавили его имя), а он сам хвастался, что тридцать человек ждут его решения для выбора веры (он, конечно же, ошибался насчет их числа), и он предложил им причащаться в протестантской церкви (в то же самое время утверждая, что стремится к благу католической), потому что она, по его словам, не такая строгая.

В город вернулся отец Леандер и, отрицая, что говорил что-то похожее на слова Чиллингворта, заявил: тот спросил у него, можно ли ради высшего блага отказаться от причастия (не отлучая себя от церкви) на некоторое время, и на это легко дать ответ. А чтобы иметь случай спросить у отца Леандера, надолго ли это разрешают, и другие подробности, он незадолго до этого рассказал ему (впоследствии по серьезным причинам заподозрили, что в истории не было и слова правды) — его друг, склонявшийся к тому, чтобы стать католиком, пожелал пригласить его в свой загородный дом на месяц или три недели, чтобы помочь ему решиться, однако его нежелание отказаться от мессы и частого причащение на это (хотя и краткое) время заставило его усомниться в том, что согласие дать можно. Он целый день проговорил с отцом Леандером наедине, там были только они двое, и она [Элизабет]. Вечером же, рассказывая об этом разговоре (так, как ему хотелось), одной из ее дочерей, Чиллингворт завершил разговор осуждением католиков и их религии, будто бы основанной на лжи и подкрепляемой ею. Элизабет же была ря-

дом и услышала его. Он был захвачен врасплох, не будучи в состоянии согласовать все, что говорил ранее, а она, убедив этого любителя истины в лживости его рассказа и лукавых выводах (он все еще умудрялся выглядеть католиком в ее глазах), тут же запретила бы ему появляться в ее доме, но видя, что ее дочери с готовностью общаются с ним, выдерживала его общество на протяжении еще четырех дней, хотя и с таким трудом, что сама отказывалась выходить к столу, если он там был. Ведь совсем недавно она, считая его добрым католиком, искренним и святым человеком, сочувствовала ему, когда он оказывался в затруднении (и когда он только вернулся из Дуэ, и теперь в связи с клятвой), и хотела помочь ему. Теперь же, видя, что он обманщик и соблазнитель, была едва в состоянии выносить его присутствие.

Первые два дня прошли в сбивчивых беседах о разных вещах, с несколькими участниками, а именно, отцом Катбертом, мистером Клейтоном, еще одним джентльменом-католиком и ею самой. Все они были обеспокоены (и много говорилось об опасности, в которой находятся ее дочери), она же порой исполнена горечи, а этот джентльмен [мистер Чейперлин (ревностный католик и добрый человек, но склонный к насилию) был в ярости и едва удерживался от того, чтобы не распустить руки. Мистер Чиллингворт выслушал все сказанное ему так мирно и безмятежно, как если бы его спокойствие и терпение были бесконечными. Но чтобы не утратить поддержки, он постоянно призывал ее дочерей обратить внимание на то, с какой мягкостью он все выносит. Благодаря такому поведению через два дня их уважение к нему возросло, хотя он ничего и не доказал им, объяснив это запутанной манерой обсуждения, беспорядочным перескакиванием с одной темы на другую, а также тем, что против него одного говорили многие, и это его отвлекало.

Чтобы исправить положение, ему предоставили выбрать, с кем и как он станет дискутировать. Он не смел выступить против отца Катберта, либо потому, что его наущения были опровергнуты им (когда дочери были поставлены им в замешательство, они обратились к отцу Катберту — не сказав, однако, откуда пришли сомнения — и вернулись, удовлетворенные объяснениями), или же подозревая, что в глазах дочерей отец Катберт имел преимущество, и желая использовать любые мелочи в свою пользу, выбрал незнакомого им (но очень способного) иезуита [мистера Холланда¹⁰²]. Сестры же никогда не встречали ни его, ни кого-либо из его ордена. Сначала он заставил отца-иезуита поклясться на Библии не делать в пылу спора никаких утверждения, в истинности которых он не был бы уверен и по совести не считал бы полным и обоснованным ответом на сказанное. Хотя сам он принес такую же клятву, можно счесть, что его совесть не была (по его же словам) такой же строгой, как у других. Он запретил все термины и методы ученых как неподходящие и непонятные тем, для кого говорят, предложив, чтобы диспутанты рассуждали подробно и простыми словами, возражая и отвечая, не прерывая друг друга и не переходя от одного вопроса к другому, пока полностью его не исчерпают, с общего согласия.

Условия казались честными; однако он быстро показал, что первое из них было не для лучшего понимания слушателей (как говорил Чиллингворт), а для собственной выгоды (потому что иезуит имел бы преимущество в другом, привычном ему виде диспута), стремясь блеснуть в глазах слу-

---

102 Томас Холланд (1600-1642), выпускник английской школы в Сент-Омере и коллегии в Вальядолиде. Рукоположен в Льеже в 1625 г.; с 1634 г. миссионер в Англии. В 1642 г. арестован английскими властями в Лондоне и казнен (10 декабря). Канонизирован в 1929 г.

шателей своей многословностью. Но иезуит, очистив его доводы от преувеличений и восклицаний (которыми было приукрашено его рассуждение), легко и ясно ответил на них, так что самому Чиллингворту пришлось нарушить последнее из собственных правил; он первый начал менять тему и вместо того, чтобы доказать то, что собирался (чего он не смог сделать), он заставил оппонента доказывать противное (что тот и сделал), и ему пришлось перескакивать с предмета на предмет (тот вопрос, на котором он все построил с самого начала — первое затруднение дочерей — был явно опровергнут), пока в конце концов не отклонился от предмета так сильно, что, казалось, просто хотел хоть что-то доказать, хотя эта тема не имела отношения к тому, о чем они говорили, являясь не вопросом религии, но фактической неточностью.

Была ли Божья воля на то, чтобы он не смог больше поддерживать обличье фальшивого смирения, чтобы обманывать их, или же его гордость, которая в прежних событиях была удовлетворена вдвойне (беспокойство слушателей выражало их страх перед ним и осознание его опасности, и это заставляло его считать себя важным, а его самообладание взрастило уважение к нему в дочерях), теперь была уязвлена (его противник обращался с ним пренебрежительно — не грубо, но как если бы не использовал всей своей силы, споря с ребенком — и, казалось, ни во что его не ставил), но Чиллингворт утратил всю свою кажущуюся безмятежность, назвал противника дураком и негодяем, и, получив в ответ на это только улыбку, пришел в такую неудержимую ярость, что раздулся и выглядел столь ужасно, как если был одержим.

К вечеру второго дня (которые он с утра до ночи провел с этим иезуитом) он, казалось, лишился рассудка от гнева и, не имея больше ничего сказать, при всех долгих приготовлениях (свидетельницами которых стали ее дочери, притом,

что иезуита предупредили о том, что его выбрал мистер Чиллингворт, лишь вечером накануне его приезда), что вместо доказательств стал извергать угрозы, беспорядочным потоком страшных слов — ад, проклятие, черти и т.п., произнесенным так ужасно, чтобы запугать тех, кто, как он знал, был склонен к страху. Когда по всеобщему добровольному согласию ему было отказано от дома, он, видя, что утратил все свои позиции, стремился оправдать свой гнев тем, что делало его еще более странным, а именно, сказав, что, насколько он знает, иезуиту посоветовали сдержать свой гнев, и сказали ему, как сильно повлияло на дочерей сдержанное поведение его самого в прошлые дни. Но если бы это было так, и он об этом знал, то ему стоило бы продолжать в том же духе.

После этого он еще дважды приезжал в ее дом; один раз — чтобы поговорить наедине с иезуитом, отцом Фишером¹⁰³, который хотел этого в надежде переубедить его, но напрасно. А другой раз — чтобы встретиться с Франциском де Санта Клара, реколлетом¹⁰⁴, жившим при дворе, где находилась ее дочь¹⁰⁵. Они должны были дискутировать при дворе, но в письменном виде, а не устно, по новому предписанию мистера Чиллингворта. Ничего не добившись, как и в прошлый раз, он удалился в дом ее сына, куда незадолго до этого из школы приехали два ее младших сына [Патрик и Пласид¹⁰⁶].

---

103 Фишер — псевдоним иезуита Джона Перси (1569-1641). Выпускник коллегий в Реймсе и Риме, он был миссионером в Англии с 1596 г. и прославился многочисленными обращениями. В числе обращенных им была мать герцога Бекингэма и Уильяма Чиллингворт.

104 Реколлеты — ответвление францисканцев. Орден основан в начале XVI в. в Испании. Франциск Св. Клары — монашеское имя миссионера Кристофера Дейвенпорта (1598-1680).

105 Энн Кэри.

106 Патрик и Генри (в монашестве Пласид) Кэри.

Незадолго до этого они были в доме матери и там выказали большую склонность к католической религии (хотя и были очень молоды), и это заставило ее с того времени думать о том, как похитить их.

Мистер Чиллингворт (который теперь должен был стать их наставником) был знаком с обоими мальчиками, так как тогда присутствовал в ее доме (и если бы Господь не благословил их особо, одного этого было бы достаточно, чтобы воспрепятствовать их обращению), однако всегда высмеивал попытки говорить с детьми о религии. Но склонность к католицизму заставляла их чувствовать утрату до тех пор, пока они не пришли к церкви. Однако старший сын¹⁰⁷ показывал старшему из мальчиков¹⁰⁸ свои сочинения против католиков (он тогда много писал на эту тему, но частным образом, и всегда делал вид, что исследует, а не защищает какие-либо утверждения, и даже признавал, что есть такие очевидные истины, которые сложнее опровергнуть, нежели подтвердить, однако отрицающему истины в большей степени, нежели он сам, он вряд ли сможет их доказать — насколько он считал все необходимым доказывать — то, что сам все еще считал истинным) и обращался с братом как с имеющим способности в этом деле, несмотря на возраст. Такое поведение сильно захватило бы мальчика, если бы Бог не воспрепятствовал брату. А мистер Чиллингворт взялся за младшего¹⁰⁹, дав ему в качестве первого принципа отсутствие уверенности в делах религии¹¹⁰.

---

107 Люсиус Кэри.

108 Патрик Кэри.

109 Генри Кэри.

110 Чиллингворт испытал большое влияние философов-скептиков.

Элизабет же теперь была свободна от страха, и все успокоилось, однако у нее было довольно дел, чтобы содержать тех из детей, кого она старалась удержать у себя. Ведь хотя это бремя несколько уменьшилось, одна из дочерей [мать Клеменция¹¹¹] продолжала много выезжать и бывала при дворе, так что мать продолжала заботиться о том, чтобы снабжать ее всем необходимым (тем более дорогим, что девушка сняла траур), не смея лишать ее того, что той хотелось, пока Богу было так угодно. И чем дольше она их содержала, тем труднее становилось изыскивать средства, так как дом ее все время увеличивался; она всегда была к этому склонна, всегда обременяя себя теми, кто не умел собой распорядиться, даже если почти их не знала, и так заполняла дом множеством бесполезных слуг. Ибо она всегда была рада найти тех (чья нужда была больше, чем ее собственная), кому могла помочь, а если не могла сделать почти ничего, радовалась тем, кому довольно было немногого, и в самой большой нужде не могла отказать в малом тем, для кого это было важно, говоря со Св. Паулой, что если она им откажет, то они, может быть, не найдут помощи ни у кого другого, а она уверена — если ей самой понадобится такая малость, ей обязательно кто-нибудь ее даст. Поскольку эта уверенность была отчасти человеческой (воспитанной множеством ее друзей и знакомых), Господь дозволил ей распознать обман (там, где он был) прежде, чем она умерла.

Она никогда не считала, сколько раз люди приходили к ней за помощью, если они приходили, когда у нее были средства, и делилась тем, чем могла (никогда не заботясь о будущем). Это ясно проявилось в одном случае. Когда у нее самой

---

111 Энн Кэри.

было немного средств, один человек [сэр Уильям Эссекс¹¹²], часто обращавшийся к ней в своей нужде (его она знала, когда у него было большое состояние, а теперь он был одинок, и для него было важно то небольшое, что она могла с легкостью ему уделить, когда у нее бывали средства) получил от нее за год тридцать фунтов, в кронах и полу-кронах, по случаю, насколько позволяли ее доходы. Признавая долг с благодарностью, он прислал ей в конце года записку, и это сподвигло ее продолжать в том же духе, так как она поняла: то, отсутствие чего она даже не заметила, имело для его в его положении большое значение. В самом деле, сколько бы денег она на имела на руках утром, к вечеру у нее не оставалось ничего, если только ей не попадалось ни одного нуждающегося или просителя. Она почти наверняка отправлялась в постель без денег, сколько бы не получила днем, словно бы ее обязали ничего не откладывать на завтра, если только друг не брал у нее денег, чтобы сохранить для нее. Однако она старалась (насколько могла) не давать часто и помногу, и только тем, кто употребил бы деньги во благо.

Так она провела два года после смерти мужа и, исчерпав все возможные средства для содержания семьи, дошла до крайности, оказавшись не в состоянии впредь заботиться о ней. Раньше ей удавалось скрывать все от дочерей, так что они узнали обо всем последними. Полностью опустошив свои покои (она продала даже кровать и спала в кресле), она держала дверь запертой, чтобы они (еще не испытавшие ни в чем утеснений) не узнали об этом. Но теперь, когда у нее было больше способов избежать этого, ей пришлось (причем горе и беспокойство повергли ее в худшую болезнь, какую она когда-либо испытывала) послать к старшему сыну, что-

---

112 Сэр Уильям Эссекс, баронет (1585-1645).

бы он распустил ее свиту и забрал к себе сестер, и она боялась сказать девушкам об этом. Он же, будучи более, чем просто хорошим сыном (а невестка скорее поддерживала его, нежели чинила препятствия), поспешил сделать все возможное. Пока он распорядился делами, ее и домочадцев поддерживала щедрость тех, кто знал, в каком положении она оказалась. В это время она оказалась премного обязанной своему кузену, сэру Уильяму Спенсеру¹¹³, который помог ей расплатиться с частью прежних долгов и найти средства в тогдашней нужде. За то, что он для нее сделал, да воздаст ему Господь все милостивый на том свете, когда он там окажется.

Она была охвачена печалью и тревогами, и тогда Господь научил ее больше доверять его воле через успех того, о чем она больше всего беспокоилась. Провидение Господа всемогущего позаботилось о том, чтобы отсутствие ее детей не продлилось больше, чем было необходимо для того, чтобы из него воспоследовало благо. Три дочери [мать Клеменция, госпожа Магдалена и сестра Мария¹¹⁴] тогда отправились к брату, где их вновь мучил, хотя, по милости Божьей, и не нанес ущерба мистер Чиллингворт.

Она же, увидев, что все вышло лучше, чем она боялась (а она беспокоилась о том, как дети примут перемены, особенно, каким ужасным покажется той дочери, что все еще любила двор, дом брата, который оставался единственным другом, готовым их принять, хотя они и были католичками, а также то, что она не сможет приезжать в Лондон), вскоре вернула себе здоровье и храбрость, уповая на Господню волю. Поправившись, она поспешила навестить дочерей там, где они находились, и обещала вернуть их как можно быст-

---

113 Уильям, 2-й барон Спенсер (1591-1636).

114 Энн, Люси и Мэри Кэри.

рее. Но то, ради чего Господь послал их туда, не было еще завершено. Ведь там, где, как все опасались, они могли потерять веру, старшей [матери Клеменции¹¹⁵] предстояло обрести монашеское призвание, а младшим братьям (после того, как их склонность к религии проявилась вновь и усилилась благодаря присутствию сестер) бежать оттуда и из рук мистера Чиллингворта. Господь повелел, чтобы через их пребывание там мистер Чиллингворт (после того, как девушки многое о нем узнали) познакомился с молодым джентльменом-католиком [мистером Гарри Слингсби¹¹⁶], которого его обман также подверг большой опасности. Однако Господь не дал ему власти заставить пасть хотя бы одного из примирившихся с католической церковью, хотя можно предположить, что он воспрепятствовал многим стать католиками.

Сын распустил свиту, и с Элизабет осталось совсем немного домочадцев. С этого времени она оставила дела, в которых запуталась и в которых всегда оказывалась в проигрыше, ясно увидев теперь, как обманывалась. Поскольку у нее теперь не было возможности выезжать, она с того времени жила более уединенно, за городом, или в Лондоне, но почти не выезжая из дома. Когда она выбиралась из дома, то (чтобы не входить в новые долги, держа или нанимая экипаж) почти всегда ходила пешком (чего не делала при жизни мужа из уважения к нему; а когда дети жили с ней, и кто-то из них выезжал в свет, она держала экипаж ради них, не желая обременять их тем, за что они не могли платить. Но по той же причине она не поступала так, пока кто-то из ее старших сыновей был в Англии, по их просьбе, ибо они не

---

115 Энн Кэри.

116 Генри Слингсби (1602-1658), сын сэра Генри Слингсби и Фрэнсис (урожд. Вавасур).

могли выносить этого). Чтобы ей легче было ходить пешком и лучше двигаться, она перестала надевать чопины¹¹⁷, которые раньше носила всегда, так как была низкого роста и, в течение долгого времени, очень полной. Получив эту свободу (в отношении детей), она стала соблюдать обычай носить черное, как подобает вдове, выбирая всегда самые дешевые и прочные ткани. Не желая влезать долги (чего она больше никогда не делала), она стремилась получать помощь в нужде (когда бывал случай) от любви и щедрости друзей и знакомых, а не через займы. В течение некоторого времени в ее доме почти никто не бывал, а позднее ее по большей части посещали только священники и друзья-католики. А из священников там часто бывали только те, кто заслуживал большого уважения во всех отношениях. Но даже если к ней приезжали те, чья жизнь была не столь безупречной, случайно или по необходимости, то хотя они и не получали настоятельных приглашений, она принимала их с готовностью и любезностью. Она же сама проводила свое время за чтением.

Как только она смогла свободно вздохнуть, тут же захотела вернуть себе дочерей, и одна из них [госпожа Магдалена¹¹⁸] вскоре вернулась. Ее милости госпоже герцогине Бекингэм (которая всегда была ее добрым и верным другом и которую она имела честь хорошо знать с детства¹¹⁹) было угодно обеспечить эту дочь. А когда дочери сообщили ей о том, как сильно желание ее юных сыновей стать католиками, как они хотели бы отказаться ходить в церковь, притом, что за это их выпороли бы, если бы только это не разлучило их с

---

117 Чопины — женская обувь на толстой подошве (платформе), распространенная в Европе в XIV–XVII вв.

118 Люси Кэри.

119 Мэри Виллиерс (см. примеч. 74).

сестрами и не лишило надежд стать католиками, а также и о том, с каким старанием и ловкостью мальчики старались соблюсти постные дни, не выдавая себя, вынося (особенно один из сыновей) муки голода, потому что им не давали простые постные блюда как неподходящие для детей, она придумывала, как увезти оттуда мальчиков (хотя едва могла содержать тот небольшой дом, что у нее был, и платила слугам еженедельно во избежание тех проблем, что у нее случались раньше). Чтобы облегчить побег, она убеждала сына отправить братьев в школу (и назвала несколько), чтобы те не оставались под влиянием мистера Чиллингворта, чего она не могла перенести. Она заверила сына, что если он не отправит их в школу, то она найдет возможность увезти мальчиков. Однако ее сын, зная о намерениях матери (мистер Чиллингворт рассказал ему все, о чем узнал раньше, а также о своих новых открытиях, потому что был ловок и любопытен, и следил за ее дочерьми и знал все, что они говорили и писали, даже по секрету) и хорошо понимая, что ей труднее будет увезти мальчиков из его дома, нежели из тех мест, что она назвала, не поддавался. Напротив (хоть он и считал маловероятным похищение из его дома), чтобы лишить ее малейшей возможности, он решился отравить мальчиков к пуританам, где бы за ними постоянно присматривали. Она постаралась воспрепятствовать сыну в этом, не оставляя надежд и планов; тем временем, будучи не только в состоянии сама прожить, она ожидала благоприятного случая вернуть себе двух других дочерей (зная, что без такого предлога сын будет беспокоиться), а дочери стремились вернуться к ней на любых условиях, думая, что ради возвращения удовлетворятся чем угодно.

Единственной причиной было свободного исповедания их веры (у дочерей не было такой возможности) и чтобы

освободиться от нестерпимой назойливости мистера Чиллингворта, которая теперь, милостью Божьей, была для них скорее обременительна, нежели опасна: они (узнав его по-лучше) слышали в его словах (а слушать его им приходилось часто) не святого, но пособника дьявола. Ведь он, пока они жили у брата, стал им хорошо известен, и если по их приезде у них еще были мысли о том, что в его словах есть правда, он вскоре разубедил их. Теперь же он открыто провозглашал свои взгляды (чего раньше не делал так откровенно, ибо хотя и открывал перед ними глубины возможного падения, излагая то, во что разумнее всего было бы поверить, если бы авторитета церкви не существовало, а затем пытаюсь это разрушить. Но он никогда не признавался девушкам в своей неверии в Троицу) и настойчиво навязывал их, так сильно, как только смел. С молодой католичкой [Камиллой], которая прислуживала одной из дочерей (и примирилась с церковью вместе с ними), он заходил дальше и силой заставлял ее слушать себя, удерживая ее, когда она хотела уйти, и хватая ее за руки, когда она ими затыкала уши, в которые он вливал свои богохульства (и хотя она с тех пор пала — да будет Богу угодно поднять ее снова¹²⁰ — он к этому не имел отношения). Затем, после всего, что он им говорил, девушки стали свидетелями того, как он выдает себя за пуританина в обществе других пуритан, а их невестка и ее мать¹²¹, казалось, почитали его за какого-то святого (хотя скорее всего, они так и не думали, так как имели много причин этому не верить, но желали поддержать его репутацию в глазах католиков в надежде, что он их обратит; и по этой причине они утаили от

---

120 Т.е., Камилла подчинилась требованиям закона и стала ходить в приходскую (англиканскую) церковь.

121 Летиция Кэри (урожд. Моррисон), виконтесса Фолкленд, и ее мать Элизабет (урожд. Харингтон), леди Моррисон.

девушек некоторые его поступки, которые, как они рассудили, показались бы им неподобающими святому и смехотворными. Они также стремились скрыть некоторые эпизоды болезни, которая случилась с ним сразу по приезду в дом и которую они сочли своего рода помешательством, однако вели себя так лишь для вида), а уважение, какое ему выказывали девушки, заставили дам думать — его слова имеют большое влияние на них.

Но когда Чиллингворт ложно обвинял в чем-то католиков, девушки каждый раз повторяли вслух то, что он говорил им ранее. Однако ему не было нужды бояться их слов, потому что он был способен легко отказываться от собственных утверждений, и делал это в обществе протестантов, в присутствии девушек, которым ранее говорил другое, со страшными клятвами и кощунствами, услышав которые девушки трепетали от страха. Сначала сестрам это казалось странным (пока они не привыкли), и они порой готовы были усомниться в том, слышали ли они от него ранее совсем другое, или же нет, а в другой раз думали, что он забыл собственные слова. И так до того дня, когда они уличили его сразу, как только он произнес эти слова. Он тут же отказался от произнесенного, и все их сомнения в этом деле были разрешены, когда он, вернувшись к ним, повторил то, что говорил раньше, приводя уклончивые объяснения своих клятв протестантам, а когда девушки их повторили, он и от этих слов отказался с удивительным пренебрежением к реальности. А после этого он произносил новые уклончивые речи¹²², упрекая за то, что они дискредитировали его, и приводя в свое оправдание слова Св. Павла и пример Господа, кото-

---

122 В тексте упоминается *equivocation* — способы уклониться от правдивого ответа на вопрос, не совершив при этом смертный грех.

рый, казалось делал одно, а на самом деле имел в виду другое (сделав вид, что уходит, когда встретил двух учеников в Эммаусе¹²³).

В присутствии протестантов сестры не могли подобрать слова для расспросов, на какие он не привел бы какой-нибудь вымученной отговорки, которая, тем не менее, помогла ему выкрутиться. Хотя порой отговорки были не лучше той, что он использовал, дискутируя с отцом Данстаном, который однажды обвинил его в отрицании Троицы; тогда Чиллингворт, опасаясь утратить репутацию, заявил об обратном (дело было в присутствии протестантов, которые его не знали). Зная его обыкновение, отец Данстан спросил его точнее, верит ли он в Троицу — три личности и единого Бога. Он подтвердил, что верит. Тогда священник, зная, что он не верит (это тогда уже было всем известно), и видя, что он готов сказать что угодно, чтобы удовлетворить общество, в котором оказался, потребовал, чтобы он записал свои слова, решив, что тот не посмеет этого сделать, чтобы не опозорить себя в глазах многих, кто знал, что это неправда. Однако мистер Чиллингворт сделал это, а потом сказал тем, кто спрашивал об этом, что и в самом деле верит в единого Бога и три личности, так как личностей три, 100, 1000, 10000 (людей или ангелов), так что он имел в виду именно то, что сказал. Но он никогда не говорил, что Бог в трех личностях, или что эти три личности составляют единого Бога, или что они имеют отношение друг к другу.

Несмотря на все эти отрицания и опровержения, после того, как дочери уехали от брата, мистер Чиллингворт открыто объявил перед теми, перед кем раньше это отрицал (Бог не позволил остаться ни малейшему сомнению насчет

---

123 Лк 24:13-31.

того, кто говорил правду, он или девушки), убеждая протестантов (за столом, при всех) признать трансубстанциацию или отрицать Троицу, так как у него есть одинаково сильные доводы против того и другого. И не менее восхитительно было слушать тех, кто (хоть и отказывался от имени пуритан) были, по крайней мере, строгими кальвинистами и спорили с ним; никто из слышавших беседу не мог бы усомниться в том, что каждая сторона пытается обратить другую в католичество. Они возражали ему, отвергая его нестерпимую гордыню, заставлявшую его утверждать, что весь мир ошибается, и лишь он один способен понять истину, которую до него никто не сумел открыть: — разве за все время не было равного ему по способностям или дарованной Богом благодати, чтобы увидеть истину? Разве Бог настолько не заботится обо всех христианах, что позволил им так долго заблуждаться? А когда он ответил, что такие были, и многие придерживались того же мнения, но не объявляли об этом (чего он и сам не сделал бы, не считая себя обязанным это делать, если бы не чувствовал себя связанным требованиями других), они спросили: откуда он знает, что такие были, если те не объявляли об этом? Тогда он подтвердил, что в Польше и Трансильвании много его единоверцев¹²⁴, и они были там с момента разрыва с Римом. Тогда они удивились: почему же Господь так пренебрег остальными христианами и сосредоточил истину в этом отдаленном уголке земли, так что о ней ничего не слышно в других местах? Эти и прочие подобные им аргументы он обратил против Лютера и Кальвина и их последователей. В то же самое время он превозносил авторитет Римской церкви и утверждал, что каждый, кто ищет в церкви авторитет в вопросах религии, должен скло-

---

124 Имеются в виду антитринитари.

ниться перед ней (т.е. Римом), и что ее власть и вера в Троицу нераздельны, так что ни один разумный человек не может их разделить. И все это происходило в присутствии ее дочерей-католичек, поэтому он счел себя обязанным использовать доводы в пользу церкви, так мучая обе стороны.

Еще один человек, имевший такие же взгляды на религию [мой брат Фолкленд¹²⁵] любил говорить, что (согласно человеческому пониманию) удобно иметь непогрешимого наставника, и сила человеческого желания иметь такого наставника заставляет людей уверовать в его существование, и что если бы Бог в самом деле позаботился о человечестве, Он дал бы ему такого наставника. Но разве церковь, которая только претендует на этот авторитет, не учит тому, что настолько противно разуму (тут он главным образом имел в виду Троицу), что отталкивает от себя? Ведь вера в эти вещи больше противоречит разуму, нежели ее противоположность. Однако, если не считать истины и религии, мистер Чиллингворт был, кажется, добрым и честным человеком, добродушным, никогда не желал ближнему зла, и был готов оказать любезность, что, возможно, служило его целям.

Примерно через год после того, как дочери уехали от Элизабет, случилось так, что ее старшая дочь приехала по своим делам к Его Величеству, а невестка тогда собиралась отправиться в окрестности Лондона по своим делам, и Элизабет уговаривала невестку привезти с собой в город обеих дочерей¹²⁶ (с которыми после встречи мать уже не собиралась расставаться). Однако сын, остававшийся в поместье¹²⁷, не желал, чтобы его сестры слишком стремились уехать (по-

---

125 Люсиус Кэри, виконт Фолкленд.

126 Люси и Мэри Кэри.

127 Люсиус Кэри. Поместье здесь: Грейт Тью — манор, унаследованный им от сэра Лоуренса Тэнфилда в 1625 г.

лагая вероятным, что когда мать получит их, обратно они уже не вернутся) и потому стремился удержать хотя бы младшую¹²⁸ (ее поездку нельзя было объяснить необходимостью), хорошо зная, что только это может заставить другую сестру вернуться, чтобы не оставлять младшую одну среди протестантов, и потому выдумывал много препятствий. Девушки же старались преодолеть все его возражения и надеялись на победу. В это время они написали своей матери: сейчас или никогда она должна придумать, как увезти своих юных сыновей, потому что если этого не произойдет, пока сестры там — а они собирались уехать в определенный день (через несколько недель) — побег мальчиков станет невозможным. У Элизабет не было денег ни на самое скромное содержание для мальчиков, ни для того, чтобы оплатить их пребывание в Лондоне, а уж тем более их отъезд из страны (что было необходимо, ибо в противном случае их друзья ни за что не позволили бы ей оставить мальчиков у себя). Но несмотря на это, она не отчаивалась, хоть и не нашла никого, кто поддержал бы ее в таком трудном деле, как похищение сыновей из дома их брата и из рук бдительного мистера Чиллингворта, так как ее желания им были уже известны, и они старались ей помешать.

Не могла она в этом деле использовать никого, кому могла бы довериться. Однако она искала помощи, где могла и, наняв двух лошадей, послала двоих¹²⁹. Один из них был человеком бедным и зарабатывал на жизнь, отправляясь с поручениями; католиком он тогда не был. Другой (ее слуга) выдавал себя за католика, и его в лучшем случае можно было принять за простолюдина, а честности в нем, как потом вы-

---

128 Мэри Кэри.

129 Генри Оксли и Джордж Сперриер.

яснилось, было так же мало, как и ума. Этого последнего знал только один человек в доме ее сына, а другого знали все. Первый поэтому должен был отправиться в дом (а другой не показывался) с письмом от матери к старшей дочери, причем подписано оно было чужой рукой, словно бы дамой — подругой матери, а он выдавал себя за слугу той дамы. В этом письме она наставляла своих дочерей, как им передать братьев в руки слуг (но она смогла придумать план, который имел шанс на успех лишь в том случае, если бы в доме все находились в тех местах, какие она им расписала. То, что она придумала, было возможным, но не выглядело вероятным). Ее люди должны были отвезти мальчиков в Абингтон (в пятнадцать милях от дома ее сына и в пяти милях от Оксфорда) на тех лошадях, на которых они приехали, при этом слуги должны были идти пешком, и значит, лошади не могли бы идти быстрее человека, слишком медленно, так как десять или двенадцать миль пути пролегли по прямой дороге на Лондон, где мальчиков стали бы преследовать (как только хватились бы). В Абингтоне мальчиков в назначенный день должен был встретить служивший ей джентльмен (который был тогда очень молод) [мистер Александр] с парой весел, и оттуда мальчиков должны были доставить в Лондон по воде, что само по себе было необычно. У Элизабет было так мало денег для этих двух групп слуг, что если бы им не удалось все сделать за назначенный срок, у них не осталось бы средств, чтобы привезти мальчиков. Кроме того, нанятых лошадей нужно было вернуть в определенное время.

Слуга доставил письмо дочери, а тот из домочадцев, который его знал (и раскрыл бы обман, если бы был дома) [мой

кузен Томас Хинтон¹³⁰] был в отъезде. И во всем прочем провидение Господне так вело их, что все случайности способствовали делу: сестры обсуждали предлог, под которым младшую из них не хотели отпустить, и это давало им больше возможностей шептаться и выйти на прогулку с младшим братом туда, где мальчики должны были встретить слугу матери. Последнему они приказали не приближаться к дому, чтобы слуга брата, вернувшись (а его приезда ждали с часу на час), не увидел и не узнал бы его. Они выходили несколько раз и показали слуг мальчикам, а тех — слугам, чтобы они друг друга узнали, отвели их на место, где они должны были встретиться (во время, которое должны были назначить сами девушки), примерно в миле от дома: дети должны были идти так далеко одни и пешком. Они же (дочери) не могли (по многим причинам) исполнить свой замысел кроме как в день собственного отъезда (когда суматоха в доме помогла бы скрыть побег), и ради этого задержали слуг на два или три дня. Те же не могли задержаться ни на день больше (из-за обещания вернуть лошадей), однако джентльмен из свиты брата, присутствие которого было необходимо, вернулся в тот же вечер, а ведь только его возвращения ждала невестка, задерживая свой отъезд. А задержка в отправке денег одной из дочерей (случайно растянувшаяся на квартал), которые теперь ею были получены, тоже способствовала удаче (потому что если бы деньги пришли раньше, их бы уже потратили), и помогла во многих делах, например, предоставила средства слугам, чтобы задержаться, а также и тому, кто нанимал лодку, потому что у него из-за задержки совсем не осталось бы денег отвезти мальчи-

---

130 Родственник (внук?) Томаса Хинтона из Буртона (Оксфордшир), который женился на сестре сэра Лоуренса Тэнфилда.

ков в Лондон. А те, кто в другое время были бдительны, тогда словно ослепли и ничего не подозревали.

Мистер Чиллингворт (который обычно ко всему присматривался) стоял прямо за сестрой, получившей письмо, и смотрел через ее плечо, когда она его распечатывала, но не узнал почерк (т.к. почерк матери был на внутренней стороне листа), который знал хорошо и был легко узнаваем. И хотя дети держали все в тайне, однако они паковали вещи и многое раздали, и одно это могло возбудить подозрения у кого-либо, даже менее бдительного, чем мистер Чиллингворт. Ни невестка, ни кто-то другой не вспомнили о мальчиках утром, чтобы попрощаться, пока экипаж не отъехал от дома слишком далеко, и было уже поздно; тогда она, опомнившись, пожалела, что забыла о них. Дочери же ночью перед отъездом (сначала передав слугам плащи братьев и наказав им ждать мальчиков в назначенном месте в четыре или пять часов, а также устроив так, что у мальчиков назавтра был свободный день, чтобы их не сразу хватились) притворились, что у них еще много дел перед отъездом, и выразили желание, чтобы братья зашли к ним совсем рано утром. Один из братьев (по договоренности) зашел к ним в три часа, чтобы у братьев была возможность открыто сделать то, что они не смогли бы сделать скрытно, учитывая чуткость сна мистера Чиллингворта, в комнатах которого они спали.

Дети так рвались уехать, что не проспали, но, напротив, встали в три, подняв как можно больше шума, показав всем, что проснулись. Затем одна из сестер вывела их вниз и через все дворы, так что их никто не увидел. Мальчики одни пробежали милю (еще затемно), чтобы встретить людей, которые были для них чужими, причем в них самих не было ничего, особо внушающего доверия. Прежде, чем они встретились со слугами, мальчикам, путь которых пролегал через

деревню неподалеку от дома их брата, пришлось прятаться в кустах, так как лай собак разбудил людей. После того, как они встретили посланников матери, им приходилось сходить с дороги при виде любого экипажа, так как они боялись, что их нагонит экипаж невестки, или же те, кого пошлют за ними. А им нужно было следовать тем же путем, по крайней мере до Оксфорда. Когда же они добрались туда (уже при свете дня), то, зная, что за ними туда могут последовать и начать поиски, и чтобы в городе никто не видел людей, подходящих по описанию, слуги ссадили мальчиков с коней, и один из слуг прошел через город, ведя одного коня в поводу. За ним последовали мальчики (один за другим), без шляп и плащей (чтобы меньше походить на путешественников), и, последним, другой слуга верхом. После полудня они добрались до Абингдона и там нашли дворянина с парой весел и без денег, как и ожидали. Чего они не ожидали, так это того, что все лодочники будут настолько пьяными, что в тот вечер нельзя было оттуда уехать, и те, кто доставили мальчиков, задержались, чтобы не оставлять их одних. После ужина слуги, которые привезли мальчиков, и дворянин, что должен был доставить их дальше, поссорились и тем самым дали знать в доме, где остановились, что мальчики были похищены. Горожане собрались, и прислали констебля, чтобы схватить их. Этот констебль оказался старым знакомым и приятелем бедного слуги — протестанта, который успокоил его, убедив в том, что мальчики — сыновья его хозяйки и направляются к пославшей за ними матери. Но, избежав такой опасности, они не рискнули оставаться до следующего дня, на тот случай, если до города дойдут слухи о поисках (рядом жил дворянин, часто посещавший дом брата), и подозрения проявятся вновь, но оказались вынужденными отплыть в десять часов, темной ночью, а лодочник не только

не мог грести, но то и дело грозил перевернуть лодку, так как пошатывался и клевал носом.

Однако мать (сначала услышав о том, какой опасности их подвергли двое слуг) получила мальчиков целыми и невредимыми и очень обрадовалась. Она помещала их в разные дома в Лондоне и часто перевозила. А чтобы оплатить их комнаты и питание, когда ее собственная свита выросла (так как дочери тоже к ней приехали), ей и ее домашним пришлось, пока они жили в городе, соблюдать больше одной пятницы на неделе. Ее сыновей в доме брата хватились за обедом в день их побега, и после того, как, поискав повсюду, не нашли, поняли, наконец, что с ними случилось, не найдя в их комнате ни одной книги или другой их вещи. Некоторые из домочадцев утверждали, что ничего не подозревали в тот день, но мальчиков намеревались отослать до возвращения их сестер обратно, и с того дня собирались так тщательно наблюдать за ними, чтобы мальчики не могли поговорить ни с одним человеком их матери. Старший сын немедленно послал за ними вдогонку, но вскоре, рассудив, что это бессмысленно, так как слишком поздно, и мальчики уже слишком далеко, поспешил сообщить жене, так как больше надеялся на то, что она вернет мальчиков в Лондоне.

Узнав обо всем, жена тут же сообщила лорду Ньюбургу, а он — королевскому совету (членом которого был сам¹³¹). Их сиятельства немедленно призвали ее к себе в Лондон (и пока она находилась у них, они приказали обыскать ее дом, чтобы обнаружить ее сыновей) и допросили ее. Она признала, что отослала своих детей [за границу] и распорядилась ими так, как сочла правильным. И хотя ей пришлось тайком увезти их из дома брата, она тем самым не совершила ничего противо-

---

131 Лорд Ньюбург был членом Тайного совета с 1628 г.

законного, так как нельзя сказать, что она украла принадлежащее ей; ведь ее сын не имел права удерживать братьев против ее и их воли, поскольку они не были вверены ему ни государством, ни их отцом. Она часто предупреждала сына, что так поступит, если он не даст [добрых] наставлений ее детям, и она готова предоставить милорду [архиепископу] Кентерберийскому полный отчет в своих побуждениях, если ему будет угодно этого потребовать. Что же касается тех, кто это сделал, то это были ее слуги, по ее приказу отправившиеся за детьми, причем дети встретили их почти за милю от дома, что явно доказывает: они не были увезены силой. Когда лорды сказали ей, что отправлять детей в семинарии противозаконно¹³², она попросила их доказать, что они были отправлены в такое место (дети тогда находились в Лондоне, но она хотела, чтобы лорды сочли, что они уже за границей, с тем, чтобы им было легче уехать потом), и сказала, что отправить их на воспитание во Францию не преступление. Они сказали ей, что преступлением было отослать их из страны без разрешения, и показали ей предписания никого не выпускать без лицензии, адресованные портовым чиновникам¹³³. Она заявила, что это ее не касается, и она не обязана это знать или принимать во внимание, ведь она – не портовый чиновник, и этот приказ предписывал не ей не отправлять детей, но чиновникам не пропускать их, и если они его нарушили, пусть их сиятельства чиновников и допрашивают, если им угодно, а не ее. На это один из лордов спросил, уж не хочет ли она учить их законам? Она ответила, что желала только напомнить им то, о чем они и без нее знали; да и

---

132 Парламентский статут 1585 г. запретила отсылать детей в заграничные (католические) школы.

133 Королевская прокламация от 1591 г.

она сама, будучи дочерью юриста, тоже имела об этом представление. Они потребовали сообщить им имя того, кто увез ее детей за границу, она же уверила их, что сама его не знает. Они сказали ей, что она вряд ли доверила бы детей тому, с кем не знакома. Затем они отослали ее к судье Брамстону¹³⁴ со своим приказом, и если бы она не смогла дать тому удовлетворительные ответы, тем же приказом ее отправляли в Тауэр. Представ перед судьей, она была (очень вежливо) допрошена им и отпущена; однако он не оправдал ее в недвусмысленных выражениях. Тогда она пожелала узнать, как именно ее доставят в Тауэр и на каком основании ее туда поместят, в том случае, если его не устраивают ее ответы. Он признался, что не знает, о чем еще ее спросить (раз уж ее невозможно убедить привезти сыновей обратно), объявил себя удовлетворенным ее ответами и предложил ей свою карету, чтобы отвезти ее домой.

Потом он, принужденный к тому, вызвал двух ее дочерей, которые участвовали в деле, но когда они пришли, не говорил с ними. Им сказали, что он был занят в момент их приезда, а девушки не собирались ждать, так как у них самих там не было дел. Тогда один из его джентльменов пожелал, чтобы они, если им так угодно, отправлялись домой, и если его господину они понадобятся, то он пошлет за ними экипаж в другой раз. Но больше он их не тревожил. Он также вызвал и допросил двух слуг, которые забрали ее сыновей из дома брата, они же отвечали, что их госпожа послала за мальчиками и, далее, что они передали их в руки такого-то и не знают, что случилось с ними дальше. Однако выдававший себя за католика (ее собственный человек) после того, как мальчики ускользнули из его рук, всеми средствами стре-

---

134 Джон Брамстон (1577-1654), главный судья Суда Королевской скамьи.

мился выдать их и стал причиной ареста того, кому их передал. Последний же отвечал, как и все остальные, что он повиновался своей госпоже в том, то было совершенно законно, и что он, по ее распоряжению, оставил детей в руках такой-то дамы [миссис Малленс] и не знает, где они теперь. Затем справились об этой даме, а потому, чтобы завершить допросы, было устроено, чтобы эта дама передала мальчиков в руки человека, которого она никогда раньше не видела и чьего имени не знала. Однако этого не понадобилось. Последнего же (он раньше служил ей) допросили сначала лорд Ньюберг, потом лорд судья; в конце концов его отправили в тюрьму и продержали там два дня. Тогда она послала к лорду Ньюбергу (по чьему приказу, как она считала, это было сделано) и пригрозила обвинить его в *premunire* из-за незаконного задержания ее слуги¹³⁵. Лорд сказал, что не отдавал приказа и свалил все на лорда Судью; тот тоже отрицал, что приказал арестовать его. Тогда чиновники, испугавшись, что обвинение падет на их головы, ибо те двое отреклись [от своего приказа], поспешили избавиться от него, и прекратить поиски. В это время дома, в которые когда-либо отправлялись, она или кто-либо из ее детей, были обысканы.

Но все это время ее сыновья были в Лондоне (около трех недель), так как у матери не было денег отправить их за море, и она не могла найти никого, кто отвез бы их, хотя она согласилась бы на любого (даже такого, кто внушал немного доверия), но никто не рисковал браться за дело. Наконец (когда других возможностей не оказалось), за дело взялся и исполнил его по великой милости отец ордена Св. Бенедикта

---

135 Зд. — фелония, тяжкое уголовное преступление.

[отец Фрэнсис Трешэм¹³⁶, да вознаградит его Господь] (которому она была обязана за многие благодеяния), а деньги неожиданно принес тот самый отец-иезуит, который дискутировал с мистером Чиллингвортом [Холланд]; он хотел, чтобы эти деньги передали тому, кто отвезет их за море, для этой цели. Это было сделано согласно его желанию. И за эту его щедрость да будет угодно Господу быть и награждающим его, и наградой.

Господь всемогущий выказал им Свое провидение во время путешествия в Париж. По дороге в Руан путешественники прибыли на плохенький почтовый двор, о существовании которого рассказал отцу-бенедиктинцу (по дороге, когда уже поздно было искать другой) купец, который, казалось, опасался, что мальчики не доберутся до своей цели, будучи в таких руках. Содержатель почтового двора (который предоставил им лошадей, как и предполагали его обязанности, выделив старшему брату и себе самому очень хороших коней, а бенедиктинцу плохую) убедил старшего поехать с ним и обогнать монаха и своего брата, а затем уговорил спешиться у придорожного дома до того, как прискакали остальные. Когда мальчик был уже в доме, почтмейстер легко уговорил, а скорее вынудил монаха тоже спешиться, хотя и против его воли, причем монах не знал, как убедить мальчика вновь сесть на коня, а тот хотел остановиться там и поесть. Они только прибыли в тот дом, и тут вошли два солдата, похоже, знакомые почтмейстера; тот шептался с ними, медлил и не давал монаху и братьям сесть на коней, а потом просто оказался выходить из дома (чтобы отвезти их в Руан тем вечером), все больше подтверждая подозрения монаха. В это

---

136 Фрэнсис Трешэм (1592-1659), английский бенедиктинец, выпускник коллегии Дуэ. Рукоположен до 1649 г., когда он покинул орден, стал францисканцем и отправился в Англию как миссионер.

время божественным провидением в тот же дом прибыл путешественник, дворянин с двумя слугами, у каждого из которых была пара пистолетов; дворянин тем вечером тоже направлялся в Руан. С его помощью монах заставил, наконец почтмейстера отпустить их, и даже, хотя ранее удерживал их, теперь хотел, чтобы они поскорее уехали, и сам (казалось, что без них в доме ему нечего делать) тоже поехал с ними (солдаты уехали раньше, как только поняли, к чему идет дело, изобразив, что тоже направляются в Руан).

Когда они доехали до большого леса неподалеку от Руана, и уже почти наступила ночь, почтмейстер опять пытался убедить их расстаться с дворянином и поехать с ним самим по тропинке через лес (дворянин не хотел там ехать, так как это было опасно), но никакими средствами этого не добился и уехал этим путем один. Проехав лес, там, где пути опять соединялись, они увидели тех самых солдат, которые отвернулись с растерянным видом, как только увидели, что путники приехали безопасным путем; уже наступила ночь, и Руан был совсем близко, так что присутствие солдат показало — им нужен был не сам город, а дорога туда.

Сыновей Элизабет поместили в конвент отцов-бенедиктинцев в Париже, и там они встретили такую доброту и заботу о них со стороны досточтимого отца Гейбриэла [Бретта¹³⁷], тогдашнего приора, что и мать, и они сами были очень ему за это обязаны. Младший брат потом стал монахом этого конвента и имел много причин благодарить отцовскую привязанность к нему нынешнего отца приора. Старший потом отправился в Рим и, будучи молодым ино-

---

137 Роберт (в монашестве Гейбриэл) Бретт (1599-1665), английский бенедиктинец, приор английской конгрегации в Париже.

странцем, нашел в отце Уилфриде¹³⁸ (которому вверили опеку над ним) такого доброго друга во всем, что это возложило на него самого и его друзей вечное обязательство. Для содержания сыновей там, где они находились, мать выделила сумму, которую получила от щедрот Ее королевского Величества, которой угодно было выплачивать эти деньги и после смерти Элизабет до смуты нынешнего времени¹³⁹. И за это мать была в значительной степени обязана достопочтенному отцу Филипсу, а также, как и во многих других делах, достопочтенному отцу Виату (или Уоту).

С Божьей помощью распорядившись сыновьями (еще до того, как они покинули Лондон, так как она оставила их на попечение друзей, когда сама уехала из города) она, понуждаемая начавшейся чумой, должна была быстро придумать, как вместе с домочадцами отправиться за город, не имея при этом ни денег на отъезд, ни места для жизни. Первое ей неожиданно одолжил молодой дворянин-католик [мистер Гарри Слингсби], а в отношении второго ей пришлось удовлетвориться тем, что она смогла найти и поселиться в небольшой деревне близ Лондона. Там она быстро разместила домочадцев в двух бедных домах и оставалась там около полугода. Затем ее сын, незадолго до того выкупивший ту часть наследства отца, которое предназначалось ей во вдовью долю, использовав при этом право преимущественного приобретения, за сумму, превышавшую стоимость поместья (помимо обременявших его небольших долгов) пожелал (чтобы ничего не наследовать от отца, с которым поссорился из-за своего брака) выделить половину дохода матери, в ка-

---

138 Джон (в монашестве Уилфрид) Селби, прокуратор английских бенедиктинцев в Риме, в 1645-1649 гг. глава английской бенедиктинской конгрегации.

139 Пенсия выплачивалась до начала Гражданской войны в Англии (1642).

честве частичной компенсации ее вдовьей доли, а вторую половину — той из дочерей, которая будет больше в этом нуждаться, по согласия между ним и матерью. Для заключения соглашения сыну и матери нужно было встретиться. Она поэтому отправилась в его дом без всяких церемоний, просто послав к нему за его каретой (хотя они все еще был в ссоре из-за похищения юных братьев, усугубившейся после того, как они обменялись письмами). Сын же так хорошо это принял, что вскоре по приезде матери они помирились, и он отвез ее обратно и поселил в более удобном доме.

В это время она закончила перевод остальных работ кардинала Перрона, но оставила их неизданными. С этого момента и до периода за два года до своей смерти (то есть, примерно в течение года) она занимала мысли и время, устраивая бедняков работать с пряжей и шерстью. Когда она вернулась в Лондон, кашель, который почти не переставая мучил ее почти двадцать два года (потому что она не заботилась о себе и постоянно простужалась) превратился в чахотку. С этого времени она только читала и писала; вернулась к занятиям древнееврейским и улучшила свою латынь, переводя труды Блозия — задание, которое ей дал отец Фрэнсис. Вскоре после этого ее, наконец, стали покидать дочери: они уехали за море или собрались туда.

Она (став более свободной) чаще и больше просила помощи у других. Постепенно, привыкнув, она стало легче относиться к этому, тем более что теперь знала по опыту, как унижают долги. Мало кто из самых великих никогда не оказывался в положении, когда необходима была помощь других, и нужно было просить о любезности и быть обязанными, иногда в гораздо большей степени, нежели они хотели бы прослыть. И все, имеющие устремления в мире испытали такие унижения, но предпочитали не освободиться от них,

но скрыть их. Однако опыт, как она видела у других (и у самой себя, знавшей превратности судьбы), смягчал гордость, чувравшуюся низости таких действий. Однако, нет сомнений в том, что она никогда не стала бы этого делать, если бы не делала этого ради Бога, так как в милостыне больше спокойствия и справедливости, нежели в долгах (когда нет уверенности в возможности их вернуть), если вверить себя Его воле. Она всегда могла (когда, сочтя дело подобающим, предавалась ему) делать это легко, и редко поступала по принуждению, но когда решала, что нечто должно быть сделано (каким бы противным ее натуре оно ни было), то поступала так добровольно. Ее собственный опыт мучений и рабства долгов вынудили ее бояться их, и она не желала, чтобы ее сын влезал в долги, так как видела, что его поместья не выдержат большего бремени, нежели то, каким они уже отягощены. И хотя такие просьбы, когда вежливость почти не оставляет свободы отказать, могут быть видом грабежа, она не беспокоилась об этом, считая, что все другие похожи на нее по расположению духа; а она сама искренне радовалась (как уже сказано), понимая, что то, чем она в настоящий момент может поделиться, поможет другим (всегда считая одной самых больших радостей в мире возможность быть полезной другим). В течение некоторого времени она не слишком обманывалась в своих ожиданиях, но вскоре заметила, что готовность помочь ей и количество даруемых средств уменьшились, и хотя одни, у кого она сначала просила, в силу новизны и непривычности были принуждены выказывать радостную готовность, другие потом (прослышав о том, что она делала) уже не считали ее просьбы новыми и странными и откликались с меньшей радостью, так что вскоре ее просьбы встречали лишь презрение (как и говорили ей ее ближайшие друзья, старавшиеся отвратить ее от этого занятия),

которое она принимала как должное, хотя и без радости. За полгода до смерти (когда ее чахотка уже далеко зашла) ею настолько пренебрегали, что никто из тех, на кого она бы могла рассчитывать по родству, не заботился о ней и не оказывал никакой помощи. Однако Господь распорядился, что она не нуждалась, получая постоянную помощь во всем до последнего дня от близких друзей-католиков. Незадолго до ее смерти старший сын — которому тогда сообщили, в каком она положении (она не говорила ему, в какой нужде находилась, из страха обременить его, и своими поступками — которые вряд ли понравились бы ему, если бы он мог оказать на нее влияние — казалось, снимала себя с его иждивения) — приехал в столицу (с женой), чтобы исправить это положение. И поначалу казалось, что он это сделал. Однако она (чувствуя, что его состояние уменьшилось и обременено долгами) не сообщила ему, что еще ей нужно, так что он оставил ее примерно в том же состоянии, что и нашел до тех пор, пока другие не сказали ему правды. Тогда он договорился со своей тещей, попросив ее обеспечить мать всем, что необходимо, и она сделала это, позаботившись об Элизабет.

Она при жизни увидела, как шестеро из ее детей (по великой милости Божьей) стали католиками¹⁴⁰ и избавились от опасности, которой могла бы их подвергнуть жизнь среди друзей-протестантов, уехав из Англии. Четверо из них приняли облачение Св. Бенедикта¹⁴¹ (она радовалась, причислив их к дочерям такого отца), пятый же пожелал себе того же счастья среди бенедиктинцев в Париже¹⁴². Его она вверила заботе друзей-бенедиктинцев, в особенности нынешнего от-

---

140 Энн, Элизабет, Люси, Мэри, Патрик и Генри Кэри.

141 Четыре дочери — Энн, Элизабет, Люси и Мэри.

142 Генри Кэри был пострижен в монахи с именем Пласида в 1650 г.

ца-приора Дуэ [Джона Ментисса¹⁴³] (он часто посещал ее в последней болезни, и она знала, каким большим другом его сына он был. Его заботу и щедрость ее сын испытал в высшей степени в эти времена нужды, а ее душа — не меньшее попечение после смерти от его молитв и месс, которые он добровольно и щедро служил по ней: в целом больше сотни месс). И через этого самого отца приора она смиренно рекомендовала своего сына¹⁴⁴ отцу Клименту [Рейнеру¹⁴⁵], который тогда был президентом бенедиктинцев и который много заботился о нем (когда отец Климент был в должности, сын уже принес обеты¹⁴⁶), а также выказывал благоволение старшему брату в Риме. Его же она послала туда с рекомендацией к кардиналу Барберини¹⁴⁷ от Ее Величества королевы. Его преосвященство, побужденный такой рекомендацией и собственной щедростью, выказал ему большую благосклонность. В этом случае мать было очень обязана мистеру Монтегю¹⁴⁸ как за то, что он убедил ее отправить туда сына (или, по крайней мере, поощрял ее в этом), так и за его добровольное предложение и готовность сделать рекомендации от имени королевы, и за то, что полученные рекомендации

---

143 Отец Джон Нортхолл (или Мейтисс; ум. 1666).

144 Речь идет не о Генри, а Патрике Кэри, который в 1640-х гг. также собирался стать бенедиктинцем, но впоследствии отказался от монашеской жизни и вернулся в Англию.

145 Отец Климент Рейнер (1589-1651), английский бенедиктинец, глава английской конгрегации бенедиктинцев в 1655-1657 гг.

146 Монашеский обет принял Генри Кэри (см. примеч. 142).

147 Кардинал Антонио Барберини (1607-1671), камергеру папского казначейства.

148 Уолтер Монтегю (1602-1677), сын Генри Монтегю, 1-го графа Манчестера и Кэтрин (урожд. Спенсер), придворный, дипломат и полемист. В 1635 г. обратился в католичество. С началом Гражданской войны Монтегю эмигрировал во Францию, где стал главой Аббатства Сен-Мартен близ Понтуаза.

были действенными и выгодными. Ее Величеству было угодно (после смерти матери) еще несколько раз рекомендовать его.

Она умерла в самом начале нынешних бедствий Англии, которые (если бы она прожила дольше) принесли бы ей невыносимое горе — смерть двух сыновей (погибших на войне), без всякой надежды¹⁴⁹, иначе она сочла бы, что они не могли бы отдать свои жизни ради более высокой цели, нежели ради дела Его Величества, за исключением служения Богу.

Она очень много читала; поэзию разных видов, древнюю и современную, на разных языках, все, что могла найти; была начитана в истории — прочла всех древних греческих и римских историков, всех хронистов своей собственной страны и почти все французские истории: многое, хотя и не все, из историй других стран, и очень много из церковной истории, особенно сочинения о главных пастырях. Из книг, посвященных моральной добродетели и мудрости [например, труды Сенеки, Моралии Плутарха, естественные истории, в частности, Плиния, а из недавних авторов — Монтеня из французов и Бэкона из англичан], она в молодости прочла очень многие, не без выгоды для себя. Она читала много Отцов церкви, в особенности труды Св. Юстина Мученика, Св. Иеронима, очень много — Св. Августина и Св. Григория, и некоторые труды многих других, по большей части в испанских, итальянских и французских переводах, и так в течение многих лет. Что же до полемических сочинений, то она прочла почти все, что было написано: до того, как стала католичкой, она читала сочинения разных авторов-протестантов — многие труды Лютера и Кальвина, и уж конечно всех из-

149 Оба старших сына Элизабет, Люсиус и Лоуренс Кэри, погибли в сражениях, и оба умерли протестантами (т.е., не оставили надежды на их обращение в католичество).

вестных английских писателей прошлого, Лэтимера, Джуэлла¹⁵⁰ и прочих, а также все, что выходило из-под пера известных новых богословов, и французские сочинения подобного рода. Став католичкой, она читала католические труды (уже будучи начитанной в трудах сэра Томаса Мора) и продолжала, с разрешения, читать протестантских полемистов. Она читала и многое другое, но им уделяла больше внимания.

Помимо того, что было упомянуто (и бесчисленного множество стихов) она написала только одно полемическое сочинение. Мистер Монтегю защищал пером веру, за которую теперь имел честь пострадать (а также и за службу их Величествам, второе славное дело), в письме своему отцу (в ответ на письмо отца ему самому), которое много восхваляли¹⁵¹. Сын Элизабет писал против этого письма, а она — ответ на его ответ¹⁵², отметив в начале своего сочинения исполнение пророчества того, кто сказал: «не мир, но меч» (Мф.10): сын выступает против отца, а мать против сына, если затронута вера. Это сочинение считали лучшим из всех, что она написала, и даже тот, против кого оно было направлено, признавал: оно было достаточно обоснованным отве-

---

150 Хью Лэтимер (1487-1555) — английский протестант, богослов и епископ Вустерский (1536-1539), сожжен на костре за ересь 16 октября 1555г. в Оксфорде; Джон Джуэл (1522-1571) — английский протестант и полемист, эмигрировавший из Англии в 1554-1559 гг., позднее — епископ Солсберийский (1559-1571).

151 После своего обращения в католичество (имевшее место в Париже в 1635 г.) Уолтер Монтегю опубликовал апологию своих действий, представленную в форме письма, адресованного отцу, графу Манчестеру (A Letter sent from France by the Hon. Walter Montague to his father, the Earl of Manchester, containing the motives of his conversion, dated Paris, 21 Nov. 1635). Этот памфлет был ответом на письмо отца, оставшееся неопубликованным (но известным придворной публике — одна из копий письма хранится, например, в Британской библиотеке — Harleian MS 1506).

152 Оба эти полемические сочинения остались неопубликованными.

том, хотя и не удовлетворительным для него, и этого сочинения достаточно, чтобы опровергнуть протестанта, а ответить на него значило бы пойти дальше и отвергнуть большее, чем он сделал в своем письме.

Она обратила многих, включая очень способных людей разных сословий и положений, а беседы с друзьями были величайшей радостью ее жизни, однако она сильно не страдала от смерти или отсутствия друзей. Из бесед и чтения она приобрела некоторые привычки. Впрочем, она была забывчивой и невнимательной в обычных повседневных вещах, не связанных друг с другом, и странно воспринимала время, особенно недавно прошедшее (если ее внезапно спросить): то, что имело для нее значение, она помнила лучше, чем незначительные события, случившееся с ней гораздо позже. И она хорошо помнила то, что прочла.

Она говорила много и с большим воодушевлением, была открытой и простодушной, и близким к ней людям нетрудно было приобрести над нею власть. Ее манеры были неловкими. Из-за забывчивости она пренебрегала обычной любезностью, и это было так заметно, что превратилось в причуду. Но хотя ее небрежность в таких делах была такой, что иногда она, придя с визитом к тем, кого больше всего уважала, и находясь в одной комнате с ними, полностью забывала их и то, зачем пришла, не замечала их и уходила, даже не поговорив с ними. Она редко запоминала тех, с кем встречалась и мало кого узнавала (только тех, с кем регулярно общалась), если встречалась с ними не в том месте, где привыкла их видеть. Даже краткое отсутствие заставляло ее забывать лица тех, кого она знала особенно хорошо (но не их самих). И хотя казалось, что помочь этому не в ее власти, однако обязанности по отношению к королю имели такую власть над ее умом, что все отмечали — она никогда не забывала его при-

сутствие, хотя были случаи, когда она могла бы ошибиться или забыться, созданные (и Ее Величеством), чтобы испытать ее. Она была известна многим, а те, кто знали ее, знали хорошо. Возможно, ее ошибки бросались в глаза и казались значительнее знакомым, а не тем, кто был близок к ней, однако она всегда стремилась послужить Богу и была искренней, настоящей католичкой, желавшей обращения других, ради этого готовой на любые страдания.

С самого обращения она радостно исповедовала свою веру и в смерти старалась избежать обратного. Ведь тогда ее часто посещала теща сына, леди Моррисон (ревностная протестантка), а она порой лежала в постели, в забытьи, сама не своя, и боялась, что однажды скажет или сделает что-то, что покажется не вполне католическим, если леди Моррисон станет побуждать ее, а она сама не будет знать, что делает. И поэтому очень хотела, чтобы ее подруга-католичка, миссис Плат (которая старательно и усердно ухаживала за ней до смерти, осталась верна ей до конца и даже после смерти, так что ее старший сын имел много причин благодарить ее за заботу о матери, а ее дочь-протестантка¹⁵³ также признавала себя и всех других детей своей матери обязанными той женщине за ее услуги) не оставляла ее наедине с леди Моррисон по этой причине. Она почитала все учения, установления и даже церемонии католической церкви. Она уделяла большое внимание и часто предавалась тем молитвам, которые церковь особенно ценила, ввела их в свое молитвенное правило, и, произнося его, надеялась быть услышанной как дитя церкви, хотя, как она сама признавала, несовершенно. Она всегда стремилась выказывать уважение священникам,

153 Виктория Кэри (1614-1694) осталась протестанткой. Уже после смерти матери, в 1640 г. она вышла замуж за казначея личных покоев короля Карла I, сэра Уильяма Ювдейла (1581-1652).

и так ценила их благословения, что (как обычно, забывая о светских обычаях и церемониях) никогда не забывала просить о благословении, но часто не помнила, где в это время находилась, иногда обращаясь за благословением на улицах, в публичных местах (в Англии), прежде чем ей удавалось опомниться.

Она глубоко уважала все ордена церкви господней, и их членов радушно принимали в ее доме, однако чаще всего там бывали отцы-бенедиктинцы. Этот орден она особенно чтит, так как была ему больше всего обязана. Ибо помимо тех, что она разделяла со всей страной (нацией, которая получила христианское учение из рук апостолов-бенедиктинцев), у нее были и личные причины, так как она получила разъяснения в религии и примирилась с церковью при помощи бенедиктинца. Этому же ордену она была обязана (после Бога) обращением своих детей, а все ее духовники, от первого до последнего, были из этого ордена. Она сама, примерно за год до смерти, была принята в конфраaternию св. Бенедикта при посредстве отца-приора Дуэ, получив из его рук малый скапулярий¹⁵⁴.

И хотя она не принимала на себя обязательств предназначить детей к монашеству (зная, что они принадлежат только Богу; и она не была такой матерью, которая хочет избавиться от детей, как бы дорого ей ни обходилось их содержание), и не стремилась предопределить их выбор ордена, однако с готовностью дала свое согласие, так что нельзя от-

---

154 Малый или вотивный скапулярий (в отличие от большого, который является частью монашеского облачения) католики носят по обету. Он два прямоугольных куска материи, на которые нанесены религиозные изображения или тексты, скрепленные между собой шнурами. Носят малый скапулярий на теле под одеждой, так что один образ находится на спине, а другой на груди.

рицать: она была счастлива отдать их ордену Св. Бенедикта и радовалась, что они нашли такое призвание. Но она верила, что монашеское призвание есть дело Бога, и потому никогда не пыталась связать ту дочь, которую посвятила Деве Марии¹⁵⁵, обещанием стать монахиней, считая, что выполнение обещания — в том, чтобы она исполнила свою роль (помимо того, чтобы постараться сделать ее католичкой, что и случилось), которая, по ее мнению, состояла в том, чтобы предоставить дочери средства и убрать препятствия с ее пути в том случае, если Господь призвал бы ее к монашеству, а это уже — Его дело, а не ее. Но как бы там ни было, Дева Мария приняла ее обет и, вероятно, даровала дочери благодать призвания к монашеству, так что обет, несомненно, много сделал для того, чтобы склонить ее к тому, к чему иначе ее трудно было бы подвигнуть. Ведь она была младшей из дочерей, пожелавших стать монахинями, и мать, не видя в ней такого намерения, решила поместить ее туда, где ей было бы лучше всего (а это, по мнению матери, было не в ее доме, особенно после отъезда сестер¹⁵⁶), и где она могла бы свободнее всего исповедовать свою веру, под величайшей и могущественнейшей защитой в королевстве. И поскольку ее труднее было отговорить от дела, на какое она решилась, почти невозможно (хотя в этом случае это было не так), чем заставить ее расстаться с чем-нибудь, что она имела в тот момент. Так что мать уже посоветовалась со всеми, кто мог помочь в этом деле (дочь только тогда собралась сообщить матери о своих намерениях, о которых она размышляла в течение некоторого времени), поэтому казалось, что ее трудно будет уговорить дать свое согласие. Однако дочери

---

155 Мэри Кэри.

156 Сестры уехали в Камбре в 1638 г., и приняли там постриг в 1640 г.

знали, что когда мать видела, что все решено и исправить ничего нельзя, то, хотя бы это и было противно ее желанию, она так быстро соглашалась с этим, как если бы сама это придумала. Но едва те, кто должен был сказать матери о ее выборе, вошли в комнату с этой целью (не зная, как лучше ей сказать и беспокоясь о том, как она это примет), когда она (раньше не имея тому случая) рассказала о своем обете и посвящении Деве Марии, завершив рассказ тем, что у нее нет сил воспрепятствовать намерению дочери, если бы у той было желание стать монахиней, не подозревая, что дочь думала об этом. Когда они воспользовались случаем и рассказали, зачем пришли, она, захваченная врасплох в тот момент, когда свежи были воспоминания о принесенном обете, согласилась без возражений, хотя и не без признаков борьбы. Позднее она признавалась, что если бы ее не застали за произнесением этих слов, она нашла бы много доводов против, и ее трудно было бы отвлечь от ее любимых планов (которые уже далеко зашли) к тому, что им полностью противоречило, что было лишь искушением (она не знала, насколько внезапным было это решение, и не изменится ли оно, когда его начнут воплощать), и на что совсем негде было взять средств, ведь она вряд ли могла бы попросить протестантов снабдить дочь (необходимым) для монастыря.

Однако согласившись и решившись (хотя и зная, что подумала бы в другом случае), не возражая (но напротив, стыдясь сомнений, которые проявила в тот первый момент, когда услышала об этом, и неблагодарности за такое благо, из-за которой она сопротивлялась (хоть и несильно) милости Божьей относительно ее обета и воплощения его превыше всех ее надежд), она в своей обычной манере, с решимостью и осмотрительностью взялась за воплощение этого решения. Неожиданно ее сын (сначала удостоверившийся, что его

сестра вне всяких сомнений хочет этого) выказал готовность сделать все, о чем попросила мать, быстро и решительно. Королеве же было угодно оказать ему честь, а его сестре — милость отдать ему приказ в этом деле. Ее Величество с таким рвением говорила с королем о другой из сестер, что смогла добиться для нее желанного, когда уплата долга была не менее (если не более) выгоднее, нежели подарок в былые времена.

Господь в милосердии своем даровал ей время, возможность и средство хорошо подготовиться к смерти, чем она и занималась в последние полгода своей жизни. Господь освободил ее от заботы о детях (все они Его провидением были уже устроены вне Англии и вдали от угрозы ереси), она лучше позаботилась о еще неуплаченных долгах, чем можно было ожидать, и приготовилась к смерти, выказав раскаяние, смирение и уверенность, которые проявляла открыто, с надеждой и признанием великой милости Господа к ней во всем, а в особенности в последней болезни, когда она была спокойной, податливой и легко управляемой, что для нее было не совсем естественно. И хотя на протяжении всей жизни она очень боялась смерти, но теперь на смертном одре, отвечая на вопросы отца-приора Дуэ [Джона Ментисса] о расположении духа и о том, смирилась ли она, сказала, что желает смерти. Когда он сказал, что ей следует смиренно соглашаться оставаться в этом положении столько, сколько на то будет Господня воля, вверив себя Ему с полным равнодушием, она ответила, что если это к лучшему и если есть на то Господня воля, то она пребудет как есть и полностью смирилась с этим, и что ей все равно — жить или умереть согласно Его воле. В приготовлении к смерти ей очень помогло знакомство с трудами Блозия, которые, как можно поверить, Господь своим особым провидением дал ей в руки для этой

цели [несомненно, в этом был замысел отца-приора, который посадил ее за этот перевод; приор выказал себя истинным другом ей и ее детям, стремившимся к их благу во всем].

Она получила все таинства церкви из рук своего духовника, отца Пласида [Гаскойна¹⁵⁷], и, обретя помощь через молитвы и посещения ее друзей — католиков и бенедиктинцев, умерла без агонии, тихо, как ребенок, совсем источенная болезнью, в ___ день октября 1639 года нашего Господа, пятидесяти трех или четырех лет отроду. С позволения Ее Величества ее похоронили в ее капелле¹⁵⁸, где погребальную мессу отслужили отцы-капуцины (они при жизни готовы были оказать ей любезность, а она была особенно обязана отцу Жан-Мари и отцу Анжелю за услуги, которые они, с большими трудами, оказали ей), и хотя никто из ее детей-католиков не мог пожертвовать деньги на молитвы о ней, нашлись те, кто по своей воле помнили о ней. Кроме того, то, что ее друзья-монахи делали частным образом, конвенты в Дуэ и Камбрэ из милости отслужили по ней торжественные мессы. И если ей еще предстоит пребывать в чистилище, то да будет угодно Богу вдохновить своих слуг помочь ей молитвами и пожертвованиями, и да упокоит в Своей милости ее душу.

---

157 Джон (в монашестве Пласид) Гаскойн (1599-1681), английский бенедиктинец.

158 Согласно брачному договору, королеве Генриетте Марии дозволялось иметь свою капеллу в Сент-Джеймском дворце — единственное место в Англии (не считая территории посольств католических стран), где можно было служить мессе. Капелла была построена в 1625 г. Именно там и была похоронена виконтесса Фолкленд в 1639 г. Вскоре, в годы Гражданской войны, капеллу осквернили, превратив в конюшни. После Реставрации капелла вновь стала местом католического богослужения (до Славной Революции, изгнавшей из Англии ее последнюю католическую королеву).

SUMMARIES

A.A. MOISA

“THE MORNING STAR OF WITTENBERG”: KATHARINA VON BORA’S IMAGE IN THE HISTORICAL MEMORY OF GERMANY IN 19TH CENTURY

The article explores various ways Katharina von Bora Martin Luther’s wife was perceived by the German intellectuals in the 19th century. The author intends not only to reveal the reasons of turning to this person in a certain historical period but also to define the key differences in her image’s interpretation compared to the previous centuries. To achieve this goal the author explores the biographical works, which were dedicated to the wife of the founder of the Reformation tradition and their married life. Such similar genre of works gives the most complete representation of the dynamical transformation of Katharina’s image, which was conditioned by social processes in Germany during the whole of the 19th century: starting with the private life development during the Biedermeier period and ending with high industrialization and the rise of the national feelings. Another important role plays the growth of the German women’s movement. Therefore, it is possible to see the construction of a “new” Katharina von Bora in every period, and with it a new ideal of women’s identity, a moral example for the lady of the house self-identification.

A.P. TSAREVA

ATTITUDE TO DIVORCE BY AN ACT OF PARLIAMENT IN EIGHTEENTH-CENTURY ENGLAND

The eighteenth-century England was different from other Protestant countries in its lack of popular access to divorce; most spouses settled for separation from bed and board, semi-legal procedures or simply desertion. Divorces by Acts of Parliament that opened the possibility for a remarriage were not in high de-

mand. The article analyses the attitude of the English to divorce and uncovers the reasons for the unwillingness to use the procedure including spread of information about one's private life, perceived danger to reputation and morality as well as the cost and duration of the proceedings.

A.YU. SEREGINA

ENGLISHWOMEN AT MADRID AND BRUSSELS IN THE 17TH CENTURY: WOMEN'S PATRONAGE AND ENGLISH CATHOLIC EXILES OVERSEAS

The article presents an attempt to reconstruct a communication network of Jane Dormer, Duchess of Feria). A lady at the court of Mary I of England and a wife of a Spanish grand, she was a powerful patroness of English Catholic exiles and helped them enter the Habsburg patronage network. The analysis of political activities of the Duchess of Feria (which included exchange of political information and patronage) compared with that of other women patronesses, first of all, Anne Percy, Countess of Northumberland made it possible to define parameters of women's patronage. It has been shown that connections to the court of Mary I of England that was partially integrated into the system of Habsburg courts made it easier for the former Marian courtiers to find patrons within transnational clientele of the Habsburgs.

K.YU. ERUSALIMSKIY

MOSKOVITKI, MOSKOVKI, MOSKALIKHI: GENDER HISTORY OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE 16TH–17TH CENTURIES

Exile or free movement of Early-Modern Russian women abroad (first of all to Polish Crown and Grand Duchy of Lithuania) comes under scrutiny in the article, which is based on the manifold evidence from the 16th to the 18th centuries. Push-factors were decisions to leave the country with their husbands, children or other relatives, captivity, abduction and desertion in the frontier

regions of the Russian state. The pull-factors were quite weak, and can be rarely proven by the evidence of sources. Usually, the wives of the gentry (*syny boiarskie*) successfully integrated into the new society either with their husbands and sons or alone in the case of their death. These women of Muscovite origin often had a good grasp of the legal traditions of their home lands. They found familiar traits in the judicial practices of Poland and Grand Duchy of Lithuania. Emigrees from the low classes emerged in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the normative “grey zone”, from which they could either rise to freedom, or remain in slavery owned by local gentry, magnates or town-dwellers. Special attention is paid to the sexual and family violence which could force the Muscovite women flee abroad, made them and their representatives bring lawsuits in the Commonwealth. Objectivation of women in Russia fed ethnical visions, but it did not stimulate stereotypes and phantasms typical for the Time of Enlightenment.

A.V. STOGOVA

PEPYS READING: PASSION FOR BOOKS IN AN ENGLISH MAN’S DIARY OF THE 17TH CENTURY

The article touches upon the Early Modern practices of reading, which are subject of much debate in contemporary scholarship. The traditional image of man’s reading before the 18th century implied serious approach to books and the use of information found there for self-education, self-edification, and acquisition of social prestige. The analysis of the diary by Samuel Pepys (1660-1669), a Navy Office clerk, demonstrates that this ideal model did not have considerable effect on representations of the experience of reading in texts that constructed a “story of self”. Not only the practices of reading varied greatly, but the category chosen by Pepys to define this experience was the category of pleasure directly linked to the “self-image” under construction.

M.S. TRETYAKOVATHE PHENOMENON OF “FEMALE ERUDITION” IN THE WORKS BY GERMAN-LANGUAGE AUTHORS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

The article focuses on analysis of some German philosophers and publicists' views on the phenomenon of female erudition in the second half of the 18th century. In the present article, genetic closeness of the mentioned authors' ideas to educational program by Jean-Jacques Rousseau is stressed. The author makes attempts to put the phenomenon of female erudition in the wide context that included such issues as functioning of equal cross-gender communication in the frameworks of «mixed societies», crucial trends of female education development, key features of reading culture in the German-speaking space in the period under review, as well as enlightened discourse on the rights and duties of women in the second half of the 18th century.

A.YU. SEREGINA

THE “LIFE OF LADY FALKLAND”: A BIOGRAPHY OR A CONVERSION STORY?

The article presents an introduction to a first Russian translation of the “Life of Lady Falkland” written in the mid-17th century by the nuns of the English Benedictine Abbey at Cambrai (the Cary sisters), which told the life of their mother, Elizabeth Cary, Viscountess of Falkland – a translator, poet and polemicist, and also a Catholic convert. It has been argued that the “Life” combines the traits of biography and conversion story, and that the conversions described there – of Lady Falkland and her children fell into the category of the so-called “intellectual conversions” brought about by reading books and debating the fine points of religious doctrines. “Intellectual conversions” were seen to be reserved to men. However, the Cary sisters used this model to establish their position within the Cambrai religious communi-

Summaries

ty, which consisted of many nuns with wide intellectual interests. The authors of the “Life” also demonstrated that intellectual efforts of their mother led to conversions of others to Catholicism, thus making her a Catholic missionary in all but a name.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ

В альманахе гендерной истории «Адам & Ева» публикуются различные материалы по гендерной исторической проблематике: исследовательские статьи и сообщения (включая публикацию источников), историографические и тематические обзоры, рецензии, научные хроники. К рассмотрению принимаются материалы по всем аспектам гендерной истории, без ограничений по хронологии и региону исследования.

Альманах выходит один раз в год (ноябрь–декабрь). Объем каждого выпуска альманаха составляет около 20 а.л.

Все материалы, присланные в редколлегию, проходят внутреннюю рецензию. Материалы, оформленные не в соответствии с указанными ниже правилами, *не принимаются* к рассмотрению. При передаче рукописи статьи для опубликования в альманахе презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте альманаха в системе Интернет, а также данных об авторе (ФИО, место работы, должность, e-mail, ORCID), аннотаций статьи на русском и английском языках и ее титула, списка использованных источников и литературы в отечественных и международных базах данных (РИНЦ, Web of Science, Web of Knowledge).

Прием статей и других материалов для публикации в альманахе осуществляется круглый год. Текущие выпуски формируются из статей, присланных в редакцию до конца июня каждого года. Материалы можно высылать на электронный адрес редакции: genderhistory@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Объем статьи или заметки от 0,5 до 2 а.л. (20 000 — 80 000 знаков, включая пробелы между словами). Гарнитура текста — Cambria (заголовки), кегль 11. Если Вам необходимо использовать особые символы, пожалуйста, пришлите дополнительные шрифты одновременно со статьей.

Вместе со статьей необходимо прислать:

- краткие (один абзац до 1 000 знаков) аннотации на русском и английском языках с заголовком, набранным строчными буквами;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- информацию об авторе (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы, должность, контактный телефон, e-mail).

В конце статьи необходимо привести список использованных источников и литературы в алфавитном порядке, а также список используемых сокращений.

Иллюстративные материалы (карты, схемы, рисунки, фотографии) предоставляются отдельным файлом в формате *.jpg (предпочтительно) или *.tiff, *.bmp, *.png.

Сноски даются в подстрочных постраничных примечаниях со сквозной нумерацией. Кегль 9. Просьба не использовать в сносках такие сокращенные формы как: Там же. Он же/Она же. Ibid. Idem/Eadem. Источники и научная литература в библиографическом списке упорядочиваются по алфавиту отдельными списками («источники» и «литература»). В библиографических описаниях возможно использование устоявшиеся аббревиатуры для обозначения изданий, если они расшифровываются в списке сокращений, прилагавшем после списка используемых источников и литературы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СНОСОК

Фамилия автора или краткое название сборника, библиотеки или архива, где хранится рукопись (жирным шрифтом). Год издания: страница (для видео — минуты)

Иванов. 2008: 34.

Университет для России. 1997: 35.

Эйзенштейн. 1925: 17-19 мин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750: 5-9.

Ларошфуко. 1993: 39 (**La Rochefoucauld.** 1878: 104)

Patin. 2006. Lettre à C.Spon du 31.03.1649. V.1: 373-374.

Bonnart. s.d. — **Bonnart N. Marie Casimir Reine de Pologne.** s.d. BM. 1917,1208.3557

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИИ

В СПИСКЕ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

✧ Рукопись — Краткое название архива, библиотеки (жирным шрифтом). Данные архивного дела или шифр библиотечного фонда. Название рукописи.

РГАДА. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Оп. 1. Кн. 3.

VL. Add. MS. 5503. Copies of Letters of Frances Bacon.

✧ Видео — Фамилия режиссера или название (жирным шрифтом). Год выхода. Тире. Фамилия режиссера. Название. Год создания.

Тарковский. 1983 — **Тарковский А.А. Борис Годунов.** 1983.

Rickman. 2015 — **Rickman A. A Little Chaos.** 2015

✧ Книга — Фамилия автора. Год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название. Место издания. Год издания.

Вайнштейн. 2006 — **Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни.** М., 2006.

Монтень. 1960 — Монтень М. Опыты: в 3 кн. / Пер. и примеч. Ф.А. Коган–Берштейн, А.С. Бобовича. М., 1960. Т. II. (Литературные памятники)

Apps, Gow. 2003 — Apps L., Gow A. Male Witches in Early Modern Europe. Manchester, 2003.

✧ Статья в сборнике статей — Фамилия автора (жирным шрифтом) и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора. Название статьи (без точки), две косые черты, название сборника, косая черта, редактор (инициалы, затем фамилия). Место издания. Год издания. Страницы.

Градскова. 2003 — Градскова Ю. «Освобождение женщины» — гендерный анализ репрезентаций женской телесности в годы культурной революции (по материалам журналов 1920-х годов) // Репрезентации телесности: сборник научных статей / Под ред. Г.И. Зверевой. М., 2003. С. 148-160.

Bruard–Arends. 2004 — Bruard–Arends I. De l’auteur à l’auteure, comment être femme de lettres au temps de Lumières // Intellectuelles : du genre en histoire des intellectuels / Sous dir. de N. Racine et M. Trebitch. P., 2004. P. 73-84.

✧ Статья в журнале — Фамилия автора (жирным шрифтом) и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора. Название статьи (без точки), две косые черты, название журнала (полное или аббревиатура, вынесенная в общий список сокращений). Год издания. Том. Номер. Страницы.

Руднева. 2010 — Руднева Я.Б. Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века // Диалог со временем. 2010. Вып. 31. С. 98-131.

Schaps. 1982 — Schaps D. Women of Greece in Wartime // Classical Philology. 1982. Vol. 77. № 3. P. 193-213.

✧ Интернет источники — Описываются так же, как вышеуказанные типы. Название интернет-портала: гиперссылка (дата последнего обращения)

Annibale Pocaterra. 1592 – Two dialogues on shame. English translation of: Annibale Pocaterra Due Dialogi della Vergogna Ferrara 1592. Herzog August Bibliothek: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000237/start.htm> (12.08.2016)

Tabloid: Sex in Chains. 2012 – Morris E. Tabloid: Sex in Chains. 2012. BBC: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01f13f6> (28.05.2017)

Swope. 1961 – Swope M. Ethel Ayler in the stage production The Blacks. 1961. The New York Public Library (Martha Swope photographs): <https://digitalcollections.nypl.org/items/2ec90590-438e-0133-17e9-00505686a51c> (21.12.2016)

Редколлегия

АДАМ & ЕВА
Альманах гендерной истории
2021
№ 29

Мойса А.А. DOI: 10.32608/2307-8383-2021-29-6-22
Царева А.П. DOI: 10.32608/2307-8383-2021-29-023-042
Серегина А.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2021-29-43-87
Ерусалимский К.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2021-29-88-187
Стогова А.В. DOI: 10.32608/2307-8383-2021-29-188-242
Третьякова М.С. DOI: 10.32608/2307-8383-2021-29-243-264
Серегина А.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2021-29-265-281
(Серегина А.Ю. пер.) DOI: 10.32608/2307-8383-2021-29-282-392

Л.Р.ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 15 декабря 2021 г.
Гарнитура Таймс. Объем – 25,2 п.л.
Тираж 300 экз.
Заказ №

ИБИ РАН, Ленинский проспект, 32-а